

О радости
сильной
женщины
Рубина
Петра

АННА БЕРСЕНЕВА

Анна Берсенева

Ревнивая печаль

Анна Берсенева

В сказке все превратности судьбы заканчиваются для влюбленных после свадьбы. В жизни – Лера Вологодина понимает, что не знала настоящих трудностей, пока не стала женой любимого и любящего ее человека. Оказывается, прежде ей было неизвестно, что такое ревность... Это чувство кажется мучительным не только преуспевающей бизнес-леди Лере – перед разрушительной силой ревности не могут устоять ни музыкант с мировым именем, ни обаятельный бандит...

Часть первая

Глава 1

Лера слушала шум весеннего дождя как тихое обещание.

Ночные московские огни тонули в мокром асфальте как в реке, манили и успокаивали. Лера ехала домой, мартовский ветер врывается в приоткрытое окно машины, и усталость становилась тишиной.

Устала она так, что собственные руки казались ей тяжелыми, не говоря уже о ногах: те и вовсе гудели, как провода, хотя всю дорогу из Берлина, сбросив туфли, она прижимала горячие ступни к какой-то прохладной железке под самолетным креслом.

Лера возвращалась домой на день раньше, чем должна была приехать – тридцатого марта, в день своего рождения, – и никто не знал, что она уже в Москве, и Митя не знал. И в этом была радость возвращения: она увидит Митю сегодня, сейчас, и не будет еще одного пустого дня.

Все дни без него втайне казались ей пустыми, хотя никто, конечно, этого не замечал.

– Не быстро еду, Валерия Викторовна? – спросил шофер Павел, поглядывая на нее в зеркальце дальнего вида. – Дождь какой в этом году ранний, а? Прошлый март еще снег не сошел.

– Не быстро, Паша, – улыбнулась Лера. – Соскучилась, домой хочу.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Павел. – А то Жозефина Ивановна возмущается: гоняешь, мол, и при чем тут, мол, твоя квалификация.

Паша был молод, словоохотлив, и Леру всегда смешил его рассудительный тон и то, что он старался говорить басом. Ездил он действительно лихо, Зоська возмущалась не напрасно. Но Лера и сама лихо ездил при случае, поэтому ничего против Пашиной скорости не имела.

Она радовалась каждому повороту улиц, приближавшему ее к дому. Тверская, Садовая-Триумфальная, Каретный Ряд, Трубная, Петровский бульвар – Неглинка, сердце заходится! Как будто ей не тридцать лет, а одиннадцать, и она впервые возвращается домой из пионерского лагеря и чувствует, как в счастливом восторге забываются летние дни со всем их незамысловатым весельем и остается только одно счастье: домой, к себе домой, на любимую свою, единственную улицу!

Окна Митиной квартиры были темны, а напротив, в маминых, светились изнутри неплотные шторы.

– Подожди, Паша, – сказала Лера, выходя из машины и с удовольствием ощущая сквозь тонкие подошвы холодный, мокрый асфальт. – Узнаю, что

там дома, потом поедешь.

Она тысячу раз, наверное, вот так выходила из машины в своем дворе, из дальних странствий воротясь, – и каждый раз это было словно впервые. И по лестнице взбегала впервые, и всегда руки вздрагивали, когда ключ поворачивался в замке...

Надежда Сергеевна не спала и, как ни старалась Лера войти бесшумно, сразу вышла ей навстречу в прихожую.

– Лерочка! Что же не предупредила? А я тесто поставила на завтра, пирожки собиралась с грибами...

И мама была как всегда: радовалась, что ее Лерочка вернулась, и тут же переживала о пирожках. А Лера просто радовалась.

– Не спишь, мама, почему? – спросила она, целуя Надежду Сергеевну. – Голова болит?

Головные боли повторялись в последнее время все чаще, это Леру тревожило, хотя Надежда Сергеевна считала, что в ее возрасте и с ее болячками удивляться уже не приходится – ходит понемножку, и слава богу.

– Нет, ничего сегодня, – покачала она головой. – Просто не спалось. Старческое, Лерочка. Да ты устала, наверное. Ванну налить?

– Ничего, я потом, мам. Как Аленка? А Митя где?

– Митя репетирует, и Аленочка с ним.

– С ним? – удивилась Лера. – Да ведь двенадцать уже!

– Я тоже беспокоюсь. Но он приехал часов в пять, перерыв у него был, а она: «Митя, хочу с тобой!» Ты же знаешь, какая она: что выдумала – не отговоришь, вся в тебя. Он и взял с собой. Я ему говорила, – словно оправдываясь, добавила Надежда Сергеевна. – Говорила: «Митенька, она мешать будет!» А он смеется, а сам уже о своем думает – и поехал с ней. Так на Елену Васильевну покойную стал похож, и глаза похожи, а взгляд совсем другой...

– Ты ложись, мама, хорошо? – попросила Лера. – Я за ними съезжу и вернусь.

– Он не в консерватории – в Ливнево сегодня. Далеко, Лерочка! Может быть, лучше позвонить, что ты приехала? – тут же встревожилась Надежда Сергеевна.

– Ничего, я с шофером.

И, поцеловав мать, Лера вышла на лестницу, забыв на вешалке плащ.

Какое там – далеко! Берлин был недалеко, и Вена, и Рим, и любая точка света, откуда они приезжали, прилетали и приходили друг к другу. И уж конечно, недалеко было Волоколамское шоссе, с которого дорога

поворачивала на Ливнево – усадьбу на северо-западе Москвы, где под высоким куполом старинного особняка звучала сейчас музыка, вызванная к жизни движениями Митиных рук.

С Пашиной лихостью, да почти пустыми улицами, доехали они за полчаса. Лера издали увидела в конце аллеи, у самого дома, Митин темно-синий «Сааб», освещенный одиноким фонарем, и рядом оркестровый автобус.

– Езжай домой, Паша, – сказала она. – Спасибо, завтра подъедешь прямо в Петровские линии, к девяти.

– Может, подождать? – великодушно предложил Павел. – Чего там, довезу и обратно!

– Спокойной ночи, до завтра, – покачала головой Лера и пошла по аллее, все убыстряя шаг.

Она не передела туфли, и тонкие шпильки увязали в мокром песке, мешая идти. Капли ушедшего дождя падали с деревьев, тишина стояла в пустом парке, и окна особняка сияли в конце аллеи.

Лера любила музыку, но уж точно странную любовью – как может любить человек, сполна наделенный чуткостью к лучшим проявлениям жизни и начисто лишенный музыкальных способностей. Она стеснялась перед Митей своей музыкальной тупости, хотя он только улыбался и говорил:

– Ничего, подружка моя, мне достаточно того, что ты слушаешь, – остальное я сделаю сам.

И сейчас, стремительно идя по коридору к большому залу, она не узнавала, что за мелодия доносится из-за неплотно прикрытой двери. Но сейчас ей это было все равно. В неудержимом потоке звуков она чувствовала Митину страсть, и это было больше, чем угаданное название.

Привстав на цыпочки, чтобы не стучали каблуки, Лера проскользнула в приоткрытую дверь, тихо прошла вдоль стены полутемного зала и остановилась справа от сцены. Она попала в самую паузу, Митя как раз что-то говорил оркестрантам. Что-то у него не ладилось, наверное: Лера увидела, как он сердито положил дирижерскую палочку на пульт и снова поднял руки.

– Точнее, прошу вас, – сказал он. – Последний раз попробуем – и все на сегодня. Но – слушайте, весь звук слушайте, постарайтесь почувствовать этот купол!

И музыка зазвучала снова, подхватывая и тревожа Лерину душу. Лера смотрела на Митино лицо, освещенное снизу неяркой лампочкой у пульта, на его руки, взлетающие из света и кажущиеся огромными там, в

угасающем сиянии. К этому невозможно было привыкнуть – к его рукам, к глазам его с таинственными уголками, скрытыми прямыми ресницами...

Лера вспомнила вдруг, как почувствовала однажды – вот так же, на Митином концерте – пугающую силу звукового потока – неистовую, способную все снести на своем пути, как все сносят страшные потоки жизни... И как Митя остановил, руками остановил эту бурю, которую остановить было невозможно, и как она почувствовала, что ни одна сила над ним не властна. И все, что было потом, в первую их ночь... Всего год назад!

Она не сразу расслышала, что оркестр уже перестал играть: так долго звучала мелодия где-то под круглым потолком с полустершейся росписью.

– Спасибо всем, до завтра! – сказал Митя, и музыканты тут же заговорили, задвигались; зал, в котором только что звучала музыка, наполнился их усталыми голосами.

Лера ждала, когда он обернется. Она никогда не знала, как это будет: как он обернется, какие у него будут глаза, что он скажет ей и что будет дальше. Это каждый раз происходило по-новому. Лера и музыку чувствовала именно так: могла три раза слышать какую-нибудь вещь – и все равно не узнать с четвертого. И Митю она не узнавала точно так же, хотя его-то она знала с самого детства – но сердце у нее замирало. Она только знала, что он еще немного постоит вот так, не двигаясь, в молчании, словно продолжая прислушиваться к чему-то.

И конечно, она пропустила то мгновение, когда он обернулся, и увидела только, как просияли его глаза, даже в полумраке плохо освещенного зала.

– Лера... – сказал Митя.

Это невозможно было ни объяснить, ни даже повторить, как он произнес ее имя и как тут же коснулся ее руки – именно тут же, хотя они стояли совсем не рядом.

Они помолчали секунду, глядя друг на друга, и рассмеялись – потому что им обоим хотелось поцеловаться и обоим неловко было целоваться на глазах всего оркестра.

– Потом, – сказал Митя. – Дай на улицу выйти только, подружка!..

Он всегда ее так называл – с тех самых пор, когда она, десятилетняя, сказала: «Я же твоя подружка, правда?» – и он засмеялся ее словам. Лера привыкла, что он так ее называет, хотя она не подружка ему была теперь, а жена. Но к этому она как раз не могла привыкнуть.

– Мить, а Аленка где же? – спросила она, оглядываясь.

– Да вон она, спит. – Митя кивнул в противоположный угол зала.

Они подошли к сдвинутым дерматиновым креслам, на которых спала

Аленка. Теперь, в пять лет, она спала уже не так смешно и трогательно, как раньше – на животе, поджав под себя ножки, – а почти как взрослая, разметавшись во сне на тесных креслах. Только рот был приоткрыт по-детски и прядь светлых волос зажата в кулачке.

Митин плащ, которым она была укрыта, сполз на пол, а его пуловер был свернут и подложен ей под голову.

– Зачем ты ее капризам потакаешь, Митя? – шепотом сказала Лера. – Представляю, что она здесь вытворяла!

– Не представляешь. Сидела, слушала, рот открыв, потом уснула, и мы ее уложили.

– Под оркестр уснула? – удивилась Лера. – А мама на цыпочках ходит, когда она ложится!

– Ну, сегодня было не слишком громко, – улыбнулся Митя. – Струнная группа. Ей понравилось, по-моему. А я так мало ее вижу, Лер, и подумал: пусть уж слушает...

– Пусть, – сказала Лера, на мгновение прижимаясь щекой к его плечу. – Пойдем, Митя.

Зал был уже пуст, они выходили последними. Оркестранты усаживались в автобус, смеялись, переговаривались. Митя положил завернутую в плащ Аленку на заднее сиденье машины.

– Видишь, даже не проснулась, – сказал он. – Погоди, сейчас поедem – посмотрю только на тебя...

Он стоял у кабины с водительской стороны, а Лера – с противоположной, и они смотрели друг на друга над синей крышей машины, в тусклом свете фонаря над крыльцом. Лера видела, как вспыхивают в его глазах затихшие мелодии и как взгляд его пробивается к ней через эти властные отзвуки.

– Не можешь вернуться, Мить? – спросила она наконец.

Митя улыбнулся.

– Все! Одной любви музыка уступает.

– Но и любовь мелодия? – рассмеялась Лера. – Поехали, пушкинист. Давай-ка лучше я – за руль. А то гаишник какой-нибудь тебя за пьяного примет!

– Нет, наоборот, – покачал головой Митя. – Машина – вернее водки, я же тебе говорил: все звуки затихают. Это даже, кажется, научно как-то объясняется – какие-то нервные цепи переключаются... Рахманинов тоже любил сам ездить.

– От скромности ты, Митенька, точно не умрешь! – снова засмеялась Лера.

Они сели в машину, но долго еще не трогались с места: целовались до потемнения в глазах.

– Поедем, Мить! – первой спохватилась Лера, на секунду отрываясь от его губ. – А то мы вообще здесь останемся до утра.

Дождь снова начался, но теперь он стоял серебряной воздушной пылью меж деревьев, в свете фар, пока машина ехала по широкой центральной аллее.

– Гробим парк, – сказал Митя. – Нельзя сюда на машинах. Да все равно...

Лера знала, что – все равно. Старинный парк усадьбы Ливнево был заброшен и запущен до крайности. Даже забора не было, только кое-где висели на столбах какие-то обломки. Въезжал и входил сюда кто угодно в любое время суток. И действительно ничего нельзя было сделать. Деньги на то, чтобы привести все это в порядок, нужны были такие, которые от управления культуры, даже сравнительно богатого московского, получить было просто невозможно. Во всяком случае, это невозможно было сделать за те два месяца, которые Ливнево считалось отданным Митиному оркестру и будущему оперному театру. Уже и то было хорошо, что особняк, до недавних пор принадлежавший театральному союзу, не развалился, и в большом зале даже можно было репетировать.

Машина выехала на Ленинградский проспект. Повторялся Лерин сегодняшней маршрут, но теперь она чувствовала себя совсем по-другому, чем несколько часов назад, когда ехала одна. Она даже в окно не смотрела – только на Митино лицо, освещенное разноцветными уличными огнями.

Она чувствовала, что и Мите тоже хочется смотреть на нее; он то и дело поворачивал голову.

– На дорогу, Митька, на дорогу! – засмеялась Лера. – Сейчас врежемся в столб – и вся любовь. Я тебя лучше за руку буду держать, – добавила она, кладя свою руку на его, лежащую на руле. – Вот чем автоматическая коробка хороша: рука у тебя свободна!

Митя всегда водил машину так, что Лера этого не замечала. Прежде она удивлялась точности его движений, его неощутимому умению выбрать именно то действие, которое было нужно на головокружительных московских улицах, – а потом перестала обращать на это внимание, потому что он все делал так.

Руки у него были большие, как у его отца, – с широкими ладонями и словно набрякшими суставами. Лере Митины руки всегда казались усталыми. Даже странно, как они могут быть такими от невесомой скрипки? Но ничто не могло сравниться с чуткостью его пальцев...

– Слушай, а куда это мы едем? – вдруг спохватилась она, увидев в окно дома-«книжки» Нового Арбата. – Не домой?

– Домой, домой, – успокоил Митя. – Задержимся на пять минут.

Он остановил машину, хлопнул дверцей и тут же скрылся в прозрачном магазине с надписью «Галерея» над входом.

Вернулся он действительно через пять минут и, открыв Лерину дверцу, положил ей на колени букет чудесно подобранных цветов – сиреневых, розовых, лимонных тюльпанов. Тюльпаны пахли свежо и тонко, и Лере показалось, что они светятся в обрамлении прозрачной зелени.

– Митя... – сказала она, опуская лицо в цветы. – А я думала, ты забыл про день рождения...

– По-моему, это ты забыла. Надо было сразу спросить: «А что ты, дорогой муж, мне подаришь?» – и мне стало бы стыдно. А так – я прекрасно отделался цветочками!

Он подсмеивался над ней, он любил над ней подсмеиваться.

– Мить, ты идеальный? – спросила Лера. – Про день рождения помнишь, цветы даришь...

– А тебе не все равно? – Он усмехнулся, но в его голосе Лере послышалась тревога. – Тебе не все равно, какой я?

– Все равно. А вдруг я тебе надоем?

– Не надоешь.

– Как скажешь! – засмеялась Лера.

Это она с детства знала, и не она одна – кажется, все в их дворе это знали: как Митя скажет, так и будет. Он не то чтобы угадывал – а вот именно становилось так, как он говорил. Никто даже не спрашивал, откуда что берется.

Лера вообще-то и не обиделась бы, если бы Митя забыл о дне ее рождения. Костя, первый ее муж, никогда об этом не помнил, и она не обижалась: понимала, что он занят своей биологией, высшей нервной деятельностью, улитками и опытами – и на что же обижаться? И ее удивляло, как это Митя все помнит. Особенно когда она видела его глаза, подернутые поволокой звуков...

Они свернули на Неглинную, проехали под длинной гулкой аркой и оказались наконец в своем дворе – как в тихой заводи.

– Смотри, мама так и не спит, – заметила Лера. – Я так беспокоюсь последнее время, ты знаешь? Она говорит, это просто старческая бессонница, но я не верю что-то...

– Я сейчас поднимусь, Аленку к ней отнесу, – сказал Митя. – Скорее всего, она просто волнуется, что нас долго нет. Ты иди пока ко мне,

хорошо?

Они все время путались в этих «ко мне», «к тебе», «к нам». Невозможно было понять, кто где живет, невозможно было ни разделить, ни соединить привычность квартир, разделенных общим двором.

Глава 2

Лера никак не могла преодолеть то странное чувство, которое охватывало ее, когда она входила в Митину квартиру. Наверное, слишком много воспоминаний было связано с этим домом и слишком принадлежали они Елене Васильевне, чтобы Лера могла чувствовать его своим...

С того самого дня – больше двадцати лет назад, поверить невозможно! – как она впервые переступила этот порог, гладышевский дом казался ей храмом. Нигде не было таких картин, нигде так не звучали пианино и скрипка, нигде книги не высились так незыблемо, от пола до потолка.

Отсвет подлинности лежал здесь на всем, и Лера просто не в силах была его нарушить своим вторжением. Она даже заходить сюда боялась без Мити. И только он везде был самым собою – в консерватории, в Венеции, на лавочке посреди московского бульвара – всем равный и необъяснимый.

Митя вошел через десять минут после нее. Лера успела только сбросить наконец туфли, снова ощутив, как гудят ноги, и мельком взглянуть на себя в зеркало. Лицо усталое, уголки губ опущены вниз, глаза обведены едва заметными тенями, и янтарные искорки в них поэтому не светятся. Даже темно-золотые волосы кажутся какими-то тусклыми.

«И походка, наверное, тоже... – подумала она. – Сейчас бы Митя не спел, что у меня походочка – как в море лодочка!»

Она ставила тюльпаны в прозрачную вазу, когда Митя обнял ее, войдя в спальню.

– Оставь цветы, – прошептал он. – Все оставь, милая, иди ко мне!.. Так по тебе скучал – в глазах темнело...

Она тоже так по нему скучала... Она даже не знала, правильно ли они называют это – не скука, нет, совсем другое: такая неразрывная тяга, от которой перехватывает дыхание.

Любовь дышала в нем как музыка, и так же подхватывала Леру, и так же защищала. Только она одна об этом знала – о том, какая страсть скрыта под обычной его сдержанностью, какими неудержимыми могут быть его руки, губы...

Она не успела включить в спальне свет, а Митя включил тут же, нащупал выключатель настольной лампы в темноте, не отрываясь от Леры.

– Еще посмотрю на тебя... – Голос у него стал чуть хриплым. – Любимая моя, посмотрю...

Лера не понимала, когда он успеваешь смотреть. Митя целовал ее, гладил,

тут же расстегивая на ней блузку, и она отдавалась каждому движению его рук, каждому прикосновению его пальцев – и только вздрагивала, когда сильные токи, идущие от них, пронизывали ее тело.

Лера не узнавала себя, когда была с ним, – хотя вообще-то и не думала о себе в эти минуты. Она, с ее привычкой к действию, с ее постоянной жаждой осваивать жизнь и с детства оставшейся непоседливостью, – трепетала в Митиных объятиях и хотела только одного: чтобы он не размыкал их никогда.

Лера почувствовала, что он осторожно кладет ее на кровать, а сам стоит рядом на коленях и целует ее – все ее тело, – и дорожки поцелуев огнем загораются под его губами.

Митины руки лежали на ее бедрах, и, вздрагивая, она приподнималась вместе с его ладонями – навстречу его губам, его прерывистому дыханию. Своей свесившейся с кровати рукою она проводила по его груди, чувствуя, как волосы щекочут ладонь, – когда он успел раздеться? – и как стремительно бьется его сердце.

Лера и в зрительном зале никогда не успевала уловить то мгновение, когда Митя оборачивался к ней, и теперь не успела заметить, когда он оказался рядом на кровати, прижался к ее горящему от его поцелуев телу и выдохнул:

– Единственная ты моя, даже ласкать тебя больше не могу – так люблю, так хочу...

И больше они не могли произнести ни слова, вместе сотрясаясь от той единственной силы, которая была сильнее их обоих.

Лера обнимала Митю за шею, снизу прижимая к нему и чувствуя, что он – уже в ней, уже вздрагивают его бедра, и весь он стремится в нее все глубже, и она со стоном изгибается под ним, чтобы их совсем ничего не разделяло.

– Подожди, немножко подожди, Митенька, – задыхаясь, просила она. – Сейчас все кончится, а мне так жаль...

– Не сейчас, не сейчас. – Его шепот ласкал ей висок. – Я чувствую, моя хорошая, подожду...

Он так разгорячил ее, что и ждать было не надо, она напрасно беспокоилась. Но ей так жаль было каждого мгновения – в каждое мгновение Митя был другой, никогда не повторяясь в любви, и каждое было поэтому драгоценно.

Митя так сильно обнял ее в ту самую секунду, когда в глазах у нее потемнело и все тело забило в счастливых судорогах, – что Лера почувствовала: он действительно дождался ее, все у них происходит

одновременно.

И когда они лежали не двигаясь, прислушиваясь к отзвукам любви в еще вздрагивающих своих телах, – Лере хотелось, чтобы длились и эти мгновения, потому что и они были – единственные, неповторимые.

– Мить, я так боюсь... – прошептала она, прикасаясь губами к его губам.

– Меня? – спросил он, и Лера почувствовала на его губах улыбку.

– Нет, не тебя – а что ты исчезнешь, этого боюсь...

– Куда же я исчезну, скажи, пожалуйста? Уеду – так ведь вернусь, куда я денусь!

– Нет, Митенька, нет – я не могу объяснить, – покачала головой Лера. – Ведь ты всегда был, понимаешь? Я тебя всегда знала, сто лет, видела тебя чуть не каждый день, разговаривала – и не с тобой была... Вот я теперь не понимаю, как же это могло быть, и мне поэтому страшно: а вдруг это будет опять? Ты никуда не уедешь – а будешь не со мной? Как когда на скрипке играешь или дирижируешь – у тебя такие глаза... Ты совсем без меня тогда!

– Не верти головой, подружка, я сейчас чихну от твоих волос, – сказал Митя, прикасаясь губами к Лериным золотящимся в полумраке волосам. – Что это у тебя за настроение такое элегическое? И кто тебе сказал, что я без тебя на скрипке играю? Вот я тебе сейчас, вместо того чтобы целоваться, преподам урок гармонии – будешь знать!

Теперь они лежали рядом, прижавшись друг к другу, и Лера проводила пальцем по Митиным губам, по тонкому изгибу его скул и стрелкам темных, прилипших ко лбу волос.

– Не исчезнешь? – спросила она. – Скажи, Митя!

– Не исчезну, – совершенно серьезно подтвердил он. – До того не исчезну, что даже за сигаретами не пойду. Ты знаешь, о чем я вспомнил в самый разгар твоих опасений? Что у меня осталась одна сигарета.

– А я сумку дома оставила! – вспомнила Лера. – И плащ тоже, и у меня, выходит, вообще ни одной!

– Да-а... – Митя протянул руку и достал зеленую пачку «Кента» из кармана лежащих на полу брюк. – Значит, сигарет – нет-нет, и монет – нет-нет, и кларнет – нет-нет, не звучит?..

Это была одна из тех песенок, которые Лера так любила в детстве и в юности и которые Митя всегда пел для нее под гитару. Про то, как брүнэт стал седым-дым-дым и погиб от вина...

– Монеты-то как будто бы есть, – сказала Лера. – Но в киоск все равно не пойдем. И сердце твое молчит? – вспомнила она рифму к кларнету.

– Сердце мое не молчит, а спорит с рассудком, – ответил Митя. – Рассудок велит не давать тебе сигарету для твоей же пользы, а сердце велит с тобой поделиться – и я с ним ничего не могу поделать!

Он закурил, затянулся дымом и протянул Лере сигарету. Пока она курила, Митя смешил ее, чтобы меньше затягивалась: проводил пальцами по животу и дул за ухо – пока она наконец не рассмеялась и не вставила сигарету ему в зубы.

– Да, а подарок! – вдруг вспомнил он. – Подарок-то как раз кстати будет!

Он высвободил руку из-под Лериной головы и вынул из стоящего у кровати низкого комода какой-то поблескивающий предмет.

– Вредный подарок, но мне понравился, – сказал Митя, кладя его Лере на ладонь.

Это была маленькая старинная шкатулка – серебряная, круглая, с тонким узором по краю и прозрачным зелено-голубым камнем на крышке. Она легко и удобно умещалась в ладони, и держать ее было приятно.

– Почему же вредный? – удивилась Лера. – Очень красивая шкатулочка, Мить, спасибо! Я в нее кольцо положу.

– Да это же не шкатулка, – улыбнулся он. – Это пепельница такая, которую в кармане можно носить.

Он нажал на камень, и крошечная крышка тут же откинулась. Изнутри на ней была ложбинка для сигареты, и закрывалась пепельница так плотно, что ее действительно можно было прямо с двумя-тремя окурками – больше не помещалось – положить в карман или в косметичку.

– Надо же! – восхитилась Лера. – Ни за что бы не догадалась! Хитрый ты, Митька... – Она прижалась щекой к его плечу и снова положила его руку себе под голову. – Может, она и вредная, зато я ее уж точно всегда с собой буду носить и про тебя вспоминать.

Пепельницу она поставила Мите на живот, чтобы удобнее было стряхивать короткие столбики пепла от их единственной сигареты.

– Митя, ты представить себе не можешь, кого я встретила в Берлине! – вдруг вспомнила Лера и даже на кровати села от неожиданного волнения.

– Кого же? – спросил он.

– Андрея Майбороду! Ну, помнишь, я тебе рассказывала – директора моего бывшего, который с деньгами сбежал пять лет назад?

– А! – припомнил Митя. – Что ж, ты его благодарить теперь должна – за первоначальный импульс. Кто знает, как бы твоя жизнь без него повернулась?

Струйка дыма поднималась над Митиной головой к лепной розетке на

высоком потолке. Лера не видела его глаз, только слышала голос – и в голосе было внимание. Она снова удивилась в душе – знала, что звуки, которые Митя слышит всегда, и сейчас живут в нем. И что ему до какого-то ее бывшего директора, до ее турагентства, бизнеса и вообще всего, что и самой ей кажется таким неважным, когда она смотрит в Митины глаза?..

– Что же он теперь делает в Берлине? – спросил Митя.

К финалу Берлинской туристической ярмарки Лере казалось, что она вот-вот упадет от усталости. Конечно, Лера приезжала сюда не впервые, но в этом году ей пришлось собраться и сосредоточиться как никогда прежде.

Когда-то, когда фирма «Московский гость» только начинала работать, конкурентов у нее почти не было. Отец-основатель фирмы Андрей Майборода на всю катушку использовал свои комсомольские связи, и туры у них были едва ли не самыми дешевыми в Москве. И даже когда в один прекрасный день Андрей исчез, оставив растерянными сотрудниками прощальную записку и не оставив ни рубля на счете, – положение можно было выправить, только взяться как следует. И Лера взялась – да так взялась, что вся ее жизнь круто повернулась. А что ей оставалось делать среди общей растерянности и уныния, воцарившихся в офисе в Петровских линиях?

Ей и теперь страшно было вспоминать те дни. Андреева записочка с предложением всем поискать работу по специальности, а специальность у нее – история искусств с незаконченной аспирантурой, итальянское Возрождение... Очень актуально для Москвы в разгар реформ, когда все мечутся как в лихорадке, ужасаясь при виде ценников в магазинах!

До сих пор ей это снилось по ночам, и Лера просыпалась с колотящимся сердцем. Тогда, после исчезновения шефа, ей уже вспоминались стамбульские лавочки, Переделкинский рынок, бандит Гриша, «охраняющий» торговцев... И как он однажды, длинно сплевывая сквозь зубы, предложил ей натурой расплатиться за место, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Гриша не пропал куда-то навсегда...

Исчезновение Андрея Майборода означало, что все это снова может стать ее жизнью. И когда – именно в тот момент, когда Костя ушел к лаборантке Люсе, а Лера была беременна и все плыло у нее в глазах от дикого токсикоза!

И что было бы с ней, если бы не удалось тогда, преодолевая тошноту и отчаяние, убедить Женьку Стрепета взять «Московского гостя» под крыло его банка?

Конечно, по сравнению с ужасом тех забот нынешние Лерины

трудности – конкуренция на туристическом рынке, например, – выглядели просто детской забавой. Да и вся ее жизнь была теперь другой – Митя все в ней перевернул, все расставил по своим местам...

Но работы было много, и, подъезжая каждый день к сверкающему серебряному комплексу ярмарки, фрау Вологодина заставляла себя забыть обо всем, кроме предстоящих встреч, переговоров и контрактов.

Она давно уже привыкла к пестрому великолепию международных туристических мероприятий. Хотя, конечно, Берлинская ярмарка затмевала любую другую – грандиозностью ежедневного праздника и мгновенно возникающих возможностей.

Даже искушенная Лера каждый день замечала здесь что-то новое. То какие-то буковки лились прямо из небольшого водопада, и из них складывалось название фирмы, то какая-нибудь страна приглашала всех желающих поиграть в гольф на своей ярмарочной площадке, превращенной в поле с изумрудной травкой...

Лере, правда, больше всего понравились обыкновенные деревянные человечки, которых вырезал на глазах зрителей мастер возле одного из стендов. Она купила их штук десять – для Аленки, – и ни одно забавное деревянное личико не повторялось!

Ей надо было успеть по меньшей мере в пять мест одновременно, и она каким-то невероятным образом ухитрилась это делать. А как было выбрать, что важнее?

На Форуме путешествий впервые обсуждались туристские маршруты по России – именно то, чем Лера начала заниматься еще в ту пору, когда западные туристы, а с ними и московские агентства шарахались от России с ее путчами, рэкетирами и бандитами; теперь «Московскому гостю» не было равных во въездном туризме.

А на Форуме туристских экспертов как раз в это время говорили об Африке, и это тоже невозможно было пропустить. Африка почему-то входила в моду у русских, все желали сафари, бедуинов и прочей экзотики, но при этом со всеми удобствами и как можно дешевле.

Лера давно уже научилась разбираться, какую работу можно доверить сотрудникам – хоть, например, бессменному обаятельному лентяю Кириллу Старикову, приехавшему с ней в Берлин, – а чем надо заниматься только самой, забыв о рангах, чтобы потом не искать виноватых.

Если чем-то приходилось жертвовать, то, конечно, обедом, ограничиваясь чашкой кофе. Но походка при всем этом должна была оставаться такой же легкой, улыбка – такой же неотразимой, а запах духов – таким же таинственным...

– Валерия, дорогая, ты устала!

Александр Алексиадис, ее неизменный греческий партнер и друг, перехватил Леру по дороге к кенийскому стенду. За пять лет сотрудничества с Россией Алексиадис неплохо выучил русский и с удовольствием практиковался – даже здесь, в Берлине. А Кирюша Стариков охотно учил его то молодежному сленгу, то каким-нибудь особенно забористым матерным коленцам.

– С чего ты взял, Алик? – удивилась Лера. – Ты хочешь сказать, что я плохо выгляжу?

– Ты будешь хорошо выглядеть, даже если проведешь трое суток без сна и отдыха! – широко улыбнулся Алексиадис. – А говорю я потому, что Кирюша растрепал мне о кое-каких твоих достижениях на этой «messe». И я понимаю, человек устал, если он столько поработал! Поэтому я хочу тебе предложить, Валерия: поручи Кению кому-нибудь другому, и пойдем в пресс-центр, выпьем кофе. Один бармен оказался соотечественником, он сварит то, что надо.

– Ладно, – согласилась Лера. – Но на полчаса, Алик. Ты же знаешь, как мне приятно болтать с тобой, но я хочу улететь завтра вечером, а не все можно оставить на Кирюшу.

Кофе, сваренный огненноглазым барменом-греком, действительно оказался «как надо». Лера с удовольствием дышала его паром над маленькой белой чашечкой.

– Не волнуйся, милая Валерия, – успокоил ее Алексиадис, – полчаса со мной – не самое бесполезное занятие. Знаешь, с кем я говорил только что?

– С кем? – спросила Лера, откидываясь на спинку кресла и с удовольствием ощущая блаженную свободу, которую всегда она чувствовала, разговаривая с Алексиадисом.

Он был человек моторный, в общении с ним не было ни капли напряжения, и они отлично понимали друг друга.

– С французами. Они занимаются международным школьным обменом и как раз сейчас ищут нового партнера. Они, конечно, не говорят, но я узнал стороной, – с удовольствием ввернул красивый оборот Алексиадис, – что их московские партнеры недавно разорились и вся программа оказалась под угрозой. Одним словом, я порекомендовал им тебя. Ты довольна?

– Спасибо, Алик, – оживилась Лера. – Ты попал в самую точку, я и сама думала, что это было бы интересно – образовательные проекты. Но, по моему, в Москве этим занимается достаточно фирм?

– О, они уже имели дело со многими и очень разочарованы! В Москве много интеллектуалов, которые могут составить хорошую программу, но не

так много людей, желающих за что-то отвечать. Тем более за иностранных детей. Одним словом, вот их проспект. – Щегольски мелькнув подкладкой пиджака с фирменным знаком Армани, Алексиадис извлек из внутреннего кармана глянцевою страничку. – Посмотри и поговори с господином Вернье. Если, конечно, тебя это увлечет, – добавил он.

Алексиадис знал, в каком случае Лера станет заниматься любимым делом, и она благодарно улыбнулась ему за понимание.

– Знаешь, что я вспомнил, рекомендую им тебя? – вдруг спросил он. – Как ты потащила меня в Фермопилы, потому что тебе хотелось взглянуть на могилу царя Леонида. А была такая жара, что всякая другая женщина стремилась бы к морю или, в крайнем случае, в афинский магазин за шубой!

– Ты классику нашу читал? – улыбнулась Лера. – «Разве я – другие?» – так говорил один наш очень милый человек по имени Илья Ильич Обломов.

Из-за всех этих наплывающих друг на друга дел Лера даже по Берлину не успела пройтись. Вообще-то она не очень любила Германию. То есть не то чтобы не любила – просто ей больше нравились южные, средиземноморские страны с их взрывным темпераментом, которым, казалось, пронизаны были сами улицы.

Но после всего этого сумасшедшего круговорота ей до оскомины хотелось побыть одной. Припарковать наконец взятый напрокат «Опель» и идти по улице пешком, никуда не торопиться, сворачивать в тихие переулки. И думать о Мите – представлять, что они идут по Берлину вдвоем...

Лера прошла под огромным воздушным шаром в виде глобуса, добралась наконец до выхода из выставочного комплекса и вздохнула с облегчением, предвкушая долгожданное одиночество.

Поэтому она вздрогнула и прибавила шаг, вдруг услышав, что кто-то окликает ее по имени. Но назойливый «кто-то» не отставал, и Лера резко обернулась, от усталости готовая послать его подальше.

На огромной площадке перед марсианским выставочным комплексом, в лучах весеннего берлинского солнца, стоял перед нею Андрей Майборода.

Он так переменялся, что Лера едва узнала его. Не изменилась только та редкостная «резидентская» невыразительность внешности, которая так бросилась ей в глаза еще при первом знакомстве. Но тогда, пять лет назад в Москве, это была какая-то располагающая, элегантная невыразительность. Теперь же Андрей выглядел так тускло, словно его посыпали пылью –

несмотря на добротность его серого костюма в неизменную с московской поры «елочку».

– Андрей! – ахнула Лера, заслоняясь рукой от закатных лучей, чтобы удостовериться в том, что не ошиблась. – Ты что здесь делаешь?

– Да так как-то... – пожал плечами Майборода. – Приятель у меня здесь аккредитован, вот и я зашел. По старой памяти!

– Так ты теперь в Германии? – спросила Лера.

Неожиданно она почувствовала растерянность. Пока Андрей был ее шефом, отношения у них были доверительные и Лере казалось, что Андрей ничего, связанного с работой, от нее не скрывает. Да и она работала самозабвенно, не жалея ни времени, ни сил. Наверное, поэтому она так болезненно восприняла его внезапный побег.

«Мог бы хоть что-то мне объяснить! – думала она тогда. – Неужели я не поняла бы, если он действительно оказался в безвыходной ситуации?»

Но теперь перед нею стоял совершенно посторонний человек, и ни одно чувство не шевельнулось в ее душе – даже обида.

– В Германии, как видишь, – ответил Андрей. – Я знал, что тебя здесь встречу. У тебя есть время?

– Да вообще-то... – проговорила Лера. – Вообще-то я хотела отдохнуть. И я улетаю сегодня вечером...

– Может быть, поужинаем где-нибудь вместе? – предложил Майборода.

Лере очень хотелось отказаться: необъяснимая неловкость не отпускала ее. Но хотя он был ей никто, и не только по работе, – просто сказать «нет» она почему-то не могла.

– Хорошо, – с едва ощутимым вздохом кивнула она. – Поужинаем. Приглашай, Андрей, я Берлин плохо знаю.

– Мы вот как можем сделать, – говорил Майборода, пока они шли к стоянке машин возле выставки. – Ты ведь на арендованной, наверное? Так ты ее пока здесь оставь, потом я тебя сюда же и привезу. Или другой вариант: сейчас возвращаем твою машину, едем на моей, и я потом отвожу тебя в отель. Или еще можно...

– Это все равно, Андрей, – остановила его Лера. – Остановимся на первом варианте и не будем больше об этом думать.

Ей было скучно с ним – так скучно, что Лера даже удивилась: ей вообще редко бывало скучно с людьми, они изначально были ей интересны.

Они сели в его красный «Фольксваген» – подержанный, но аккуратный, как все немецкие авто, – и поехали по широкой, наводненной машинами улице. Берлина Лера действительно не знала, поэтому не могла понять,

куда они едут.

Андрей остановил машину в тихом переулке – как раз в таком, в который Лера собиралась завернуть одна, гуляя по городу без цели. Теперь цель была, и ей было скучно.

Но ресторан «Под золотым фазаном», в который они вошли, сразу Лере понравился. Это был настоящий немецкий ресторан – с неполированными столами и массивными, темного дерева стульями, с охотничьими гравюрами на стенах и сухими букетами из полевых трав и лесных цветов.

Сядясь за стол у небольшого окна, выходящего в чудесный маленький палисадник, Лера мимоходом отметила про себя, что Андрей не отодвинул стул, чтобы помочь ей сесть. Впрочем, едва ли это сделал бы кто-нибудь из присутствующих здесь мужчин. А любая равноправная женщина уж точно обиделась бы на подобную дискриминацию.

– Что ты будешь есть? – спросил Майборода.

Лера рассеянно просмотрела меню. От усталости у нее совсем не было аппетита. К тому же и есть с Андреем ей тоже было скучно.

– Закажи сам, Андрей, – сказала она. – Что считается немецким национальным блюдом, ты же лучше знаешь? Только без закусок, мне есть не очень хочется.

– Давай тогда айсбайн, – предложил он. – Свиная ножка с тушеной капустой, отличная вещь.

Ожидая заказ, они пили легкое мозельское вино. Глядя на переливы света в бокале, Лера вдруг вспомнила, как Митя однажды привез мозельвейн – как раз из Германии. И они пили его вдвоем в полутемной гладышевской гостиной, встретившись после двух лет разлуки, а за окнами слышались выстрелы: автоматные очереди доносились от Белого дома в ту октябрьскую ночь... И Митя играл ей то на скрипке, то на гитаре, и пел про Кейптаунский порт – а она совсем не чувствовала тогда, что с ним происходит: думала только о себе – о своем одиночестве, о недавнем Костином уходе, о новорожденной Аленке и о том, что жизнь превратилась в бесконечную борьбу за выживание. И необъяснимое спокойствие охватывало ее, когда она смотрела в Митины глаза...

– Ты о чем задумалась, Лера?

Голос Андрея нарушил воспоминания. Лера вздрогнула и тряхнула головой.

– Ни о чем. Вино хорошее, надо будет купить домой. Расскажи, как у тебя дела, Андрей, – сказала она, чтобы как-то прервать молчание. – Если можешь, конечно.

– Да могу, чего уж теперь, – усмехнулся он. – Наверное, я должен

извиниться перед тобой...

– Ничего ты мне не должен, – пожалала плечами Лера. – Что ни делается, все к лучшему. Благодаря тебе я в этом лично убедилась.

– Ты переменилась, Лера, – задумчиво произнес он.

– Ну и комплименты у тебя, Андрюша, – усмехнулась Лера. – Что значит – переменилась?

– Похорошела, наверное, – сказал Майборода. – Я бы тебя, может, и на улице не узнал.

– Много воды утекло, Андрей, – улыбнулась Лера. – Быстрое было течение.

– Я ведь тебя давно не видел – другая женщина... Уверенность в себе, изящество. Завидую твоему мужу! Хотя, может быть, ему не позавидуешь...

– Почему это? – насторожилась Лера.

– Да я еще тогда, помню, думал: вот уж ни за что не смог бы жить с такой женщиной! А теперь и вовсе... Рядом с тобой любой мужик нулем будет выглядеть, неужели не понимаешь?

– Понимаю, Андрей, – тихо произнесла Лера. – Мы ведь с первым мужем потому и разошлись: он не хотел выглядеть нулем...

– Тогда я ему сочувствую, – усмехнулся Андрей. – Не думаю, что после тебя его удовлетворит существование с другой женщиной! Что ж, жизнь полна неразрешимых противоречий, особенно жизнь мужчины, – глубокомысленно заметил он.

– Почему же именно мужчины? – улыбнулась Лера.

– Да потому что женщины как-то лучше понимают, по-моему, чего они хотят. А мужчины склонны гоняться за призраками и не видеть счастья у себя под носом.

«Надо же, Андрей стал философом! – удивленно подумала Лера. – А был вполне нормальный бизнесмен-номенклатурщик в цивильном костюмчике и вообще не понимал, как можно задумываться об отвлеченных вещах!»

– Не знаю, Андрюша, – пожалала она плечами. – Сколько я в своей жизни гонялась за призраками и совершенно не понимала, чего хочу... Я своего нынешнего мужа знала чуть не с рождения, мы с ним в одном дворе выросли, а я никогда не замечала, как он ко мне относится. Хотя он считает, что слепой бы не заметил. А потом вдруг влюбилась в него в одно прекрасное утро – и никто не объяснит, почему...

Кельнер принес огромные горячие тарелки, на которых мясо и тонко нарезанная капуста были обрамлены кружевным фиолетовым салатом. При

виде тарелок Андрей оживился.

– Все-таки жизнь в Германии тоже имеет свои прелести, – сказал он, разворачивая на коленях салфетку.

– Это айсбайн, что ли, прелесть Германии? – удивилась Лера.

– А почему бы и нет? Я, по правде говоря, не так уж много нашел здесь других радостей...

Некоторое время они ели молча, потом Лера положила прибор и, отпив глоток вина, спросила:

– Тебе здесь плохо, Андрей?

– Да черт его знает, – ответил он. – Я же тебе так и не рассказал... Да и что рассказывать? Я сам не пойму, как это все со мной произошло... Ты ведь думаешь, наверное, что я в должниках оказался, смерти ждал от киллеров или еще что-нибудь душераздирающее? Не было ничего этого, Лера. Это долго рассказывать, на самом деле как все было... Ну, был я обычный комсомольский работник среднего разлива, попал в ЦК, перспективы кое-какие вырисовывались. Потом перестройка эта началась, и я, слава богу, вовремя успел почуять, чем дело пахнет, ушел в бизнес раньше других. А там и понеслось! Такие открылись перспективы – дух захватывало, куда там комсомолу! Всего-то и надо было, что с умом использовать связи – и деньги ручьем потекли. Таким ручьем, что я захлебываться начал... И разве я один? Ты представить себе не можешь, что тогда творилось! Один мой приятель каждый день мешок «зеленых» приносил из офиса, шкаф платяной дома освободил, чтоб складывать! – Майборода неожиданно взволновался от своего рассказа, даже про айсбайн забыл. – Ну вот, так я быстро объелся всем этим, что вскоре горлом поперло – все мне обрыдло. Ну, еще одну бабу снять, еще одну шмотку купить или машину – не скажу, чтоб я очень уж это все любил. Дом я строить не хотел – для кого? Поездки – так мне с моим туризмом поездки раньше всего и надоели, глаза бы не глядели на Грецию-Венецию! А тут еще работа все круче становилась, первая халява-то схлынула, что-то новое надо было выдумывать, а я уже не мог, мозги застыли. Короче, решил, что пора сваливать, нечего больше ловить. Не поверишь, даже смысл жизни сразу появился: куда ехать, как деньги переправить, как тут все устроить...

– Но ведь ты же все это и сделал, – осторожно спросила Лера. – Отчего же тебе плохо?

– Да ничего я не сделал, как выяснилось! – воскликнул Андрей. – А почему – сам не понимаю... Не хочется подробности объяснять, но в общем и в целом все ушло сквозь пальцы. Черт его знает, то ли деньги по-глупому вложил, то ли к здешней жизни не прилачился. Я ведь не в

Германию, конечно, сначала уехал. Потом уже перебрался, еврейские корни отыскал, о которых понятия не имел, вот и пользуюсь теперь немецким историческим раскаянием...

Его волнение спало, и глаза снова потухли.

– Слушай, Андрей, – вдруг спросила Лера, – а зачем ты фотографию Венеции с собой прихватил? Ну ты, помнишь, что в холле висела – «Отражение площади Сан-Марко»?

– Да так просто, – пожал плечами Майборода. – Уходил, оглянулся, захотелось что-то на память взять, вот и свернул в трубочку. Мне ее приятель один подарил, фотохудожник, когда офис открывали. Его, говорят, застрелили недавно в Москве. Мастерскую свою бандитам не хотел отдать, что ли...

– А я ее так любила... – сказала Лера.

Ей действительно тогда до слез было жаль исчезнувшей фотографии. Серебристо-коричневая вода, и в ней – уходящие в глубину отражения колокольни Святого Марка, Палаццо Дукале, часовня с бронзовыми фигурами... Венеция была Лериным заветным городом, лучшим ее воспоминанием. Потому что там нашел ее однажды Митя, усталую и отчаявшуюся, и там она поняла, что любит его.

– Так забирай ее, какие проблемы! – вдруг сказал Майборода.

– Как это – забирай? – поразилась Лера. – Ты что, с собой ее возил?

– А что такого? Память все-таки – о не худших днях. Она у меня и сейчас висит, да все равно теперь... Забирай, забирай! – повторил он. – Прямо сейчас и съездим.

У Леры загорелись глаза.

– А что – давай! – сказала она. – Думаешь, не заберу? Обратно ее повешу, я там до сих пор место на стене свободным держу. Где она у тебя?

– Да дома, где еще? На работу мне и ходить тошно, не то что картину вешать.

– Почему? – удивилась Лера. – Такая плохая работа?

– Да нет, ничего. Можно сказать, повезло. Пришлось, правда, вспомнить первую специальность: я же программист когда-то был. Да как-то... Сидим целый день в офисе с одним югославом, стол в стол. Глаза от монитора отведу – его морда напротив, на носу бородавка. Рядом – хозяин, за стеклом прозрачным. Молчим, работаем. Потом кофейная пауза – кофе пьем, футбол вчерашний обсуждаем. Потом обед – идем обедать. Хозяину-то ничего: немец, привык. А мы с югославом так друг друга ненавидим за все это... Я вот его за бородавку, например, больше всего ненавижу!

– А то у нас все без бородавок? – Лера не смогла сдержать улыбку. –

Или в обеденный перерыв о Рембрандте беседуют?

– Да все я понимаю, – мрачно произнес Андрей. – Думаешь, я совсем дурак, про духовность про нашу буду тебе впаривать? Видал я ее, нашу духовность, – особенно у подольской братвы... Ничего я не знаю, Лера! А жить тошно.

Андрей жил довольно далеко от ресторана «Под золотым фазаном».

– Ну и забрался ты! – заметила она, когда, лавируя по переулкам, Андрей вырулил наконец на тихую, но какую-то обшарпанную улицу.

– У самой Берлинской стены бывшей, – пояснил он. – Но это вообще-то и хорошо теперь. Раньше глухой был уголок, хоть и Западный Берлин, а теперь – считай, самый центр. Видишь, строительство какое?

Действительно, все дома на улице стояли в строительных лесах, аккуратными фонариками и барьерами были отмечены участки ремонтирующейся дороги.

Андрей отпер дверь, они с Лерой прошли через сквозной подъезд и вышли в гулкий, похожий на колодец двор.

– Это тут хинтерхоф, – объяснил Майборода. – Задний двор, значит. Один дом за другим стоит, как за крепостной стеной.

Лера с удивлением смотрела на последний этаж дома. Собственно, последнего этажа и не было. Наверху, как декорация, стояли остатки фасада, небо светилось в пустых окнах.

– Заметила? – усмехнулся Андрей. – Это они с войны оставили. Чтоб не забывать...

Квартира у него была небольшая и довольно аккуратная. Правда, мебели было мало, но все необходимое имелось.

Едва Лера вошла в эту комнату с белыми обоями, ощущение тоски и уныния, исходившее от Андрея, стало для нее еще отчетливее. Она так и не могла понять, с чем оно связано, но ей стало почти что страшно...

Отраженная Венеция светилась на белой стене серебристо-коричневым светом.

– Андрюша... – сказала Лера. – Может, не забирать ее? Здесь без нее совсем тоскливо будет...

– А с ней, думаешь, лучше? – невесело усмехнулся он. – Хотя, конечно, здесь только и остается, что стать сентиментальным.

Лера открыла было рот, чтобы ответить, как вдруг почувствовала, как Андрей обнимает ее сзади, прижимается к ней, поддергивая бедрами. Она так удивилась, что даже не оттолкнула его сразу – только обернулась, выставив перед собою ладонь.

– Ну что ты? – срывающимся голосом пробормотал он. – Что ты как девочка, ей-богу? Я ж ничего плохого, Лер... Как нахлынуло вдруг...

Впервые за весь утомительный, тягостный вечер ей стало жаль его – в этой унылой квартире под пустыми окнами, в этом звенящем его одиночестве... Но что могла изменить ее жалость?

– Перестань, Андрюша, – мягко сказала Лера, но мягкие ее интонации заставили его отстраниться. – Ты же сам понимаешь, что этого не будет, правда?

Он покраснел, зачем-то поправил галстук.

– Да понимаю, понимаю, – сказал он, отводя глаза. – Так что-то, не сдержался... Я же здесь вообще один, каково мне? Я, знаешь, Лер, снял однажды за сто марок проститутку на Кудамм. И – противно, не поверишь! Хоть я, бывало, в Москве не пренебрегал... Страсть изображает, а все равно ведь видно, что притворяется.

– А ты думал, она тебе за сто марок вечную любовь подарит? – поинтересовалась Лера.

– Да я и подороже пробовал, в Гамбурге. За пятьсот, – не уловив иронии, возразил Андрей. – И то же самое, никакой разницы!

– Да какая же может быть разница? – Лера не выдержала и улыбнулась.

– Ну, все-таки... Это в Москве пятьсот марок мне было – тьфу, а здесь – большие деньги...

– Давай фотографию из-под стекла достанем, – попросила Лера.

– Да забирай вместе со стеклом, – махнул рукой Майборода. – Оно хорошее, специальное. Мильхглас, слышала? Молочное стекло, значит. Ни бликов, ничего. Попросишь, чтоб упаковали тебе в аэропорту.

Лера обхватила руками колени и взглянула на Митю. Он лежал, опершись на локоть, и смотрел на нее с тем выражением непонятого ей внимания, которое она так любила. Странное это было внимание – ни у кого она не видела такого, да и у самой у нее внимание выражалось совсем иначе.

Когда Леру что-то интересовало, она отдавалась своему интересу полностью, и это сразу заметно было по ее лицу. И у собеседников своих она обычно замечала то же – напряженную сосредоточенность, которая и значила, что человек абсолютно «погружен в вопрос».

У Мити было совсем другое. Он смотрел на нее, слушал – Лера видела, что он вслушивается в ее слова, в ее голос. Но она видела, чувствовала и другое: это не единственное, что он слышит... Еще – звуки, мелодии, но главное – то неназываемое, огромное, что всегда происходило в нем, даже

когда он просто спал, а Лера смотрела на легкие тени под его прямыми ресницами...

Митя смотрел на нее и слушал.

– Я не могу этого объяснить, – сказала Лера, вглядываясь в его глаза. – Я просто сама не понимаю, что с ним произошло, почему он тусклый стал такой, бесцветный. Да я даже самого простого не понимаю: почему у него денег-то нет? Ведь он действительно все вывез отсюда, уезжал, как мешок набитый! А теперь – такое убожество...

– Да ведь это просто, Лер, – сказал Митя, кладя руку на ее колено. – Почему у него денег нет – это же сразу ясно. Деньги все-таки вещь мистическая – как земля, как власть. Они найдут хозяина, а кому их не иметь – тот и не удержит.

– Ты думаешь, это происходит так справедливо? – удивилась Лера.

– При чем здесь справедливость? – возразил Митя. – Я же не говорю, что они оказываются у самых достойных. Даже чаще всего совсем наоборот. Но все равно – только у тех, кто в силах удержать эту тяжесть. Мне вот иногда кажется, что я знаю, как удержать скрипку. Она от меня каждый день пытается уйти, а я иногда чувствую, как ее удержать, – и она остается со мной. А ты знаешь, как удержать жизнь, как не дать ей расплыться, развеяться. И денег у нас столько, сколько нам для этого надо.

Он заметил легкое недоумение в ее глазах и рассмеялся – как всегда, по-детски наморщив нос.

– Непонятно говорю, подружка? Ладно, это неважно! Какое нам с тобой дело до его денег?

– Нет, почему, я поняла, – немного обиделась Лера. – Это ведь и правда так, Митя! И разве только деньги? Кто не смог, тот ничего не удержал – все выдуло из рук... Помнишь Сашку Глазьева? Ну, со Сретенки, напротив моей школы жил, помнишь? У которого двадцать восемь аквариумов было дома? Он еще нефтяную биржу открыл, «Золотая рыбка» называлась, и клуб молодых миллионеров организовал. Да ты точно помнишь! – воскликнула Лера, заметив, как Митя усмехнулся и пожал плечами. – По всем программам его рекламу крутили: рыбки плещутся в аквариуме. Он мне, помню, говорил: «Мне эти рыбки удачу принесли, я им памятник поставлю у Петровских ворот – такой аквариум из пуленепробиваемого стекла, а в нем рыбки из чистого золота!» А теперь он менеджером в фирме, которая антиалкогольные таблетки продает. Без ведома больного...

Митя снова рассмеялся, услышав про таблетки.

– Ну, еще бы! – сказал он. – Если человек не понимает, что у Петровских ворот не может быть памятника его рыбкам... Таблетки без

ведома – как раз по нему занятие!

– Мить, а откуда ты это знаешь? – вдруг спросила Лера. – Про деньги, про власть... Ты думал об этом?

– Да нет. – Митя пожал плечами и сел рядом с Лерой, убрав с живота пепельницу. – Об этом не думал. Но, наверное, думал о чем-то другом, во что и это уместилось. Да и не я все это выдумал, это в Библии еще написано и потом сто раз повторено.

– Про это – в Библии? – недоверчиво улыбнулась Лера. – А про нас с тобой?

– И про нас тоже. «Не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно...» И вообще – иди-ка ты ко мне! Я по тебе скучал так, что скулы сводило, а ты о рыбках безмозглых размышляешь!..

Он обнял Леру за плечи и снова откинулся назад, увлекая ее за собою. Она почувствовала, как наливается страстью все его тело, когда он рукой проводит по ее спине, прижимает к себе ее бедра. И она прильнула к нему, губами ловя его горячие губы...

– Митенька, я тебя люблю, – прошептала она. – Как я жила без тебя?..

Глава 3

Лера проснулась поздно, но не заметила этого.

Шторы были задернуты. Когда Лера вынырнула на мгновение из сна, ей показалось, что еще ночь, и она снова уснула с блаженным чувством дрящегося покоя. Даже боя часов в гостиной она не слышала – ни в девять, ни в десять.

А когда проснулась окончательно, часы били какую-то четверть, и Лера с удовольствием вытянулась в постели, сладко обманывая себя незнанием времени.

И Митина скрипка звучала почти неслышно – наверное, он закрыл все двери между спальней и кабинетом, чтобы ее не разбудить. Но Лера все-таки услышала, как пробивается сквозь стены мелодия, прихотливая и стремительная. Мелодию эту Лера не узнала. Да она и вообще не любила, когда Митя играл что-нибудь быстрое. Ей казалось, что это он просто тренируется: невозможно было сравнить виртуозные пассажи с тем, как звучала скрипка в его руках, когда вся душа его медленно переливалась в мелодию...

Лера набросила длинный шелковый халат в японских цветах и пошла в ванную. Ей хотелось увидеть Митю, но она никогда не входила к нему, когда он играл, – если сам не звал.

«Двенадцатый час! – ахнула про себя Лера, взглянув на часы. – Давно он играет, интересно? Вчера так поздно уснули – вернее, сегодня...»

Она решила пойти к Аленке, пока Митя занят, а завтраком заняться потом. Лера даже устыдила себя в душе: ведь, считай, еще не видела дочку, а вспомнила о ней только сейчас. Ей и правда было стыдно, но она ничего не могла с собой поделать. Вчера ей так хотелось быть с Митей, она даже обрадовалась, что Аленка спит.

Но сегодня... Лера быстро переоделась и уже вышла в коридор, как вдруг услышала Аленкин голос. Она подошла к двери кабинета – и дверь тут же распахнулась перед ней.

– Мама! – воскликнула Аленка. – Петушок пропел давно! А что ты мне привезла?

– А ты разве еще не залезла ко мне в чемодан? – рассмеялась Лера, подхватывая дочку на руки. – Скажи лучше, как ты себя вела без меня?

– Как всегда, – уклончиво ответила та. – Спроси бабушку!

– Бабушка тебя не выдаст, я знаю.

– И Митя не выдаст, – с удовольствием заметила Аленка. – Я ему не мешала! – тут же добавила она.

– Я вижу, – улыбнулась Лера. – А почему ты тогда болтаешься в кабинете, когда он занимается?

– Это я ее привел, – вступился за Аленку Митя. – И всего полчаса назад, так что она мне в самом деле не мешала.

– Митя сейчас мне играл, – заявила Аленка. – Про царя Салтана – как шмель летит. Правда, похоже?

– Правда. А теперь мы с тобой пойдем готовить завтрак, а Митя еще поиграет и придет к нам, – сказала Лера, опуская дочку на пол.

Внешность у пятилетней Аленки была в точности Костина. Лера даже удивлялась: бывает же такое сходство! И большие голубые глаза с загнутыми ресницами, и светлые локоны, обрамляющие нежное лицо, и кожа – такая тонкая, что даже легкое волнение тут же расцветивает щеки.

Но характер у дочки был совершенно ее, Лерин, – стремительный. Это она по-настоящему поняла, когда Аленке было три года – когда завершился тот ужас с ее похищением и Лера уехала с ней на сахалинскую речку Подкаменку, чтобы немного прийти в себя после пережитого.

«Это все прошло! – тут же сказала себе Лера; она всегда говорила себе так, если вдруг всплывали эти жуткие воспоминания. – Это прошло, никогда не повторится. Митя так сказал!»

Это действительно прошло, и только две тонкие полоски шрамов на Лериных запястьях напоминали о тех днях.

Мама передала Мите и завтрак, когда он заходил за Аленкой: на столе в кухне стояло круглое блюдо с пирожками. Сердце у Леры сжалось. Эти любимые пирожки с грибами, приготовленные ко дню ее рождения, напоминали все о том же – о хрупкости маминого здоровья и о том, что детство ушло безвозвратно...

– Бабушка сказала, чтоб ты мне не давала конфет, потому что она тебе на день рожденья обед приготовила вкусный, – сказала Аленка и тут же поняла, что проговорила. – Но ты все-таки дай одну, я буду потом есть, правда! – торопливо добавила она.

Не обращая внимания на умильное выражение Аленкиного личика, Лера дала ей пирожок и достала из холодильника помидоры для салата.

Она вернулась домой, она готовила завтрак, дочка ее болтала ногами, сидя на высоком стуле, звучала Митина скрипка, начинался воскресный день – и ничего не было счастливее этих простых событий, и ничего не было дороже.

Лера только недавно научилась коротким расставаниям с Митей.

Именно научилась, потому что отрываться от него даже ненадолго было для нее мученьем, ей сознательно приходилось заставлять себя это делать.

А первое их расставание, год назад, повергло ее в такое смятение, какого она сама от себя не ожидала.

Первые дни, которые они провели вместе, Лера помнила как в тумане. Вернее, это вокруг все было покрыто туманом. Она видела только Митино лицо, чувствовала его руки, его дыхание, слышала его слова – они перемежались с музыкой и сами были музыкой.

Она не знала, сколько это длилось.

Известие о том, что Митя должен уехать, прозвучало для нее как гром с ясного неба. Хотя – что в этом было удивительного? Лера привыкла к тому, что он все время в разъездах. То «Дон Жуана» репетирует в Венской опере, то играет с оркестром Аббадо в Берлине, то дирижирует в «Гранд-Опера»...

Она совсем не разбиралась в иерархии музыкального мира, но понимала, что Митя занимает в ней значительное место. Да и самой ей то и дело приходилось куда-нибудь ездить по делам «Московского гостя», и ее график был очень напряженным.

Но все это было в другой, прежней жизни – когда она была без Мити. После нескольких дней, проведенных с ним неотрывно, Лера представить не могла, что это вообще было с нею.

– Ты уезжаешь? – растерянно спросила она, глядя на Митю и едва не плача. – Зачем?

Это было вечером, они стояли в гостиной под висящим на стене эскизом Коровина. Все мелочи окружающего вдруг прояснились для Леры, словно выхваченные закатными лучами. Митя смотрел на нее, но она не понимала, что таится в его глазах.

– Уезжаю – и вернусь, – сказал он. – Ну что ты, родная моя? Скоро вернусь, ты же знаешь. Это ведь даже не гастроли – всего три концерта в Вене, они уже год как назначены. Я же тебе говорил: надолго теперь уезжать не буду, только Москва, мой оркестр, может быть, опера... Я тебя обманывал когда-нибудь?

– Никогда, – покачала головой Лера.

Ей стало стыдно, что он объясняет ей такие вещи, словно маленькой, и она постаралась, чтобы голос звучал спокойно.

– Извини, Мить, – сказала она. – Ну конечно, ты же скоро приедешь, что это я!

Самолет у него был рано утром в понедельник. Лера отвезла его в Шереметьево, поцеловала у самого барьера и смотрела, как он идет, не

оглядываясь, уже отделенный от нее толпой у таможенных калиток, и почти неразличимый дым от сигареты вьется за ним.

Да, это было ровно год назад, тоже в марте. Только тогда холодно было, снег лежал на полях вдоль шоссе и лепился к стеклу ее серебристой «Ауди», почти так же мешая видеть дорогу, как мешали слезы.

Мама была с Аленкой в подмосковном санатории – она всегда туда ездила весной, принимала процедуры от гипертонии, – и Лера не стала заходить домой. Зоське она позвонила из машины и сказала, что хочет взять отпуск – на неделю, не больше.

– Поедешь куда-нибудь? – пробормотала разбуженная Зоська. – Смотри, второго апреля Альбертини приезжает, ты же знаешь, что...

– Никуда не поеду, – сказала Лера. – Здесь буду, но работать не могу... Митя уехал, Зось.

– Совсем? – Зоськин голос в трубке стал испуганным.

– Нет, до конца недели...

– Так что ж ты меня пугаешь! – возмутилась Зоська. – Я думала, вы поссорились.

К счастью, Зоське, соседке и подружке, ничего не нужно было объяснять: она знала Митю столько же, сколько и Лера, даже влюблена в него была когда-то. Лере, по правде говоря, всегда казалось, что Зоськина любовь к Мите, трогательная и безответная с самого детства, – это и есть то, что не проходит никогда. Но – прошла, иссякла как-то, и Зоська сама ей сказала однажды:

– Я и сама, Лер, не знаю, почему... Наверное, мне этого вообще не дано – бывает же такое, правда? Я, знаешь, однажды подумала: а вот что бы было, если б я с ним жила? Ну, каждый день – просыпалась с ним, завтракала, ужином его кормила? И так мне тоскливо стало, Лер, передать тебе не могу! Не хочу я этого, понимаешь? Даже с Митей, хотя его ни с кем сравнить нельзя... Но моя жизнь – это моя жизнь, мне нелегко далось ее устроить, почему я ее должна с кем-то делить? Все равно быт все съест – какая разница, через месяц или через год? Нет, ты себе думай как угодно, а по мне: мужчина должен приходить и уходить, иначе его выдержать невозможно, будь он хоть ангел небесный!

Она решительно шмыгнула острым носиком, и Лера улыбнулась, глядя на нее. Ей прекрасно были известны Зоськины феминистские взгляды, и она никогда с ней не спорила. Быт так быт, пусть думает как хочет.

Этот разговор происходил еще до Мити, но Лера и тогда была уверена в том, что никакой быт в этих делах ни при чем. Да она его и вообще не замечала, быта, все делала играючи еще тогда, когда не было возможности

пригласить домработницу, а за стиральным порошком приходилось часами стоять в очереди. И разве из-за быта они расстались с Костей?

А о том, что происходило между нею и Митей, вообще невозможно было рассуждать в этих обыденных словах...

– Я дома буду, Зося, – повторила Лера. – Но вы мне не звоните, хорошо?

В конце концов, турагентство «Московский гость» работало как часы, и не в последнюю очередь ее стараниями. Могла себе позволить неделю отдыха его неутомимая президентша?

Лера открыла дверь Митиной квартиры и остановилась на пороге, словно не решаясь войти. С тех пор как умерла Елена Васильевна, а Сергей Павлович уехал в Штаты, Митя жил здесь один, да и то бывал наездами. И квартира казалась Лере безмолвной, как музей.

Она столько раз бывала здесь, она знала каждую картину, висящую в гостиной, – эскизы Коровина и Левитана, подаренные авторами деду Елены Васильевны, и портрет Митино прадеда, профессора Московской консерватории Гладышева, написанный Серовым, и гравюры, привезенные из Германии...

Она не могла оставаться здесь без Мити, но и уйти отсюда не могла. Странное, необъяснимое оцепенение охватило ее, словно льдом сковало.

Лера медленно прошла в гостиную, села в кресло у стены и вздрогнула: гитара стояла в углу, прислоненная к обитому синим гобеленом дивану, и Лере показалось, что струны тихо звенят, как будто к ним прикасаются Митины пальцы.

Весь он был здесь, здесь была его душа, и Лера даже разрыдаться в голос не могла, хотя слезы комом стояли в горле, – так вслушивалась она в его душу, в ее удивительную музыку.

Она могла только ждать его – все остальное было неважно и невозможно.

Дни и ночи слились для нее в одну бесконечную пустоту; Лера не замечала, как они сменяют друг друга. На улицу она не выходила. Наверное, она спала, даже пыталась что-то читать, но не помнила что. А больше всего – просто сидела у окна и смотрела на знакомое до последней черточки пространство двора, на бурый мартовский снег. И ей казалось, что Митя сейчас появится в арке, пойдет к подъезду, руки держа в карманах плаща и думая о чем-то неведомом...

Он звонил вечерами, и звонки его были единственными мгновениями, когда Лера чувствовала, как проясняется и светлеет окружающая жизнь. Она расспрашивала его о репетициях, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно и даже весело. Она помнила, как легко Митя всегда распознавал

ее тревогу, и ей не хотелось отрывать его от музыки, для которой он уехал от нее в Вену.

– Что ты играешь, Мить? – спросила она.

– Я в этот раз не играю, подружка, только дирижирую. – Лера почувствовала, что он улыбнулся там, в Вене, вдалеке от нее. – Чайковский, Шестая симфония. Ты помнишь? Это же самое известное... То есть сегодня другое, а завтра будет Шестая, один раз.

– Помню, – подтвердила Лера, хотя в этот момент не вспомнила бы не то что Шестую симфонию, но даже «Чижика-пыжика».

Митя должен был вернуться в воскресенье, а к вечеру пятницы настроение у Леры было такое, что, если бы он позвонил, у нее уже не достало бы сил притворяться... Ее охватила такая апатия, что она вообще не могла ни двигаться, ни говорить. К тому же она давно уже ничего не ела – не было аппетита – и в голове у нее стоял безвоздушный звон.

Что он делает там, в своем мире, в котором она ничего не понимает и в котором поэтому ему не нужна? Лера пыталась представить, как выходит он на сцену во время репетиции, как поднимает руки – рукава светлой рубашки закатаны, и поэтому кисти кажутся еще больше; как смотрит на оркестр – прищурившись и словно к чему-то прислушиваясь... Она видела это так ясно, как видела все, связанное с Митей.

Но сейчас эти видения были невыносимы.

Лера не заметила, как уснула, сидя у окна в библиотеке и уронив голову на широкий подоконник. Это был странный сон! Скорее не сон, а забытье. Она слышала все звуки и шорохи, даже, кажется, видела погруженную в темноту комнату с мерцающими стеклами книжных шкафов, – и не могла пошевелиться.

Это забытье длилось, пока Лера не почувствовала прикосновение Митиных рук к своим плечам, – и тогда она открыла глаза.

Митя не снял плащ и не включил свет и дышал часто, как будто бежал по лестнице. Он наклонился над Лерой и целовал ее плечи, взлетающие от его дыхания волосы на ее висках.

– Милая моя, любимая, как же я мог... – слышала она его голос и все еще не могла поверить...

И вдруг – поверила! Поняла, что это не сон, что он вернулся, что он целует ее и его дыхание касается ее воспаленных щек.

А поверив, заплакала так безудержно, с такими горькими всхлипами, как будто разлука еще только предстояла.

– Милая, прости меня, – повторял Митя, ладонями вытирая ей слезы. – Это только оттого, что я так долго был без тебя, я же еще привыкнуть не

успел, что ты со мной... Я не должен был сейчас без тебя уезжать, как же я мог ничего не чувствовать!..

Он присел перед нею на корточки, как делал это, когда она была маленькая, а он взрослый, на пять лет старше, – и держал ее за руку, заглядывая в заплаканные глаза.

– Мить, это ничего, ничего, – всхлипывала Лера. – Не обращай внимания. Мне же тридцать лет, я же уже взрослая, самостоятельная, меня не надо за руку водить...

– Взрослая, взрослая. – Он улыбнулся. – Но я не должен был тебя оставлять, я это так ясно почувствовал, если бы ты знала! Это каждый день нарастало, во всем, и в музыке больше всего... В Шестой симфонии. Она вообще страшная, у меня это с детства осталось, когда впервые ее на пластинке услышал, года в два. Мама рассказывала – плакал, говорил: выключи страшную музыку!

Митя снял наконец плащ и сел в кресло, посадив Леру себе на колени.

– Но ты мне говори, хорошо? – сказал он. – Ты не обижайся, но я же в самом деле не привык, что не один. И я, когда работаю, ведь мало что замечаю. Ты мне просто говори: хочю то, не знаю что, – и я сделаю. А я так хотел, чтобы ты приехала...

– А мне почему не сказал, Митя? – укоризненно спросила Лера. – Разве я не приехала бы, если бы знала?

Он улыбнулся.

– Видишь, какие мы оба оказались стеснительные. Я думал: невозможно требовать, чтобы ты все бросила и приехала по моему капризу. А ты...

– А я думала, что тебе не нужна, – тихо сказала Лера, прикладывая его руку к своей щеке с горячими дорожками высохших слез.

Они сидели в молчании снежной мартовской ночи, прислушиваясь к дыханию друг друга, и каждый сдерживал собственное дыхание, чтобы оно не мешало слушать.

– Мам, я тебе мимозу в подарок нарисовала! – услышала Лера.

Оказывается, воспоминания промелькнули в ней так мгновенно, что, несмотря на их отчетливость, все они уместились в промежуток между двумя Аленкиными фразами.

– Спасибо, – улыбнулась Лера. – Ты помнила, что у меня день рожденья?

– Нет, – честно призналась Аленка. – Я забыла, но мне бабушка сказала, и Митя – и я вчера нарисовала. Домой придем, я тебе подарю.

Музыка в кабинете затихла, и Митя вышел на кухню.

– Ты закончил? – взрослым голосом поинтересовалась Аленка. – К бабушке пойдём?

– Вы пока вдвоем с мамой пойдёте, хорошо? – ответил Митя, садясь за стол. – А я потом приду, к обеду. Мне еще позаниматься надо.

– У тебя не получается? – сочувственно заметила Аленка.

– Получается, но не совсем так, как мне хотелось бы. – Митя улыбнулся ее серьезному тону. – И еще мне надо кое-что послушать.

– Ты позанимаешься, слушаешь музыку, потом мы пообедаем, а потом? – не отставала девочка: она явно хотела выудить из Мити какое-нибудь интересное обещание.

– А потом я пойду в Музыкальный театр и буду прослушивать одного хорошего певца, которого хочу нагло переманить к себе, – спокойно объяснил Митя. – А вечером мы с мамой пойдём в ресторан, если она не против, – добавил он, глядя на Леру.

– И со мной! – воскликнула Аленка.

– Нет. Мы пойдём с мамой вдвоем: у нее ведь день рожденья.

Аленка тут же покраснела, шмыгнула носом. По лицу ее было видно, что она собирается не просто заплакать, а в голос разреветься. Лера прекрасно знала, что дочка ее большой сдержанностью не отличается, и уже собиралась вмешаться, когда Митя сказал:

– А вот когда у тебя будет такой день рожденья, что ты уже будешь взрослая, – тогда я тебя повезу в любую страну и в любой город, куда ты захочешь, и поведу в самый красивый ресторан, какой ты сама выберешь. Хорошо?

В Аленкиных глазах мелькнул интерес.

– А сколько мне будет? – тут же спросила она; девочка любила точность. – Взрослая – это когда сколько?

– Шестнадцать, – уверенно ответил Митя.

– Ну-у, – протянула Аленка. – Это когда еще будет... Я тогда уже в школу буду ходить! – Но интерес к будущему событию оказался сильнее предстоящего ожидания, и она с любопытством спросила: – А что ты мне тогда подаришь?

– Тогда ты сама выберешь. И я тебе подарю все, что ты захочешь.

Митя говорил совершенно серьезно, хотя глаза его смеялись, и Лера улыбнулась его уверенности и дочкиному живому доверию.

– А маму? – вспомнила Аленка. – Маму ты в какой город сегодня повезешь?

– Мама выбирает Москву, – наконец вмешалась Лера. – Поэтому мы

сегодня никуда не уезжаем. А вот я тебе сейчас покажу, какие два платья мне сшила Ната Ярусова, и ты мне подскажешь, которое надеть вечером!

Они шли с Аленкой через двор, и Лера вдруг вспомнила, как стояла здесь, посреди двора, октябрьской ночью, выстрелы были слышны совсем близко, Аленке был месяц, и она спала дома, а Митя держал Леру за плечи, молчал, и она чувствовала, как мир нисходит в ее душу посреди суровой, отчаянной и прекрасной жизни.

Глава 4

Лерин «Московский гость» давно уже работал так слаженно и без сбоев, что она даже старалась об этом не думать: чтоб не сглазить. Конечно, этому следовало только радоваться, и Лера радовалась, но в глубине души она понимала, что турагентство для нее – пройденный этап.

Не то чтобы ей хотелось больше денег: она была уверена, что их у нее теперь более чем достаточно. Но исчерпанность возможностей, которую Лера ясно ощущала, была для нее скучна.

Она даже заговорила об этом однажды с Женькой Стрепетом, президентом холдинга «Горизонт», частью которого было ее агентство.

Лера входила в Женькин кабинет в здании на Малой Бронной, наверное, сотни раз. И каждый раз улыбалась про себя. Женька был консервативен до невозможности, в его роскошном кабинете не изменилось за пять лет абсолютно ничего. Даже вазочка для карандашей была та же: старомодная, в виде елового пенька – талисман. И жил он по-прежнему в их доме, с родителями, после первой неудачной попытки отказавшись от мыслей о женитьбе и вполне довольствуясь нетребовательной и миловидной любовницей, которую время от времени приводил на приемы.

Женька во всем был такой – щепетильный, иногда до невозможности скучный и всегда как скала надежный в делах. Лера не раз благодарила судьбу за то, что работает именно с ним. При всем своем консерватизме Женька никогда не был ни вялым, ни равнодушным в работе. Лере лично доводилось убеждаться, как жестко и решительно он может действовать, когда того требуют обстоятельства. Одна история со Стасом Потемкиным чего стоила...

То, что их связывало не по работе, а, как принято было теперь говорить, «по жизни», Лера определяла для себя как давнее приятельство. Они настолько привыкли именно к таким – ненавязчивым, не слишком близким, но доверительным и прочным отношениям, что давно уже понимали друг друга с полуслова.

К тому же их связывало общее детство. Как ни смешно это могло показаться, для Леры много значило все то, что она знала о Женьке, – его маленькие, детские еще тайны, которые не были нужны ни для чего; они просто были.

Что он когда-то увлекался шахматами и у него была настоящая индийская доска с необыкновенными фигурами. Что любит экзотические

безделушки, которые папа-дипломат всегда привозил ему из поездок. Что начал курить в первом классе, тайком от мамы, и с тех пор периодически пытается бросить, и мама по-прежнему об этом не знает...

Женька сразу понял, о чем она говорит.

– Что ж, Лера, это ведь нормально, – сказал он. – Ты давно в бизнесе – конечно, ты себя переросла. Так за чем же дело стало? Ты все наши дела знаешь неплохо, я рад буду, если ты включишься в любое.

Через «Московского гостя» действительно велись почти все международные дела холдинга – встречи, приемы, деловые поездки и конференции, поэтому Лера прекрасно представляла себе все, чем занимается «Горизонт».

– Да я знаю, Жень, – сказала она. – Но как-то не сказала бы, что меня это очень привлекает...

– Ну, как хочешь, – слегка обиделся Стрепет. – А по-моему, у нас деятельность достаточно разнообразная!

– Да ведь я ничего и не говорю, – извиняющимся тоном возразила Лера. – Я просто, наверное, сама еще не понимаю, чего хочу. А раз не понимаю – зачем же браться?

– Ну, смотри, – пожал плечами Женя. – Ищи, раз так. Осторожно только, я тебя прошу! Сто раз отмерь, не то что семь. А еще лучше – со мной посоветуйся.

Лера понимала, что он говорит так не из-за самоуверенности. Стрепет был опытен, осторожен, и служба безопасности «Горизонта» считалась одной из лучших в Москве. Лера отлично помнила, как много глупостей наделала два года назад, когда пыталась сама разобраться с Аленкиным похищением...

А может быть, для нее сейчас и хорошо было, что работа не требовала всех сил и всего времени. Лерина жизнь изменилась, и работа перестала быть ее главным, едва ли не единственным содержанием. Полностью отдаваться своему делу, сидеть в офисе допоздна и в выходные – все это было вполне приемлемо для Леры, когда ее мужем был Костя. Она хорошо относилась к нему, даже была уверена, что любит его, но бывали дни, когда она ни разу вообще не вспоминала о его существовании.

Даже Аленка не настолько занимала все ее мысли и всю душу, чтобы надолго оторвать от работы. Это вызывало у Леры стыд, но это было так, и она ничего не могла с собою поделать.

Лера пыталась понять, отчего ей не хватает того, чего всегда хватало, например, ее маме – жить жизнью своей дочери, – чего хватает тысячам женщин; и не понимала.

Она вспоминала первые дни и месяцы после рождения Аленки, когда мир превратился в плотный кокон, в котором была только она и крошечная девочка и в котором им не нужен был больше никто. Как она радовалась этому и думала, что это навсегда, – и как все-таки почувствовала вскоре, что ей этого мало...

Это были тяжелые мысли, Лера просто не могла держать их в себе. И она спросила Митю – как с самого детства спрашивала его обо всем, что ее волновало.

К тому времени они были вместе всего полгода, да и то жили на два дома. Лера, как и прежде, всматривалась вечерами в его окно напротив – не осветятся ли шторы, не вернулся ли он... И сердце у нее вздрагивало, когда он возвращался.

В этот вечер Митя поздно приехал с концерта, они сидели на просторной, с черной лестницей и множеством ниш, кухне гладышевской квартиры, и Лера смотрела, как дрожит на белой скатерти золотой блик от чая в Митином стакане, как сияет в вечернем свете серебряный подстаканник.

– Наверное, это какая-то моя ущербность, – говорила она, заглядывая в скрытые под прямыми ресницами уголки Митиных глаз и пытаясь угадать, что он думает. – Мне стыдно перед нею, но я не могу... Когда с ней... все это случилось, когда ее не было – я думала только о ней, ничего больше для меня не существовало. А когда я за нее спокойна – не могу. Это так странно, Митя...

– Что же странного? – спросил он.

– Я понимаю, Зоська ничего странного в этом не нашла бы – сказала бы, что жизнь женщины должна быть разнообразной. Но ведь я не Зоська, и это для меня не объяснение, ты же понимаешь. Я ее люблю, Мить, но... чувствую как-то отдельно от себя! Что же это за любовь к ребенку? Она же маленькая еще, она во мне должна быть...

– Да она и есть в тебе, – улыбнулся Митя. – Именно в тебе – в такой, какая ты есть. В тебе столько вмещается, подружка, я всегда этому удивлялся! Все живет, дышит, всего тебе мало, и всегда тебе хочется большего. Наверное, есть какое-то загадочное «все», которое ты чувствуешь, – и никто, и ничто тебе этого не заменит...

– Но к тебе, Митя, – тихо сказала Лера, подсовывая свою руку под его ладонь. – К тебе ведь я чувствую совсем другое... Я никогда ни к кому такого не чувствовала, даже к Аленке, потому мне и стыдно перед нею. Об этом что же ты скажешь?

– Об этом я ничего не скажу, – помолчав, произнес он; ладонь его

замерла на Лериной руке. – Я не буду об этом говорить.

– Почему? – Лера удивленно подняла на него глаза.

– Не хочу.

И Лера тут же перестала спрашивать. Она знала, что Митино «не хочу» не предполагает объяснений, и если он так говорит – значит, разговор окончен.

Он улыбнулся, глядя на ее расстроенное лицо, перевернул ее руку ладонью вверх и погладил.

– Да и с чего ты взяла, матушка, что ей так уж необходимо быть одним твоим светом в окошке? Я это с детства очень хорошо помню – мамаш этих сумасшедших, которые чадам своим дыхнуть не давали, до того о них заботились. В консерваторию приходили сопли им вытирать, и все из лучших побуждений. Мама совсем другая была... – Лицо его осветилось тем печальным и ясным светом, который освещал любое его воспоминание о матери. – Хотя она-то как раз только мною и жила, это я всегда понимал. И знал, каких усилий ей стоит не держать меня за руки, не требовать, чтобы я не водился с кем не следует, не увлекался сомнительными девицами и не выяснял отношений с их мужчинами! Конечно, отец ее тоже останавливал, но она и сама понимала...

Лера не хуже Мити знала, о чем он говорит. После родов у Елены Васильевны не двигались ноги и жизнь ее волей-неволей сосредоточена была на Мите – особенно после того как ушел Сергей Павлович. Но ведь то Елена Васильевна: ее благородство, утонченность чувств всегда были для Леры таким недостижимым образцом, с которым и сравниваться не приходилось!

– Сравнил тоже! – хмыкнула она. – Думаешь, все дети такие, как ты был? Уж во всяком случае, не Аленка! А я ей как раз слишком мало сопли вытираю...

Впервые Лера чувствовала незавершенность разговора с Митей, неудовлетворенность его словами – и сама не понимала почему. А может, это было и неважно.

Что бы он ни говорил о том «загадочном всем», которое, по его мнению, чувствовала Лера, – сама-то она знала, что это «все» заключается в нем, что вся ее душа принадлежит ему. Она вообще только недавно хоть немного привыкла к тому, что в Митиной жизни так много своего, отдельного, ей непонятного.

Так что, пожалуй, и хорошо было, что работа «Московского гостя» была налажена и почти не требовала новых усилий.

К тому же Лера без лишней скромности понимала, что умеет теперь

практически все, что ей необходимо для работы в бизнесе. Она всегда была проницательна, а за пять лет постоянных переговоров, контактов, контрактов и компромиссов она не только приобрела обширный круг знакомств в самых разных сферах, но и научилась насквозь видеть делового партнера со всеми его тайными и явными намерениями.

И, что не менее важно, научилась регулировать его поведение так незаметно, чтобы сам он об этом не догадался. Если, например, она замечала, что ее милый собеседник, с которым она уже, кажется, обо всем договорилась, вдруг предлагает окончательно решить вопрос завтра или лучше послезавтра, – всегда оказывалось, что именно завтра она уезжает в Лондон на конференцию или принимает своих американских партнеров, с которыми будет занята всю неделю. «Какая жалость, но вот у меня приглашение, видите, я никак не могу отказаться, график пребывания у них очень плотный, поэтому давайте все-таки завершим дело сегодня!..» Обычно в таких случаях именно назавтра Лера видела, что курс доллара изменился или произошло еще что-нибудь подобное, – и дело закончилось бы не в ее пользу, если бы она согласилась подождать.

И другие были уловки, которые она привыкла распознавать; всех не перечислишь! К тому же ей нельзя было пустить в глаза пыль ни роскошным приемом, ни изысканными комплиментами. И подавить ее волю было невозможно. С людьми, пытавшимися это сделать, она тут же прекращала всякие отношения; все, кто имел дело с госпожой Волождиной, отлично это знали и передавали по беспроволочному телеграфу.

В понедельник утром Лера входила в свой офис в Петровских линиях с чувством спокойного торжества. И выглядела она так, словно ей предстояла не обычная рабочая неделя, пусть и после недолгого отсутствия, а какое-то особенное событие. Костюм на ней был по-весеннему яркий, абрикосового цвета, покроем подчеркивающий плавный изгиб ее бедер, серьги и ожерелье из темного янтаря в точности повторяли цвет глаз и волос – и Лера чувствовала себя сияющей, легкой и привлекательной.

Шофер Паша нес за нею большую фотографию в небликующем стекле – «Отражение площади Сан-Марко».

– Ой, Лер! – ахнула Сусанна Азарян. – Ты где ее нашла? Это же та самая!

Память у Сусанны была феноменальная, как ей было не вспомнить фотографию, исчезнувшую в тот невеселый день!

– Да там и нашла, – весело ответила Лера. – Вернули нам с наилучшими пожеланиями.

– Ой, так расскажи! – У Сусанны даже уши покраснели от любопытства. – Он что теперь делает?

– Потом, Суса, – сказала Лера. – Зайдешь ко мне, как только с «Бастом» побеседую, – все расскажу.

С Сусанной она собиралась поговорить не только об Андрее Майбороде. Поразмыслив, Лера решила, что именно та будет вести всю Африку, а это было важно на волне нарастающего спроса.

Но руководитель строительной фирмы «Баст» – это было еще важнее. Лерин въездной туризм был связан со строительством коттеджей в живописных и нехоженых местах, которые больше всего привлекали иностранцев, поэтому она отлично знала, как сильно зависит от подрядчика.

Единственное, что было в этом не слишком приятно: как только дело касалось строительства, Лере сразу вспоминался Стас Потемкин – ее первый подрядчик, отношения с которым едва не обернулись для нее трагедией. И хотя не со строительством были связаны эти отношения – все равно вспоминались помимо воли...

Так и полетел ее обычный день, и необычным в нем был только беспричинно счастливый свет Венеции на возвращенной фотографии.

Африка не вызвала у Сусанны особенного восторга.

– А еще говорят, людям живется тяжело, – скривилась она. – По-моему, живется им прекрасно, раз в Африку ездят!

– Да ведь не все ездят, – улыбнулась Лера Сусиной привычной ворчливости.

– Сама же говоришь, спрос растет, – не согласилась та. – Нет, я этого понять не могу! Хочется тебе солнца – поезжай в Испанию, на Кипр, да мало ли куда! Слона со львом посмотреть – пойдешь в зоопарк, не хуже вонь, чем в Африке. Так нет – ни лихорадки их не пугают, ни всякая дрянь ползучая!

– Кстати, о лихорадках и дряни, – заметила Лера. – Об этом мы с тобой потом отдельно поговорим. Каждый будет бумагу подписывать о том, что все знает, обо всем предупрежден. Хотят люди ехать – на здоровье, но к нам чтобы никаких потом претензий не было.

– Да ну их, – скорчила смешную гримаску Сусанна. – Их предупреждай, не предупреждай... Вот два дня назад – приходит соплячка лет двадцати, вся в Версаче с головы до ног, на шее кулон килограммовый с брюликами. Мой босс, говорит, желает в Африке неделю отдохнуть, но требования у него специфические. Чтобы каждый день новая девочка, и не старше шестнадцати лет, и каждый день на новом месте, но везде пять звезд! Как

тебе это понравится?

– И что ты ей ответила? – заинтересовалась Лера.

– Ну, что... Не матом, конечно, хотя и хотелось. Вежливо так объяснила, что мы секс-туризмом не занимаемся. А она хихикает: никто не занимается, но нигде еще не отказывали...

Лера расхохоталась.

– Да ведь это, может быть, вообще журналистка была! Мне Валик Стар рассказывал, они для своей газеты такую подлянку организовывали. Точно, ходила дамочка, выясняла расценки на секс-туры, а потом – пожалуйста, статья на полполосы. Ну, неважно. Значит – Африка, Суса. Читай Экзюпери, готовься!

– Да ну тебя с твоим Экзюпери, – махнула рукой Сусанна. – Я уже вышла из этого возраста!

Глава 5

Что бы Митя ни говорил, Лера не считала себя особенно хорошей матерью. Конечно, Аленка не была обделена домашним теплом, но Лера понимала, что это в основном не ее заслуга. Она вообще представить не могла, что было бы, если бы мама не занята была только Аленкой.

Иногда Лера просто удивлялась: она так мало бывает с девочкой, как еще сохраняется в ее дочке веселая любовь к ней? Та, которую она впервые почувствовала на речке Подкаменке, когда рыба уходила в прозрачную глубину, а Аленка спрашивала, есть ли у рыбки дети...

Но это была еще одна загадка любви, а загадок любви не разгадать, это Лера знала. Можно только радоваться их существованию.

И теперь она думала о другом... Думала смущенно и даже со страхом – именно потому, что не считала себя хорошей матерью. Считать не считала, а ребенка родить хотела.

Это было то, о чем она думать не могла без трепета – Митин ребенок, ребенок от человека не просто любимого, но любимого до боли в сердце, до невозможности дышать без него...

Она представить не могла, как это будет, что будет происходить с нею, с Митей, с Аленкой. Внешне, наверное, это было просто, это происходило с тысячами женщин, и, пожалуй, никто не понял бы Лериных волнений. Ну подумаешь, ребенок от второго мужа, который прекрасно относится к дочери от первого брака! Какие здесь могут быть проблемы?

Но Лера чувствовала другое: трепетность того, что связывало ее с Митей, несовпадение внешних и внутренних проявлений любви. Внешне у них все именно и было просто, даже сдержанно, но внутри... Даже ей, с ее потребностью сильных чувств и способностью к ним, трудно было выдержать то напряжение, ту непонятную тревогу, которые никогда не ослабевали между нею и Митей.

Отчего так мучительны были даже короткие расставания – это для них-то, знающих друг друга сто лет, привыкших к постоянным разъездам и разлукам? И эти метания то в жар, то в холод, когда Лере то казалось, что души их сливаются воедино, то она чувствовала Митину совершенную от нее отдельность?

Она никогда не могла понять его до конца, как не могла понять, в себя вместить музыку, только интуитивно ее ощущая. Митя весь был словно скрыт от нее прозрачным куполом – и Лера боялась этого.

Иногда она пыталась ему об этом сказать, но он только смеялся, делал вид, что не понимает, – и все равно ничего не объяснял.

Лера помнила, как забеременела от Кости; ей тяжело было об этом вспоминать. Он всегда говорил, что не к спеху, что с ребенком надо подождать. И вдруг, именно в тот момент, когда Лера только-только начала хоть немного приводить в равновесие материальную сторону жизни, о которой Костя вполне искренне не думал, – он заявил, что пора...

Лера помнила тогдашнюю свою неловкость. В самом деле, почему бы и нет, они уже пять лет женаты, все у них нормально, работа работой, но надо ведь рожать... А потом Костя ушел – так же внезапно, как потребовал ребенка, и еще прежде, чем Лера успела сообщить ему о беременности.

Весь он был в этом – с его наивностью, инфантильностью, слабостью в реальности и талантливостью в абстракциях жизни.

Аленка была плодом инерции любви или даже иллюзии любви, это Лера теперь понимала. Наверное, это и было настоящей причиной вечного ее стыда перед дочкой, которого она не могла объяснить даже Мите.

Она хотела от него ребенка, это было одно из самых сильных ее желаний. А в последние несколько недель это стало не только желанием – и сердце у Леры замирало.

Ее охватила такая робость, что она даже к врачу боялась пойти. Но пойти было необходимо, и как можно скорее. Лера не была паникершей, но сейчас ей приходили в голову самые невероятные мысли. А вдруг из-за кесарева при первых родах ей теперь нельзя рожать? А вдруг у нее вообще что-нибудь не так? Да и беременность ли это еще – может быть, просто какое-нибудь недомогание...

– Ну конечно, Лерочка! – улыбаясь, сказала старая докторша Вера Кирилловна, к которой Лера ходила еще со студенческой поры. – Очень славная беременность, семь недель. Да что с тобой? – удивилась она, заметив испуг в Лериных глазах. – Ты не рада?

– Рада... – выдавила Лера. – А... вы думаете, все будет нормально?

– Почему же нет? Конечно, снова кесарево придется делать, но ничего страшного. Сейчас, правда, пытаются второй раз самостоятельно рожать... Но я не сторонница – зачем рисковать? Значит, когда рожать мы будем?... Та-ак, сейчас у нас июнь, считаем. – Вера Кирилловна придвинула к себе календарик. – В январе, Лерочка? Вот и хорошо, вот и прекрасно – снег, солнце... Мороз и солнце, день чудесный, а?

Вера Кирилловна улыбнулась так радостно, словно Лерина беременность была первая, которую ей приходилось наблюдать. Она

вообще была спокойная, вся какая-то уютная, как домашние тапочки, – и Лера тоже успокоилась немного. В самом деле, о чем переживать! В конце концов, можно куда угодно поехать рожать, хоть в Европу, хоть в Америку. Жизнь ее теперь устроена, ничего не может помешать.

Но душа у Леры в этот день была беспокойна, и она сама не понимала, почему.

Впрочем, беспокойство бесследно прошло уже назавтра и больше не возвращалось – совсем наоборот.

«Точно мальчик! – думала Лера, просыпаясь по утрам. – С Аленкой ходила – глотка воды не могла выпить, так тошнило. А теперь, значит, мальчик!»

Токсикоза у нее действительно не было, зато сердце колотилось так, что едва не выпрыгивало из груди. Будет мальчик, Митин сын, во всем на него похожий – и руки такие же, и глаза с такой же тайной в уголках... И все-таки будет совсем другой – их сын.

Она боялась и хотела об этом думать.

Лера даже прислушивалась на всякий случай: не зашевелится ли он? Хотя уж это-то было совершенно невозможно в семь недель, она точно знала!

Куриль она бросила в один день и без тени сожаления – правда, Митину пепельницу все равно носила в сумочке. Зато аппетит у нее прорезался такой, что она сама себе удивлялась. Ей хотелось есть постоянно, даже ночью – просто представить невозможно, до чего прожорлив был этот мальчишка! Лера то и дело жевала какие-нибудь фрукты, или мясо, или овощи, с удовольствием отмечая про себя, что даже не полнеет от этой беспрестанной еды. Значит, все идет мальчику.

В один прекрасный день ей даже не хватило обеда, который ежедневно приносили сотрудникам «Московского гостя». Обед был довольно вкусный, но слишком уж, по нынешнему Лериному аппетиту, европейский: салатик, отбивная на косточке, маленькая горка картошки-фри.

Вздыхнув, Лера обглодала косточку и отнесла тарелку на кухню, оборудованную в угловой комнате уютного «бабского» офиса. Жозефина Ивановна Михальцова, надежнейшая ее заместительница, мыла яблоко над никелированной мойкой.

– Зось, я что-то не наелась, – почти смущенно сказала Лера. – Что это нам обеды такие микроскопические приносят?

– Ничего себе! – удивилась Зоська. – Никто пока не жаловался. Наоборот, говорят, слишком калорийно, для фигуры вредно.

– Да нет, я тоже не жалею... Но знаешь, пойду, пожалуй, перехвачу еще что-нибудь, – сказала Лера. – В новом этом ресторане на Трубной мясо, говорят, вкусно готовят.

– Что это с тобой? – Зоськины и без того круглые, как у птички-синички, глаза стали еще круглее. – После обеда – в ресторане обедать?

Зоська тем тщательнее заботилась о фигуре, чем меньше делалось ее желание выйти замуж. Она регулярно ходила на занятия шейпингом в своем феминистском клубе и не раз говорила Лере, что женщина должна выглядеть изящно исключительно для себя, и мужики здесь совершенно ни при чем.

Лера всегда с ней соглашалась. Действительно, выглядеть надо на все сто, она и сама не могла себе позволить бесформенной талии или второго подбородка. Что ж, если ей самой легкий, как рисунок пером, облик дан от природы? А другим приходится для этого работать.

Но сейчас ей хотелось есть и было не до талии.

– Я через часок вернусь, – сказала она полуизвиняющимся тоном. – Вроде сегодня никого больше не жду... Ну, если кто объявится вдруг – скажи, что я в посольство какое-нибудь поехала. А если Стрепет будет спрашивать – что завтра буду у него в девять пятнадцать, хорошо?

Ресторан, совсем недавно открытый на Трубной, оказался небольшим, в старинном шотландском стиле. И камин был – правда, сейчас он не топился, но все равно создавал уют.

Лере рассказывал об этом ресторане Валентин Старогородский – Валик Стар, давний ее знакомый. Валик давно уже бросил свою прежнюю репортерскую работу и теперь вел на московском телеканале передачу «Москва кабацкая», из-за чего именовался ресторанным критиком.

Лера прошла через полупустой зал к столику в углу, заметив мимоходом, что пол в зале вымощен булыжниками, как старинная мостовая.

Она нашла в меню бифштекс с кровью и тут же заказала его, усмехнувшись собственной кровожадности. Видно, мальчик ее был не из вегетарианцев!

– Только поскорее, пожалуйста, – попросила она вежливого молодого официанта. – Я с работы убежала, время не ждет.

Лера сидела вполборота к залу и все-таки краем глаза заметила, как сидевший к ней спиной в противоположном углу мужчина, услышав ее голос в полупустом пространстве, – вздрогнул, замер и медленно обернулся. Она инстинктивно повернула голову, ощутив его к себе

интерес, – и замерла сама, чувствуя, как немеет, леденеет и покрывается холодным потом.

Прямо на нее, отделенный несколькими метрами пустого зала, смотрел Стас Потемкин.

Лера схватилась за край стола так, что пальцы побелели – как будто могла утонуть и цеплялась за обломки корабля. Поочередно звякнули о край тарелки Стасовы нож и вилка. Он смотрел прямо на Леру, и она глаз не могла отвести от его тяжелого взгляда.

Стас встал, уронив с колен салфетку, и медленно пошел через зал к Лериному столику. У нее не было сил для того чтобы встать, и все-таки она отшатнулась, едва не упав вместе со стулом.

Стас качнулся вперед и поддержал стул.

Он остановился рядом, словно не решаясь ни сесть, ни отойти, и молча смотрел на Леру, держа руку на спинке ее стула. Это было страшное для нее, тягостное молчание, но еще страшнее было представить, что вот сейчас он что-то скажет и она что-то ответит...

– Садись, Стас, – сказала Лера, не узнавая своего голоса. – В ногах правды нет, садись.

Она не думала, что сможет с ним говорить – но говорила. Хотя она ведь и прежде не всегда могла сказать заранее, на что окажется способна при определенных обстоятельствах... Возвышающийся над ее столом Станислав Люцианович Потемкин как раз и напомнил ей об этом.

Впрочем, не так уж он и возвышался. Неожиданно для себя успокоившись, Лера словно увидела его яснее – и поразились произошедшей с ним перемене. Когда-то, два года назад, Стас казался ей высоким, массивным и внушительным – теперь ей показалось, что даже плечи у него стали узкими.

Лера никогда не спрашивала, сколько ему лет, но предполагала, что чуть за сорок. Теперь перед нею стоял мужчина под шестьдесят, выглядящий ровно на свой возраст. Даже подбородок его, когда-то тяжелый, чувственный и мужественный, придавал ему теперь сходство со старым бульдогом – наверное, из-за обвислых щек.

– Сяду, если разрешаешь, – сказал он наконец, отодвигая соседний стул. – Правда можно?

– Правда, – кивнула Лера.

Она не понимала, что с нею происходит. Ладно – Андрей Майборода, он был необременительным и даже приятным воспоминанием, и к нему можно было испытывать жалость. Но Стас... Герой ее ночных кошмаров, человек, похитивший Аленку, чтобы получить ее, Леру... И те страшные

часы в его спальне, его тяжелое тело, его неутомимость – все, после чего она не могла и не хотела жить... Что было бы с ней тогда, если бы Митя вовремя не выбил дверь в ванную?..

И вот теперь Лера смотрела на постаревшего, погрузневшего Стаса Потемкина – и страх ее проходил, по мере того как она вглядывалась в его лицо. Страх сменялся странным чувством, которое не было ни жалостью, ни отвращением.

– Не знаю, что и спросить. – Стас потер лоб ладонью. – Как дела – вроде неловко...

– А другое что-нибудь – ловко? – усмехнулась Лера.

– Да, правда... Можно, я у тебя выпью за столом?

Стас вскинул на нее глаза, ожидая ответа.

– Мне все равно, – пожала плечами Лера. – С каких пор ты стал спрашивать разрешения выпить?

Официант принес Лере бифштекс, поставил прибор для Потемкина, налил ему водку.

Лера смотрела, как мелькают над столом руки официанта, как булькает в рюмке водка; в таком состоянии, как сейчас, она всегда замечала мелочи.

Потемкин торопливо опрокинул рюмку и достал из золотого портсигара «беломорину». Лера заметила, что руки у него дрожат.

– Опять на «Беломор» переключился? – без интереса спросила она.

– Да, Сибирь подействовала... Вспомнил молодость. Я же в Сибирь уехал, когда...

– Прекрати, – поморщилась Лера. – Мне неинтересно, куда ты уехал и что ты делал.

– Не могу, Лера! – сказал он вдруг с такой страстью, которой, казалось, невозможно было ожидать от него – обрюзгшего, тяжелого. – Не могу больше в себе держать! Я же только вчера приехал – и все хожу кругами... Во двор твой вечером заходил... Я только для того и приехал – тебя увидеть...

– Вот что, Стас, – сказала Лера, глядя прямо ему в глаза своими сузившимися беспощадными глазами. – Если ты еще произнесешь что-нибудь на эту тему, я тарелку разобью о твою голову.

– Разбей! – тут же согласился он. – Господи, да я только рад буду. Что тарелку – голову разбей, спасибо тебе скажу! Я же, Лера... Нет, ты послушай, минутку только послушай! – воскликнул он, заметив ее протестующий жест. – Я понимаю, простить ты меня не можешь, и не прошу. Я только сказать хочу: ты не думай, что я от всех ушел, как колобок. То есть да – как колобок и ушел – от бабушки, от дедушки. А лисица меня –

гам! – и съела... Никуда я не ушел, Лера! Не знаю, может, он и будет еще, высший суд какой-нибудь. А по мне – так я его уже прошел. Ты минутку только послушай! – торопливо повторил он, снова опрокидывая рюмку. – Ты если б знала, что со мной творилось тогда – ну, когда ты сказала, что меня не любишь и со мной не будешь. Со мной же такого в жизни никогда не было – чтоб любить, я же знать не знал, что это за дело такое... Говорил, что хочу тебя – так ведь и сам так думал! Я всего в жизни только хотел, Лера, не больше. Так хотел, что аж зубы ломило, получал – и успокаивался, и вперед, к новым свершениям. Ну и думал, что и тебя так же... И ночами уснуть не мог, все ты мне мерещилась, и любой бабы мне мало было. Что ж я еще мог думать? Что надо тебя добиться, получить – и дело в шляпе! Ну, и добился... А потом – господи! Врагу не пожелаю... Вроде с правосудием все наладил: Аслан в Чечне, Роза в депрессии – говорит, как лунатичка, что велят, сама в тюрьму рвется. Ушел, в общем, колобок. А оно-то потом только и началось... Что там мои бессонницы прежние, когда о тебе мечтал, чтоб пришла хоть на полчаса! Это еще, можно сказать, и приятно даже было. Вот потом... Не поверишь, в Сибири вообще ведь спать перестал, а это ж какая пытка, ты подумай – при Сталине даже...

– Не рассказывай ты мне про свою бессонницу, – тихо сказала Лера. – Не хочу я твои страдания понимать, Стас, и не буду.

– Я понимаю. – Весь он тут же сник, словно съезжился. – Я понимаю, каково тебе было, я ж не такой уж подонок... Хоть не тебе бы, конечно, про это от меня слушать! Но все-таки... Я же на самом деле ничего плохого девочке твоей не хотел, – снова заторопился он. – Думал, ты ко мне придешь – и все... Кто ж мог знать, что Аслан такой сволочью окажется? Ладно, чего уж теперь, – оборвал он себя и снова взялся за бутылку. – И правда, это теперь неважно – подонок я или нет, бессонница у меня или там что. Я только сказать тебе хотел: если б я знал, что это и есть любовь, что она вообще бывает – все по-другому бы было... Но ты все-таки знай, я тебе обязательно сказать хотел, чтобы ты знала: ничего мне даром не прошло, Лера. Может, это и правда божий суд, может, что еще... Но уж точно оно при жизни бывает, не потом, это я на себе убедился. Даже «Преступление и наказание» прочитал, вот до чего дошел! – усмехнулся он. – Все понять хотел, отчего жизнь моя в такое говно превратилась... Пустой я стал, Лера! Пустой, без желаний, без чувств. Сильно я умел хотеть – вот, видно, потому мне и вышло наказание: чтоб ничего не хотеть. Ты вот сейчас испугалась. – Он тяжело покачал головой, предупреждая Лерины возражения. – Испугалась, испугалась, я видел – что опять тебя домогаться стану... Нечего тебе теперь бояться. Ничего я не хочу, Лера, даже тебя. Такое,

значит, наказание – пустота.

Лера смотрела на него и по-прежнему не чувствовала ни жалости, ни отвращения. Но теперь она начинала догадываться, что же все-таки чувствует...

Неумолимая, неожиданная и неотменимая правда жизни стояла в Стасовых пустых глазах. Лера поняла, что с ним произошло, – поняла сквозь путаную его, сбивчивую речь. И в это же мгновение поняла то, что было для нее важнее, чем Стас с его наказанием и пустотой: поняла, что это прошлое больше над нею не властно. Что больше не будет страшных воспоминаний при виде какого-нибудь ни о чем не подозревающего строительного подрядчика. И не надо будет повторять про себя: «Это кончилось», – чтобы не дрожали руки... Ничего этого не будет!

А что будет – она не знала. Знала только, что сделает сейчас.

– Я должна идти, Стас, – сказала Лера, не глядя на него. – Бог тебе судья – все, что я могу тебе сказать. Да ты это и сам знаешь.

Она положила деньги у тарелки с нетронутым бифштексом и, не оглядываясь, пошла к выходу.

«Хорошо, что встреч на сегодня больше не назначено, – мельком подумала Лера, выходя из ресторана и доставая из сумочки телефон. – Хотя – все равно».

Это было последнее, что ей надо было сделать: позвонить Зоське, чтобы ничего больше не мешало.

И бежать по летним улицам, по бульварам и Большой Никитской – к Мите, к Мите!

Глава 6

Тридцатилетняя Лера, мать пятилетней дочери, понятия не имела о том, как говорят мужчине о будущем ребенке. Да и откуда ей было это знать? Костя когда-то вообще узнал об Аленкином существовании случайно, и не от Леры. И даже не высказал желания увидеть свою дочь.

А у своих дворовых, университетских, а тем более бизнесменских приятельниц ей и в голову не пришло бы спросить о подобном. Ну, сказали бы, что все было просто: «Милый, у меня задержка, кажется, залетела, ты рад?» – «Конечно!» – восклицает он и подхватывает жену на руки. Или: «Ты с ума сошла!» – и просит поскорее сдать анализы на аборт.

К Лере все это не имело отношения, и она до сих пор ничего не сказала Мите – потому что не знала, как об этом сказать...

И вот теперь, среди рабочего дня, она торопливо шла, почти бежала по Большой Никитской к консерватории, где Митя сегодня занимался со своими студентами.

В консерватории Лера бывала только на концертах в Большом зале – да и то, правду говоря, не слишком часто. И ей было немного странно идти по коридору, прислушиваясь к обрывкам музыкальных фраз, доносящимся из-за дверей, и даже пытаться угадать, не Митя ли там играет.

Но угадать она, конечно, не могла и просто приоткрыла дверь аудитории, проставленной в расписании напротив его фамилии.

Митя сидел к ней спиной, а лицом к скрипачу, и Лера не видела его глаз. Но она всегда безошибочно чувствовала его удивительное, никому больше не присущее внимание – лучи его внимания, в которых чья угодно душа раскрывалась так доверчиво...

Совсем молоденький кудрявый скрипач – наверное, из вундеркиндов – играл, Митя слушал, чуть наклонив голову. Лера остановилась у приоткрытой двери, не решаясь сделать больше ни шагу.

Как она могла прийти сюда? Что она скажет ему здесь, оторвав его от этих звуков, к которым он прислушивается весь, и вдруг потребовав, чтобы этот ясный луч его внимания направился на нее?

Мальчик играл очень красиво и, судя по вдохновенному, живому выражению его лица, самозабвенно. Но в его игре, которую Лера не могла, конечно, оценить по-настоящему, все-таки было то, что она ощутила сразу: какое-то едва уловимое тщание, старание сыграть виртуозно. Она никогда не чувствовала этого, когда играл Митя, потому и почувствовала теперь, по

контрасту.

Скрипач закончил, опустил смычок. В наступившей тишине Митя услышал поскрипывание двери и обернулся.

– Что-нибудь случилось? – спросил он, глядя на Леру без удивления, но с едва заметной тревогой. – Лера, что с тобой?

– Нет, Мить... Дмитрий Сергеевич, ничего, – растерянно ответила Лера.

Она никогда не видела его в аудитории – и растерялась. Митя был совсем другой, совсем непривычный рядом с этим ожидающе глядящим на него мальчиком. И непохожий на себя такого, каким бывал на концертах – хотя и там он всегда был разный.

Лера не могла даже назвать то, что вдруг почувствовала в нем. Это не была солидность или многозначительность – совсем другое... Какая-то спокойная сосредоточенность на том, что ей было совершенно недоступно.

– Ничего не случилось, Дмитрий Сергеевич, – повторила она, совсем уж по-дурацки пятясь за дверь.

– Леня, отдохни пять минут, – сказал Митя и вышел вслед за нею в коридор.

Они дошли до конца коридора и остановились у широкого, давно не крашенного подоконника.

– Ну, скажи мне. – Митя взял ее за руку. – Что у тебя произошло?

Лера набрала побольше воздуха, как будто собиралась выпрыгнуть в полетнему приоткрытое окно.

– Митя, я... Мы... – пробормотала она. – Я хочу родить мальчика, ты знаешь?

Это прозвучало так испуганно и, наверное, так непонятно, что даже он не догадался, о чем она говорит.

Митя рассмеялся, наморщив нос.

– Ну, подружка, я готов, но давай все-таки дойдем до дому, а? Здесь как-то неудобно, хоть подоконник и широкий...

– Нет, Митя! – Лера не выдержала и тоже улыбнулась, услышав про широкий подоконник; напряжение отпустило ее само собою. – Ты не понял – я говорю, что зимой рожу сына.

Он так побледнел, что Лера испугалась; вся кровь отхлынула от его лица.

– Что ты, Митя? – прошептала она.

Вообще-то она знала, что с ним такое бывает в минуты очень сильного волнения: лицо не меняется, но мгновенно становится совершенно белым, непроницаемым. Но это бывало с ним только в тяжелые для него минуты, когда всей его сдержанности не хватало, чтобы оставаться внешне

спокойным...

Лера не знала, что это значит сейчас.

Неожиданно он сел на пол у стены и обхватил голову руками.

– Митя... – Лера присела рядом с ним, пытаясь заглянуть в его глаза. – Митя, может быть, ты не хочешь...

Он поднял на нее глаза – и тут же взгляд его скрылся снова: Митя прислонился лбом к ее плечу.

– Я не хочу!.. – произнес он; голос его звучал глухо. – Что же тогда значит – хотеть...

Они сидели неподвижно на полу возле подоконника, и Лера чувствовала, как стремительно бьется жилка на Митином виске, прижатом к ее плечу.

– Посиди со мной, – вдруг попросил он, снова поднимая на нее глаза. – Посиди со мной, прошу тебя... Леня хороший, талантливый, тебе не будет скучно. Да мы с ним и закончим скоро, и я тебе сам поиграю немного, а?

Лера кивнула, не в силах произнести ни слова; горло у нее перехватило так, что она едва могла дышать.

Митя не сказал ничего – ничего, что она ожидала услышать, – но он сказал все; больше сказать было невозможно.

Глава 7

Простота счастья – это и есть то единственное, чего хватает на целую жизнь.

Даже ожидание будущего, которое всегда было в Лере и которое теперь еще усилилось из-за беременности, – даже это ожидание не могло затмить для нее настоящего.

Лера теперь видела жизнь так пронзительно и светло, как никогда прежде, и ее удивляло и восхищало собственное новое зрение.

Мама, конечно, обрадовалась, узнав о мальчике.

– Дай бог, Лерочка, дай вам бог! – сказала она, всхлипывая. – Кому же, как не вам... А что Вера Кирилловна говорит? – тут же поинтересовалась она. – Надо бы тебе самой за рулем не ездить – по-моему, это вредно. И отпуск ты не брала, нельзя же так! Экология какая в городе, пыль... Тебе теперь нельзя только о себе думать!

– А сама? – укоризненно сказала Лера. – Кто таблетки американские не пьет?

– Да что мне эти таблетки, детка! Второго внучка бы дожидаться – и на том спасибо...

У Леры сердце сжималось, когда она слышала мамины интонации – старческие, совершенно незнакомые. Раньше она никогда не задумывалась о том, что мама родила ее поздно и теперь ей уже семьдесят лет, а здоровье у нее всегда было плохое...

Особенно пугала Леру какая-то странная отрешенность, которую она совсем недавно почувствовала в матери. Надежда Сергеевна всегда так живо интересовалась ее делами, так непосредственно возмущалась и радовалась, что Лера сразу заметила произошедшую в ней перемену.

Теперь мама то и дело замирала, присев где-нибудь в комнате или на кухне, смотрела прямо перед собой остановившимися глазами, и даже шумная Аленка не могла вывести ее из этого рассеянного оцепенения.

Аленке Лера не хотела заранее говорить о будущем ребенке, но, видно, проговорила Надежда Сергеевна.

Они сидели на диване в маминой квартире, в Аленкиной комнате. Лера расчесывала мокрые после купания дочкины волосы.

– Мам, а правда, что ты мальчика собираешься родить? – вдруг спросила она.

Это было вечером, Мити, конечно, еще не было. Лера почему-то

испугалась дочкиного вопроса. Вернее, не столько вопроса, сколько ее тона – недоверчивого, настороженного.

– А как бы ты хотела? – осторожно поинтересовалась она.

Аленка помолчала немного и тихо сказала:

– А я бы не хотела...

– Но почему, Аленочка? – Лера едва не заплакала, услышав этот ответ.

– А вот потому! Потому что Митя тогда будет его папа и его будет любить, и ты тоже! А я тогда как же?

Лера так расстроилась, что даже расческа задрожала в ее руках, путая длинные Аленкины волосы. Она принялась уговаривать дочку, рассказывать ей, какой мальчик будет маленький и как они все вместе будут его любить, и Аленку, конечно, тоже, и ничуть не меньше. Но та сидела надутая, обиженная и едва не плакала.

– Он маленький будет, а я большая! Его будут любить, а меня нет! – твердила девочка, и переубедить ее было невозможно.

Она немного успокоилась только когда Лера сказала наконец, что все это будет еще очень не скоро. С этим Аленка и уснула.

Лера едва дождалась Митиново возвращения и выбежала из квартиры, как только заметила, что он входит в свой подъезд.

Она сама едва не плакала, когда растерянно рассказывала Мите о неожиданном разговоре с Аленкой.

– Что же делать? – спросила она наконец. – Я ей все сказала, ну просто все, что могла придумать, а она все равно не верит!..

– Да ведь это просто, – сказал Митя – любимая его фраза! – Это же так просто, подружка, ну отчего ты так расстроилась? Конечно, говорить – без толку, что ей наши слова! Но она сама все поймет, неужели мы не сделаем так, чтобы она поняла? Вот увидишь, это у нее пройдет через две недели, можешь мне поверить.

– Я тебе верю, Мить, – шмыгнула носом Лера. – Но я так от этого растерялась...

– А ты не теряйся, – посоветовал он. – Не теряйся и не ищи сложностей там, где их нет. Она хорошая, чуткая девочка, мы ее не обманываем – о чем же переживать? Это просто ревность, разве тебе она не знакома? Пройдет!

Ревность Лере была незнакома, и ей оставалось только, как всегда, поверить Мите.

Тем более что причины для тревоги вскоре нашлись, и более серьезные, чем Аленкина ревность.

Сначала Лере казалось, что это просто от жары. Вообще-то она любила

лето в Москве, сама не зная почему. Даже когда было жарко, как в этом году, даже когда плавился асфальт и зелень становилась пыльной, пожухлой.

Была в московском лете какая-то удивительно пронзительная и чистая нота – одиночества, что ли? – и Лера ее чувствовала.

Но теперь июльская жара ее измучила. Уже к обеду голова у нее начинала кружиться, темные пятна пульсировали перед глазами, в ушах стоял звон. А главное, что-то тянуло в животе – не болело, а вот именно изматывающе тянуло, как в больном зубе.

«Придется все-таки отпуск взять, – вздохнула про себя Лера. – Уехать куда-нибудь, где попрохладнее, – в Карелию, что ли, или на Байкал?»

И на Байкале, и в Карелии на берегу лесных озер у «Московского гостя» были построены коттеджи. Лера представляла, как хорошо там можно отдохнуть – ни о чем не думая, просыпаясь под едва слышный шелест волн о берег песчаный и пустой...

И слава богу, что она не ввязалась в какой-нибудь новый проект. Работа идет себе да идет, и, для того чтобы она шла, не нужны ни рывки, ни яркие идеи – достаточно Зоськиной пунктуальности. Можно взять с собой Аленку, уехать, забыть обо всем и думать только о мальчике, о жизни, которая так прекрасна своей простотой.

Лера жалела только, что Митя не поедет с нею. Несмотря на лето и закрытие сезона, он был занят своим театром – сейчас, кажется, больше всего поисками хормейстера. А Лера и знать не знала, кто такой хормейстер и зачем он нужен – Митя только недавно ей объяснил...

– Ну конечно, надо уехать, – сказал Митя, когда Лера сообщила ему о своих планах. – Я и сам хотел тебе предложить. Правда, я о даче думал – может быть, нам дачу снять или купить?

– А правда! – тут же обрадовалась Лера. – Как это я об этом не подумала? И не надо бы ездить далеко...

Не думала она об этом только потому, что Митя был занят с утра до вечера и, значит, на даче жить все равно не стал бы. А Аленка уезжала с мамой на лето в Малаховку к тете Кире, маминой двоюродной сестре. И зачем в таком случае дача?

– Ты подумай и мне скажи, – заключил Митя. – Как там мальчик поживает?

Когда он спрашивал о мальчике, голос у него был спокойный. Сначала Лера даже обижалась на это спокойствие. Все-таки первый его ребенок, а ему уже тридцать пять, мог бы и повзволнованнее быть! А потом ей пришлось устыдиться своей обиды...

Лера проснулась ночью, непонятно почему. Была уже даже не ночь, а начало рассвета; в окне стояла ранняя летняя синева. Она почувствовала, что Митя не спит, хотя он лежал неподвижно. Он не шевелился, но рука его, лежащая на Лерином животе, вздрагивала – и Лера даже испугалась, почувствовав беспокойство его пальцев.

– Мить, что с тобой? – спросила она, приподнимаясь на локте. – Ты отчего такой?

Он помолчал, не глядя на нее, потом сказал извиняющимся голосом:

– Ничего, родная моя. Сон увидел тревожный, проснулся. Хотел его послушать – мальчика...

– Да он же еще не шевелится! – удивилась она. – Еще же рано, Мить, десять недель всего.

– Все равно. Я послушаю, хорошо?

И она замолчала, легла, почему-то сдерживая дыхание. Что-то серьезное, неназываемое было в его голосе, а еще больше – в чутком трепете его пальцев...

Байкал, Карелия, дача – все это было хорошо, но тянущее ощущение внизу живота не проходило, и для начала Лера отправилась к Вере Кирилловне.

– Давай-ка, Лерочка, в больнице лучше полежим, – сказала она, моя руки после осмотра.

– В больнице? – Лера испуганно посмотрела на докторшу, но та всегда была невозмутима, и ничего нельзя было понять по выражению ее круглого морщинистого лица. – Зачем это еще – в больнице?

– А зачем нам лишний риск? – ответила Вера Кирилловна. – Работа у тебя нервная, ты бегаешь целый день, а для ребеночка это нездорово. Надо тебе спокойно полежать, двигаться поменьше.

А всем беременным советуют побольше двигаться, это Лера точно знала! И испуг ее усилился, несмотря на спокойный докторшин тон.

– Ладно, – сказала она, сдерживая дрожь в голосе. – А долго лежать?

– Там понаблюдают как следует и скажут. – От Веры Кирилловны невозможно было добиться того, что она говорить не хотела. – Ты вообще поменьше в медицинские дела вникай. Твое дело – слушаться врачей и родить здоровенького ребеночка!

Так вместо прохладной Карелии Лера оказалась в больнице, на широкой кровати с поднимающимися по мере необходимости изголовьем и изножьем.

Больница располагалась на Ленинском проспекте и считалась

престижной. В советские времена здесь рожали высокопоставленные дамы, а такие традиции обычно сохраняются. Но лежать в платном отделении здесь было так же скучно, как в любой другой больнице, особенно в гинекологии. Хотя, конечно, неплохо, когда в палате душ, телевизор и нет тараканов.

Лера так и не поняла, почему ее положили в больницу. Кажется, это вообще было здесь негласным правилом: не сообщать больным, в чем состоит их болезнь. Назначили таблетки, название которых ничего ей не говорило. Лера послушно пила их сначала, а потом перестала: вдруг подумала, что таблетки могут только повредить ребенку. Пить перестала, а чувствовала себя точно так же, как и с таблетками, и поэтому решила, что поступила совершенно правильно.

И лежала до одурения, до отвращения ко всякой горизонтали. Кажется, лежать – это действительно было единственное, что от нее требовалось.

Считалось, что Лера лежит в отдельной палате. Она и заплатила за отдельную, хотя кроватей в палате было две – просто потому, что в день ее появления одноместные все были заняты.

Поэтому она удивилась, когда на третий день в дверях появилась миловидная девушка лет восемнадцати с большой прозрачной сумкой в руках и радостно произнесла:

– Здравствуйте, меня зовут Вика. Я раньше в отдельном номере лежала, но там такая скука, просто ужас! Я к вам попросилась, можно? А цену вам пересчитают, я уже договорилась.

Она была невысокая, но очень ладненькая; о таких говорят: все при ней. Волосы у Вики были светло-русые, длинные и пушистые, глаза серые, носик маленький, скулы высокие – одним словом, она являла собою тот тип красоты, который – Лера знала – неизменно нравится мужчинам и визажистам.

– Вы же все равно уже здесь. – Лера невольно улыбнулась ее непосредственности. – О чем же теперь спрашивать?

Она подумала, что придется, пожалуй, перебираться в другую палату: Лера уже давно вышла из того возраста, когда ей могло быть интересным общение с Викой.

Но неожиданно выяснилось, что Вика совсем не так навязчива, как это могло показаться с первого взгляда. Да она и сама объяснила немного оправдывающимся тоном:

– Ты не думай, Лера, я не болтушка! Я вообще молчать могу сутками, если надо.

– Что значит – надо? – удивилась Лера. – Ты что, разведчица в тылу

врага?

– Да нет... – протянула Вика. – А просто с моим Колей поживешь – еще не тому научишься...

Лера видела, что Вике хочется рассказать о странностях своего Коли, но ей-то как раз слушать об этом не хотелось, и она не задала ожидаемого вопроса.

Вика рассказала ей об этом потом, точно почувствовав минуту, когда Лера готова была ее выслушать: когда надоело смотреть в телевизор, в окно и даже в книгу, а при виде белого больничного потолка хотелось выть от тоски.

– Это муж к тебе приходил? – спросила Вика, быстро взглянув на Леру и откладывая книгу в пестрой обложке.

– Да, – кивнула она.

– А ко мне тоже – муж, – с готовностью сообщила Вика. – Правда, красивый?

– Правда, – серьезно кивнула Лера, хотя не слишком разглядывала Викиного супруга.

Кажется, он был маленький, полнеющий, с живыми карими глазами. Он принес огромную корзину цветов и еще больших размеров пакет с едой, хотя Вика ела мало.

– Вообще-то он не муж, – уточнила Вика. – В том смысле, что мы не расписаны. Но это же неважно, правда? Я так считаю, от штампа ничего не зависит. Может даже наоборот получиться: только проштампуетесь, а его сразу и развестись потянет.

Вика высказала это таким глубокомысленным тоном, каким, наверное, не говорил Эйнштейн, когда открыл теорию относительности. Но при этом она смотрела на Леру такими доверчивыми, милыми глазами, что ни у кого язык бы не повернулся для насмешки.

– Конечно, – ответила Лера. – Какая разница, если он тебя любит.

– Он любит, – кивнула Вика, но в голосе ее не было уверенности. – Видишь, цветы принес... Да и вообще, он довольно внимательный...

Непроизнесенное «но» слышалось в ее тоне, и Лера все-таки спросила:

– Но – что?

– Да понимаешь, – с готовностью ответила Вика, – мы с ним так отдельно живем, просто даже грустно. Я, конечно, уже привыкла, мы уже год как живем, а все равно... Он очень умный, физтех кончил, а я же без высшего образования. И жизненного опыта у меня нет.

– Появится жизненный опыт, не переживай, – едва заметно улыбнулась Лера. – А что, он очень о твоём образовании беспокоится? Или о

жизненном опыте?

– Да нет, – покачала головой Вика. – Он вообще насчет меня ни о чем не беспокоится... Мы с ним в ночном клубе познакомились – знаешь, который в театре «Ленком», – я туда случайно с подружкой пришла. А Коля с приятелем был, они к нам подсели за столик. Он, знаешь, веселый такой, юморной, с ним сразу интересно было. Потом предложил домой меня подвезти, а сам к себе повез. Ну, а я и не возражала. Зачем притворяться, правда? – Рассказывая, Вика быстро перебирала маленькими пальцами цветы в стоящей у кровати корзине. – И мы с ним стали жить. Он сказал, что ему со мной хорошо, потому что я ему не мешаю. И он сразу очень хорошо стал ко мне относиться, честное слово! – Вика взволнованно посмотрела на Леру. – Мне же есть с чем сравнивать, я на фармацевтическом предприятии работала, видела, как к нашим девочкам мужья относились... Он совершенно нежадный, никогда не скажет: зачем, мол, юбку такую дорогую купила, можно бы и подешевле! На Канарах мы с ним отдыхали, в лучшем отеле, в рестораны водит часто или в клубы какие-нибудь ночные...

«Отчего же тебя не водить? – подумала Лера. – Красивая девочка, лишнего не говорит – есть что показать коллегам».

Она прекрасно знала этот стиль полусемейных отношений, принятый в бизнесменской среде. У мужчин уже было достаточно денег, чтобы не беспокоиться о стоимости юбки, и все дело состояло только в том, чтобы найти подходящую девушку. Красивую – это непременно! – не слишком умную, но и не настолько глупую, чтобы неумность свою прилюдно демонстрировать. А главное, во всем зависящую от своего благодетеля и отлично это понимающую. А если она при этом еще и любит...

Конечно, найти такую было нелегко. Москвички были слишком независимы, чтобы соответствовать подобному идеалу, а провинциалочки, приехавшие завоевывать столицу, слишком хватки и закалены жизнью, чтобы не стараться прибрать к рукам спонсора с целью скорейшей прописки.

Еще бы бизнесмену Коле не возить на Канары милую Вику с фармацевтического предприятия!

Но рассказывать все это Вике Лера, конечно, не собиралась.

– Да все у вас нормально, – успокаивающим тоном сказала она. – Сама же говоришь: любит. Ребенка ему собираешься родить. Он, кстати, как к этому относится?

– Да хорошо, – ответила Вика. – Я, говорит, достаточно обеспечен, чтобы ребенка своего содержать, как бы там дальше у нас ни сложилось...

«Вот скотина! – подумала Лера. – Мог бы хоть вслух ей свои соображения не высказывать!»

– Я же говорю, – продолжала Вика, оставляя наконец в покое цветы. – Я же говорю, меня только одно беспокоит: что я его совершенно не понимаю. Он сам по себе живет, я сама по себе. Вот недавно, как раз перед тем как меня на сохранение положили... К нам гости пришли, Колины однокурсники, у них десять лет института было. По-моему, все было очень хорошо, стол прекрасный, весело – танцевали, разговаривали... Потом они все спорить начали, и как-то, знаешь, слишком сердито, разгоряченно. Но я подумала, это из-за того что выпили. Я уже не очень хорошо себя чувствовала и пошла прилечь. Потом они разошлись, Коля ко мне зашел – и я вижу, он такой нервный, взволнованный. Я его спрашиваю: «Что с тобой?» А он: «Не могу больше! Почему я должен все время доказывать, что я не верблюд? Почему я должен, как мальчишка, всю жизнь любить альпинизм, песенки у костра, презирать деньги – тогда, значит, я хороший человек?»»

«Ого! – подумала Лера. – Не так-то прост бизнесмен Коля».

Впервые она посмотрела на Вику с искренним интересом.

– Что же еще он сказал? – спросила она.

– Да вот именно, что больше ничего... Как будто споткнулся. Ладно, говорит, спи – тебе это неинтересно! А что я могу на это сказать? – Вика едва не плакала, взволновавшись рассказом. – Я же и правда ничего в этом не понимаю. Он много такого говорит, на что мне и сказать-то нечего. Он, например, раньше, когда только начинал бизнесом заниматься, книги издавал. Говорит, они Сенеку издали и еще кого-то – я забыла... А теперь он иномарки продает, у него по всей Москве магазины, и в провинции тоже есть. Его бывшие компаньоны очень ругали, когда он книжный бизнес бросил – говорили, он что-то лучшее предал... А он говорит, что на книгах вообще нельзя деньги делать: они не для этого предназначены. А машины как раз предназначены для продажи, и он, значит, занимается тем, что естественно.

– Ты очень хорошо запомнила, – сказала Лера, чтобы как-то прервать взволнованный Викин рассказ и немного успокоить ее. – По-моему, ты напрасно думаешь, будто ничего не понимаешь.

– Да просто у меня память хорошая, – не согласилась Вика. – Особенно на то, что он говорит. А ответить мне нечего. Киваю только, вид делаю, да ведь он все равно понимает...

– Не переживай, – решительно сказала Лера. – Не так уж это важно, понимаешь ты его или нет. У тебя есть другие достоинства, и он за них тебя

ценит. Все у вас будет хорошо, вот увидишь!

– Правда? – обрадовалась Вика. – Ты действительно так думаешь?

Действительно Лера так не думала. Она хорошо себе представляла, что в любой момент возлюбленный автоторговец Коля может встретить женщину поумнее, которая будет знать, как успокоить его комплексы, и сможет на равных беседовать с его институтскими приятелями, а не только накрывать на стол и украшать компанию, как цветок в вазе. Но ведь может и не встретить – зачем же беспокоить Вику?

– Действительно, действительно, – сказала она. – А почему тебе, кстати, так уж мое мнение интересно?

Это она добавила, для того чтобы переключить Викино внимание на какую-нибудь менее болезненную тему.

– Ну, почему... Ты умная, образованная – вон какие книжки читаешь. – Вика кивнула на «Художников русского зарубежья», лежавших на Лерином одеяле. – И ты ведь не как жена здесь лежишь, правда? В смысле, что у тебя свое дело, свои деньги – значит, жизненный опыт есть.

Лера не выдержала и рассмеялась. Они с Викой поговорили еще о чем-то, требующем жизненного опыта, – кажется, о послеродовой депрессии, – потом позвонил Лерин телефон, и она поболтала немного с Аленкой, потом Вика щебетала по телефону со своим Колей...

И только потом, когда Вика уже уснула, Лера поняла, отчего вдруг появилась в ней самой смутная тревога.

«А я? – подумала она. – Я-то сама, со всей своей образованностью и жизненным опытом, – что я понимаю в Митиной жизни?»

Прозрачный, непроницаемый купол, отделяющий Митю от нее, снова представился ей – и Лера постаралась отогнать от себя эти мысли.

Конечно, смешно было бы сравнивать Митю с бизнесменом Колей, и их с Лерой отношения ничего общего не имели с тем, о чем рассказывала Вика. И все-таки...

Лера думала об этом и раньше, с тех самых пор, как жизнь так неожиданно и так неотменимо привела ее к Мите. Она знала, что совсем не похожа теперь на себя прежнюю – ту девочку, которую Митя знал с детства и, как он однажды сказал, любил всю жизнь.

Той девочке все было интересно – живопись итальянского Возрождения, могила царя Леонида под Фермопилами, да мало ли что еще! Она постоянно была чем-то занята, ее воображение постоянно было чем-то поглощено, и, наверное, этого нельзя было не заметить со стороны и этим трудно было не восхититься.

Теперь этого не было; Лера ничуть не обольщалась на свой счет. Была

работа, которую она выполняла с удовольствием, были заботы по дому – не слишком обременительные и не требующие особой самоотдачи. Но все это не настолько поглощало всю ее душу...

Даже читала она теперь иначе, чем в детстве и юности. Тогда ее оторвать было невозможно от книг, она проглатывала их с невероятной скоростью, выискивая все новые и новые в неисчерпаемой гладышевской библиотеке, – и каждая из них заставляла ее восхищаться, печалиться, напряженно думать и примерять ее к собственной жизни.

Теперь же, когда Лера читала, ей бывало более или менее интересно, книги по-прежнему будоражили ее ум и воображение. Но ни одна не могла бы заставить ее не спать ночами...

И что она – такая, какую стала – могла значить теперь для Мити?

Лера понимала, что спрашивать его об этом бесполезно. Скорее всего, он улыбнется, даже засмеется, скажет что-нибудь поддразнивающее – и все равно не ответит. И она не спрашивала, гнала от себя необъяснимую тревогу.

Глава 8

Вылежавшись в больнице месяц, Лера решила, что больше ей здесь делать нечего. Палатный врач, правда, считал, что лучше бы еще подстраховаться. Но Лера горячо уверяла его, что и дома будет исключительно лежать, – и врач не слишком настаивал на своем.

Кончилось лето с его изматывающей жарой, ничего у нее больше не болело, голова не кружилась, в животе не тянуло – к чему было терять здесь время? Да и «Московский гость», от которого она как-то отвлеклась за своими заботами, требовал ее присутствия. Тем более что на этот раз Лера собиралась уйти в декрет по-человечески – не так, как это было с Аленкой, когда ее увезли в роддом прямо из офиса.

Поэтому она ожидала только Митиного возвращения, чтобы отправиться наконец домой. Митя уже давно уехал вместе с оркестром – сначала в Казань, потом на фестиваль в Зальцбург, а потом в европейское турне; теперь он был в Амстердаме.

Лера дни считала до его возвращения. И потому, что по нему соскучилась, и потому, что хотелось поскорее выбраться из опостылевшей больницы. А главное, мальчик уже начал толкаться у нее внутри, и она представляла, как Митя положит руку ей на живот, как вздрогнут его пальцы...

Телефон зазвонил ночью, и в его звоне была тревога, как во всяком ночном звонке. Вика давно уже выписалась, Лера была в палате одна и не сразу проснулась, слыша во сне назойливые звонки. Да и когда проснулась, схватила трубку – не сразу поняла, почему слышит Аленкин голос.

Аленка звонила ей часто и, конечно, могла позвонить для того, чтобы сообщить, как похоже нарисовала кошку. Но не ночью же!

– Киска, что случилось? – спросила Лера, стараясь не напугать ребенка тревожными интонациями.

– Мама, бабушка заболела! – услышала она в трубке. – Я проснулась, пошла в туалет, а она мне сказала, что ей плохо... А теперь она так лежит... Мама, я боюсь!

Лера почувствовала, что все у нее внутри холодеет и сердце начинает стремительно биться.

– Лапочка, бояться не надо, – сказала она. – Ты знаешь что сделай: поднимись-ка наверх, к тете Зосе, и попроси ее зайти. А я пока вызову по

телефону «Скорую», и она сразу приедет к бабушке.

– Я уже ходила к тете Зосе! – В голосе Аленки слышны были слезы. – Ее дома нет, никто не открывает.

Это было как раз то страшное стечение обстоятельств, которого невозможно было ни предусмотреть, ни избежать. Невозможно было даже требовать от перепуганного ребенка, чтобы он ломился во все соседские двери.

– Аленочка, «Скорая» сейчас приедет, – повторила Лера, стараясь говорить как можно спокойнее. – Я уже ее вызываю, не волнуйся. И я тоже сейчас приеду, слышишь? Я уже одеваюсь!

«Какая же я идиотка! – думала Лера, торопливо натягивая джинсы, на которых уже не до конца застегивалась «молния». – Зачем было ложиться черт знает куда, на Ленинский? Пока отсюда доберусь...»

Каждая минута стучала у нее в висках, пока она спускалась по лестнице с пятого этажа – как назло, ко всему еще не работал лифт, а голова у нее кружилась после месяца лежания, – пока объяснялась с вахтерами, ловила машину на пустынном проспекте...

Ей страшно было представить, что происходит сейчас дома. Ночь, Аленка, перепуганная бабушкиной неподвижностью... У Леры самой пальцы холодели, когда она думала, что же произошло.

Ей повезло, она поймала машину почти у выхода из больницы. Правда, шофер показался ей не слишком трезвым и даже пытался с ней заигрывать. Но Лерины слова о том, что она спешит к больной матери, а еще больше, наверное, ее смятенный вид – сразу на него повлияли.

– Ну, держись тогда, девушка, – сказал он. – Какой же русский не любит быстрой езды!

Лера ожидала увидеть «Скорую» у подъезда. Но двор был пуст, и только мамины окна светились в темноте.

Еще взбегая по лестнице, она услышала, что Аленка всхлипывает под дверью. Едва Лера открыла дверь, та бросилась к ней, со всего разбега уткнулась головой в живот; Лера даже не успела сдержать ее испуганный порыв.

– Мама, она совсем молчит, совсем! – в голос заплакала Аленка. – И не двигается нисколько! Я ее зову, а туда заходить боюсь...

Лера вбежала в мамину комнату, присела на край кровати. Стремительные, сумбурные обрывки мыслей пронеслись в ее голове.

«Боже мой, почему маму послушалась, не поставила ее на учет в нормальной поликлинике? – едва не плача думала Лера. – К участковому своему она привыкла, не хотела... Платная «Скорая» уже здесь была бы!»

– Мама, ты слышишь? – спрашивала она, прислушиваясь к дыханию Надежды Сергеевны, и голос ее, наверное, звучал так же беспомощно, как у Аленки. – Я здесь уже, ты меня слышишь?

Она десятки раз видела мамины приступы, они начались, когда Лере было лет десять, она почти привыкла к ним и обычно знала, что надо делать, и ампулы с лекарством всегда лежали в тумбочке у маминой кровати, и шприцы... Лера и сейчас торопливо выдвинула ящик, надорвала упаковку.

Но сейчас все было совсем иначе, чем всегда, это она почувствовала сразу, как только увидела мамино лицо.

Лицо у Надежды Сергеевны было такое неподвижное, каким не может быть лицо живого человека. Приложив ухо к маминой груди, Лера расслышала ее дыхание, почувствовала тоненькую ниточку пульса на запястье. Но эта неподвижность, это страшное оцепенение черт...

Ей вдруг показалось, что помочь уже невозможно – ни уколом, ничем! Конечно, она все равно протирала спиртом кожу, надламывала ампулу, и руки у нее в этот момент не дрожали – но ужас происходящего казался ей безысходным.

Наверное, и Аленка чувствовала то же самое. Она так и не решилась войти в бабушкину комнату, стояла на пороге.

– Мама, ты уже сделала укол? – с надеждой спросила она оттуда. – Бабушка уже сейчас будет разговаривать?

– Конечно, Аленочка, конечно, – не оборачиваясь, с трудом сдерживая слезы, ответила Лера. – Сейчас, еще пару минут – и все будет хорошо...

Аленка умела открывать замок и сама побежала к двери, когда раздался звонок врачей. Лера помогала укладывать Надежду Сергеевну, и Аленка тоже подхватывала бабушкину неподвижную руку, которая то и дело соскальзывала с носилок.

– Лапочка моя, может, ты одна побудешь? – с отчаянием в голосе спросила Лера. – Мне надо с бабушкой поехать...

– Не-ет! – закричала Аленка так пронзительно, что пожилой усатый врач испуганно вздрогнул. – Я не останусь одна, я бою-усь!

– Оставайтесь с ребенком, – распорядился врач. – Ну подумайте сами, что вы там будете делать? Ей сейчас нужна будет интенсивная терапия, вас все равно к ней не пустят. Мы ее в хорошую больницу повезем – знаете, на Красной Пресне? Там отличная кардиология, у нас все туда просят.

Он говорил уверенным, успокаивающим тоном, но Лера уже успела привыкнуть к успокаивающему тону врачей и знала, что за ним может скрываться все что угодно.

Держа Аленку за руку, она проводила носилки вниз, постояла у подъезда, глядя, как отъезжает «Скорая». В сентябре светало еще не поздно, почти по-летнему, и небо уже наливалось утренней синевой.

Лера смотрела вслед уезжающей машине, сердце у нее билось отчаянно, и так же быстро, тревожно бился в ней ребенок.

В семь часов Лера позвонила Вале, попросив, чтобы та приехала как можно скорее.

Круглолицей, улыбчивой Вале было лет тридцать пять. Она помогала Надежде Сергеевне по хозяйству, и Лера всегда с удовольствием замечала, что Валя расторопна, весела и доброжелательна.

Иногда она вспоминала бестолковую домработницу Зою, у которой Роза Юсупова совершенно спокойно увела Аленку во время организованного Стасом похищения, – и радовалась, видя Валину сообразительность и надежность.

Валя приехала через час после ее звонка.

– Надо же, какое горе! – искренне посочувствовала она, глядя на бледную, с темными кругами под глазами Леру. – И тебе как не вовремя, Лерочка!

– Да разве это бывает вовремя? – невесело усмехнулась Лера.

– Ясное дело, не бывает, – согласилась Валя. – А все ж таки... Тебе бы полежать лучше, а? – осторожно добавила она.

– Что сейчас об этом говорить, – махнула рукой Лера. – Ты за Аленкой, главное, присматривай.

– Да это ты не волнуйся! – уверила Валя. – Мы с ней сейчас за рыбкой сходим на Палашевку, потом за мяском съездим на Ленинградский рынок...

Конечно, это был не самый лучший маршрут для ребенка, но сейчас Лере было не до этого. Она думала только о том, что происходит там, в совершенно ей неизвестной больнице...

В половине девятого, с трудом добившись, чтобы ее пустили в неприемное время, она вошла наконец в кардиологическое отделение. Но к маме ее пускать не хотели, и пришлось сразу идти к заведующему отделением и ждать, пока он закончит обход.

– Что я могу вам сказать? – произнес заведующий, когда Лера наконец оказалась в его кабинете. – Не буду вас обманывать, положение у вашей матушки не самое обнадеживающее.

– Что можно сделать, Иосиф Яковлевич? – спросила Лера; она уже узнала его имя и даже расспросила о нем словоохотливую старушку-больную. – Скажите мне, что нужно? Лекарства, приборы какие-нибудь?

Может быть, ее в специальные условия надо поместить?

– Какие в этом деле могут быть специальные условия? – усмехнулся Иосиф Яковлевич. – Милая вы моя, думаете, все можно купить за деньги? Уверяю вас, благоуханный сортир и цветной телевизор ничем вашей маме не помогут.

– Нет, я не думаю... – Лера покраснела от собственной невольной неловкости. – Извините...

– Если понадобятся какие-нибудь особенные лекарства, я вам тут же сообщу, – знакомо-успокаивающим тоном произнес заведующий. – Но вообще-то... Вы ведь знаете, сколько лет у нее энцефалопатия, а теперь еще гипертония, да сердце, да возраст... Хотелось бы надеяться на благоприятный исход!..

– Можно к ней зайти? – тихо спросила Лера.

– Можно, – пожал плечами врач. – Но она едва ли вас узнает.

Лера вошла в палату, села на стул у кровати. Работал какой-то прибор, прозрачная трубочка от капельницы вела к руке Надежды Сергеевны. Но Лера видела не прибор и не трубочку, а все то же – застывшее, оцепенелое, не изменившееся с ночи – мамино лицо.

Она редко впадала в отчаяние – понимала, что отчаяние только мешает найти единственно правильный выход из любой ситуации. Но то, что происходило с нею сейчас, было именно отчаянием, и Лера не находила в себе сил ни на какое другое чувство и действие.

Это было как раз то самое, о чем говорил врач... Нет, Лера, конечно, не думала, будто все в жизни можно купить за деньги. Она вообще не слишком верила в могучую силу денег, которая для большинства ее коллег-бизнесменов была бесспорной.

Но и не много было в ее жизни ситуаций, изменить которые было бы не в ее силах, не в ее власти. Одна была когда-то – с Аленкой, – и Лера не выдержала тогда, попыталась не жить...

И вот теперь ничего не зависело от нее, всей ее жизненной силы, всей ее души было мало, чтобы вдохнуть жизнь в неподвижные мамины черты. И Лера вглядывалась в них, задыхаясь от отчаяния и от собственной беспомощности.

Она не помнила, сколько просидела так, не двигаясь. Из оцепенения ее вывел голос медсестры, вошедшей в палату.

– Вы пошли бы отдохнули, – сочувственно произнесла сестра. – Я понимаю, каково вам, у меня у самой дочка как вы... А все-таки – ну что сидеть, сердце себе надрывать? Ей ведь сейчас все равно. Телефончик ваш оставьте, мы позвоним, если что. Поезжайте, деточка, домой, а утречком

завтра опять придете.

То ли голос медсестры был таким убедительным, то ли усталость сломила, – но Лера послушно встала и, с усилием заставив себя отпустить мамину руку, вышла из палаты.

Она шла по коридору, и собственные плечи казались ей тяжелыми, как будто она несла ведра с неподъемной, свинцовой водой.

Лера понимала, что ни в чем, наверное, не виновата, но чувство вины не отпускало ее. Она так мало думала о маме! Не то что мало заботилась – пожалуй, делала для нее все, что могла, чего никто не смог бы для нее сделать, – но вот именно мало думала.

Душа ее была заполнена Митей, всеми едва уловимыми переливами жизни, день ее был заполнен работой – а мама жила себе и жила, и Лера только чувствовала краем сознания спокойный и тихий отсвет ее жизни. И что значили по сравнению с этим внутренним невниманием дорогие лекарства, и комфортный отдых, и американские витамины!..

И вот его не было, этого света, которого она прежде почти не замечала, – и Лера почувствовала, что темная яма зияет у нее внутри.

– Дмитрий Сергеич звонил, – встретила ее Валя. – Я ему сказала...

– Зачем, Валяша? – устало спросила Лера. – Правда, я тебя не предупредила... У него концерты, ему все равно приехать нельзя, к чему зря его беспокоить?

– Да он все равно в больницу позвонил, где ты лежала, – объяснила Валя. – Там ему и рассказали.

Больница, палата... Безнадежная череда этих унылых атрибутов так прочно вошла в последнее время в Лерину жизнь, что все это уже казалось привычным. Правда, сейчас она чувствовала себя так, как будто и не было месяца сплошного лежания: снова все болело, тянуло и кружилось. И мальчик то испуганно бился в ней, то, наоборот, совершенно затихал.

– Валя, ты побудь пока, хорошо? – заплетающимся языком сказала Лера. – Я прилягу, я что-то устала...

Когда Митя позвонил снова, язык у нее все еще едва шевелился. Впервые в жизни Лера услышала в его голосе оправдывающиеся нотки.

– Лера, милая, я не могу приехать, – говорил Митя. – Если бы еще хотя бы три дня... Но сейчас – совершенно невозможно!

– Да и не надо, Митя, правда не надо, – тусклым голосом произнесла она. – Она все равно без сознания, зачем тебе приезжать?

Она хотела его успокоить, но голос ее не слушался.

– Прошу тебя, будь осторожнее. – Его голос дрогнул. – Ты не очень

хорошо себя чувствуешь?

– Не очень, – подтвердила Лера. – Но знаешь, Мить, мальчик уже шевелится...

Он замолчал. Лера слышала в трубке его далекое дыхание.

– Я скоро приеду, – сказал наконец Митя. – Ты любимая моя, я скоро приеду.

Несмотря на усталость, Лера не могла уснуть всю ночь. Она думала о маме, и воспоминания детства чередой проплывали перед нею – такие ясные, как будто они не были отделены годами.

Всегда, с самого детства, мама казалась ей робкой, нуждающейся в защите – да, пожалуй, так оно и было. Надежда Сергеевна всегда и во всем слушалась свою Лерочку, даже когда дочке было пять лет. И вместе с тем она всегда умела создавать тот незримый и надежный покров, который защищал Леру, – покров уюта, домашнего тепла и ясных, простых чувств.

Лера представила, что теперь этого покрова может не быть, – и содрогнулась.

Когда-то – она тогда только что познакомилась с Костей – ей казалось странным, что мама не вышла замуж, расставшись с отцом. Ведь он ушел, когда Лере было всего два года, а Надежда Сергеевна всегда казалась ей красивой – почему же? Лера даже не помнила, чтобы в их доме появлялись какие-нибудь кавалеры, чтобы маме звонили незнакомые мужчины – то есть не помнила ничего такого, что было бы совершенно естественно для одинокой привлекательной женщины, какой была ее мать.

Она однажды даже спросила ее об этом. Надежда Сергеевна улыбнулась той слегка смущенной улыбкой, которая проясняла ее лицо, делала отчетливым его самое главное выражение.

– Я и сама не знаю, Лерочка, – ответила она. – Мне как-то не хотелось, вот и не вышла. Зачем себя понуждать? Мне и Кира говорила, что, мол, надо, да и сама я иногда думала: надо бы хорошего мужчину в дом, тебе было бы легче, ты же у меня с детства обо всем заботилась... Но все равно, как посмотрю на них, даже на самых приличных, – и не могу. Все мне казалось: вот вломится сейчас в нашу с тобой жизнь, все в ней нарушит, все на свой лад переделает. Разве тебе этого хотелось бы?

– Да мне-то, конечно, не хотелось бы, – улыбнулась Лера. – Но разве дело во мне? Ты же все-таки не старая была, и всегда одна.

– Ну и что? – пожала плечами мама. – Я же не слишком темпераментная, Лерочка, ты совсем не в меня – в отца...

– А почему ты с ним разошлась все-таки? – пользуясь случаем,

спросила Лера. – Он нашел другую?

– Да никого он не нашел, – махнула рукой Надежда Сергеевна. – То есть, может быть, потом и нашел, он мужчина ох какой был видный. Я же говорю – ты в него внешностью пошла, и походкой тоже. Но ушел он не поэтому. Я и сама не знаю, почему... Он странный был человек, Лера! Нет, не то чтобы психически какой-нибудь не такой, а просто никогда нельзя было понять, чего он хочет, что ему вообще в жизни надо. Для меня семья, дом – это же было самое святое, ради этого всем можно было пожертвовать. А для него совсем по-другому. Все его куда-то тянуло, все ему хотелось что-то новое попробовать, а мы с тобой только мешали – вот он и ушел.

Мамин голос неожиданно стал суровым, и Лера посмотрела на нее удивленно.

– Ты так его за это и не простила? – осторожно спросила она.

– Не простила, – подтвердила Надежда Сергеевна. – Как я могла его простить? Какие такие могут быть в жизни радости, чтобы ни разу не приехать, даже дочкой своей не поинтересоваться ни разу? Я для него была – так, эпизод, да и ты тоже. Нет, такое простить нельзя. Да он и не просил никакого прощения. Даже деньги только по исполнительному листу приходили, строчки единой не написал!

Лера знала, что последние алименты пришли от отца с Уренгоя и действительно прекратились, как только ей исполнилось восемнадцать, день в день.

И вот теперь, лежа без сна и прислушиваясь к сжимающим, похожим на боль точкам внизу живота, Лера думала о том, как прошла жизнь ее матери – в вечном противоборстве разрушительным силам жизни, в вечном создании той незримой защиты, без которой она, Лера, выросла бы совсем другою.

Она уснула только под утро, в том состоянии тоски и тревоги, которое началось с Аленкиного ночного звонка.

Звонок и разбудил Леру всего через два часа.

– Валерия Викторовна? – услышала она в трубке мужской голос. – Из кардиологии беспокоят. Приезжайте, пожалуйста, поскорее.

– Что с мамой? – холодея, спросила Лера. – Ей хуже?

– Приезжайте, приезжайте, – повторил голос. – Извините, я на обход должен идти.

Хорошо, что Валя осталась на ночь. Мгновенно и бесшумно одевшись, чтобы не разбудить Аленку, Лера открыла дверь и быстро начала

спускаться по лестнице. Но между третьим и вторым этажом ей пришлось остановиться: словно короткие электрические разряды пробегали по ее ногам, начинаясь где-то в животе. На мгновение она испугалась, но размышлять об этом было некогда, и, дождавшись, когда странные разряды прекратятся, Лера спустилась во двор.

Она боялась, что это повторится, когда она сядет за руль. Но, к счастью, ноги слушались ее и утренние пробки еще не начались; Лера доехала до Пресни быстро.

В коридоре пахло хлоркой от вымытого линолеума, безрадостной казенной кашей и лекарствами. Но Лера не чувствовала запахов и не слышала утреннего больничного шума, когда бежала к последней палате, где лежала мама...

Едва она вошла в этот коридор, все ей стало понятно.

Гудящий прибор был уже выключен, и трубочка от капельницы не тянулась к маминой руке – а лицо у нее было такое же, как вчера: та же мертвенная отчетливость была в ее чертах, которую Лера почувствовала, когда мама была еще жива.

– Ничего нельзя было сделать, Валерия Викторовна, – сказал заведующим, стоя рядом с неподвижной Лерой. – Вероятно, я должен был сразу вам об этом сказать, все уже, собственно, и вчера было понятно. Что ж, прощайтесь... Потом надо будет ее отсюда перенести. Вы сами будете всем заниматься или придет кто-нибудь?

– Я сама, – едва слышно произнесла Лера. – Никто не придет.

– Примите мои соболезнования, – сказал врач и вышел из палаты.

Он сказал: прощайтесь, но Лера не знала, как это делать. Она вообще не думала сейчас о том, чтобы делать что-то положенное, правильное. Вся она замерла и онемела, и только ребенок бился и вздрагивал, и боль от его дрожи медленно растекалась по всему ее телу.

Она не сразу почувствовала эту боль, вглядываясь в неподвижное мамино лицо. А когда почувствовала, боль была уже невыносимой, взрывала ее изнутри, красными кругами стояла в глазах.

Лера вскрикнула, переломилась пополам и села на пол, прижимая руки к животу.

– Что с вами? – Та самая пожилая медсестра, которая вчера отправила ее домой, вбежала в палату – наверное, услышав ее вскрик. – Вам плохо?

Лера чувствовала, что начинает задыхаться. Она едва кивнула, схватившись за руку медсестры.

– С сердцем плохо? Вот ведь, все напасти на вас разом!

– Не с сердцем, – пробормотала Лера. – Беременность...

– Ах ты господи! – воскликнула медсестра. – И надо же такое!.. Ну ничего, деточка, потерпите, это ж больница, сейчас на другой этаж вас перенесем, сейчас!..

Но Лера уже не могла ни терпеть, ни ждать. Красные круги слились в ее глазах в сплошное пятно, боль зазвенела в ушах так пронзительно, что заглушила все остальные звуки, – и она почувствовала, что падает, проваливается в эту бесконечную боль.

Глава 9

Лера открыла глаза и увидела над собою белый больничный потолок. Она сразу поняла, что больничный, хотя ведь все потолки белые...

Она совершенно не помнила, что с нею происходило недавно, но зато помнила, что было перед тем, как ей стало плохо в маминой палате. Только вот не знала, недавно это было или давно: ощущение времени у нее совершенно сдвинулось.

Но ощущения собственного тела медленно возвращались к ней, и главное среди них было – тягучая, как движения пилы, боль. И сквозь эту боль, сквозь странный угарный шум в голове Лера чувствовала пустоту, которой была охвачена изнутри, – пустоту и молчание.

Ребенок не двигался и не бился, этого невозможно было не почувствовать.

Перед глазами у нее стоял туман, она ощущала какой-то дурманящий, сладковатый запах и не могла понять, что же произошло. Ребенка не было в ней – значит, он родился?

– Кто у меня родился? – произнесла она вслух, хотя рядом с ее кроватью никого не было. – Мальчик?

– Мальчик, мальчик, – услышала она молодой женский голос. – Будет у тебя еще и мальчик, и девочка, все у тебя будет!

– Что значит – будет? – заплетающимся языком спросила Лера. – Кто сейчас у меня родился?

Сквозь пелену перед глазами она увидела молодую стройную женщину в белой высокой шапочке, стоящую теперь рядом с ее кроватью. Лера почти не различала ее лица, только ярко накрашенные губы.

– Сейчас – никто, – спокойно ответила медсестра, наклоняясь над Лерой; шприц блеснул в ее руке. – Скажи спасибо, что сама жива осталась! Случись на улице...

– Что со мной сделали? – Лерины губы по-прежнему двигались медленно, онемело.

– Да ничего с тобой никто не сделал, – усмехнулась медсестра. – Операцию тебе сделали, да вовремя, а то бы ты сейчас не разговаривала. Ладно, ты отходи пока от наркоза-то. Зови, если что.

Наркоз проходил медленно, и так же медленно усиливалась боль, но Лера не обращала на нее внимания. Спокойный голос стройной медсестры звучал в ее ушах как жуткий приговор.

Она была одна в этой палате, но из-за двери доносились голоса, обычный больничный шум, к которому Лера уже успела привыкнуть. И чувствовала, что это становится всеобъемлющим: этот шум, белый потолок, запах лекарств – и отчаяние.

Вскоре Лера уснула – наверное, действие наркоза еще продолжалось, или укол был какой-то сонный. А когда проснулась, в палате было темно. Туман перед глазами развеялся, превратившись в обычную головную боль и тошноту, и сознание стало ясным.

Но это и было самой большой мукой!

Теперь Лера помнила и осознавала все совершенно отчетливо: смерть матери, потерю ребенка – безысходность всего, что произошло. И если мамина смерть была мучительна, тяжела, то неожиданное завершение беременности – это было совсем другое...

Это была не вообще какая-то беременность – некое состояние здоровья, которое врачи наблюдают, подсчитывая недели и месяцы. В этом была ее душа, этим она была связана с Митей, – и Лере казалось, что она не сможет пережить этот обрыв, оставляющий ее в полной пустоте.

Она хотела этого мальчика так же самозабвенно, как любила Митю, – и не суждено было... А ей казалось, что теперь жизнь наконец-то стала простой и ясной, что больше не будет тех мучительных разочарований, которых она с избытком хлебнула в одиночестве!

Сейчас, в темноте больничной палаты, чувствуя в себе только пустоту и боль, Лера поняла: слишком многое сильнее ее. Смерть – сильнее, разрушение – сильнее, и тяжести жизни ей по-прежнему не одолеть.

Мити не было с нею, и не могло его быть в том невыносимом одиночестве, в которое она все равно вернулась. Никто не мог ей помочь, и он не мог...

Она застонала и закрыла глаза, совершенно раздавленная и уничтоженная этой непосильной тяжестью.

Больница, в которой она так неожиданно оказалась, была самая обыкновенная, но теперь это было Лере все равно. Раньше, когда она думала о мальчике, имело смысл прислушиваться к советам, перестраховываться, выбирать условия получше.

А сейчас – зачем? Какая разница, сколько человек в палате, далеко ли туалет и что дают на обед? Все равно у нее не было аппетита, и она с одинаковым равнодушием смотрела и на серые больничные котлеты, и на румяные отбивные, которые приносили ей в передачах Валя, Зоська, тетя Кира.

Вся она стала какая-то равнодушная, застывшая. Из послеоперационной палаты ее перевели в общую, обещая, что скоро выпишут домой. Но и это было Лере почти все равно.

Она даже не заметила, что «скоро» почему-то растягивается, что кровотечение у нее все не прекращается, а лицо палатного врача делается с каждым обходом все озабоченнее.

– Тебе бы лепестков пионовых надо заварить, – посоветовала Рита, лежащая на соседней койке. – Мне свекровь всегда говорила: от женских кровей первое дело – пионовые лепестки!

Рита лежала здесь с шестым выкидышем и, кажется, чувствовала себя в больнице лучше, чем дома.

– Да брось ты, Ритка, – пионы! – хмыкнула вторая соседка, Маша – молоденькая и веселая девушка, чрезвычайно довольная тем, что ее «залет» кончился так удачно. – Ей вон чего только не колют, и ничего, а ты – лепестки какие-то. Нет, тут уж надо лежать и не рыпаться. Да повеселее ты, Лерка! – бодро обернулась она к Лере. – Ну подумашь, выкидыш! У тебя ж есть уже, зачем тебе еще? По мне, если б мужик не настаивал, так я б еще ой как подумала рожать. Какая теперь жизнь пошла, ты посмотри только! И ресторанов полно, и шмоток всяких. Живи да радуйся! Так нет, ему надо, чтоб я в халат влезла и с детенышем дома засела как на цепи. Нет, больше я дурой не буду... Таблетки – это он мне, конечно, не даст: он аж как-то обыск настоящий устроил, почему не беременею. А вот спираль – это я поставлю, пусть попробует уследит!

Прежде Лера с ума бы сошла от таких разговоров, но теперь она и к ним почти не прислушивалась. Она словно погрузилась в глубокую воду, из которой невозможно было вынырнуть, – и сама не понимала, когда это произошло.

Самое тяжелое было – видеть Митю. Он приходил, Лера с трудом выходила к нему в коридор, они садились в холле, где стоял телевизор. В это время, вечером, женщины обычно смотрели какой-нибудь сериал и шикали на всех, чтобы не пропустить ни слова.

Лере хотелось что-то сказать ему, но она не могла. Да и что можно было сказать – вот так, под телевизионные рыдания, среди чужих и равнодушных людей? Чувства ее притупились за это время, словно она была обернута ватой.

Однажды вечером они в который раз сидели на обитой дерматином скамейке в холле. Митя держал Леру за руку, но она только физически чувствовала его прикосновение – собственная кожа казалась ей резиновой, и голова привычно кружилась.

Мимо них торопливо прошла женщина из соседней палаты.

– Ниночка, у Петренко из восьмой выкидыш! – громко кричала она на ходу, обращаясь к дежурной медсестре.

Стройная Ниночка выглянула из сестринской. В руке у нее был бутерброд.

– Ну чего ты орешь? – недовольно сказала она. – Ну, выкидыш – что ж теперь орать? Пусть берет его и идет в процедурную, я сейчас доктора позову.

Лера вздрогнула от этих слов, впервые выйдя из своего отчаянного оцепенения. Она взглянула на Митю, почувствовав, как вздрогнула ей в ответ его рука. Она не знала, что он скажет сейчас. Блестящие мушки роились у нее перед глазами, и она не различала его лица.

– Я тебя сегодня же отсюда заберу, – сказал Митя.

– Зачем? – вяло пожала плечами Лера. – Все равно ведь надо где-то лечиться, а здесь врачи вообще-то неплохие.

– Зачем ты меня добиваешь, Лера? – тихо произнес Митя. – Я себе и так никогда в жизни всего этого не прощу, а ты как будто нарочно хочешь навсегда все забыть, кроме этого...

Такой голос у него был только однажды: когда он узнал, что она ездила к Стасу Потемкину за деньгами.

– Да я ведь и правда ничего этого не замечаю, – сказала Лера. – Я сама не понимаю, Митя, что это со мной.

– Ты просто больна, – сказал он, и Лера посмотрела на него с надеждой. Его голос наконец-то пробился к ней сквозь пелену, в которую она сама закутывалась все плотнее. – Ты просто потеряла много крови, и больше ничего, понимаешь? Больше ничего. А это пройдет, и об этом ты забудешь.

– Ты правда так думаешь? – спросила Лера. – Правда, Митя?

– Это не я так думаю – это так и есть, – ответил он. – Только бы ты меня не разлюбила...

– Я не разлюбила, Митя, не разлюбила! – Лера почувствовала, что слезы закипают у нее внутри, и удивилась, что вообще может чувствовать их обжигающее кипение. – Но меня ни на что не хватает, ты понимаешь? – Она впервые за все это время говорила с такой страстью, хотя голос у нее был по-прежнему слабый. – Я утром просыпаюсь – и сразу думаю, что его уже нет, что ты его даже услышать не успел. И все, меня уже больше ни на что не хватает! И врач говорит, что едва ли когда-нибудь... Значит, мне не судьба родить тебе ребенка, ты понимаешь?

Блестящие мушки разлетелись от ее волнения, и Лера ясно увидела Митино лицо прямо перед собою. Потом лицо его снова расплылось: он

притянул ее к себе, прижал ее щеку к своей.

– Все, поедем, – сказал он. – Поедем с тобой, подружка, куда глаза глядят, и будет нам с тобой хорошо.

Он встал, осторожно поднимая ее за собою.

– Как, сейчас? – растерянно спросила Лера. – Но ведь вечер уже, и надо же выписаться...

– Сейчас, – сказал Митя. – Завтра я приеду и все сделаю, что надо. А ты здесь ни минуты больше не останешься. Ты здесь никогда не выздоровеешь, Лер, мне сразу надо было это понять и тебя не слушать. Собери, пожалуйста, вещи, я тебя жду у ординаторской.

Они вышли из больницы, когда на улице совсем стемнело. Митин плащ был надет у Леры поверх халата. Она едва не упала – таким мощным, свежим потоком ударил ей в лицо осенний ветер.

– Да разве это судьба? – услышала она Митин голос, и он показался ей сильнее, чем шум ветра, хотя Митя просто обнял ее сзади и говорил прямо ей в ухо. – Ты что, подружка? Разве твоя судьба такая? Вот ты выздоровеешь – и увидишь, какая у тебя судьба... А потом я тебе наделаю еще десяток деток, и ты их всех родишь, не беспокойся!

– Десяток? – улыбнулась Лера.

– Ну, троих. Да, троих будет в самый раз. Сразу тройню, или по очереди, там видно будет.

Так, продолжая шептать ей на ухо какие-то глупости, Митя посадил Леру в машину, и огни вечерней Пресни поплыли мимо них по дороге к дому.

Лере страшно было войти в свой дом – в мамину квартиру, где ее больше нет... Но Митя и не повел ее туда – остановил машину у своего подъезда. И Лера послушно пошла с ним. Да ей и идти было тяжело, она мешком висела на Митиной руке.

Еще по дороге она снова впала в апатию. Всплеск, вдруг случившийся в больнице после равнодушных слов медсестры Ниночки, быстро прошел. Сидя рядом с Митей, Лера чувствовала, что голова у нее мотается, как у куклы.

– Надо было мне остаться, – бормотала она, прислоняясь виском к холодному стеклу. – Зачем это все, Митя? Мне совсем плохо...

Она видела, что сквозь решимость в глазах его проступает тревога, и думала, что он вот-вот развернет машину. Но Митя ехал дальше, и Лера замолчала.

И только войдя в его дом, почувствовав живую тишину комнат, Лера поняла, что Митя прав и оставаться было действительно невозможно.

Нет, голова у нее по-прежнему кружилась. Но она вдруг почувствовала и другое: словно большую подушку сняли с ее лица, и она глубоко вздохнула, и ей чего-то захотелось...

То есть сразу ей просто захотелось спать, но это уже было желание, а не тяжелое забытие, каким был ее сон в больнице.

– Я душ приму, Мить, и сразу спать лягу, – сказала Лера, почему-то извиняющимся тоном. – Мне кажется, я липкая как будто...

– Подожди, я тебе помогу, – ответил Митя, включая свет в ванной.

– Нет! – испуганно воскликнула Лера. – Я сейчас такая... Я не хочу, чтобы ты...

– Мало ли чего ты не хочешь, – пожал плечами Митя. – А я не хочу, чтобы ты в обморок грохнулась, а меня привлекли к уголовной ответственности за похищение больной.

Лере казалось, что она уснет сразу, как только прикоснется головой к подушке. Но, добравшись наконец до кровати, уснуть она не могла.

– Ну, а теперь чего ты хочешь? – Митя присел на корточки рядом с кроватью. – Скажи, скажи, я же вижу, у тебя какой-то каприз в глазах мелькает!

– Теперь я хочу, чтобы ты мне на скрипке поиграл, – с удивлением произнесла Лера. – Странно, правда?

– Вот действительно странность, с чего бы меня об этом просить? – усмехнулся Митя. – А я думал, придется пройтись по канату или проглотить шпагу.

– Нет, не потому. – Он снова начинал ее дразнить, и ей тут же стало смешно. – Просто я же у тебя немзыкальная, и слуха у меня нет...

– Вот и отлично, – сказал он, выходя из спальни за скрипкой. – Зато ты не заметишь, как я буду фальшивить.

– А Аленка с кем? – спросила вслед ему Лера. – С Валея?

– Она дома, – ответил Митя. – Я же не думал, что тебя сегодня заберу, и она теперь уже спит, наверное.

Глава 10

Лера всегда любила смотреть на огонь и жалела в детстве, что в городской квартире не бывает каминов.

Она смотрела на огонь, то взлетающий, то опадающий среди жарких углей, и ждала Митю. Он сказал, что скорее всего приедет последним поездом, и Лера прислушивалась к звукам за окном, как будто можно было расслышать, как гудят рельсы на маленькой станции.

За окном стояла удивительная, полная тишина альпийского поселка. Здесь, в Швейцарии, легко можно было найти именно такой – без ночных клубов и казино и чтобы вечером казалось, будто ты затерялся среди гор в одиночестве, но от этого не было бы ни страшно, ни грустно.

Лера много раз отправляла сюда людей, которым хотелось именно этого, поэтому сама выбрала место, куда должны были теперь приехать Митя с Аленкой. Она только жалела, что не дождалась их в Цюрихе, а поехала одна, вняв Митиным уговорам не терять зря времени, раз лечение уже окончено.

Лера вспомнила, как всего два месяца назад ни за что не хотела ехать лечиться в Швейцарию, – и улыбнулась.

– Ценю твой патриотизм, – пожал плечами Митя, – но ты поедешь в Цюрих, и незачем это обсуждать.

– Но почему именно туда? – удивилась Лера. – На два месяца уехать из дому – чего ради? Митя, в Москве действительно прекрасные врачи, к нам даже иностранцы приезжают лечиться, я же знаю! Не понимаю, ты что, поддаешься общему стремлению лечиться только на Западе?

– У меня свои стремления, до чужих мне дела нет. – Он не хотел принимать во внимание Лерины доводы. – Ничего не имею против наших врачей, у нас вообще люди талантливые, но дело не в них. Тебя я больше здесь в больницу не повезу. Мне жаль твоего здоровья и времени, это лечение для тебя впустую. – Митя говорил как будто бы серьезные вещи, но глаза у него смеялись, потому что он видел, как нравится Лере, что ее уговаривают. – Не будь у тебя твоего воображения – пожалуйста, лечись где угодно. А так – к чему это пустое испытание нервов?

Что ж, это было Лере приятно. Она только удивилась про себя: он-то откуда знает, что именно в Цюрихе ездят лечить женские болезни?

Впрочем, она уже и не удивлялась тому, что Митя знает совершенно невероятные вещи. Как он сказал однажды: «Я думал о чем-то другом, во

что и это уместилось»?..

И вот она сидела, смотрела на переливы огня в камине и ждала, когда хлопнет дверь на первом этаже.

И, как всегда, пропустила тот момент, когда это действительно произошло. Даже Аленка вошла на этот раз как-то бесшумно. Лера обернулась на ее торжествующий смех, только когда уже распахнулась дверь в комнату.

– А мы хотели тебя напугать! – радостно воскликнула Аленка. – Мы хотели влететь, как феи!

– Разве феи могут напугать? – смеясь и целуя дочку, спросила Лера. – Я феям очень даже обрадовалась!

– Что, мясо на вертеле жаришь? – спросил Митя.

– Нет, просто так смотрю. – Лера развязывала Аленкин шарф и смотрела, как он снимает куртку. – А ты хочешь мяса на вертеле?

– Да ну! Это я так, для полноты картины. Альпийское шале, красавица у камина...

– Для полноты картины здесь не хватало только тебя, – улыбнулась Лера. – Надолго ты себя отпустил?

– Надолго, – кивнул Митя. – На неделю.

Даже когда они расставались на день – просто не виделись с утра до вечера, – Лера удивлялась тому, что он совсем другой, чем она ожидала. То ли отвыкнуть она успевала от него, то ли он действительно менялся каждое мгновение? Только глаза его были неизменны: невозможно было разгадать их загадку.

– Что тебе больше всего понравилось в Швейцарии? – спросила Лера у дочки.

Аленка впервые была за границей, и она ожидала потока впечатлений.

– Стюардесса! – восхищенно ответила девочка. – Она такая красивая, и все приносит в таких маленьких коробочках!

– Зачем ума искать и ездить так далеко! – рассмеялась Лера. – Да-а, то ли еще будет, когда дело дойдет до выбора профессии!

Ей было так легко, она чувствовала себя воздушным шариком под потолком. Этого никому нельзя было объяснить, и Лера даже стыдилась бы, наверное, если бы кто-нибудь видел их со стороны, – стыдилась бы этой альпийской идиличности. Но она-то видела все изнутри, и что ей было до чьего-то стороннего взгляда?

– Ее вообще-то спать надо уложить, – сказал Митя. – Она устала, я сам не понимаю почему – мы ведь, кажется, не так уж долго добирались. Но мы, знаешь, оба без тебя устали...

– Я вижу, – кивнула Лера. – У нее носик делается прозрачный, когда она устает.

– А у меня? – рассмеялся Митя, наморщив нос так же по-детски, как Аленка. – У меня что делается прозрачным?

– А у тебя... Ох, Митька, ничего я про тебя не знаю! Что с тобой там происходит, как ты там без меня живешь – загадочный ты человек!

– Да? – удивился Митя. – Вот уж не думал. По-моему, так размеренно, как я, мало кто живет. Утром – хоть землетрясение – я буду на скрипке играть, потом на репетицию, потом концерт или снова репетиция... Слишком для тебя однообразно, подружка!

Он улыбнулся, говоря об этом, но Лере показалось, что в глазах его на мгновение мелькнуло какое-то странное выражение – которого она, впрочем, не поняла. Она два месяца его не видела, она радовалась, что он приехал, – и все остальное было неважно.

Аленка даже есть не захотела, даже не рассмотрела как следует свою спальню – уснула мгновенно, едва положив голову на подушку. Лера поцеловала ее, уже спящую.

Она слышала, что Митя спустился вниз, и пошла вслед за ним, включив в Аленкиной комнате ночник – маленького гнома с фонариком.

Дом, где им предстояло провести неделю, которая сейчас казалась Лере волшебной бесконечной, с улицы выглядел небольшим, но внутри был просторен. Но главное – в нем было то ощущение глубокого, ненарочитого покоя, которое невозможно было бы имитировать, если бы его не было в скрипучих ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж, в темных столешницах и золотистом фонаре над крыльцом, даже в старом медном кофейнике, стоящем на каминной полке.

В доме было тепло, и Лера надела к Митиному приезду любимое свое платье. Летнее, сшитое из одного куска светлого поплина, оно плавно обтекало бедра и волнами шло от каждого ее движения, а нижняя, у самого подола, агатовая пуговка впереди все время расстегивалась.

Спускаясь по лестнице со второго этажа, Лера чувствовала, что сердце ее колотится у самого горла. Она ждала, чтобы Митя обернулся.

Наверное, ему тоже стало жарко. Он снял свитер и стоял посреди большой комнаты в белой рубашке, прозрачной в неярком свете двух ламп на стене, и очертания его тела угадывались сквозь легкую ткань. Митя смотрел на Леру снизу, и ей показалось, что он обнял ее еще прежде, чем она спустилась к нему по скрипучей лестнице.

Лера так ждала этого мгновения – а теперь вздрагивала в его объятиях от странного испуга, и руки ее дрожали, прикасаясь к его волосам, плечам,

и вздрагивали губы, целующие его грудь сквозь тонкую ткань рубашки. Она чувствовала, что и он весь дрожит и не может произнести ни слова, обнимая ее, что-то расстегивая и задыхаясь от невозможности сделать все сразу.

Они легли на ковер, забыв обо всем – даже о том, что Аленька может проснуться и зачем-нибудь отправиться вниз; у них обоих не хватало сил для того, чтобы дойти до спальни.

– Митенька, ведь нельзя... – последним усилием прошептала Лера. – Сказали, еще месяц нельзя...

– Ты не бойся, милая моя... – Он целовал ее грудь в вырезе платья, все ниже расстегивая вереницу пуговиц. – Тебе хорошо со мной будет, не думай ни о чем...

Она и не боялась – она вообще не могла сейчас помнить ни о каких предостережениях, ни о каких «нельзя», которые могли отделить ее от него, от всего его вздрагивающего рядом с нею тела.

Одно движение его пальцев значило для нее больше, чем прошлое и будущее, вместе взятые.

Лера знала: насколько Митя сдержан во внешнем, всем видимом проявлении чувств, настолько трудно ему владеть собою, когда они остаются наедине. Конечно, невозможно было думать, что, встретившись, они будут еще месяц ждать врачебного позволения!

Но сейчас, в его объятиях, не это пугало ее.

Ожидая Митю, даже во сне его ожидая, Лера на самом деле не знала, как встретит его, каким будет их первое свидание. Оно действительно казалось ей первым – после тех бесконечных дней, когда ее тело было резиновым, бесчувственным, каким-то отдельным от нее предметом, который она должна лечить, и только.

Лера помнила, как много страсти было в ее теле, – но только помнила, совершенно не чувствуя ее больше. И это приводило ее в ужас, когда она представляла свое свидание с Митей.

Она знала, что не сможет его обманывать, как легко обманывают мужей многие женщины, – потому что разве можно рушить семью из-за такой ерунды, и лучше просто вовремя изобразить наслаждение, и вскрикнуть, и прильнуть, торопя его удовольствием...

Наверное, Митя почувствовал ее лихорадочный испуг – сквозь собственную страсть, сквозь свое желание и нетерпение. Он на секунду отстранился от Леры и тут же заметил слезы на ее глазах.

– Опять меня боишься, родная? – спросил он. – Когда же ты ко мне привыкнешь?

– Никогда я к тебе не привыкну, Митенька. – Лера попыталась сдержать слезы, но эта фраза прозвучала как глупый всхлип. – А ты теперь со мной вообще не захочешь... Ты же чувствуешь все – и зачем я тебе, такая?

– Ну и не привыкай. – Он лег возле Леры, положив руку ей под голову. – Ты со мной рядом полежи, хорошо?

– Хорошо, – кивнула она, изо всех сил сдерживая слезы.

Это было невыносимое, разрывающее чувство: все в ней стремилось к нему – а тело ее было словно неживое, и молчание собственного тела казалось ей окончательным, как приговор.

– Мы с тобой будем снизу вверх на все смотреть, – продолжал он; Лера удивилась, что его голос звучит спокойно после только что горевшей в нем и прерванной страсти. – Ты так не делала в детстве? А я часто так делал: мне интересно было все вдруг поменять. Видишь, стул какой – чудовище, а не стул! А вот какая огромная ваза стоит на полу – но она больше не ваза, а гора в цветах. На ней стоит дом, там живет музыкант, он играет на скрипке, а подружка его слушает...

– ... и ничего не понимает, – невесело усмехнулась Лера. – Ему не скучно с такой подружкой?

– Нет, не скучно. Он ее любит, вот и играет. Думает, что она, может быть, потом поймет. Или не поймет – это неважно. У нее походка – как музыка.

Лера вслушивалась в его голос, в незаметные переливы интонаций, и ей хотелось, чтобы это продолжалось бесконечно.

Она не заметила, как Митина рука высвободилась из-под ее головы и легла ей на грудь, между расстегнутых пуговиц, как пальцы погладили ее осторожным, едва ощутимым движением и остановились – может быть, ожидая ее испуга. Помедлив мгновение, ладонь коснулась ее соска, скользнула вокруг него легким, ласкающим оборотом, а локоть касался другого – и обе ее груди одновременно ощутили прикосновение, и горячие огоньки вспыхнули в них одновременно.

Митина рука оставила их, опустилась ниже, а губы его уже продолжали ласку, потом тоже заскользили дальше, то догоняя руку, то задерживаясь на Лериной груди, во впадинке над животом, на узкой дорожке, ведущей вниз – все ниже, все больше страсти, все горячее поцелуи, и трепет его пальцев, языка, и дыхание, вместе с которым вливалась в нее жизнь.

– Ми-итя... – стоном прозвучал ее голос, которого она не слышала. – Еще, Митенька, еще, вот так – еще...

Она не могла понять, сколько это длится в остановившемся времени – его наполненные медленной страстью движения. Она чувствовала, как

Митины волосы щекочут ей живот, как он языком ласкает все ее тело, самые тайные его уголки, а грудь и плечи его вздрагивают, сверху прикасаясь к ее бедрам.

Это не могло длиться долго: все ее тело наполнялось его страстью, переполнялось – и переполнилось наконец, переполнилось так, что она вскрикнула, забилась, поднимая колени, сжимая ими Митины плечи, ничего больше не слыша и не видя в заливающим ее, воплощенном желании!

Она не чувствовала уже, как его руки охватывают ее талию, как ходуном ходит его грудь между ее расставленных ног, как он еще целует ее туда, где все трепещет и бьется, но она уже не чувствует, не чувствует поцелуев в этих бесконечно накатывающих изнутри волнах.

...Когда Лера перевела дыхание, Митя уже лежал рядом с нею, но лица его она не видела: оно скрыто было на ее плече. Счастливая, живая сила дышала во всем ее теле, и Лере хотелось смеяться и плакать одновременно.

– Ох, Митенька, – сказала она, прижимаясь щекой к его волосам, – все ты со мной можешь сделать!.. А я думала, со мной никогда уже так не будет...

Он не отвечал, лежал неподвижно, и она вдруг почувствовала, как напряжено его прижавшееся к ней тело.

– Митя, что с тобой? – испуганно спросила Лера, пытаясь приподнять его голову и заглянуть в глаза.

– Нет, ничего. – Голос его прозвучал глухо. – Подожди, я полежу немного.

И тут только, услышав его глухой голос, Лера ощутила, как бьет его крупная дрожь, как судорога сводит все его тело.

«Боже мой, да что же это я! – промелькнуло в ней. – Как же я могла совсем не чувствовать...»

Митя лежал на животе, лицом вниз, и Лера поцеловала его затылок, потом плечи, потом еще, еще... Снова ее охватило желание – но совсем другое, не внутри ее горящее, а направленное на него.

Он лежал неподвижно, все так же напряженно, словно прислушиваясь к ее поцелуям, но вскоре Лера почувствовала, как дрожь в его теле сначала замирает, а потом начинается снова – но уже не дрожь подавленного желания, а трепет, такой живой и неостановимый, какой мог быть только в нем.

Спина его вздрагивала под ее губами – и вдруг он перевернулся, весь выгнулся, закинув руки за голову. Глаза его были полузакрыты, а губы приоткрылись, и из них вырывались задыхающиеся слова:

– Милая, хорошая моя... я сейчас... ты... мне хорошо...

Она умереть была готова за каждое его прерывистое слово, но он хотел ее жизни, прикосновений ее губ, ее ласкающего языка... Он просил ее об этом каждым своим движением, и она чувствовала эти едва уловимые движения сильнее, чем всю себя.

– Немного... Совсем еще немного – вот так... Еще не отпускай меня, останься... – просил его голос, и все его тело просило о том же. – Лера, Ле...

Голос его прервался. Лера чувствовала, как отдается в Митином теле каждое движение ее губ, как весь он устремляется в нее – всей страстью, всем больше не сдерживаемым потоком желания. И губы ее затрепетали, принимая этот поток, она забыла обо всем, кроме него – любимого, единственного, отдающегося ей так мощно и безраздельно!

Это была такая тихая ночь – ночь возвращения страсти. Ничто не мешало им слышать друг друга, тишина охватывала их со всех сторон, стояла на страже за окном и в умолкнувших деревянных половицах.

Они молчали, обнявшись – в том коротком промежутке, когда так много уже сказано и все равно остается бесконечно много.

В альпийском поселке, лежащем на самом дне глубокой горной чаши, было все, что нужно для счастья, в этом Лера не сомневалась. Только скрипку Митя привез с собой.

Вдоль неширокой главной улицы тянулась вереница магазинчиков и ресторанов – напоминающих, впрочем, небольшие гостиницы, в которых хозяева сидят вместе с гостями.

Аленке ужасно нравилось переходить из магазина в магазин, болтать с продавцами, то пытаясь обойтись десятком известных ей английских слов, то дергая за руки маму или Митю, чтобы переводили, – и заодно пробовать все сладости, которые ей всюду радушно предлагали. Лере с трудом удавалось извлекать свою дочку из этих упоительных мест.

Но вообще-то она радовалась, что Аленка воспринимает всю эту изобильную жизнь естественно, без благоговейного восторга и без нарочитого, через губу, презрения, которое Лера так часто наблюдала у пресыщенных, но комплексующих русских туристов.

Больше магазинчиков Аленке нравилась только лыжная школа, в которую Лера записала ее в первый же день. Сезон еще только начинался в Швейцарских Альпах, а этот поселок и вообще был малолюднен, поэтому пестрая толпа на улицах была невелика.

Лера с Митей только что съехали с пологого «детского» склона и теперь

смотрели, как похожая на яркий флажок Аленка вычерчивает плавные петли на ослепительном снегу.

– Устала? – спросил Митя. – Или замерзла?

Вязаная шапочка слетела с Лериной головы где-то наверху, волосы ее темным золотом горели в вечерних лучах.

– Не устала и не замерзла, – покачала она головой. – Но смотри – уже закат, нам домой пора, правда?

В закатном зареве, сияющем над заснеженным склоном, их дом был виден издалека. Он стоял в самом конце улицы, даже немного на отшибе – Лера из-за этого его и выбрала. А еще ей понравился фонарь над входом, похожий на острый колпачок.

Темнело здесь быстро, как только солнце пряталось за дальней горой, и это Лере тоже нравилось. Сразу начинался вечер, и каждого вечера она ждала с таким волнением, как будто в каждый вечер происходило что-то необыкновенное.

Оно внутри ее было – необыкновенное. Едва проснувшись утром, Лера уже прислушивалась: не исчезло ли оно? И улыбалась – то ли оттого, что находила в себе счастье, то ли просто почувствовав Митино плечо под своей щекой.

Аленка так напивалась за день горным воздухом, что начинала клевать носом уже в ресторане «Цауберберг», куда они ходили ужинать. Даже сказку не требовала на ночь рассказать, даже не просилась посидеть со взрослыми!

Каждый вечер наступали эти часы – когда они сидели вдвоем в большой комнате внизу, смотрели на огонь, разговаривали, или молчали, или Митя играл что-нибудь пленительное, не дающее ее душе покоя.

– Жалко, что гитары нет, правда? – спросила как-то Лера.

– Да? – Митя не смог сдержать улыбку. – Не скажу, что мне прямо-таки жалко, но...

– А мне – очень! Так бы ты мне спел что-нибудь...

– А так только на скрипке скриплю, – усмехнулся Митя. – Ладно, подружка, я тебе и так спою, без гитары. Что тебе спеть?

Это Лере было все равно – что. Душу ей с самого детства переворачивал его голос – таинственное обещание, звучащее в каждом слове.

Одну песню – как раз про душу – она до бесконечности могла слушать:

Девушке весной
Я дарил кольцо,

С лаской и тоской
Ей глядел в лицо,
Холодна была
У нее ладонь,
Но сжигал дотла
Душу мне – огонь!

И дальше – почему-то про то, как лунною порой, омрачая мир, шел понурый строй, рядом – конвоир, а душе в ночи снился чудный сон...

Иногда Лера замечала, что Митя вдруг замолкает посреди разговора, столбик пепла растет на его сигарете, лицо делается совершенно отрешенным, как будто он прислушивается к чему-то, – и замолкала сама перед властью тех звуков, которые он слышал всегда.

Заметив ее замешательство, он едва заметно улыбался.

– Ты говори, говори. Думаешь, ты мне мешаешь?

Но Лера не знала, что сказать. В такие минуты она не могла почувствовать, что с ним происходит, – и терялась...

– Ты уже в Москву хочешь, Мить, да? – осторожно спрашивала Лера.

– Я не могу сейчас уезжать надолго, – отвечал он, словно оправдываясь. – По всему не могу, ты понимаешь? И не хочу, и не должен. Я сам это выбрал, я от многих предложений отказался, и в Европе, и в Америке, чтобы работать со своими музыкантами. И если я не буду с ними проводить хотя бы двести пятьдесят дней в году, а пока что даже больше, – у нас ничего не получится. Успех променял на репетиционное время, – усмехнулся он. – Но уж его-то ни на что променять нельзя. Тем более теперь – если думать про оперу...

– А какую оперу ты хочешь ставить? – заинтересовалась Лера.

– Многие захочу. – Митя снова улыбнулся ее старанию понять то, что казалось ей важным для него. – Я чувствую, что вот-вот – и многие... Но пока у меня нет настоящего сопрано, так что говорить не о чем.

– Настоящее – это какое? Какое оно должно быть?

– Не оно, а она. Это должна быть она. Да этого все равно нельзя объяснить, Лер. Ну, может быть, так: если бы у тебя был голос и слух – это была бы ты.

– Хорошее объяснение! – обиженно хмыкнула Лера. – Мне не хватает самой малости! – Она встала, прошла по комнате и повернулась к Мите. – Ты не хочешь говорить со мной об этом? – тихо спросила она. – Ты думаешь, я совсем ничего не в состоянии понять?

– Ну что ты, подружка моя дорогая! – Он поймал ее за руку и посадил к

себе на колени. – Был бы я с тобой, если бы так думал?

– Думаешь, думаешь! – покачала головой Лера. – Ах, Митя! Как же ты не чувствуешь... Конечно, я в музыке ничего не понимаю, и слух у меня не развился, как Елена Васильевна ни старалась. Это странно звучит, на меня не похоже, но я, наверное, просто Душечка, понимаешь? Потому для меня это и важно – то, что для тебя. Хоть и ничего я тебе сказать по-настоящему не умею...

– Да я же знаю. – Он прижал ее голову к своему плечу, и Лера почувствовала его дыхание на своем виске. – Только ты моя душечка, не вообще – а моя душа. – И тут же он улыбнулся и пропел ей в ухо: – Ах ты, душечка, красна девица, мы пойдем с тобой, разгуляемся...

– погоди, добрый молодец! – сказала Лера, потирая ухо. – Вот вернемся в Москву, буду я работать, буду занята целый день – посмотрим, что ты тогда запоешь!

– Да все равно я буду работать больше и дольше. Так что тебе меня не переплюнуть!

– Митя, – вдруг спросила Лера, – а если его так и не будет... ребенка? Вообще – никогда?

Он тут же замолчал, и шутливая серьезность сменилась в его глазах настоящей.

– Ты не обижайся только... – медленно произнес Митя. – Хотя это все равно должно быть для тебя обидно, как бы я ни ответил... Если бы я сказал, что не хочу, – это было бы неправдой. И если бы сказал, что мне все равно, – еще большей неправдой. Я не знаю, как это назвать – это чувство... Мне тебя так много, Лера, что сердце у меня разрывается уже и сейчас, ты понимаешь? Мне все время хочется, чтобы тебя было еще больше, и ребенка мне поэтому хочется – но больше все равно невозможно. Не будет – значит, не будет. А будет – я буду его любить. Но ты не должна себя этим мучить.

Лера смотрела в его глаза и понимала, что он сказал все, что мог.

– А вообще-то, – тут же добавил Митя, – я постараюсь, конечно. Вот врачи тебе позволят, и мы займемся этим... хм, вплотную... Не так, как сейчас!

– Ладно, герой-любовник! – рассмеялась Лера. – Два дня всего осталось – и можешь возвращаться к своим операм, музыкантам и дирижерским палочкам!

– К сожалению, пока что не к палочкам, а к доскам, – заметил Митя. – И к прочему подобному. К крыше, например, или к забору. Боюсь, этим мне тоже придется заняться вплотную!..

Лера хотела спросить, что он имеет в виду, но тут Аленка отчего-то заплакала наверху, и она вскочила с Митиных колен.

– Что в тебе хорошо, Митенька, – сказала Лера еще в самом начале их так неожиданно вспыхнувшей любви, – так это то, что ты никогда меня не будишь.

– Да, у меня есть достоинства, – согласился Митя. – Но не бужу я тебя из чистого эгоизма. Просто мне нравится играть в тишине и одиночестве.

В их последний альпийский день Лера проснулась поздно и с сожалением подумала, что это в последний раз. Потом – Москва, работа, и никому не интересно, сова ты или жаворонок.

Она вышла из спальни и собиралась спуститься вниз, ожидая услышать голос Митиной скрипки. Но вместо этого услышала Аленкин голос.

– Мить, а ты мне обещал, что я сама себе что-нибудь выберу на память! – донимала его девочка. – Помнишь, обещал?

– Помню, – вздохнул Митя. – Вот и выбери, а потом мне скажи, хорошо? Елена Прекрасная, я не хочу бродить по магазинам, мне это скучно.

– Ладно, – охотно согласилась Аленка. – Я прямо сейчас пойду, пока мама спит!

Лера улыбнулась. Конечно, ее хитрая дочка выберет что-нибудь совершенно ненужное и потому самое для нее привлекательное. Но следующие Аленкины слова заставили ее вздрогнуть. Сначала Лере вообще показалось, что она ослышалась.

– А Розе? – спросила Аленка. – Розе я тоже что-нибудь сама выберу?

У Леры потемнело в глазах, она схватилась рукой за перила лестницы и замерла, не в силах сделать ни шагу.

– Розе?.. – Митя помолчал, потом сказал коротко: – Да, Розе тоже.

Услышав, как захлопнулась за Аленкой входная дверь, Лера перевела дыхание и спустилась вниз.

Лицо у Мити стало виноватым. Встретив Лерин смятенный взгляд, он сразу понял, что она слышала их разговор.

– Митя, что это значит? – тихо спросила Лера, не отводя глаз от его лица. – Это... какая Роза?..

– Лера, я понимаю, я не должен был этого позволять. Но я не мог, – сказал он, глядя ей в глаза. – Она пришла на похороны, потом зашла ко мне. Ленка ее увидела, стала плакать, она тоже... Я не мог этого выдержать! Подумал, что ты все равно пока не дома, а потом мы поговорим с тобой... Но потом все так мгновенно повернулось, и после твоего отъезда она снова

пришла.

– Но... как же это можно? – Лера чувствовала, что начинает задыхаться. – Митя, как же так? Мне вспомнить о ней страшно, неужели ты не понимаешь?!

Все, от чего, ей казалось, она освободилась после встречи со Стасом Потемкиным, – снова встало перед нею так ясно, словно произошло вчера. Роза Юсупова в кабинете на Петровке, ее слезы, ее пальцы, лихорадочно подхватывающие прядь рыжеватых волос. И ее слова – беспощадные, мучительные – о том, что Лере вовсе и не нужен ребенок...

– Милая, ну постарайся подумать об этом спокойно, – услышала она Митин голос. – Все равно прошлого не изменить, и к чему теперь снова Ленку мучить? Она-то помнит другое: эта женщина с ней возилась, полюбила ее. Что можно объяснить ребенку – что она преступница и вышла по амнистии? И все-таки, положив руку на сердце – ты представляешь, чем это могло кончиться тогда, если бы она не увезла ее от своего Аслана?

Лера понимала, что он прав. Все это было так, даже следователь говорил ей, что им всем повезло с Розиным самостоятельным похищением: у Аслана девочку отнять было бы непросто. И все равно, все равно! Стоило ей представить эту женщину рядом со своим ребенком – после всего...

– Давай подождем до дому, а? – сказал Митя. – Ты увидишь ее – может быть, увидишь все иначе, чем сейчас...

Больше всего ей хотелось закричать: «Да не хочу я ее видеть! Ничего я не хочу видеть иначе, мне хватит того, чего я навидалась из-за нее!»

– Ты прости меня, – тихо сказал Митя. – Я так хотел, чтобы ты успокоилась, – и не получилось...

Глава 11

Роза не появилась ни в первый день их приезда, ни во второй – и Лера уже вздохнула с облегчением. Может быть, она уехала – ведь может такое быть? У нее, кажется, мать где-то в деревне под Казанью...

Да ей и некогда было особенно об этом размышлять. Неожиданно оказалось, что домработница Валя, на которую Лера так рассчитывала, больше работать у нее не будет.

– Да я бы рада, Лерочка, – смущенно и радостно улыбаясь, объяснила Валя. – Да Сережка мой с армии вернулся – замуж я выхожу! Что ж с того, что я его постарше, правда? Зато он гадостей еще всяких не набрался – молодой...

– Поздравляю, Валюша, – вздохнув, сказала Лера. – Когда у тебя свадьба?

А тетя Кира с дядей Штефаном были совсем старенькие – где им справиться с Аленкой!

Пришлось обзванивать всех знакомых и полужнакомых в поисках няни для ребенка. Пока Лера звонила, Аленка обычно сидела в ее кабинете у компьютера и раскручивалась в вертящемся кресле то вверх, то вниз. Или нажимала кнопки факса, или разрисовывала маркерами разноцветные листки для заметок, или, изнывая от скуки, дырявила дыроколом все, что под руку попадалось...

И все это – после Лериного почти трехмесячного отсутствия на работе, когда дел накопилось столько, что и спокойного светового дня на них не хватало!

Иногда Митя брал Аленку с собой в Ливнево. Это ей, конечно, нравилось куда больше, чем торчать у мамы в офисе. Самое удивительное, что во время репетиций она сидела тихо, как мышка, – это Аленка-то, для которой десять минут неподвижности были подвигом! А когда сидеть становилось невозможно, бегала по парку, лепила снеговиков, пока не сгустились сумерки и вахтерша не загоняла ее обратно в особняк.

Лера понимала, что невозможно навязывать Мите ребенка постоянно. Невозможно, чтобы он оглядывался во время репетиции: здесь ли еще это искрометное создание?

– Может, тебя в детский сад отдать, а, ребенок? – спрашивала она Аленку.

Но та тут же начинала хлюпать носом, и Лере становилось стыдно: ее-

то мама в сад не отдавала.

А главное, она боялась разительного перелома, который и так уже произошел в Аленкиной жизни после смерти бабушки. И как усилить его еще и детским садом?

Лера возвращалась домой поздно, и в голове ее вертелась одна мысль: вот это и называют выжатым лимоном – вот это существо в светло-сиреневом пальто, которое выползает из машины, хлопает дверцей, забыв включить сигнализацию, идет по затоптанному снегу к подъезду, возвращается, все-таки включает – как автомат!

Аленку сегодня взяла Зоська и повела на четверговое чаепитие в феминистский клуб. Лера только вздохнула, узнав об этом, но – дареному коню...

Лера подняла голову на полукруглые чердачные Зоськины окна: не вернулись ли? Зоськины окна были темны, и Митины тоже – то есть окна их с Митей квартиры: теперь Лере не приходилось бегать туда-сюда через двор...

Она уже взялась за ручку подъездной двери, как вдруг услышала женский голос, прозвучавший одновременно со скрипом несмазанной дверной пружины:

– Что-то ты, мамаша, долго гуляешь! Куда ребенка-то дела?

Лера узнала бы его из тысячи, этот хриловато-мелодичный голос, – наяву, во сне, в бреду! Отделившись от стены дома, Роза Юсупова стояла в двух шагах от нее и смотрела сурово и настороженно.

– Опять ты? – выдавила Лера. – Так и будешь всю жизнь меня преследовать?

– Тебя! – хмыкнула Роза. – Много мне дела до тебя! Мне девочку жалко, при живой матери сиротку!

– Прекрати! – Лера почувствовала, как ярость закипает у нее в груди. – Да как ты можешь...

– А что такого? – перебила ее Роза. – Разве бабушка дала бы, чтобы Леночка до ночи у людей? А тебе-то что – у тебя дела всегда найдутся!

Лера замолчала, не зная, что ответить.

– Мужчина, и то больше понимает, чем ты, – продолжала Роза. – Он меня гнать не стал, он послушал...

– Он – другое дело, – тихо произнесла Лера. – Ты все уже забыла, сама себе все простила? А я не могу...

Розины глаза сверкнули в тусклом свете лампы над подъездом, как будто она собиралась сказать что-то резкое. Но вместо этого она

проговорила изменившимся, печальным голосом:

– Как я сама себя могу простить? Самой нельзя... А от тебя мне прощенья никакого не нужно. Так что и не простит меня никто, и мамаша твоя умерла... Она хорошая была женщина, и на суде за меня сказала: что звонила я, успокаивала ее, как могла. Ладно, что теперь! Я по Леночке так тоскую, сил моих нет. В тюрьме она одна мне снилась – ни мать, ни мужчины мои, никто. Я и пришла, как выпустили, – что мне было делать? Она у тебя совсем большая стала, рассуждает так умненько, стишок английский мне рассказывала...

Роза махнула рукой и торопливо пошла к подворотне.

– Подожди! – неожиданно для самой себя крикнула Лера. – Да подожди же!

Роза остановилась на мгновение, но не обернулась, а пошла еще быстрее. Лера догнала ее, когда та уже вышла из арки на улицу.

Они стояли на Неглинной, глядя друг другу в глаза со странным, необъяснимым чувством.

– Ты... Он... говорит, я тебя понять не хочу. А ты меня можешь понять? – медленно произнесла Лера. – Кто я для тебя – плохая мать, не больше. И что мне, оправдываться теперь перед тобой? Если бы не Аленка... Она тебя любит, думаешь, я не знаю? И с этим теперь тоже ничего не поделаешь... Приходи завтра с утра, Митя дома будет. Пойдешь с ней погуляешь, если хочешь, или вообще – что хочешь... А я тебя видеть не могу.

Лера почти вбежала в арку, захлебываясь слезами.

«Так она и будет теперь рядом – вечное напоминание... – нерадостно билось у нее в голове. – И ничего я с ней не сделаю, и будет она приходить, и всегда я буду это помнить, как если бы она вслух мне говорила: все, что ты смогла сделать для своей дочери, – лечь с мужиком в постель за деньги, да и то оказалось напрасно».

Но, как ни странно, Розу она не видела совершенно. Та приходила каждый день, это Лера знала: гуляла с Аленкой, водила ее в английскую студию и в зоопарк – и исчезала прежде, чем Лера открывала дверь; в окно ее, что ли, высматривала? Аленка не говорила о Розе ни слова. Она прекрасно чувствовала все, что происходило со взрослыми, и молчала, как рыбка, обо всем, что происходило днем. И Митя молчал об этом, и не с кем было поговорить.

«Но ведь невозможно так! – в отчаянии думала Лера. – Что же, так и будет теперь, так и будут от меня скрывать, как живет моя дочь?»

Впервые в жизни она почувствовала, что такое ревность. Пожалуй, это вообще было единственное чувство, которого она до сих пор не знала, – как странно! Сколько книг о нем было прочитано, сколько слез с детства пролито над этими книгами. Лера помнила, как долго не могла прийти в себя, прочитав «Кавказ» Бунина: звук выстрела из двух пистолетов стоял у нее в ушах... И «Легкое дыхание», и «И эти губы, и глаза зеленые» – да разве все перечислить!

Но что это такое на самом деле, она узнала только сейчас. Слышать Аленкин смех – и понимать: и с Розой она так же смеется... Ловить ее взгляд – доверчивый, безмятежный – и думать: может быть, он предназначен вовсе не мне...

Отдельность жизни ее пятилетней девочки, которая прежде лишь смутно тревожила Леру, теперь пугала ее и мучила.

Ей вообще было теперь нелегко. То есть ей редко бывало легко в самой для себя выбранной стремительной жизни. Но сейчас все навалилось одновременно.

Пока была жива мама, они жили с Митей вместе – и все-таки немного отдельно. Это «немного» почти не чувствовалось, они никогда не говорили об этом – и все-таки оно было.

Все-таки не надо было готовить обед на Митиной кухне, где в каждой чашке и ложке чувствовалось исчезающее прикосновение рук Елены Васильевны, и поэтому их невозможно было переставить на другое место.

И когда Митя занимался, можно было уйти с Аленкой к маме и не думать, что ребенок слишком шумно бегаёт по коридору.

Теперь все переменялось, исчезло незаметное «немного» – и Лера впервые растерялась перед тем, что ей предстояло.

Ей предстояло наполнить этот дом своей жизнью, а она не знала, как это сделать, и вообще сомневалась, имеет ли на это право. Этот дом был особенный, не такой, как все, и иногда Лере казалось, что она здесь лишняя. Какое-то слишком яркое пятно на благородном фоне этих стен, картин, книг... А собственная немзыкальность, которая и без того угнетала Леру, с тех пор как она стала жить с Митей, здесь казалась ей просто убийственной.

Она даже завидовала Аленке: та знать не знала подобных сомнений. Спокойно вытаскивала из шкафа старые, дореволюционные еще, детские книжки, не слишком расстроилась, разбив старинную вазу из саксонского фарфора. А Лера чуть с ума не сошла, увидев на полу осколки! И вообще, по всему было видно, что благоговение перед устоявшейся жизнью ее дочери не присуще.

Но самое удивительное заключалось в том, что Аленка оказалась музыкальна! Лера даже предположить этого не могла и постоянно отгоняла ее от пианино, вспоминая вазу и боясь, как бы девочка не утворила еще что-нибудь подобное – например, не вылила на инструмент воду от каких-нибудь цветов, не переводившихся в доме после Митиных концертов.

Но Митя обнаружил Аленкину музыкальность очень скоро.

Однажды, вернувшись вечером домой, Лера еще в прихожей услышала ее голос. На «ля-ля-ля» Аленка повторяла мелодию «Осенней песни» Чайковского. Музыку Лера узнала сразу: когда-то, лет десяти, сама пыталась ее играть, занимаясь с Еленой Васильевной. Но точность, с которой звучал тоненький Аленкин голос, поразила ее!

– Отлично, милая Елена, – услышала Лера. – Ну-ка, послушай – я еще сыграю, а ты опять повторишь, хорошо?

– А похлопать? – напомнила Аленка. – Когда кто-то что-то спел, надо похлопать!

Митя похлопал и проиграл на пианино следующую мелодию, а Лера на цыпочках прошла в спальню, чтобы им не мешать.

Они говорили об этом вечером, когда Аленка уже уснула.

– Я подозревал, что у нее должен быть хороший слух, и наконец собрался проверить, – сказал Митя, глядя, как Лера перед сном снимает перламутровые серьги, похожие на крылья странных птиц. – Знаешь, что она мне сегодня заявила? После репетиции?

– Что?

Лера положила серьги в шкатулку и расстегнула браслет, волною охватывающий ее запястье.

– Сказала: «У тебя дядя плохо играет на трубе!» Подожди, браслет не снимай.

– Почему?

– Красивый. Тебе – красиво. Да, плохо играет на трубе, это совершенно точно. Тромбонист играет плохо, я давно это слышу и все отчетливее понимаю, что он безнадежен и придется с ним расстаться. Но ведь это было даже не соло – она услышала в оркестре! Я проверил: у нее абсолютный слух.

– Но откуда? – поразилась Лера. – Я – ты же знаешь... А Костя – тот и вовсе, по-моему, музыки не слышал.

Митя помолчал.

– Ну и что? – произнес он наконец. – Ты ее в память мамы назвала – неужели случайно? И потом... – Он посмотрел на Леру коротко и чуть настроженно. – Она же теперь и моя дочка, правда? Почему не быть

слуху...

– Правда, Мить. – Лера судорожно сглотнула, чтобы не выдать волнения. – Конечно, у нее должен быть абсолютный слух, как же иначе?

Митя сам заговорил о Розе, и Лера даже обрадовалась, что это наконец произошло. Она не могла первой решиться на разговор.

– Ты должна мне что-то сказать. – Митя только что закончил играть и еще сидел на стуле в кабинете, положив скрипку на колени. – Хотя бы даже запретить, понимаешь? Я глупо чувствую себя перед ней – не знаю, что можно, а что нет. И перед тобой еще больше – мне все время кажется, что я тебя обманываю. Я приезжаю днем, она говорит: нет на обед второго, ребенку надо, я сварю? Я не знаю, что ответить...

Лера вспомнила, что на днях действительно не было второго. Но ей казалось, никто этого не заметил. Аленка всем первым и вторым предпочитала мороженое, а Митя был так занят в ливневском театре, что вообще редко обедал дома, даже если и заезжал днем на полчаса.

– Все равно Лена весь день с Розой, не одна же она остается, – продолжал Митя. – Зачем делать вид, что ты этого не знаешь?

– Я хотела бы не делать вид, Мить, – тихо произнесла Лера. – Но мне так тяжело, если бы ты знал! Я вот именно это как представлю – что она весь день с Розой...

– Почему «если бы знал»? Я очень хорошо это знаю. – Одной рукой по-прежнему придерживая скрипку, другую Митя положил Лере на талию. – Это ревность, правда? Но что же делать, милая? Это не та ревность, которой нельзя преодолеть. Я вижу, как они разговаривают, что они делают, – не часто, но вижу. Это хорошо для Ленки, у меня никаких сомнений нет. Ведь наша жизнь мало изменилась, а ее – изменилась очень сильно, после того как бабушка умерла. Ты хотела бы, чтобы она проводила целые дни с равнодушным, наемным человеком?

– Я не знаю, что мне делать, Митя...

Лера едва сдерживала слезы.

– Да ничего тебе не делать – довериться времени. Роза несчастный человек и совершенно искренний, она Ленку действительно любит до беспамятства. Я понимаю, это странно должно звучать после всего, но ее не надо бояться, Лера.

– Что бы я без тебя делала, а, Мить? – Лера не выдержала и всхлипнула. – Сидела бы, наверное, и редела – видишь, слезливая какая стала.

– Не знаю, – улыбнулся Митя. – Что бы я без тебя делал – знаю, а что

ты без меня – представить не могу.

– А что бы ты делал без меня? – тут же заинтересовалась Лера.

Что и говорить, Митя умел переключить ее внимание!

– Не скажу. – Он встал, держа скрипку и не отпуская Лериной талии. – А сейчас я уезжаю в театр, но вечером приеду, так что ты недолго без меня пробудешь, не рассчитывай!

– В воскресенье – в театр? – удивилась Лера.

– Ну, что делать, – пожал он плечами. – Сейчас много дел, может быть, потом будет поменьше.

В воскресенье Митя уезжал теперь часто, и Лера только вздыхала. Действительно, что можно поделаться? Она и сама знала, что значит налаживать какое-то дело – вот именно эти первые месяцы что значат – и сколько это требует времени. Всего времени требует, без выходных и праздников, что и говорить!

Именно так она работала, когда на нее свалился «Московский гость». Все надо было делать одновременно: вникать в такие тонкости, которых не может знать никто, кроме руководителя, и отдавать кредит – Стрепет сразу объяснил ей, что «Горизонту» нужен на таком месте владелец, а не исполнитель, – и знать, что от каждого твоего шага зависит твое же будущее, а другую работу в случае чего не подыщешь...

Конечно, Лера понимала: невозможно сравнивать то, что делает сейчас Митя, с ее тогдашними заботами. В конце концов, «Московский гость» – это только бизнес, и он требует тех усилий, которых требует бизнес.

Но каких усилий требует театр, оркестр – этого Лера не знала. И чувствовала перед Митиными занятиями благоговение. Это с самого начала было что-то совершенно ей недоступное, от нее отдельное – и Лера представить не могла, что эту отдельность можно преодолеть.

Она знала, что Митя занимается тем, что вообще-то казалось ей странным для главного дирижера, даже если он и художественный руководитель театра, – ремонтом особняка, например. Она даже спрашивала его:

– Мить, а это обязательно – самому следить, как перекрывают крышу?

– Обязательно, – отвечал он. – От этого зависит акустика. Там уникальная акустика, а испортить ее ничего не стоит.

Лера только вздыхала: действительно, если акустика... Может быть, действительно нельзя, чтобы директор сам, без Мити, занимался ремонтом такой крыши!

Директора ливневского театра она видела только однажды – и он ей не

понравился. Но Лера не стала высказывать Мите своих соображений, потому что не понравилось ей мягкое и влажное директорское рукопожатие. Говорить об этом было просто смешно. Директор Таловеров был опытным администратором, успел поработать и при советской власти, и при народившемся капитализме, он знал, как говорили, «всю Москву». Лера прекрасно понимала, что такие люди – на вес золота. И что было обращать внимание на глупости!

Но она понимала и другое: всегда следует доверять безотчетному впечатлению. И сама ни за что не взяла бы на работу человека, который вызывал у нее необъяснимую неприязнь. Но то она, директор турагентства. И совсем другое – Митя, с его театром, акустикой, операми... Как она может решать за него?

И Лера думала о том, что должна была решить она, – об отношениях с Розой.

Утром в понедельник Лера осталась дома. В последнее время, с появлением Розы, постоянно возникала неловкость с утренним уходом. Лера не хотела сталкиваться с нею, но и оставлять Аленку, не зная, придет ли она сегодня, тоже было невозможно. А Роза не приходила, пока Лера не выходила из дому, – за углом, что ли, караулила? Значит, надо было выходить так, чтобы Роза приходила уже без нее. Но Митя рано начинал заниматься – значит, уйти надо было еще раньше, чтобы Роза пришла до начала его занятий и потом его не отвлекала.

От этих бесконечных «если» и «значит» кружилась голова, и Лера понимала, что долго так продолжаться не может.

«Даже если на бульваре где-нибудь ждет, пока я выйду, – подумала она. – Ведь придет же когда-нибудь?»

Роза пришла в половине одиннадцатого, когда Лера уже не чаяла ее дожидаться.

Она вздрогнула, услышав звонок в дверь. Даже звонок у этой женщины был какой-то особенный – деликатный и властный одновременно. Лера открыла, и они несколько секунд стояли друг против друга, разделенные дверным порогом.

– Ты зашла бы все-таки, – сказала наконец Лера. – На лестнице хочешь разговаривать?

Поколебавшись еще мгновение, Роза переступила порог.

Лера впервые разглядела ее получше. Прошлый раз они виделись в темноте, на улице, а впервые... Впрочем, ту, первую, их встречу в кабинете на Петровке Лера помнила так ясно, как будто в сердце ей гвоздями вбились впалые Розины щеки, лихорадочно горящие глаза и рыжеватая

прядь.

Роза сняла серый козий платок, пальто с потертым норковым воротником и осталась в мешковатом синем платье с проблесками. Она вдруг показалось Лере гораздо старше, чем при первой встрече. Тогда перед нею сидела довольно молодая, изящно одетая женщина, не старше тридцати пяти, с нервным и выразительным лицом. Теперь же Роза выглядела по меньшей мере на пятьдесят, и лицо у нее было потемневшее, с резкими морщинками у глаз.

«Она несчастный и совершенно искренний человек... – вспомнила Лера. – Господи, как же тяжело – ревность и жалость».

Митя всегда занимался в кабинете – самой дальней комнате квартиры, а женщины прошли в гостиную. Аленка выглянула было из своей – бывшей Митиной – детской, но, увидев маму и Розу вдвоем, тут же спряталась обратно.

– Сколько это может продолжаться? – медленно произнесла Лера, стоя у кресла, но почему-то не садясь.

Роза тоже стояла, схватившись за крышку пианино, и Лера видела, как напряженно белеют ее пальцы.

– Хочешь, чтобы не приходила? – устало и как-то обреченно произнесла наконец Роза.

– Хочу, – кивнула Лера. – Но понимаю, что это невозможно. Из-за Аленки невозможно, не потому что запретить нельзя. Так что не надо от меня скрываться, я и так ни свет ни заря из дому выбегаю, чтобы с тобой не столкнуться! Ты где живешь? – спросила она без перехода.

– Тебе какая разница? – хмыкнула Роза. – Ну, у дворничихи нашей одной, неподалеку.

– Послушай. – Каждое слово давалось Лере с трудом от этого необъяснимого чувства – жалости и ревности. – Все равно ты здесь целый день, а у меня квартира пустая стоит. Я там жить все равно не буду – без мамы... И сдавать ее не смогу. Смысла нет тебе у дворничихи перебиваться, раз ты все равно приходишь. Думай обо мне что хочешь, но вот тебе ключи.

Роза вздрогнула, услышав это, и недоверчиво посмотрела на Леру.

– Ну что ты так смотришь? – спросила та. – Думаешь, это я от большой любви к тебе?

– Вот уж не думаю... – медленно произнесла Роза. – Зачем ты это?..

– Затем, что не во мне дело. И не думай, что я няню Аленке не нашла бы. Перебирайся, в общем. Лобызаться мы с тобой при встрече все равно не будем, но и шархаться друг от друга теперь не приходится. Все, мне

уходить пора.

Лера понимала, что разговор еще не завершен. Она не знала, на что живет Роза, и понимала, что надо бы предложить ей деньги, – но не представляла, как это сделать сейчас, чтобы не унижить ее и не оттолкнуть.

«Может быть, Митя – потом? – подумала Лера. – С ним-то она совсем по-другому разговаривает».

Она закрылась в спальне, чтобы переодеться перед работой, и настороженно прислушивалась: не хлопнет ли входная дверь?

Тишина стояла в квартире, только голос Митиной скрипки слышен был в глубине – как напоминание о единственном, неназываемом смысле.

Входя каждый день в свой элегантный офис в Петровских линиях, сама неизменно элегантная и изящная, Лера с каждым днем все отчетливее сознавала, что входить сюда ей хочется все меньше.

Это началось с того дня, когда она повесила на прежнее место в холле фотографию отраженной Венеции. Как будто с водворением этой фотографии завершился какой-то круг – и двигаться по замкнутому кругу больше не имело смысла.

У Леры достаточно было душевной чуткости, чтобы понимать, почему это произошло.

Когда-то, пять лет назад, работа восполнила ей скуку жизни с Костей, дала уверенность в себе, да и просто возможность не просыпаться каждый день в страхе от того, что не будет денег маме на лекарство, Аленке на яблоки и себе на колготки.

Мир открылся тогда перед нею в прямом и переносном смысле: живой, разноцветный и многолюдный мир далеких стран – и мир собственных возможностей, оказавшийся не теснее мира внешнего.

Она была из тех женщин, которые «сделали себя сами», – хотя кто мог сказать, сколько людей на самом деле принимали в этом участие?.. Лера, во всяком случае, точно знала, что ее самообретение было бы невозможно, если бы не Елена Васильевна Гладышева или профессор Ратманов, лекции которого об итальянском Возрождении она когда-то слушала с замиранием сердца. Не говоря уже о Мите...

Лера сидела в своем, недавно заново оформленном кабинете – небольшом, но казавшемся просторным из-за умело подобранных разноуровневых потолков, из-за полукруглого возвышения, на котором стоял ее стол, и нескольких легких кресел, стоящих вокруг низкого столика в углу.

Во всем здесь чувствовался вкус – не меньший, чем в одежде

тридцатилетней президентши «Московского гостя». Теперь Лера с удивлением вспоминала, как это она когда-то понять не могла, в чем состоит настоящий женский шарм – то дуновение изящества, которое она сразу чувствовала в других женщинах, но не умела применить к себе.

Конечно, ей очень помогла ее неизменная модельерша Ната Ярусова – когда-то начинающая, никому не известная, а теперь считающаяся одной из лучших в Москве. Но больше всего помогло собственное чутье, умение выбрать из всех веяний моды то, что соответствовало только ее облику – ее легкой, неуловимой походке, живому блеску прозрачно-карих глаз и пленительно плавной линии бедер.

Лера с трудом вспоминала теперь то время, когда единственно удобной одеждой считала джинсы, потому что в них можно было ходить и на лекции, и в поход. Джинсы она, конечно, и теперь носила. Но теперь удобство одежды значило для нее совсем другое: например, чтобы собственное настроение совпадало с рисунком на ткани... Совмещать рисунок с настроением – это было увлекательное занятие, которому Лера отдавалась с удовольствием.

Но она помнила о том, что было еще глубже, и помнила всегда, даже когда просто выбирала этот самый рисунок: мгновенное, мимолетное восхищение в Митиных глазах, когда он смотрит на нее...

И вот она сидела в своем офисе, пила кофе и разговаривала с Зоськой Михальцовой, только что вошедшей в ее кабинет.

Насколько чувствовала Лера перемены, произошедшие с нею за невообразимые последние пять лет, настолько радовалась она Зоськиной потрясающей неизменности. Это была все та же милая и решительная Жозефиночка, которую в детстве дразнил за необычное имя Женька Стрепет, с которой они бегали по стамбульским лавкам, торговали на Переделкинском рынке, на которую можно было положиться во всем и всегда надеяться на сочувствие.

Зоська была на редкость снисходительна к человеческим слабостям, и это тоже радовало Леру. Правда, и удивляло порядком. Она никак не могла взять в толк, как это Зоськина отзывчивость мгновенно сменяется полной непреклонностью, едва только речь заходит не вообще о каком-то человеке, а о каком-нибудь вполне конкретном мужчине?

Впрочем, Лера не любила обсуждать то, что связано было с чужими отношениями, – и, наверное, Зоська тоже ценила в ней это.

– Скучно тебе, Лер? – спросила Зося, глядя, как Лера машинально перелистывает страницы ежедневника.

– Скучно? – Лера подняла на нее удивленные глаза. – С чего ты взяла?

Работаю, что ли, плохо?

– Да ведь сразу видно, – пожала плечами Зося. – Тебе когда скучно, ты не то что работаешь плохо, а у тебя огонек такой в глазах гаснет. Вот ты сейчас в блокнот смотришь – и не глаза у тебя, а одна косметика.

– Ну-у, Жозефиночка! – рассмеялась Лера. – Пора тебе в профессиональные психологи подаваться!

– А что? – улыбнулась в ответ Зоська. – Тут годик-другой поработаешь, еще не тому научишься. Нет, правда, Лер, – надоело тебе, я же вижу.

– Надоело, – согласилась Лера. – Я еще подумаю немного, Зось, а потом мы с тобой серьезно об этом поговорим. По-моему, у тебя проблем быть не должно, когда ты меня заменишь.

– А ты? – поразилась Зоська. – Ты-то что делать собираешься? Дома сидеть?

– В этом все дело. Если бы я знала, что делать собираюсь, давно бы уже отсюда ушла.

Лера знала, что говорит. Конечно, она давно могла не работать в «Московском госте». Все равно ее директорскую зарплату даже отдаленно нельзя было сравнить с доходом, который она получала как владелица фирмы.

Так сделали многие ее знакомые бизнесмены – наладили работу одних фирм и занялись другими, получая положенный доход и ограничиваясь самым общим контролем. И, конечно, она тоже давно могла поступить таким же образом: о лучшем директоре, чем Жозефина Ивановна, можно было только мечтать.

Прежде Лера просто боялась того, о чем так удивленно спросила Зоська. Действительно, как это она будет сидеть дома? Но чем дальше шла ее жизнь, тем более привлекательным казался ей такой поворот судьбы. А что: целый день проводить с дочкой, ждать Митю... Неужели это невозможно для нее?

Правда, Митя только улыбнулся, когда она его об этом спросила.

– Устала ты, подружка, – сказал он. – Устала и вставать любишь поздно. Ну, брось работу, что я могу тебе сказать?

– Но ты не думаешь, что это хорошо? – не отставала Лера.

– Смотря для кого, – пожал он плечами. – Для меня это было бы, может быть, неплохо. Но я не думаю, что ты выдержишь долго. Тебе скучно станет, Лер, и очень скоро. У тебя совсем другая натура.

– Forse de la nature? – вспомнила Лера комплимент, сделанный ей когда-то Валиком Старогородским.

– Ну да, сила природы, – подтвердил Митя. – Она в тебе всегда была

через край, и теперь ничего не изменилось. Просто сейчас ты охвачена иллюзией – дом, муж, ребенок, склад и лад, ведь правда?

– Правда, – кивнула Лера. – А почему ты думаешь, что это плохо?

– А я не хочу, чтобы ты питала иллюзии, как ни приятно это было бы для меня, – сказал Митя, завершая разговор.

Лера прекрасно знала, что, говоря это, Митя думает только о ней самой, о ее стремлениях и желаниях. Работай ли она директором «Московского гостя», получай ли дивиденды – ежемесячные доходы от ее деятельности или бездеятельности едва ли превышали его гонорар за один концерт где-нибудь в Вене.

Про себя она понимала, что Митя прав. Конечно, душа ее требовала постоянного действия, и невозможно было представить, что она направит всю силу своей души на приготовление обеда и ожидание Митино возвращение.

Но Лера понимала и другое – чего, пожалуй, не чувствовал даже Митя. Ей действительно было необходимо то, что он назвал «складом и ладом», – и этого не мог ей дать «Московский гость».

Ей нужен был какой-то особенный склад и лад, а какой – она не знала.

Глава 12

Ко всему, оказывается, можно привыкнуть – даже к Розе.

Лера и представить себе не могла, что привыкнет к постоянным уколам ревности, которые пронизывали ее при каждом появлении этой женщины, при виде Аленкиной радости, направленной на нее. Но – привыкла, хотя настороженность между нею и Розой не исчезла.

Денежный вопрос действительно разрешился только с Митиной помощью. Лера так и не решилась предложить Розе плату за сидение с Аленкой, а у него та брала деньги легко, без злости и без смущения.

– А почему бы и нет? – посмеивался Митя. – По-моему, для женщины естественно брать деньги у мужчины.

– Ты что это имеешь в виду?! – притворно возмущалась Лера.

Она видела, что он старается казаться веселым – вернее, беззаботным – и что ему не слишком это удастся. Сначала Лера думала, что это просто усталость. Даже она, привыкшая работать много, поражалась тому, как складывался Митин день – без единой паузы, с немыслимой беспощадностью к себе!

Но потом она стала замечать в нем какое-то особенное напряжение, которое не могла считать обычной, даже очень сильной усталостью.

– Митя, у тебя что-то случилось? – спрашивала она не раз. – Почему ты не хочешь мне говорить?

– Да ничего особенного – у меня каждый день что-то случается. – Митя поглубже затягивался сигаретой, и лицо его скрывалось за дымной пеленой. – Оркестр плохо понимает, какое чувство я вкладываю в жест. Управление культуры тянет с оплатой проклятой крыши. Я не могу понять, хочется ли мне вообще ставить оперу. Или запил кларнетист, например, – тоже нервное событие.

– И что теперь будет с кларнетистом? – тут же интересовалась Лера.

– С ним это в первый раз, для меня неожиданность. Посмотрим. Выйдет из запоя – будем думать, а пока что же, пока он в химическом состоянии...

Митя легко сводил серьезные разговоры к шутке, и уличить его было невозможно. Действительно, разве это не может быть поводом для волнения – если запил оркестрант? Или, тем более, почему-то не хочется ставить оперу?..

И, вздохнув, Лера возвращалась к своим делам – к образовательному проекту с французами, например. Жизнь есть жизнь, ее не построишь на

невнятных стремлениях.

Кончался апрель – последний месяц, когда весенняя трепетность еще чувствовалась в воздухе; май уже казался Лере началом лета. Она вообще любила весну, и больше всего ей нравилось следить, как незаметно, по минуте, прибавляется день. Она почему-то особенно явственно ощущала, как продлеваются сумерки, как все позже появляются проблески звезд в тусклом городском небе.

Но в половине одиннадцатого, когда Митя позвонил наконец из Ливнева и сказал, что через пятнадцать минут, не позже, едет домой, – было уже темно.

А в двенадцать стало уже совсем темно – но его не было.

«Пятнадцать минут! – про себя возмущалась Лера. – Конечно, это мне говорится «пятнадцать», а на самом деле еще час репетируется с каким-нибудь особо одержимым скрипачом!»

Ей неудобно было звонить на театральную вахту и спрашивать, чем занят Дмитрий Сергеевич, поэтому только и оставалось, что возмущаться про себя.

Его не было в час, не было в половине второго. В два часа Лера дрожащей рукой набрала наконец номер вахты, и охранник сообщил ей, что Дмитрий Сергеевич уехал не позже как полдвенадцатого.

– Да точно, что не позже! – звучал в трубке голос знакомого охранника Сережи. – Они с директором поздно сегодня из мэрии приехали, потом еще в кабинете долго ругались – Таловеров красный выскочил, как из бани! – а потом он и уехал.

– Из мэрии? – растерянно переспросила Лера. – Почему из мэрии? Я думала, у него репетиция была...

– Да он каждый день же почти туда ездит, Валерия Викторовна, – успокоил Сережа. – Ну, дела, наверно. Да вы не волнуйтесь, мало ли куда мужик заехал на часок после работы? Сейчас с этим делом, слава богу, проблем нет. Пропустит рюмочку от стресса – и домой!

– Какую рюмочку? – Лера чувствовала, как все холодеет у нее внутри. – Он же за рулем...

Она слишком хорошо знала Митю, чтобы понимать: он не поедет, не предупредив ее, снимать стресс рюмочкой в ночном ресторане. Но где он, в таком случае? Она боялась об этом думать.

Больше всего ее насторожило то, что охранник сказал про мэрию, куда Митя, оказывается, ездил часто. Почему в таком случае ничего не говорил ей? Конечно, могли быть дела, но почему он ни разу о них не рассказывал –

зная, что уж Лере-то куда как часто приходится бывать в мэрии и она многих там знает? Но, может быть, Сережа просто перепутал...

К трем часам Лера позвонила по всем телефонам, по которым, наверное, в это время звонили в Москве сотни заплаканных жен – больницы, милиция... Его фамилия не значилась нигде, и, каждый раз облегченно вздыхая, Лера не знала, что же делать дальше.

Телефон зазвонил наконец в семь утра, Лера услышала голос Таловерова. И в то же мгновение ей показалось, что она готова была услышать этот голос – даже по телефону какой-то суетливый и влажный. Сразу была готова, как только узнала про мэрию.

– Валерия Викторовна, – заискивающим тоном произнес Таловеров, – тут вот какая у нас возникла проблемочка... Мне тут позвонили сейчас и сообщили, что у Дмитрия Сергеевича здоровье немного не в порядке и он, знаете ли, в больнице...

Едва он произнес это, Лера почувствовала, как сердце у нее остановилось – на долгое, томительное, но единственное мгновение – и тут же забилось совсем в другом, бешеном и четком ритме.

– В какой? – спросила она, расстегивая халат.

– В Боткинской, в травматологии, – проговорил Таловеров слегка удивленно. Кажется, он ожидал услышать другой вопрос и другой тон; впрочем, об этом Лера не думала. – Знаете ли, документов при нем не нашли, а в кармане пиджака каким-то образом завалялась моя визитка, вот мне и позвонили, так сказать, для выяснения...

– Вот что, – сказала Лера, пытаясь сдержать стремительное, до темноты в глазах, биение сердца и одновременно снимая халат. – В Боткинской я буду через полчаса, а пока я одеваюсь, вы мне быстро рассказываете, в чем дело.

– Но я не совсем владею... – забормотал Таловеров. – То есть я могу не знать всех обстоятельств...

– Я сказала: пока одеваюсь. Или вы думаете, я потрачу на разговор с вами хоть одну лишнюю минуту? – повторила Лера таким тоном, что Таловеров тут же стал изъясняться разборчивее.

– Дело в том, что, оказывается, у нас не совсем правильно был оформлен арендный договор с городом на здание театра. И вот недавно возникли проблемы с одной... м-м-м... организацией, которая тоже претендовала... Большое здание, огромная парковая территория – вы же понимаете! – оправдывающимся тоном произнес он. – Сейчас, знаете, слух пошел, что казино, например, могут из центра выселить. А мы ведь и в Москве – от Кремля всего полчаса, если без пробок, конечно, – а вместе с

тем вроде не центр, вот и...

– То есть вы – лично вы, – перебила его Лера, – неправильно оформили арендный договор, и, пользуясь этим, на театр наехали бандиты. Давно?

«Молнию» на джинсах, как назло, заело, и Лера дергала ее с такой яростью, как будто трясла за плечи ненавистного Таловерова.

– В том-то все и дело, что вопрос был уже исчерпан! – горячо воскликнул он. – И должен вам сказать: как только Дмитрий Серегич сам за это взялся, я ни одной минуты не сомневался, что все решится в его пользу! Сегодня он был у мэра, все окончательно и бесповоротно, даже лучше, чем я сначала подписал... Да я и вчера уже был осведомлен о решении, у меня же свои каналы, – многозначительно добавил он. – Смешно было бы: он музыкант с мировым именем – и отдать каким-то... Неизвестно кому! Мэр просто в ярость пришел, когда узнал.

– Подлая ты сволочь, – сказала Лера, наконец-то справившись с «молнией». – Ладно, с тобой я еще поговорю, будет у тебя время объяснить подробности!

С Розой она столкнулась на лестнице – когда, ничего перед собою не видя, бежала вниз.

Все силы, которые она собрала, чтобы разобраться в объяснениях Таловерова, – вдруг иссякли, и Лера уже не могла думать ни о чем, кроме того, что Митя сейчас в Боткинской травматологии.

«Документов при нем не было! – вдруг вспомнила она и даже остановилась на мгновение, схватившись за перила. – Не знали даже, кто это... Значит, его и спросить было невозможно?!»

Роза поднималась по лестнице вверх и, увидев Леру, тоже остановилась как вкопанная.

– С Леночкой что-нибудь? – тут же спросила она. – Что молчишь, куда бежишь?!

– С Митей, Роза... – задыхаясь, выговорила Лера. – Я еще ничего не знаю, ничего! Он в Боткинской, я туда... Какие-то бандиты, кажется, ты побудь, не уходи... Может, он вообще уже неживой! – вдруг вскрикнула она и, едва не сбив Розу с ног, выбежала из подъезда.

Это было для Леры как гром среди ясного неба. Даже подробности от гада Таловерова были ей не нужны: все и так было ясно. Но как же она-то ничего не знала – вот что было ей совершенно непонятно!

«Вмешиваться не хотела! – с ненавистью к себе думала Лера, на бешеной скорости выезжая на Беговую. – Неудобно было лезть в его дела, благоговение... Дура, больше ничего! Теперь тебе зато удобно...»

Но и об этом она думала лишь несколько секунд – только чтобы хоть мгновение не представлять, что теперь с Митей.

«Все-таки этот сказал: со здоровьем, – обрывками вертелось у нее в голове. – Значит, наверное, не в реанимации... Почему не спросила? И почему в больнице даже не знали, кто он?!»

Лере приходилось бывать в Боткинской гораздо чаще, чем хотелось бы. Ей еще десяти не исполнилось, когда маму положили сюда впервые и Лера носила передачи, стояла под окнами... Поэтому она знала, где какое отделение находится, и сразу побежала в травматологию.

– Состояние средней тяжести, – ответила из окошка регистратуры молоденькая девочка. – Да нет, не в реанимации, женщина, не волнуйтесь. Просто ему операцию сделали, какое же может быть состояние?

Лера вспомнила, как точно так же поднималась по лестнице, шла к кабинету заведующим, когда ночью увезли маму... Вспомнила – и мысленно перекрестилась от этого неожиданно пришедшего сравнения.

Конечно, она была не первая задыхающаяся женщина, входившая в этот кабинет, и на интеллигентном лице молодого заведующего, едва она назвала себя, тут же установилось успокоительно-твердое выражение.

– Присядьте, присядьте, пожалуйста, – предложил он. – Воды дать вам?

– Не надо, – покачала головой Лера, по-прежнему стоя у двери. – Вы извините, я потом к вам зайду, а сейчас – к нему. Вы мне скажите только...

– Ничего страшного, – предупреждая ее вопрос, ответил заведующий. – По нынешним временам супругу вашему, можно сказать, повезло. Знаете, в каком состоянии людей привозят, если вот так вот, ночью на пустыре?... Позвольте, я вас провожу до палаты, – сказал он, галантно открывая перед Лерой дверь. – Ногу мы ему сразу прооперировали, железок немножко вставили, по последним европейским технологиям, – бодро продолжал врач, идя рядом с Лерой по коридору. – Черепно-мозговой травмы, можно считать, нет, хотя сотрясение, конечно, сильное. Ребра срастутся, лицо заживет – в общем, не о чем беспокоиться!

Хорошо ему было говорить – а Лера едва на ногах держалась, войдя в палату! Ничего она уже не слышала, никого не видела – только Митю...

Он лежал на самой дальней кровати, у окна, и она могла бы его не узнать – если бы вообще могла его не узнать... Лера стремительно прошла через всю, довольно большую палату и присела на край Митиной кровати.

Глаз его почти не было видно: они заплыли черно-синими кровоподтеками. Митино лицо испещрено было ссадинами, а разбитые губы вообще едва угадывались. Лера боялась прикоснуться губами к его лицу, но ей хотелось прикоснуться – чтобы почувствовать, что оно все-таки

живое.

Она взяла его руку, лежащую поверх одеяла и, приложив к своей щеке, заплакала.

Если бы Лера увидела мертвенную неподвижность в Митиных чертах, она не смогла бы заплакать – наверное, омертвела бы и сама. Но лицо его, так ужасно разбитое, было живым, и рука его была живою, и гладила ее по щеке – и Лера плакала неудержимо, всхлипывая, вздрагивая и не вытирая слез.

– Митенька... – вырывалось из ее губ сквозь беспомощные всхлипы. – Как же так, Митенька?

Вдруг она увидела, что он хочет что-то сказать – и тут же замолчала, наклонилась к нему, чтобы расслышать. Голос у него был такой хриплый и сиплый, каким она его никогда не слышала, но все, что он говорил, было понятно, и Лера даже угадала его насмешливые интонации – хотя их, конечно, невозможно было различить.

– Ревешь... подружка?.. – спросил Митя, почти не шевеля губами. – Не нрав... люсь... тебе та... кой?..

– Ох, Митька! – Лера невольно улыбнулась сквозь слезы. – Ну как тебе ответить! Хочешь, чтобы сказала: нравишься? Глазам бы моим тебя, такого, не видать!

Она вдруг вспомнила, что уже видела его однажды – конечно, не таким, но тоже с синим, заплывшим глазом, да еще нос тогда распух. Ей было одиннадцать, не больше, а ему, значит, шестнадцать, и Витька Жох ударил его в арке их двора за то, что Митя гулял с рыжей Зинкой Юрченко с Цветного бульвара. Или, может быть, не за это – а просто потому, что Митя был такой, а не другой, и Жох его за это ненавидел.

Лера еще раз улыбнулась, вспомнив тот день – так ясно, как вспоминала все, связанное с Митей. И тут же она увидела, что улыбка каким-то неуловимым образом мелькнула в его едва различимых среди кровоподтеков глазах.

– Что, Мить? – спросила Лера, наклоняясь к нему.

– Вспомнила... Жоха... – сказал он, и она ничуть не удивилась тому, что он догадался.

– Ничему тебя жизнь не научила, мой родной, – сказала Лера, вытирая слезы.

– Может... наоборот – научила... – расслышала она в ответ.

О чем она могла спрашивать его сейчас – когда губы его еле шевелились и каждое слово, которое ему удавалось выговорить, отдавалось в ней гораздо большей болью, чем в нем самом? Да ей и не хотелось сейчас

его расспрашивать. Лера сидела на краю кровати и держала Митину ладонь у своих губ.

Расспросила она его гораздо позже – уже переговорив с ничтожным Таловеровым, о роли которого во всей этой истории она правильно догадалась с самого начала, и даже с милиционерами, нашедшими Митю на пустыре неподалеку от парка Ливнево.

– Если б не машина, мы б его не скоро нашли! – охотно объяснил ей рыжий сержант, которого она разыскала через приходившего к Мите следователя. – А так смотрим – стоит, вся побитая.

– А кто это мог быть? – спросила Лера, уже понимая, какой услышит ответ.

– Ну, нам-то откуда знать? – пожал плечами сержант. – Мы себе патрулировали как положено и меры необходимые сразу приняли. Да ведь он часа три пролежал, да без сознания был, где ж их найдешь!

Это Лера и сама понимала. Но понимала и то, что найти надо. Даже не для мести – хотя каждого из этих подонков она без малейшего сомнения убила бы своими руками, – но для того, чтобы понять: чего ждать дальше? Дурак Таловеров мог говорить что угодно об «исчерпанном вопросе», это вовсе не значило, что так оно и есть.

– Митя, скажи ты мне, ради бога, как это произошло? – спросила Лера.

Она сидела на стуле рядом с кроватью и вглядывалась в его глаза, пытаясь понять, не обманывает ли он ее, чтобы не волновалась.

Прошла неделя, и Митино лицо выглядело уже не так ужасно – или просто она успела привыкнуть? Опухоль почти спала, и оно было теперь не черным, а желто-сине-фиолетовым. Но говорить ему по-прежнему было тяжело из-за сломанных ребер, и температура никак не спадала – блестела в глазах, испариной выступала на лбу. Но из-за температуры Митя как раз говорил быстро, даже лихорадочно.

– Ну, как... – нехотя ответил он. – Остановился на светофоре, подошли, открыли дверцу, повезли на пустырь. И так далее... Милая, грех жаловаться! Руки целы, голова цела – чего больше?

– Может, все-таки перевести тебя в другой корпус? – вздохнув, спросила Лера.

«Другой корпус» располагался в глубине больничной территории, и палаты в нем были исключительно одноместные.

– Зачем? – улыбнулся Митя. – Это было бы просто неприлично, оскорбительно для Нодара Вахтанговича. Он меня отлично прооперировал: нога уже сгибается. И соседи вполне пристойные.

– На скрипке будешь играть, – привела она последний довод. – Там ты никому не помешаешь, тебе разрешат.

– Я и здесь никому не помешаю. Гварнери только не надо сюда приносить, а другую. Все довольны будут, не сомневайся!

Лера как раз сомневалась, чтобы Митин ближайший сосед, алкоголик с многолетним стажем Николай Иванович, которого привезли мертвецки пьяного и который и теперь спал, посвистывая сизым носом, – очень ждал скрипичного концерта. Но у Мити были на этот счет свои наблюдения.

– У Коли довольно хороший слух, – сказал он. – И голос неплохой. Ему тут жена вчера водки принесла, он нам «Хасбулата» исполнял... Что ты смеешься? Консерватория по всей стране таланты разыскивает!

– Тоже нашел юное дарование, – отмахнулась Лера. – А меня, помнишь, в Швейцарию сплавил? – съязвила она. – Говорил: у нас не те условия!

– Так ведь это ты... – Митя так произнес это, что у Леры сердце замерло. – А это я.

– Хорошо ты объясняешь, Митенька.

Лера провела ладонью по его лбу, почувствовала горячую сухость кожи. Она видела, что он устал даже от короткого разговора, что ему совсем не весело.

– Ни с того ни с сего все прервать... – вдруг с горечью произнес Митя. – Когда я отсюда выйду? Работа стоит, все брошено... Концерт для скрипки с палатным хором!

– Выйдешь, Мить, выйдешь. – Лера положила руку ему под голову, слегка покачала, как будто успокаивала ребенка. – Не тюрьма. Вот температура спадет, и сразу я тебя отсюда заберу. Буду сама тебя возить в твой театр, будешь ты сидя дирижировать – какая разница?

Митя закрыл глаза, молча прислушиваясь к Лериному голосу, к покачиванию ее руки.

– Что там Таловеров делает? – вдруг спросил он. – Насчет ограды договорился он, ты не знаешь случайно?

– Случайно знаю, – кивнула Лера. – Не договорился. И не может он договориться насчет ограды. Ничего он не может, Митя, и гнать его надо подальше – сам знаешь, какой метлой.

– Гнать! – невесело усмехнулся он. – Если всех гнать, где других взять?

– Мы потом с тобой об этом поговорим, – сказала Лера. – Как только температура спадет, ладно?

Глава 13

Прежде чем говорить с Митей, Лера поехала в Ливнево.

Было воскресенье; она сама не знала, зачем ей это так уж необходимо. С Таловеровым встречаться было совершенно необязательно: она заранее знала все, что он может сказать, и ей это было уже неинтересно. И вялотекущий ремонт в особняке она тоже видела.

Лера оставила машину у ворот – так уныло смотрелись они на двух столбах, без ограды! – и пошла по широкой центральной аллее. День был пасмурный, особняк отчетливо был виден вдалеке, под широким весенним небом. Лера шла медленно, и медленно вырастали перед нею классически простые колонны, купол над большим залом, широкая лестница с полуразрушенными ступенями.

Дойдя до середины аллеи, она остановилась и долго смотрела на стоящий в молчании дом. Она впервые смотрела на него вот так, в одиночестве и никуда не торопясь, и впервые чувствовала его так, как будто перед нею был человек.

Жизни не было в доме, это Лера почувствовала сразу, издали – и ей стало страшно смотреть на беззащитную трепетность этих прекрасных покинутых форм. Она свернула на боковую аллею – заросшую травой, похожую на обычную тропинку, – и пошла туда, где угадывался под обрывом ручей и над ним – стройная белоколонная ротонда.

Колонны только издали казались белыми. Вблизи было видно, что они серые, облупившиеся, в выщербинах и похабных надписях. Лера села на скамейку под ротондой и посмотрела вниз – туда, где среди старых листьев и молодой травы струилась вода.

Потом она подняла глаза – и вдруг увидела прямо перед собою, в двух шагах, нависшую над обрывом березу. Дерево было старое, оно наклонилось вниз, как человек, собирающийся броситься в воду и в последнюю минуту оглянувшийся.

Лера даже не поняла сначала, почему ей так показалось, и только потом заметила, что под развилкой березовых ветвей угадывается глаз. Большой темный глаз на светлой коре – он смотрел на нее прямо и пронзительно.

Лера поежилась под этим печальным взглядом, встала и, все убыстряя шаг, пошла обратно, к центральной аллее.

Она обошла парк, постояла у каких-то развалин неподалеку от главного особняка.

«Летний павильон, наверное, – подумала Лера, вспомнив давние университетские лекции по русской архитектуре. – Зеленый театр...»

В дальнем углу парка явно была размечена какая-то строительная площадка, но людей не было и поговорить было не с кем. Лера только вздохнула, представив себе ожидающий ее разговор – да и вообще все, что предстояло сделать, чтобы вернуть жизнь в эти молчащие чертоги.

Она посмотрела на часы: Митя сейчас скорее всего спит. Лера решила заехать домой, а уже потом в больницу.

Она всегда знала, что Роза относится к Мите гораздо лучше, чем к ней, но только теперь почувствовала, что же это было за отношение.

В тот день, когда все это случилось, Лера вернулась домой поздним вечером: заведующий Нодар Вахтангович с трудом выпроводил ее из больницы. Конечно, она немного успокоилась, убедившись, что Митя жив, но ей хотелось плакать от собственного бессилия, когда она вспоминала его изуродованное лицо, едва слышный голос.

Открыв дверь и даже не сняв туфли – не было сил нагнуться, – Лера прошла в кабинет. Села на Митин стул, взглянула на скрипку, вчера оставленную им на столе, и приложила к губам ладонь, чтобы не закричать. Она не слышала, как вошла в кабинет Роза, и вздрогнула от ее голоса.

– Что же ты мне даже не позвонила? – произнесла Роза с такой болью, что слезы застыли у Леры в горле. – Что же я, совсем уж не человек, мне и сказать не надо, что с ним.

Лера увидела, что Роза и сама сейчас заплачет, – и уже не стала сдерживать слезы. И они разревелись одновременно, неостановимо, хором однотонно всхлипывая и забыв обо всем. Аленка в ночной рубашке тоже вбежала в кабинет и, увидев рыдающих женщин, сразу уткнулась маме в колени и разревелась сама – так громко, что Лера тут же притихла.

– Где Митя? – всхлипывала Аленка. – Почему ты меня к нему не взяла?

– Аленочка, Митя заболел, – уговаривала Лера. – Просто заболел, честное слово! Ну помнишь, тебе гланды вырезали, я тебя в больницу возила?

– Ему гланды вырезают? – Аленка перестала всхлипывать, подняла на маму заплаканные глаза, в которых уже мелькнул интерес.

– Ну-у, почти... У него нога заболела, ему ногу лечат, – сказала Лера. – И он просил сказать, чтобы ты не плакала, а слушалась нас и спать ложилась вовремя, а то он долго будет выздоравливать.

Кое-как спровадив Аленку спать, Лера вернулась в кабинет, где Роза по-прежнему стояла у двери.

– Ты прости меня, – сказала Лера. – Я обо всем забыла. Если б ты

видела... Еле говорит, все лицо разбито, и нога еще...

– Внутри-то не покалеченный? – спросила Роза. – Что лицо – с лица не воду пить!

– Говорят, ничего... Но кто, кто?! Ладно, все равно я найду.

– Ты бы поосторожней. – В голосе Розы мелькнула тревога, и Лера удивленно посмотрела на нее, неожиданно почувствовав, что эта тревога относится к ней. – Я-то знаю, какие они... Аслан был – ему только посмотри не так, убьет и глазом не моргнет!

Впервые Роза говорила о том, что произошло три года назад, и впервые Лера не вздрогнула, услышав об этом. Не до того было теперь, чтобы пугаться прошлого.

– Да ведь и я не девочка, – сказала она. – Не думай, просто так не полезу. Да и что я им сделаю? Но узнать все равно придется. Ждать-то чего от них? Пока убьют?

– Если б хотели, сразу бы убили, – уверенно сказала Роза. – А если так, побили только, значит, другое что.

– Да я понимаю... – Лера благодарно взглянула на нее. – Я завтра утром к нему поеду, ты приходи пораньше.

– Пирожков тогда сегодня напеку, – кивнула Роза. – Что за жизнь сволочная: как хороший человек – так обязательно!..

Митя недавно начал ходить, и они вышли в коридор вдвоем. Идя за ним, Лера видела, как тяжело он опирается на костыль, и сердце у нее сжималось: кем надо быть, чтобы бить железной палкой по ногам...

Меломан Нодар Вахтангович считал Митино появление в его отделении самой большой удачей своей жизни и охотно пускал их в свой кабинет. Туда они и отправились из опротивевшей палаты.

– Митя, – сказала Лера, садясь напротив него в глубокое коричневое кресло, – я думаю, надо немедленно выгнать Таловерова, еще пока ты в больнице.

– Как решительно, подружка, – улыбнулся Митя. – Я тоже так думаю. Более того, я его видеть не могу. Дальше что?

– Дальше – я буду сама заниматься тем, чем должен был заниматься он. Митя взглянул на нее с легким удивлением.

– Да? А разве у тебя нет своих занятий?

– Я буду заниматься только этим, – повторила Лера. – Ты извини, но я уже все посмотрела: все документы, и вообще – не только документы. Там столько дел, голова кругом идет! Почему ты никогда не говорил мне об этом, Митя? – укоризненно спросила она.

– Я не хотел тебе навязывать свои дела, – медленно произнес он. – Помнишь, ты как-то говорила: боишься, что нужна мне, чтобы ноты перелистывать? Я не хотел...

– Просто удивительно, как долго ты помнишь все глупости, которые я говорила, – улыбнулась Лера. – Уму непостижимо, Митя! Ведь я сколько лет уже работаю, чему только не научилась... Если бы я знала, чем ты занимаешься! Но я ведь думала: оркестр, сопрано всякие. Ну, в крайнем случае, акустика. И вдруг...

– Да я и сам не заметил, как пошло и поехало, – слегка оправдывающимся тоном сказал он. – Я не чистоплюй, не считал, что должен только воспарять – но не до такой же степени! Это как-то постепенно получилось, что я занимаюсь и тем, и этим, а стоит отвернуться – ничего не делается.

– По-моему, и так ничего не делалось, – перебила Лера.

– Наверное. В общем, меня и так уже это начало раздражать, а тут вдруг еще этот договор выплыл... Ведь я в последнюю минуту узнал, когда эти ресторанчики-казиношники уже приехали местность осваивать.

– Ты с ними разговаривал? – быстро спросила Лера.

– С ними – нет, – покачал головой Митя.

– С ними нет, а с кем – да?

– Подружка, да ты прямо как следователь, – усмехнулся он и тут же настороженно посмотрел на Леру. – Ну-ка скажи, зачем тебе это?

– Мне нельзя этого не знать, – ответила она. – Я должна знать все, чтобы не действовать вслепую, и только.

– Зачем мне было с ними разговаривать? – пожал плечами Митя. – Уже ведь до того дошло, что со всеми, кроме мэра, разговаривать было поздно. Но с ним ведь не враз встретишься – в общем, все висело на волоске.

– И что же, ни одного разговора с казиношниками не было? – недоверчиво переспросила Лера. – Да ни за что не поверю!

– Ну, был, – нехотя сказал Митя. – Как раз в тот день и был – по телефону. Позвонили, вежливо сказали, что дело якобы уже решено и чтобы я больше никого не беспокоил.

– Ты положил трубку и поехал к мэру, – уверенно сказала Лера. – Ох, Митя, мало тебе досталось за твое геройство!

– А что я должен был делать? Все им отдать – театр, парк? Лера, извини, но ты говоришь глупости! И никакого геройства я в этом не вижу. Просто безвыходные обстоятельства, больше ничего.

– Ну хорошо, – перестала спорить Лера. – Но теперь ты все-таки занимайся своими делами, ладно? – попросила она. – А я буду заниматься

своими.

– Это уже твои дела? – Митя посмотрел на нее так внимательно, как будто хотел разглядеть в ее глазах что-то неуловимое, только ему понятное. – Ты в этом уверена?

– Да, – сказала она. – Я в этом уверена, и я этому рада. И вообще, я не самая плохая партнерша, между прочим, кого хочешь спроси!

– Кого мне спрашивать, это я и сам знаю, – улыбнулся Митя. – Правда, давно не было случая убедиться... Помнится, ты обещала забрать страдальца домой? – спросил он, положив руку на ее колено.

– Заберу, заберу, – успокоила Лера. – На следующей неделе обещаю тебя отпустить твой поклонник.

До Митинового выхода из больницы ей предстоял еще один разговор – с Женькой Стрепетом. Лера понимала, что лучше его никто ей не поможет.

Поговорить она решила в понедельник, задержавшись в кабинете президента холдинга «Горизонт» после еженедельной планерки.

– Я все-таки решила уйти, Женя, – сказала она, садясь в кресло поближе к его столу.

– Да?

Ни разу за все время их знакомства – за неполные тридцать лет! – Женька не продемонстрировал удивления. Лере казалось, что, сообщив она о предстоящем через полчаса землетрясении, он произнес бы свое «да?» таким же умеренно заинтересованным тоном.

– Да. Мы же с тобой давно говорили, что «Московский гость» без меня обойдется, правда? Ну, я буду приглядывать чуть-чуть. Французский проект доведу до ума, еще кое-что. Но ты же понимаешь: Зоська и без меня справится.

– Да понимаю, понимаю, – согласился Стрепет. – Расскажи только подробнее – куда, к кому. Все-таки мне ведь жаль тебя терять, – добавил он.

Лера почувствовала в его голосе отзвук смущения и удивленно посмотрела на своего любимого шефа.

– Ну что ты так смотришь? – Женька поймал ее взгляд. – Конечно, жаль, что тут удивительного? Это же тебя я с сопливых пор знаю, не другого кого-нибудь.

– Да ведь и Зоську знаешь, – улыбнулась Лера. – Дразнил ее как, помнишь? У нас тут вообще почти семейственность!

– Это-то и хорошо. Так куда ты от нашей дворовой семейки? – повторил Женя.

– От дворовой – никуда, – сказала Лера. – К Мите. Понимаешь, как все

получилось...

И она рассказала Женьке о парке Ливнево, о директоре Таловерове, о пустыре по Волоколамскому шоссе... Женька слушал, как обычно расхаживая по кабинету и время от времени хмыкая, и Лере вдруг стало до слез жаль, что не будет больше этой «семейки», в которой все они понимали друг друга с полуслова. Впрочем, одновременно с сожалением в ее голове мелькнула еще одна мысль.

– А вообще-то еще поработаем вместе, – неожиданно для себя сказала она. – Ну конечно! Парк, театр... Не мне тебе объяснять, Жень! – И, заметив сомнение в его глазах, добавила: – Ты не думай, в Третьяковы-спонсоры я тебя не заманиваю. Ты же знаешь, Женя, я тебя обманывать не стану и золотые горы там, где только бездонная яма, – тоже не буду обещать. Но мимо тебя это не пройдет, можешь не сомневаться.

– Что ж... – протянул Женька. – Может, и правда, прибавление будет в семействе. Хорошо, что ты за Митю замуж вышла, – вдруг сказал он.

– Да? – рассмеялась Лера. – Не буду спорить! – Но лицо ее тут же стало серьезным. – Женя, – сказала она, – я к тебе с подобными просьбами раньше не обращалась, а теперь придется... Мне нужна точная – из первых рук! – информация: как сейчас обстоит дело с этим парком. Чей он на самом деле, не на бумаге, чем это все кончилось. Ты понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Стрепет. – Я скажу Глушенко, он выяснит.

Глушенко, генерал КГБ в отставке, был начальником службы безопасности «Горизонта».

– Нет, не Глушенко, – покачала головой Лера. – То есть пусть он выяснит, конечно. Но я должна встретиться сама, понимаешь? Только сама должна поговорить с людьми... или с человеком, который скажет мне точно.

– Все бы тебе самой! – усмехнулся Женя. – Боишься, Глушенко тебя обманет?

– Не боюсь. Ну, считай это женским капризом, Жень! Я сама должна поговорить. Я иначе спать спокойно не буду, хоть бы мне десять Глушенок подтверждали – мне Митино лицо будет сниться...

Работая в холдинге «Горизонт», одном из самых крупных и влиятельных в Москве, Лера с самого начала была избавлена от того, от чего не был избавлен ни один предприниматель: от непосредственных контактов с бандитами. Конечно, она знала, что у «Горизонта» есть с ними связи, как есть они у всех, кто работает в бизнесе, но самой ей выяснять отношения не приходилось.

Она знала только, что «крыша» у стрепетовского холдинга не

бандитская, а какая-то другая, и поэтому не стремилась понять, как именно строятся его отношения с криминалитетом.

– Ну ладно, не нервничай, – сказал Стрепет. – Насладишься личным общением! Ничего интересного, должен тебе сказать.

– Да ведь я не из любопытства, – благодарно улыбнулась Лера.

Глава 14

Никогда Лера не думала, как много будет значить в ее жизни забор.

Она физически ощущала его отсутствие вокруг парка Ливнево и просто спать не могла, думая о нем. Самые разные заборы, которые ей приходилось видеть в жизни и в книжках, мелькали в ее памяти – и она выбирала, какой ей нравится и какой подходит больше других.

Конечно, о решетке Летнего сада надо было забыть навсегда, что Лера со вздохом и сделала. Но вот, например, ограда вокруг Литературного института на Тверском бульваре – это уже было похоже на реальность. Лера даже специально прошлась как-то вдоль этой фигурной решетки, влезла на каменный постамент и пощупала пальцем острие наверху.

«Только повыше надо и почаще, – решила она. – Через такую даже я перелезу».

Задача была проста как правда: достать денег. Сейчас достать их на забор, а потом доставать постоянно – на расчистку ручья в парке, самого парка, на реставрацию ротонды и летнего павильона. И одновременно с этим – на то, ради чего все это и делалось: на музыку...

Муниципалитет давал довольно много, но все равно не столько, чтобы хватило на все. Во всяком случае, парк в этой смете не был предусмотрен, да его и передали театру только после Митинового визита к мэру.

Но что толку было сразу думать о том необъятном и нехоженном пространстве, которое перед нею открывалось! Сейчас нужен был только забор, и на нем Лера сосредоточила все свои силы.

Для начала она отправилась в организацию, названия которой не смог бы выговорить ни один человек, находящийся в здравом уме: все название состояло из набора заглавных букв, сочетание которых было похоже на унылый вой. В организации Леру встретили вежливо и, едва услышав про Ливнево, объяснили, что парк этот, к их большому счастью, не признан памятником, который должен находиться под государственной охраной.

– Только особняк, милая Валерия Викторовна, только дом! – сияя от радости, сообщила барышня в одном из отделов. – За домом мы следим, капитальные перестройки вам делать не позволим. А парк, извините, не наша забота! Вам его передали, вот вы и занимайтесь. А нам, знаете, и других вполне достаточно. В Царицынском музее-заповеднике альпинисты тренируются, прямо по стенам лазают – с ними бы разобраться!

– Скажите хотя бы, что там у нас строят в углу? – вздохнув, спросила

Лера. – Что за землеотвод там просматривается?

– А это вы в префектуру обратитесь, – с той же радостной улыбкой посоветовала барышня. – Я же сказала: ваш парк нас не касается!

«Что ж, может, и к лучшему, – подумала Лера, выходя из этой радостной организации. – Хуже было бы, если бы они за каждым шагом стали следить».

Ей было совершенно непонятно, как такой парк, как ливневский, может не считаться музеем-заповедником. Не поленившись, Лера уже сходила в библиотеку и нашла не одну книгу, в которой он был описан или хотя бы упомянут. Прочитала о том, что дом выстроен в стиле русского классицизма и что под парковыми дорожками проложен дренаж, из-за которого они до сих пор не размываются дождем. И даже о том, что к ливневскому роднику ходили женщины, которым долго не удавалось забеременеть.

Впрочем, она давно уже поняла: бесполезно размышлять, почему жизнь устроена несправедливо или просто глупо. И ничего в ней не переделать в общем и в целом, и незачем тратить на это время. Зато самой, своим необщим усилием, можно сделать очень много.

Лера помнила свой разговор со Стрепетом – о том, что «Горизонт» каким-то образом примет участие в ее новом деле. Но как это произойдет, какие здесь могут быть инвестиции, она пока не могла понять. И, зная Женькину осторожность и расчетливость, не хотела идти к нему с просьбой о спонсорстве. Подобными просьбами и без того был завален его холдинг.

Но без ограды не имело смысла делать все остальное, и внутренний ремонт особняка надо было закончить как можно скорее. И Лера решила пустить на это все деньги – а там видно будет.

– Мить, я бы по ней, знаешь, вообще ток электрический сверху пустила!

Лера сидела в бывшем кабинете Таловерова – маленьком, каком-то временном и неудобном, так непохожем на ее изящный кабинет в офисе «Московского гостя» – и смотрела, как Митя сгибает и разгибает ногу, сидя напротив на стуле.

– Человеколюбивое ты существо, милая, – рассмеялся он, услышав про ток. – И ров с водой – нет, лучше с расплавленной смолой. И минное поле на подходе!

– Ты смеешься! – обиделась Лера. – А что делать? Ждать, пока все так самовоспитаются, что перестанут гадить под себя?

– Ну извини, подружка, – сказал Митя. – И делай, конечно, что хочешь. Все равно на ток денег не хватит, так что я не слишком волнуюсь из-за

твоей кровожадности.

– Но оркестровую яму – я ведь не знаю... – вспомнила Лера. – Ты мне скажешь, как ее надо сделать?

– Скажу, – кивнул Митя. – Просто с хорошим архитектором сведу. Ты о чем это думаешь? – вдруг спросил он, заметив, как вздрогнули в улыбке Лерины губы.

– Да так, глупости, – смутилась она. – Ты опять смеяться будешь.

– Не буду, не буду. – Митя заранее улыбнулся. – Ну честное слово, не буду – скажи!

Он говорил, что не будет смеяться, а смех уже сиял в его глазах, когда он смотрел на Леру.

– Ну просто... Мне, знаешь, так жаль, когда ты в яме этой дирижируешь... Тебя тогда совсем не видно!

Конечно, Митя расхохотался – надолго, до слез.

– Ну-у, милая, – сказал он, наконец успокоившись, но глядя на нее по-прежнему смеющимися глазами. – Ну, извини, извини – я же обещал и не сдержался... Я и представить себе не мог, что тебе в голову приходит! А тебе, значит, больше понравилось бы, если бы я вообще стоял спиной к оркестру, лицом к тебе?

– Что поделаешь, Митенька, – ответила Лера. – Нравишься ты мне, наверное.

«Нравился» он ей и раньше, но то, что происходило сейчас, было впервые. Впервые она видела, как Митя работает – не случайно видела, на минуту заглянув в зал в ожидании конца репетиции, а постоянно, словно изнутри.

Конечно, Лера по-прежнему не понимала музыкальной сути того, чем он был занят. Но она чувствовала другое: мощное поле, которое незримо образовывалось вокруг него и в которое оказывался вовлечен каждый, кто только переступал порог ливневского театра.

Вообще-то Митя репетировал здесь с оркестром только три раза в неделю – как он говорил, чтобы музыканты осваивали зал, – а в остальные дни за ним пока сохранялись другие площадки. Здесь же в другие дни шел ремонт, и шел теперь такими темпами, что Лере самой уже не верилось: неужели всего несколько месяцев назад это было совершенно иначе?

Она радовалась, что особняк вообще-то неплохо сохранился и, кроме крыши, которая вот-вот могла протечь, но, к счастью, не протекла и была починена, – ремонт действительно был нужен небольшой.

«И на забор лишние деньги останутся», – заодно думала Лера.

Но все эти мысли – про крышу, про забор – отступали, когда она

смотрела, как Митя входит в зал.

Лера приходила заранее, когда оркестранты еще рассаживались на сцене, переговаривались и смеялись, настраивали инструменты, – и ждала, когда появится Митя. Она хорошо знала чувство, которым была охвачена в эти минуты, – детское ожидание чуда.

И это было так удивительно! Лера понимала, что для нее это ведь не ожидание музыки, которая вот-вот зазвучит, пронизывая зал, – а именно ожидание его появления. Это и было настоящим чудом, и с этого мгновения музыка уже начиналась, хотя оркестр просто вставал, приветствуя дирижера.

Лера не могла понять, как это происходит, – но ей самой хотелось встать, когда Митя появлялся на сцене. А как только он поднимал руки, сердце у нее замирало, словно в воздушной яме, и трепетало во время этой удивительной паузы перед первым звуком.

Ей казалось, он в руках держит мгновения тишины – вместе с ее сердцем.

Как же ей было не жалеть, если его не было видно! Как, например, однажды в Большом театре, где Митя дирижировал несколько вечеров подряд во время международного оперного фестиваля. А Лера смотрела из директорской ложи, и ей все время хотелось перегнуться через бархатные перила, чтобы видеть его лицо.

Но это были тайные, заветные минуты, суть которых она все равно никому не смогла бы передать. Вообще же ее жизнь шла теперь спокойно, ясно и даже размеренно. Не зря Митя говорил о размеренности своей жизни, Лера только теперь понимала, что он имел в виду.

Все, что она делала теперь каждый день – а дел было столько, что дня не всегда хватало, но к этому ей тоже было не привыкать, – было овеяно каким-то глубоким, неназываемым смыслом. Лера не знала, что это за смысл – смысл музыки, смысл ее собственной жизни? – но чувствовала его теперь постоянно, и ему подчиняла свои поступки.

Какие должны быть кресла в зале, какие дорожки в фойе, как восстановить роспись на потолке – все это и было подчинено какому-то единому смыслу, который Лера безошибочно ощущала, просто прислушиваясь к себе самой.

Все, чем она занималась последние годы, осваивая реальность и свое место в этой реальности, вдруг оказалось необходимо в ее новой, так неожиданно начавшейся жизни. И теперь Лера уже представить не могла, что раньше просто так разыскивала каких-то строительных подрядчиков, чтобы всего-навсего строить коттеджи в Подмосковье. Или просто так

организовывала грандиозные мероприятия холдинга «Горизонт» в лучших отелях Москвы – только для того, чтобы совершенно неизвестные ей люди спокойно собирались и решали какие-то свои проблемы, никак не затрагивающие ее сердца. Или вела международные дела того же «Горизонта», или занималась еще множеством совершенно посторонних ее душе дел...

Тогда Лере казалось, что так и будет всегда, что так и должно быть. Она увлекалась этими чужими делами, она была добросовестна, и жизнь научила ее, что не надо требовать слишком многого от простой повседневности.

Но она и представить себе не могла, каким дыханием может быть овеяна простая повседневность! Теперь же Лера чувствовала это дыхание постоянно – как чувствовала Митино дыхание в звуках его оркестра, в мелодиях, которых по-прежнему не умела ни запомнить, ни узнать...

Впервые Лера почувствовала, что жизнь ее приобретает тот самый склад и лад, который невозможно, да и не надо высказывать, – и жизнь ее стала легка и проста.

Ей просто нравилось жить, нравилось просыпаться утром и думать, что она должна сделать сегодня, и представлять, что будет делать сегодня Митя.

Ей нравилось, что он стал больше времени проводить дома, занимаясь какой-то своей работой и не отвлекаясь на доски и гвозди. Впервые ее не пугала его отдельность, погруженность в то, что ей непонятно. Лера даже радовалась, когда заглядывала утром в его кабинет и видела загадочное сияние в его глазах.

– Мить, я в Ливнево уезжаю, – говорила она. – Ты скоро приедешь?

– Если можно, не очень скоро, – полуспрашивал, полуутверждал он. – Я бы посидел еще...

– Хорошо, скажи только, когда машину прислать. А что ты будешь делать? – с любопытством спрашивала Лера.

Митя улыбался детскому интересу, звучащему в ее голосе.

– Я буду делать аранжировку, – отвечал он и, заметив непонимание в ее глазах, пояснял: – Буду переделывать кое-какую музыку для себя – так, чтобы я мог сыграть ее на скрипке.

– А-а! – уважительно говорила Лера. – А мне потом сыграешь?

И она уезжала в Ливнево с таким спокойствием в душе, какого не знала, кажется, никогда в жизни.

До собственного кабинета руки у Леры так пока и не дошли; она по-

прежнему уютилась в какой-то каморке. Но, по правде говоря, почти этого не замечала.

«Не к спеху, – мимоходом думала она иногда. – Потом, когда театр откроется».

Телефон зазвонил в ее сумочке, едва Лера вошла в свой кабинет. Номер мобильного знали немногие, и она подумала, что звонит Зоська.

– Валерия Викторовна? – услышала Лера мужской голос. – Меня зовут Александр Иванович. Мне сказали, вам необходимо со мной встретиться.

– Что значит – мне необходимо? – удивленно переспросила она. – А вы, собственно, кто?

– Мне сказали, что вы сами встретиться хотели, – усмехнулся голос в трубке. – Что вам нужна кое-какая информация о делах вашего мужа.

– Да! – воскликнула Лера. – Извините, я не сразу поняла! Конечно, я хотела с вами поговорить. Когда мы можем встретиться?

– Сегодня, – ответил ее собеседник. – Я заеду к вам в три часа.

Несмотря на заботы, которыми, как обычно, был полон ее день, к трем часам Лера не находила себе места.

«А вдруг он мне сейчас такое что-нибудь скажет! – думала она. – Такое что-нибудь, что и жить не захочется...»

И она смотрела на обшарпанную дверь своего кабинета так, словно ее должен был открыть вестник с того света.

Но стук в дверь, раздавшийся ровно в три часа, меньше всего был похож на гром судьбы. Стук был спокойный, и дверь распахнулась так широко и уверенно, что Лере почему-то сразу стало легко – еще до того как она получше рассмотрела вошедшего.

– Ну и жара тут у вас! – сказал Александр Иванович с порога. – Чего же кондишен не поставите? Здравствуйте, Валерия Викторовна!

Лера смотрела на него и не верила своим глазам – так молод был ее гость.

«Да ему же лет двадцать! – подумала она. – Быть этого не может!»

Быть не могло – но вошедший действительно казался просто мальчиком. Он был невысок ростом, коренаст, светлые волосы на макушке топорщились смешным хохолком, и так же смешно был вздернут маленький, аккуратный нос. Глаза Александра Ивановича были прищурены – так, что невозможно было понять, какого они цвета.

Зато сразу бросалась в глаза одежда. Вздохнув, Лера разглядела фирменные «медузки» Версаче на пуговицах зеленого пиджака и на пряжке ремня. Из кармана пиджака выглядывала антенна мобильного; второй телефон болтался на ремне.

Одним словом, выглядел Александр Иванович так, что Лере сразу стало скучно. Особенно когда она заметила еще и сияющие камешками часы «Картье», и огромный золотой перстень на правой руке своего гостя.

– Здравствуйте, – сказала она. – Садитесь, пожалуйста.

– А может, мы в парк лучше пойдем? – вдруг предложил Александр Иванович. – Правда же, жара у вас, не продыхнуть.

– Пойдемте, – пожалала плечами Лера. – Как вам удобнее.

Они вышли в парк и, пройдя немного по центральной аллее, свернули к ручью. День был действительно жаркий – настоящий летний день, – и Лера сама порадовалась, что вышла из душной каморки.

Александр Иванович шел чуть позади. Лера слышала, как поскрипывает мелкий гравий под его шагами. В молчании дошли они до ротонды на берегу. Лера села на скамейку между белых колонн, а ее спутник спустился чуть ниже к воде и остановился, обернувшись к ней.

Он стоял в тени высокого клена, пятна света и тени трепетали на его лице, и от этого оно казалось еще более юным.

«Неужели он действительно может сказать что-то серьезное?» – с недоверием подумала Лера.

Но что теперь было рассуждать?

– Александр Иванович, – сказала она, – я не знаю, насколько вам известна вся эта история...

– Известна, – перебил он. – Рассказали мне эту вашу историю.

И он снова замолчал, глядя на Леру. Из-за пляшущих пятен света она не могла различить, с каким выражением он смотрит на нее.

– Но тогда... – произнесла она с легким замешательством. – Тогда – вы можете мне что-то сказать?

– Могу, – кивнул он и снова замолчал.

– Александр Иванович! – наконец рассердилась Лера. – Смеетесь вы надо мной, что ли?

И тут он действительно рассмеялся – и преобразился совершенно. Лера увидела, как исчез «крутой» прищур, и свет потоком хлынул из его распахнувшихся глаз.

Глаза у мальчика оказались такие синие, что она едва не ахнула.

– Вы почему смеетесь? – спросила Лера, глядя в эту немислимую синеву и невольно улыбаясь в ответ.

– Да вы не обижайтесь, – сказал Александр Иванович. – Ничего такого, правда! День хороший, настроение у меня хорошее. А вам очень идет это платье, – добавил он.

Платье на ней было как раз такое, какие вот-вот должны были войти в

моду. Ната Ярусова называла этот фасон «из-под пятницы суббота». Оно было крепдешинное, легкое, темно-сиреневое в мелкую светлую крапинку. Впереди на платье был длинный разрез, сквозь который виднелась светлая же мини-юбка.

Лера вообще-то и сама знала, что это платье ей идет. Ей шло все, в чем чувствовалось простое изящество. И овальное декольте шло, и прозрачный цветок у плеча. И она уже давно привыкла пропускать мимо ушей подобные комплименты, когда речь шла о деле.

– Спасибо, – сказала она, по-прежнему улыбаясь. – Значит, вы думаете – ничего страшного?

– Ну конечно, – кивнул он. – Вам же что сказали? Все за вами осталось, правильно? Ну, так оно и есть, не о чем волноваться!

Телефон в его кармане зазвонил, и Александр Иванович, не глядя, отключил его.

– Скажите, – медленно сказала Лера, вглядываясь в его лицо, – но почему же тогда... Почему же с ним это сделали? И кто?..

– Ну, кто! – усмехнулся тот; ясная синева его глаз спряталась снова. – Это вам зачем знать? Если посчитаться хотите, то не советую. А почему... Ну, нервишки расшалились у братвы, вот и... Очень уж им досадно стало – гляньте, парк один чего стоит! А против мэра-то уже не попрешь – себе дороже. Вот и выместили злость. Говорю же: не о чем вам беспокоиться. Дело-то яйца выеденного теперь не стоит.

Он сел на траву, не отводя веселых глаз от Лериного лица. Она чувствовала, что хочет рассердиться – и почему-то не может.

– Скажите, Александр Иванович, а сколько вам лет? – вдруг спросила она с легким злорадством.

– Это вы насчет того, что молодой еще? – усмехнулся он. – Так это вы не бойтесь, я по жизни-то человек конкретный. Просто выгляжу молодо, мне все говорят, – добавил он с неожиданной простотой.

Это так быстро сменялось в его речи – всякие дурацкие «по жизни конкретный» и ясные, обезоруживающие интонации, – что Лера не нашлась с ответом.

– Да нет, мне вообще-то все равно, сколько вам лет, Александр Иванович, – почти смутилась она.

– А вообще-то вы меня зовите лучше Саня, – вдруг предложил он.

– Хорошо, – улыбнулась она. – А вы меня тогда зовите лучше Лера. Только я не представляю, когда мы будем друг друга так мило называть – раз, как вы говорите, дело выеденного яйца не стоит.

– Ну, мало ли... – Он неопределенно махнул рукой. – Жизнь-то чего

только не подкинет, правда? Может, и встретимся еще.

– Не хотелось бы, – покачала головой Лера.

– А мне хотелось бы, – сказал он, и ей показалось, что это прозвучало как-то странно – с удивленной интонацией. – Я просто даже не ожидал...

– Спасибо, Саня, – сказала Лера, вставая со скамейки. – Вы меня очень обнадежили. Если это правда – то, что вы говорите.

– Правда, правда, – кивнул он, тоже поднимаясь с травы. – Ваш парк, ваш дворец – все в порядке, так и передайте супругу. А в плане бесплатного совета, лично для вас: оставайтесь-ка вы лучше под «Горизонтом».

– То есть? – Лера настороженно прищурилась. – Это как следует понимать?

– Да так и понимать, как говорю. Без «крыши» же трудно работать, правильно? А у них надежная, вы же сами знаете. Вот и поговорите с ними на этот предмет. Я вам, можно сказать, подарок делаю. Мог бы ведь и свои услуги предложить, правда?

– И я согласилась бы? – усмехнулась она.

– А куда бы вы делись? – спокойно пожал плечами Саня. – Не воевать же вам со мной. Ну ладно, я же сказал: это проехали.

– Всего доброго, – сказала Лера. – Искренне вам признательна.

Она кивнула и повернулась, чтобы идти к центральной аллее, но Саня сказал, протягивая ей визитную карточку:

– Погодите все-таки, Лера. Вот мой телефон, вы мне позвоните, если что.

– Если – что? – в упор глядя на него, переспросила она.

– Да просто, вдруг вопросы какие-нибудь. Это я вам сотовый номер даю, так что звоните в любое время. Я правда рад был с вами познакомиться, – сказал он и снова улыбнулся.

Лера еще раз увидела, как всплеснулась синева в его глазах, – и тут же, опередив ее, Саня зашагал к выходу из парка.

Выйдя на аллею, она посмотрела ему вслед. Он шел свободной, чуть вразвалочку, походкой и, словно почувствовав ее взгляд, обернулся и помахал рукой.

Вернувшись в театр, Лера услышала музыку, звучащую в зале, и заглянула туда, слегка приоткрыв дверь. Митя слушал певца, стоящего на сцене у рояля. Голос у певца был очень красивый – любимый Лерин баритон, – и она тоже послушала немного, не заходя в зал, а потом отправилась к себе в жаркий кабинет и снова окунулась в поток неотложных дел, которых пока не становилось меньше.

– С кем это ты сегодня так романтично беседовала в ротонде? – спросил Митя вечером, уже в машине. – Я как раз подъехал – просто тургеневская была картина.

– С поклонником! – Лера бросила на него загадочно-интригующий взгляд. – Что, Митенька, ревнуешь?

– А что мне еще остается? – в тон ей усмехнулся он.

Глава 15

«А ведь он прав, – думала Лера. – Прав он, мальчик, бандит этот синеглазый! Не он – так не сегодня-завтра другой явится со своими услугами. Казино предложит открыть... Было бы за что платить, вот ведь что обидно».

Обидно или не обидно, а без «крыши» работать действительно было нельзя, это Лера знала. Но не под бандитов же идти! Оставалось только последовать Саниному совету и обратиться к Стрепету.

Разговор представлялся ей нелегким. Хотя с чего бы, кажется? Не на Женькину ли помощь она всегда могла рассчитывать? Но Лера ведь с самого начала дала себе зарок, что не станет вешать на него свои новые проблемы...

Поэтому она и входила в его кабинет с некоторым смущением.

Впрочем, Женька как раз был весел, даже веселее, чем обычно. В летней рубашке с клубным ярким галстуком он казался каким-то пухленьким и совершенно довольным жизнью.

– А, появилась наконец! – встретил он Леру, выйдя на середину своего огромного кабинета. – Думал, совсем загордилась, забыла старых друзей!

– Какое загордилась, Женечка, – улыбнулась в ответ Лера. – Дел невпроворот, времени нет совсем.

Они поговорили немного о делах «Горизонта», Женька похвалил Жозефиночку и тут же спросил:

– Не просто так ведь пришла, признайся?

– Признаюсь! – подняла руки Лера. – За спонсорской помощью, милый. – Она увидела, как сразу изменилось Женькино лицо, и поспешила успокоить: – Ты не бойся, не бойся. Не корысти ради! Привыкла я к каменной твоей стене...

Узнав, что его меценатский долг заключается только в опеке театра службой безопасности «Горизонта», Женька снова повеселел.

– Ну, так бы и говорила, – облегченно вздохнул он. – А что, уже пристают?

– Да вроде нет пока, – пожала плечами Лера. – Этот твой, Александр Иванович, намекал было, но не стал настаивать. Слушай, – вспомнила она, – а он что, действительно серьезный человек?

– А что, не похоже? – усмехнулся Женька. – Молодой, конечно. Лет двадцать шесть всего, кажется.

– Я думала, еще меньше.

– Да нет, меньше просто быть не может: не успел бы в люди выбиться. Но он всех знает и зря не скажет, не сомневайся. Он Зелинскому какой-то закадычный друг детства, не то даже родственник, тот только с ним дело имеет. Так что все у него в порядке, можешь быть спокойна. Успокоил он тебя, кстати?

Зелинскому принадлежал весьма крупный банк, и можно было надеяться, что он не имеет дела со случайными людьми.

– Успокоил, – кивнула Лера. – Но дело не в нем...

– Что ж, – сказал Стрепет, – насчет нашей поддержки – я не против. Культура, мы понимаем, хоть гимназиев не кончали! Считай это моим скромным вкладом в высокое искусство. Тем более, ты же наш человек все-таки, да и Митя тоже.

– Ваш, ваш, – подтвердила Лера. – Куда я от вас денусь?

– Вот и поговори с Глушенко, я его предупрежу, – завершил тему Женя. – Слушай, а вообще-то, где ты все-таки деньги собираешься брать на театр на ваш? Из своего кармана выкладывать?

– Ох, Женя, не трави душу! – вздохнула Лера. – Кто мне даст на театр просто так? А от налогов за это у нас, по-моему, никогда не будут толком освобождать.

– Тогда, значит, надо... – начал было Женька.

– Знаю. Уже всем разослала факсы, Алексиадису особенно. Может, найду благотворителя, а лучше бы нескольких. Авиакомпанию какую-нибудь, что ли... Да хоть кого, хоть афериста международного!

– Найдешь, – уверенно сказал Стрепет. – Если уж ты меня нашла когда-то... Я, конечно, не главный специалист в музыкальных делах, но «Гардиан» читаю, однако. Там про Митю сколько раз было, и в «Тайм» как-то целый разворот, когда у него концерт был в Карнеги-холл. Знаешь?

– Не знаю, – покраснев, сказала Лера. – Разве он рассказывает?

– А ты собери материалы, пригодится, – посоветовал Женька. – Как знать, может, и у нас еще найдутся Рябушинские... Может, и я подключусь еще! – добавил он – впрочем, не слишком уверенно.

– Тебе и на том, что есть, спасибо, – поспешила сказать Лера. – Я завтра же с Глушенко поговорю. Успокоил ты меня, друг мой, не хуже Александра Ивановича!

Забор был заказан, ремонт был окончен!

В тот вечер, когда из особняка вышел последний маляр, Лера обошла его в одиночестве, как полководец – поле выигранной битвы.

Он был удивительный, этот дом – внутри такой же благородный, как снаружи. Лера поднялась по широкой центральной лестнице. Белый мрамор был вычищен; дорожка постелена и прижата к ступеням латунными прутьями; зеркала, казалось, светились изнутри.

Она сама попросила оставить включенным весь свет в зале – и теперь это пространство ослепило ее, заставило задохнуться от восторга.

Она смотрела на высокую сцену, на полукруглые ряды кресел в партере, на полумрак бенуара... В этом зале чувствовалось то, что она особенно любила в консерватории и в Колонном зале: тихое мерцание воздуха, ощущение чуда, которое начнется через несколько мгновений.

Лера представила, как Митя поднимется на сцену, обернется к залу, как глаза их встретятся в тишине ожидания... Это было так хорошо, так просто и хорошо, что она рассмеялась. Ее смех прозвучал в пустом зале отчетливо и звонко и долго не затихал под высоким куполом.

Домой она вернулась поздно – думая, что Митя, может быть, уже спит: вставал он очень рано.

Но он не спал – голос скрипки слышен был из кабинета, и этот голос показался ей взволнованным. Лера тихо прошла по коридору, чтобы ему не мешать, но дверь кабинета тут же открылась и Митя остановился на пороге.

– Что-нибудь случилось? – спросила Лера, вглядываясь в его лицо.

– Да. – Митины глаза блестели в неярком свете, и волнение чувствовалось в его голосе так же ясно, как в голосе скрипки. – Ты знаешь, я, кажется, нашел...

– Что – нашел? – удивленно спросила Лера.

– Сопрано.

Лера почувствовала, как ей передается его волнение. Но она не знала, что сказать. Даже о чем спросить – тоже не знала.

– Она красивая? – спросила Лера неожиданно для себя.

Митя вгляделся в ее лицо и рассмеялся. Лере показалось, что волнение его развеялось, сменившись каким-то другим чувством.

– Красивая? – переспросил он. – Да, конечно. Красивая и молодая. Но дело не в этом. Слушай, – вдруг предложил он, – а не выпить ли нам по этому поводу?

– Выпить, конечно, – тут же согласилась Лера. – Это же важно для тебя, да?

– Да. – Митя пошел в гостиную, и Лера пошла вслед за ним. – Это очень важно, это очень-очень, так важно, что и передать нельзя... – напевал он по

дороге.

Лера достала из буфета хрустальные бокалы на высоких ножках, мимолетно полюбовалась, как играют в них искры света. Митя открыл бутылку «Бордо», разлил вино – и бокалы налились темно-красным сиянием.

– Кто же она? – спросила Лера, садясь за овальный стол напротив Мити. – И где же ты ее нашел?

– В консерватории. Просто в консерватории, случайно: шел зачем-то в учебную часть. Хотя едва ли такие вещи бывают случайными...

Бокал казался хрупким в Митиной большой ладони; Лера неотрывно смотрела на его пальцы.

– Ей надо было идти прослушиваться в Большой, – продолжал Митя. – Она закончила консерваторию, и ее пригласили на прослушивание. Она попросила концертмейстера порепетировать с ней немного, это было за полчаса до того, как ей надо было идти. А я шел мимо аудитории – вот и все.

Лера видела, каких усилий стоит ему сдерживать волнение. Он хотел сказать гораздо больше, чем можно было высказать словами.

– Надо слышать этот голос... – произнес он наконец.

– И... что же? – осторожно спросила Лера. – Она пошла на прослушивание?

– Нет. Она пела мне – подряд из всех оперных партий, которые знала.

Лера сама не могла понять, что чувствует сейчас. Сердце ее проваливалось в пустоту – и тут же взлетало вверх, словно притянутое волшебным, тревожным блеском Митиных глаз.

– Что же она будет петь у тебя? – спросила она наконец, поднеся к губам бокал, чтобы скрыть волнение.

– Татьяну, – ответил Митя, и Лера почувствовала, как дрогнул его голос. – Татьяну в «Евгении Онегине».

– Ты будешь ставить «Евгения Онегина»? – удивленно спросила Лера. – Вот прямо сейчас, первой оперой?

– Да. А ты не хотела бы этого?

– Нет, как я могу не хотеть... – медленно произнесла Лера. – Но это как-то странно...

– Что же странного?

Митя смотрел на нее так внимательно, как будто она могла сказать ему что-то совершенно особенное, чего никто другой сказать не мог. Лере даже неловко стало под его ожидающим взглядом.

Она мало что понимала в симфонической музыке, но ее-то хотя бы

чувствовала – ее страсть, или покой, или тревогу. Особенно когда дирижировал Митя. Но уж в операх Лера точно не понимала ничего; по нынешней ее работе в этом даже признаваться было неловко.

И, как назло, именно оперный «Онегин» казался ей особенно неестественным, невыносимо нарочитым. Она просто понять не могла, что в нем может нравиться Мите!

Лера помнила, как в восьмом классе их водили в культпоход на «Онегина» в Большой, потому что его как раз проходили по программе. Тогда ее разбирало любопытство. Лера до самозабвения любила пушкинский роман, наизусть знала некоторые главы, и ей интересно было послушать, как же все это будет звучать в театре.

Но то, что она увидела и услышала, ее просто ужаснуло! Толстая Татьяна, плешивый Онегин, до отвращения томный Ленский... А главное – пошлые, ничего общего с пушкинской ясностью не имеющие слова!

– Ой, Митя... – сказала она. – Почему же именно это? Они там все какие-то, в этой опере... Не могу я объяснить! Как марионетки...

Он пил вино и улыбался, глядя на нее – словно любясь. Лера только не могла понять, что в ее неловких объяснениях вызывает Митино восхищение.

– Ты тоже это заметила? – спросил он. – Я, знаешь, много об этом думал. Это мучительно было для меня – понять, что же там на самом деле происходит и почему меня это так тревожит... Но – это долго объяснять. Потом! – вдруг оборвал он сам себя. – Ты не бойся, я хорошо это сделаю – все будет очень просто. Будет то, что я у Пушкина чувствую. Особенно теперь, когда есть ее голос...

– Но ведь «Онегин», по-моему, где только не идет? – на всякий случай спросила Лера. – И в Большом, и в Камерном, и в Новой Опере. И в Детском музыкальном даже.

– А вот это уж и вовсе ничего не значит, – улыбнулся Митя. – Это меня как раз меньше всего волнует. Думаешь, мне важно быть оригинальным?

– Не думаю, Митенька, – сказала она. – Но я ведь вообще не знаю, что тебе важно...

– Ты услышишь, – пообещал он. – Этого нельзя будет не услышать.

– А как зовут твою певицу? – вспомнила Лера.

– Тамара Веселовская, – ответил он.

Можно было только радоваться, что все так совпало – просто вечер в вечер! Ремонт был окончен, певица нашлась, и, главное, Митя понял, какую оперу хочет ставить.

Уже на следующий день Лера почувствовала, как преобразился театр. Митина энергия взбудоражила всех, и все мгновенно завертелось каким-то новым колесом. Он готовил концертную программу к открытию, репетировал с солистами, с хором, что-то обсуждал с художником, которому заказывалось оформление...

Все репетиции переместились наконец в Ливнево, и музыка не умолкала с утра до позднего вечера. Лера слышала ее постоянно, каждую минуту, и радовалась тому, что уже привыкла к ней. Когда бы она ни заглянула в зал, Митя был там; он и в кабинете своем почти не показывался. Вообще-то Лера могла уже даже и не заглядывать: чувствовала его присутствие по тому, как звучала музыка.

Она наконец выбрала себе место для кабинета, и наконец он был отделан так, что сюда не стыдно было приглашать людей, – не хуже, чем в Петровских линиях. С одними только дизайнерами, подбиравшими цветы, Лера сама просидела два часа!

Весь ее кабинет был разделен легкими перегородками, которые можно было переставлять как душе угодно, и только одна внутренняя, не достающая до потолка стена была сделана из стеклянных кирпичей. Когда Лера включала все верхние светильники – они были прикреплены к причудливо изогнутой планке, вьющейся по всему потолку, – свет начинал играть в стеклянных кирпичах, рождая необычные блики.

Лера перезнакомилась со всеми Митиными артистами и почти со всеми музыкантами. Но все-таки оркестр был большой, и всех узнать как следует она еще просто не успела.

– Всех узнаешь, милая, – посмеивался Митя. – Раз уж взялась! Все еще впереди: квартиры, детей в садики устраивать... А ты как думала?

Лера именно так и думала, и такое будущее вовсе не казалось ей мрачным. Ей так нравилось здесь работать – до самозабвения! Все нравилось, даже вникать в работу гримеров и костюмеров.

Во всем здесь была Митина душа, и ничего не могло казаться неважным.

Тамару Веселовскую она увидела через два дня после ночных посиделок. Правда, увидела мельком, на ходу: та шла в гримерную перед началом репетиции. Но и этих нескольких секунд, когда они разминулись в коридоре и Тамара подняла на нее глаза, Лере было вполне достаточно для того, чтобы оценить ее внешность.

Конечно, Тамара Веселовская была удивительно красива, такую на улице увидишь – и то ахнешь, а уж на сцене!.. Темные волосы волнами разлетались по ее плечам, и такими же волнами разлетались рукава белого

шелкового платья с высоким лифом и пышной юбкой, подчеркивающей тонкую талию. Лера не успела рассмотреть, какого цвета у нее глаза, – поняла только, что они большие, прозрачные и сразу заметны на тонком лице.

Но в Тамариных глазах, которые та вскинула на нее всего на мгновение, Лера увидела другое – то, что вдруг показалось ей знакомым. В них была отрешенность – такая знакомая, мучительно знакомая, та самая, что преображала Митино лицо, когда он вслушивался в неведомые звуки...

Взглянув на Леру, Тамара едва ли ее заметила – и пошла дальше, оставив в воздухе горьковатый миндальный запах духов. Лера едва удержалась от того, чтобы обернуться и проводить ее взглядом. Она не могла понять, какое чувство вызвала у нее эта мимолетная первая встреча.

Но особенно прислушиваться к своим чувствам было в этот момент некогда. Лера как раз спешила к выходу, потому что увидела из своего окна на втором этаже, как к дальнему углу парка, где и было заморожено чье-то невыясненное строительство, подъехал массивный зеленый «Лендровер».

Лера терпеть не могла подобных машин, зная, кому они обычно принадлежат, и ничего хорошего с появлением этого джипа не связывала.

«Еще бы два дня – и забор бы уже стоял...» – тоскливо подумала она.

Как будто забор мог остановить непрошенных гостей!

– Вы кого-нибудь ищете? – издали окликнула она двоих мужчин, вышедших из машины и неторопливо обходящих площадку.

– Никого не ищем, – невозмутимо ответил один из них – потолще, в шелковой рубашке, на которой во множестве были изображены виды Рио-де-Жанейро. – Кого нам искать? Приехали вот взглянуть, когда технику подгонять.

Лера почувствовала, как сердце у нее забило стремительно и испуганно.

– Какую же технику? – поинтересовалась она, стараясь казаться невозмутимой и не сомневаясь, что ей это вполне удалось.

– Строительную, девушка, – улыбаясь, охотно объяснил второй, пошустрее. – С деньгами мы разобрались как раз, теперь и продолжим строительство! На законном, так сказать, основании.

– И что же вы собираетесь строить, можно поинтересоваться? – ослепительно улыбаясь в ответ, спросила Лера.

– Отчего же нельзя – конечно, можно! Спортивно-оздоровительный комплекс, другое в парках строить не дозволено.

– Что-о? – На этот раз она не смогла сохранить невозмутимость. – Это

что же, интересно? Баню, бассейн?

– Нет, зачем, – вступил в разговор толстый. – Это у нас будет гараж. Небольшой, на двадцать машин. А при нем тренажерный зал – спортивно-оздоровительный.

– И вы уверены, что вам это разрешено? – снова спросила Лера.

– Совершенно уверен, – отрезал толстый. – А вы, видно, директор здешняя будете? С документами желаете ознакомиться? Милости прошу! – Он сделал широкий жест волосатой рукой. – У нас тут как раз офис через дорогу – соседи!

С этими словами он протянул Лере визитную карточку, на которой она, скосив глаза, прочитала мимоходом: АО «Мосинвестстрой», господин какой-то, генеральный директор.

– Непременно зайду, – кивнула Лера. – И не позже как послезавтра. А то потом, знаете ли, ограду будем устанавливать, хотелось бы выяснить все обстоятельства.

– С оградой погодите, – распорядился генеральный директор. – Звоните, заходите, какие проблемы? Мы солидные люди, не шпана какая-нибудь, любой вопрос всегда решим. Поехали, Григорий!

И, не обращая больше внимания на Леру, незваные посетители направились к своему «Лендроверу».

«Спортивно-оздоровительный гараж! – подумала Лера. – Этого мне только не хватало!»

Она понимала, что до сих пор ей везло. Даже то, чего она забыть не могла, – то, что произошло с Митей, – можно было считать везением по сравнению с тем, что могло бы быть. Земля в таких парках, как ливневский, была дороже золота; Лера до сих пор не могла взять в толк, как это им безропотно отдали такое богатство.

Она даже Митю об этом спросила, но он, по своему обыкновению, только улыбнулся.

– Наука убеждать, – сказал он. – Ты Цицерона читала? А Демосфена?

Демосфен был совершенно ни при чем, это ясно, но ничего более вразумительного Митя не говорил.

Поэтому Лера даже не слишком удивилась, услышав про гаражи. Смешно было только, что они назывались спортивно-оздоровительным комплексом, но и это было понятно. Видно, господин из «Лендровера» тоже побывал в организации с непроизносимым названием и отлично знал, как надо поименовать то, что строится в парке.

«И что теперь делать? – размышляла Лера. – Да мы бы лучше сами там

гаражи построили – можно подумать, нам не нужны! Нет, не отдам, ни за что не отдам! Придется к Глушенко идти, – без особенной радости подумала она. – Сказать-то ничего не скажет, но едва ли обрадуется...»

То, что ей предстояло решить сейчас, не относилось напрямую к сфере безопасности, и Лера чувствовала неловкость оттого, что Глушенко будет заниматься проблемами ее выгоды и невыгоды.

Ей стало обидно чуть не до слез. И тут же она почувствовала, как поднимается в ней то, чего она иногда и сама в себе боялась: несмиримое упорство. Мама с детства ей говорила: «Лерочка, нельзя так, надо иногда уступать, ты же видишь, силы не равны...»

Вообще-то в последние годы Лера успела научиться идти на компромисс, но сейчас она не была уверена в том, что это надо делать. Что это за люди, насколько они сильны и влиятельны, не лучше ли сразу дать им понять, кто здесь хозяин?

В таком странном, задумчиво-упорно-сердитом состоянии Лера шла по дорожке, ведущей из дальнего угла парка к театру. Шла и сердилась на себя. Как раз тогда, когда надо было сосредоточиться и просчитать варианты, она почему-то не могла этого сделать из-за неожиданной и необъяснимой рассеянности!

После многодневной августовской жары утром наконец-то прошел дождь, и теперь в парке было прохладно. Солнце пронизывало аллеи длинными предвечерними лучами, Лера шла по мокрой песчаной дорожке под липами, и волосы ее золотились так, как будто последние солнечные лучи путались в них.

Она сама не понимала, отчего так тяжело у нее на сердце – неужели из-за дурацкого разговора черт знает с кем? Неужели из-за этого не замечает она, как неназываемо, пронзительно красив августовский парк, и старые деревья, и длинные корни их, выползающие на дорожку?

Впрочем, корней-то она не замечала напрасно. Дойдя до середины аллеи, Лера споткнулась именно об извилистый древесный корень – и, оскользнувшись на мокром песке, упала почти навзничь. Высокий каблук ее новой туфельки хрустнул, как будто жалобно вскрикнул.

Поднявшись, Лера тут же поняла, что каблук отломан напрочь. И кружева на бежевом льняном платье вымазаны мокрой грязью, и ссадина красуется на локте.

«Всегда так – одно к одному! – еще больше рассердилась она. – Да что это со мной, в самом деле?»

Лера доковыляла до пенька в тени высокого дерева и, присев на него, разглядывала каблук, пытаясь понять, что с ним надо сделать, чтобы

добрести до театра.

– А ничего не сделаете, – вдруг услышала она и, подняв глаза, увидела в двух шагах от себя Александра Ивановича собственной персоной.

Он стоял на мокрой дорожке, смотрел на Леру со знакомым «крутым» прищуром и говорил так, словно она вслух спросила его, что ей делать с отломанным каблуком.

И, как ни странно, едва она увидела Александра Ивановича, все ее необъяснимое раздражение улетучилось мгновенно, как будто его вовсе и не бывало.

– Здравствуйте, Саня! – сказала Лера. – А вы что здесь делаете?

– Ничего, – пожал он плечами. – Мимо ехал, дай, думаю, заеду, проведу знакомую. Может, и я на что сгожусь. И надо же – она идет себе по дорожке и вдруг падает на ровном месте, а я ее даже подхватить не успеваю! Зря, выходит, приехал?

Услышав его голос, Лера не выдержала и улыбнулась – сама не понимая, чему. И тут же он улыбнулся ей в ответ, и она снова поразилась, как мгновенно распахнулись его глаза, осветив все Санино юное лицо необыкновенным синим светом.

– Думаете, нельзя его даже на пять минут как-нибудь обратно приставить? – спросила она.

– Не-а, – покачал головой Саня и тут же посоветовал: – А вы и второй отломайте. Помните, как по телевизору, в рекламе про свежее решение?

– Не помню, – сказала Лера, не переставая улыбаться. – Да я ее и не видела, эту рекламу.

За те несколько минут, что он стоял в двух шагах от нее на дорожке, Саня не произнес ничего, кроме какой-то ерунды. Про свежее решение из рекламы... И одет он был все в того же разноцветного Версаче, обожаемого всеми нуворишами; «медузки» проступали даже на ткани голубой рубашки.

Но самое удивительное заключалось в том, что это было совершенно неважно – что он говорит и во что он одет. Что-то в нем было такое особенное, что делало это неважным, а что – Лера понять не могла. Но чувствовала себя с ним легко и беспечно.

– Что ж, придется, – вздохнула она, снимая вторую туфельку. – Ого, как держится крепко! Как еще тот так легко отломался?

– Давайте я, – протянул руку Саня. – Ломать не строить, это мы мигом.

Он подержал в руке туфельку, коснулся пальцем кружевного бантика над каблуком.

– Красиво... Даже жалко ломать!

Потом Саня одним движением отломал каблук и вернул туфельку Лере.

– А вам так даже лучше, – сказал он, когда она надела туфли и поднялась с пенька. – Правда, лучше! Вы тогда такая маленькая... – И, поймав Лерин недоуменный взгляд, Саня объяснил, глядя на нее чуть исподлобья: – Я же сам невысокий, вот мне и нравится, когда вы маленькая.

Тут уж Лера не выдержала и расхохоталась.

– Ох, Саня! – сказала она, вытирая выступившие от смеха слезы. – Как же вы говорите... чудесно!

– Разве? – Улыбка не сходила с его лица. – Ну, может быть. А почему это вы шли такая задумчивая, что под ноги даже не смотрели?

– Да так... – Лера перестала улыбаться. – Разговор был неприятный.

– С кем? – быстро спросил Саня.

Лицо его мгновенно стало серьезным, даже настороженным.

– Да черт их знает! Я еще не поняла. Свалились как снег на голову со своим спортивно-оздоровительным гаражом.

Они медленно пошли к театру; отломанные каблуки Лера держала в руках.

– Ну так давайте я узнаю, – предложил Саня, выслушав ее короткий рассказ. – Чего мне, это ж плевое дело! Да я их и знаю, кажется... Как, вы сказали, они называются?

– Да вот. – Лера протянула ему визитку гендиректора.

Повертев ее в руках, Саня неожиданно сказал:

– Надо отступить, Лера.

– Но почему? – возмущенно воскликнула она.

– Надо – и все. Спать крепче будете.

– Но мне жалко им отдавать! – снова рассердилась Лера. – Мне самой гаражи нужны, с какой же радости?..

– Это-то понятно – кому ж не нужны! – усмехнулся он. – Ну так надо договориться, поторговаться надо. А напролом нельзя. Может, припугнуть немного, только не слишком, а то как бы самой не нарваться... Да что я вас учу – вы, наверно, и сами знаете.

– Знаю... – протянула она. – Но я, правду сказать, боюсь немножко.

Они остановились у театрального крыльца. Саня поднялся на две ступеньки, а Лера ожидающе смотрела на него снизу.

– Вы хотите, чтобы я вам помог? – медленно спросил он.

– Нет, – твердо ответила Лера. – Извините, Саня, но – не хочу.

– Ну и правильно, – согласился он, но голос у него стал какой-то грустный. – Договорились же: лучше не начинаться... А вы мне показали

бы театр ваш! – вдруг попросил он. – Снаружи-то красиво...

– И внутри теперь красиво, – сказала Лера. – Конечно, покажу, с удовольствием! Пойдемте.

Они поднялись на крыльцо, и Лера распахнула перед Саней двери, с радостью представляя, как должно восхитить постороннего человека то, что он увидит здесь впервые: эта ясная красота, благородство, утонченность форм и очертаний.

Она удивилась, заметив, что ее спутник, наоборот, помрачнел, когда они вошли в просторный вестибюль и стали подниматься на второй этаж по центральной, парадной лестнице в зеркалах. Лера просто понять не могла, что это с ним произошло так мгновенно, отчего он так явно замкнулся и притих.

– Вам не нравится? – осторожно спросила она.

– Нет, почему... – нехотя ответил Саня. – Очень красиво.

Лера успела еще удивиться тому, как изменился даже его тон, – но тут же забыла об этом...

Они остановились перед дверью зала, и за дверью звучал голос.

Тамара пела по-итальянски, но, хотя Лера неплохо знала язык еще с университетских пор, – она не сумела понять ни слова. Она просто не могла сосредоточиться ни на отдельных словах, ни даже на общем смысле. Звуки лились таким единым, свободным и полным потоком, что ни один из них нельзя было отделить и выделить. Лера не знала, что это называется кантиленой.

Но и не надо было ничего знать.

Ничего не существовало в мире – только этот голос, отдельный от всего и все в себя вместивший.

И тут Лера почувствовала, что ее охватывает страх – непонятный, необъяснимый! Все оборвалось у нее в груди, как будто она заглянула в разверзшуюся пропасть. Тамара пела, голос ее то лился, то летел, и сердце у Леры тоже улетало куда-то – в пустоту. Она приложила руки к горлу, словно хотела остановить свое сердце, удержать его, – и тихо приоткрыла двери зала.

В зале стоял полумрак, а сцена была ярко освещена. Тамара пела, стоя на сцене у рояля, а Митя сидел в зале и слушал. Кажется, в зале был еще кто-то, и аккомпаниатор сидел за роялем. Но Лера видела только их двоих – соединенных незримой и прочной нитью Тамариного голоса и Митинового внимания. Никого больше невозможно было увидеть, потому что никто им был не нужен.

Забыв обо всем, Лера отступила на шаг назад и пошла прочь от двери

зала.

Она не помнила, куда шла по коридору, и удивилась, когда, остановившись у выхода из ложи бенуара, увидела рядом с собою Саню.

– Что же, не покажете, значит, театр? – тихо спросил он, останавливаясь вместе с нею.

– Ох, Саня, извините...

Невозможно было обидеть ни в чем не повинного человека, и это заставило Леру сдержать то непонятное, что происходило в ней сейчас.

– Может быть, в другой раз, а? – спросила она. – Вы меня правда извините, Саня, я что-то... Что-то плохо себя почувствовала! Вы мне позвоните завтра, хорошо? И мы с вами договоримся, когда вы придете. А скоро у нас открытие сезона, и я вас, конечно, приглашу.

Он кивнул, соглашаясь, но не уходил, а смотрел на нее, не отводя глаз. Лера хотела еще раз извиниться, еще раз сказать, что разболелась голова... Но вдруг представила, что вот сейчас и он уйдет, и она останется наедине со своим необъяснимым страхом, – и неожиданно для себя спросила:

– А знаете что – вы очень заняты сейчас?

– Нет, – быстро ответил он. – Вообще не занят.

– Тогда, может быть, мы выедем с вами вместе? Мне ведь каблуки надо прибить, не могу же я так и ходить до вечера, правда?

Санино лицо тут же просияло.

– Ну конечно! – воскликнул он. – Да я вас просто отвезу – ну, куда там... с каблуками, а потом обратно привезу, и все! Или хотите, я вам другие туфли куплю, это даже быстрее будет?

– Нет, спасибо, – улыбнулась его непосредственности Лера. – Мне эти очень нравятся.

Ей легко было с ним, и страх отступил незаметно.

Ездил он, как и следовало ожидать, на огромном «Навигаторе».

– Без охраны? – усмехнулась Лера, увидев этот массивный черный джип у входа в парк.

– А от кого мне охраняться? – пожал плечами Саня. – Я же не банкир. Я – Александр Первый! Только я не знаю, где туфли чинят, так что вы командуйте сами, – добавил он, садясь за руль.

Лера смогла припомнить только обувную будку на Белорусском вокзале – по прямой от Ливнева недалеко. В будке всегда сидел невозмутимый айсор – до того колоритный, что даже хотелось вспомнить, какой это год на дворе, не предвоенный ли. К счастью, он был на месте и охотно взялся прибить отломанные каблуки.

Лера присела на табуретку в будке и смотрела, как айсор быстрыми и точными движениями забивает маленькие блестящие гвозди, а Саня стоял рядом и смотрел на Леру.

– Саня, а почему – Александр Первый? – вдруг спросила она, оторвавшись от созерцания мелькающих гвоздиков. – Наполеона победили?

– Почему Наполеона? – удивился Саня.

– Да царь ведь был такой, Александр Первый, как раз во время войны с Наполеоном.

– А! Не-ет, не Наполеона. Просто я по жизни – первый. Натура у меня такая, вот и зовут, – объяснил Саня. – А вообще-то из-за фамилии тоже, наверно. Фамилия – Первачев, не слышали?

– Нет, – покачала головой Лера. – Не приходилось как-то.

Она взяла туфли и только тут вспомнила, что, уезжая из театра, даже не зашла в свой кабинет, и деньги остались в сумке. Впрочем, еще прежде чем она надела туфли, Саня заплатил айсору – и вышло, что Лера даже не может возразить.

– Спасибо, – сказала она, вставая. – Что же, отвезете обратно?

– Я ж обещал, – кивнул он. – А хотите... Может, мы лучше еще куда-нибудь поедем – ну, раз туфли починили?

– Куда же? – улыбнулась Лера.

– Да куда хотите! В ресторан или в клуб какой-нибудь. На дискотеку все ездят, знаете, которая на Пушкинской?

– Не знаю, – покачала головой Лера. – Нет, Саня, в другой раз как-нибудь.

«В другой раз» она произнесла не задумываясь, просто как вежливую форму отказа, но Саня тут же переспросил:

– В другой – это в какой? Я бы за вами заехал, когда вы работу закончите...

– Мне пора, Саня, – не отвечая на его вопрос, сказала Лера.

И тут же представила, как входит в театр, поднимается по лестнице и снова слышит мучительный, всевластный Тамарин голос...

«Ты все это выдумала! – мысленно произнесла она. – Что за бред – бояться услышать певицу, да еще такую изумительную!»

Убеждать себя можно было в чем угодно, но пронзительное, необъяснимое чувство от этого не исчезало.

– Знаете, Саня, – сказала Лера, – я ведь и правда не очень хорошо себя чувствую... Вы не могли бы отвезти меня домой? Это совсем рядом, даже ближе, чем Ливнево.

– Я все могу, – сказал он.

Фраза была хвастливая, но Саня произнес ее тихо, едва ли не печально. Впрочем, Лера давно уже заметила, что слова у него звучат иначе, чем должны были бы звучать по своему избитому смыслу. Саня словно снимал с них налет пошлости, хотя и непонятно было, как он это делает.

Они встали в неизбежную пробку у Маяковки, на повороте с Тверской. Лера молчала, глядя перед собою. Она пыталась вспомнить, запоздало разобрать итальянские слова, которые звучали сегодня с освещенной сцены... Саня тоже молчал, искоса глядя на нее.

– Да поехали, ну их!.. – сказал он с неожиданной злостью.

Лера вздрогнула – так сильно он нажал на газ, так взревел джип, срываясь с места и едва не расталкивая стоящие впереди машины; впрочем, те и сами торопливо уворачивались от него.

– Осторожнее! – воскликнула Лера.

– Ничего, целы будут, – сквозь зубы процедил Саня. – Вы же торопились? Ну так и поехали, чего кота за... хвост тянуть!

Он снова помрачнел – как тогда, в фойе ливневского театра, – и Лера снова не поняла почему.

Саня высадил ее у арки, не заезжая во двор.

– У меня ведь есть ваш телефон, – сказала Лера, выходя из машины. – Я вам обязательно позвоню к открытию сезона, и вы придете, да?

– Как хотите, – пожал плечами Саня. – Если не в отъезде буду, приду.

Лера не знала, что еще ему сказать: так странна была его неожиданная мрачность, почти злость.

– Тогда... до встречи? – сказала она наконец. – Спасибо вам за каблуки!

Саня кивнул, не отвечая. Лера захлопнула дверцу, и джип стремительно сорвался с места, словно уходя от погони.

Часть вторая

Глава 1

Лера так волновалась перед открытием театра, как будто ей самой предстояло дирижировать или, по крайней мере, играть в оркестре.

Она из-за всего волновалась – даже из-за того, что ее темно-бордовое длинное платье вдруг показалось ей слишком тяжеловесным, хотя на самом деле оно было шелковое, невесомое и открывало плечи, повторяя их плавную линию. Лера даже чуть не решила его не надевать, хотя оно и сшито было специально для этого вечера, и очень шло к ее пышной стрижке – Митя сам сказал, глядя, как она одевается дома перед зеркалом.

И она понять не могла, как это Митя выглядит таким весело-невозмутимым!

– Ты что, совсем не волнуешься? – удивленно спросила Лера, зайдя к нему в кабинет перед концертом.

– Волнуюсь, – ответил он, глядя на нее блестящими смеющимися глазами. – Просто ужас, как я волнуюсь! Ну-ка, иди ко мне, дай я тебя обниму...

– Митька, перестань! – попыталась рассердиться Лера. – Что за глупости ты говоришь? Ты рубашку помнешь и выйдешь на сцену мятый!

Но, не обращая внимания на Лерины слова, Митя притянул ее за руку.

– А если тебя не обниму, то сознание потеряю от волнения. Упаду прямо на сцене, вот увидишь, – заявил он, прижимая ее к себе. – Слушай, может, дверь пока закроем?..

Он обнял ее всего на мгновение, но так, что Лера почувствовала, что и сама бы не прочь закрыть дверь хоть на минутку.

– Что у тебя в голове, Митенька! – рассмеялась она, упираясь руками ему в грудь. – Мэр пришел, министр культуры, еще кого-то ждут, одних охранников набилось ползала, а ты...

– Вот и хорошо, – не унимался он. – Как раз, пока ждут...

Неизвестно, как провели бы они последние минуты перед концертом, – наклонившись, Митя губами отодвинул бриллиантовую каплю, висевшую на цепочке между Лериных ключиц, – если бы в кабинет не вошел Сергей Павлович Гладышев.

Лера почти не знала Митинога отца. Он уехал в Штаты сразу после смерти Елены Васильевны и приезжал с тех пор всего однажды, вскоре после женитьбы сына. Она знала, что Сергей Павлович преподает в какой-то очень престижной музыкальной высшей школе, а его жена –

концертирующая пианистка. Сергей Павлович был старше даже Елены Васильевны, а уж его нынешняя жена и вовсе годилась ему в дочери; сейчас ему было лет шестьдесят.

Войдя в кабинет, он кивнул Лере, хотя они недавно виделись дома, и сказал, обращаясь к сыну:

– Забыл вчера, Митя, после репетиции хотел тебе сказать... По-моему, ты слишком увлекаешься непрерывностью музыкальной линии. Все-таки Моцарт не Вагнер, почему же – бесконечная мелодия? И темп слишком свободный.

– Ты думаешь? – спросил Митя. – Вчера мне тоже показалось, а сегодня – не знаю... Как получится, папа, пока не могу сказать – я послушаю.

– Позволишь себе импровизировать? – усмехнулся Сергей Павлович.

– Можешь и так назвать. Хотя... это не совсем точно.

Лера видела, как при этом малопонятном и коротком разговоре переменялось Митино лицо. В глазах его, только что светившихся беспечностью, появилось что-то совсем другое – такое от Леры далекое...

– Я послушаю, – повторил он.

Лера не могла понять, отчего ей вдруг стало грустно. Она радовалась этому концерту – первому в новом театре – и тому, что все так красиво, и зал полон, и особенно – что Митя выглядит веселым и спокойным. И вдруг в нем мелькнуло что-то совершенно непостижимое – словно прилетело из другого мира, – и ей осталось только замолчать...

В первом отделении должен был быть Моцарт, во втором – Малер; про его симфонию Митя сказал, что в ней предугадана мировая война.

Лера не сразу пошла в директорскую ложу, хотя это было единственное место в зале, которое ей нравилось для себя, когда дирижировал Митя: оттуда было видно его лицо.

Она вошла в зал, когда слушатели расселись наконец и затихли, и оркестр уже сидел на сцене. Лера остановилась у правой двери зала, чувствуя, как сердце у нее то летит, то замирает в ожидании Митино появления. И она боялась этого мгновения: когда он выйдет, такой незнакомый, такой далекий – как только что, во время разговора с отцом, – и вызовет к жизни музыку, в которой она почувствует все, что вообще может чувствовать человек, но не почувствует себя...

Чтобы успокоиться, Лера оглядела зал – и он ей понравился. Даже первые ряды, в которых сверкали бриллиантовые искры, а особенно последние, где видны были молодые и умные лица. Да и вообще, он был хороший, этот зал. Лера не могла бы внятно объяснить почему, но чувствовала его даже лучше, чем себя, – его живое волнение, и поддержку,

и чуткость.

«Как же он этого хотел, боже мой! – вдруг поняла она. – Именно этого зала, и этих лиц, и ожидания музыки – здесь...»

Митя никогда не говорил с нею об этом, и Лера как-то даже не думала прежде о том, что значит в его жизни ливневский театр. То есть она понимала, конечно, что это очень важно для него, да и сама она столько сил этому отдала и готова была отдавать еще больше.

Но только теперь, глядя на зал в последние мгновения перед Митиным появлением, Лера вдруг увидела все это одним ясным взглядом – и аллею в полузаросшем парке, и страшное, неузнаваемое Митино лицо на больничной подушке, и живой свет этих окон сквозь пелену дождя...

И почему-то – наклоненную над ручьем березу, со ствола которой смотрел печальный темный глаз.

Она вспомнила, как Митя сказал ей в Венеции: «Ты представить не можешь, как я хотел бы вернуться, для меня нет соблазнов нигде...»

Он вернулся, у него был этот театр, и Лера хотела теперь только одного: быть здесь с ним.

Задумавшись и заглядевшись, она снова – как всегда! – пропустила мгновение, когда Митя вышел на сцену, и вздрогнула только от грома аплодисментов.

Лера даже музыки почти не слышала от волнения – только смотрела, с какой мощной сдержанностью двигаются его руки, как меняется лицо с каждой новой мелодией. Струнные играли с такой страстью, как будто от каждого звука зависела их жизнь. Но удивительная, ни с чем не сравнимая моцартовская легкость сохранялась вместе с тем в каждом звуке.

Иногда ей казалось, что сердце у нее сейчас разорвется – когда она вдруг чувствовала боль в Митиных движениях. Лере непонятно было, почему появляется в нем эта боль от золотых, полных звуков труб, – но она была для нее не менее мучительна, чем для него.

Она не знала, надо ли зайти к Мите во время антракта, и решила, что не надо. Лера чувствовала, что нет в нем сейчас той веселой беспечности – пусть даже только внешней, – которая так удивила ее перед началом концерта. И ей не надо вмешиваться в то, что происходит с ним сейчас.

Зрители вышли из зала, и в фойе стоял тот неторопливый и легкий шум, который всегда сопровождает театральные антракты.

«Неужели они просто разговаривают о чем-то своем? – думала Лера, стоя за одной из колонн перед лестницей. – Или просто обсуждают, хорошо ли восстановлена мозаика на полу?»

Она не могла этого представить. Ей казалось, что даже теперь, в

антракте, даже через стены невозможно не чувствовать того, что она чувствовала в Мите.

«Зайду! – вдруг решила она. – Зайду – не могу я его сейчас не видеть».

Она вышла из-за колонны и уже направилась к дальней лесенке за служебной дверью, по которой можно было подняться в Митин кабинет, – как вдруг увидела Тамару Веселовскую.

Конечно, Лера знала, что она здесь, да и странно было бы, если бы ее не было на открытии сезона. И, конечно, ее поразило не само Тамарино присутствие.

Тамара стояла рядом с чудесной мраморной девушкой – одной из немногих скульптур, уцелевших в особняке только потому, что она была убрана в хранилище и лишь теперь оттуда извлечена. Мраморная девушка словно уходила куда-то и на мгновение обернулась в своем стремительном движении прочь. Движение чувствовалось в складках ее греческой туники, в разметавшихся локонах и даже в изгибе хрупкого локтя. Лера очень любила эту скульптуру – именно за это ощущение незастьявшего движения.

Но сейчас она смотрела не на мраморную беглянку, а только на Тамару, стоящую рядом; невозможно было не смотреть на нее. На Тамаре было черно-белое, удивительно изящное платье со шнуровкой впереди и с пышными, до локтя, рукавами, еще более оттенявшими тонкость черт ее непроницаемого лица. Она никогда не закалывала волос, да это было совершенно ни к чему – густые, блестящие, они падали на ее плечи темным водопадом. Глаза у нее были зеленые, это Лера давно уже разглядела, а в их форме чувствовался легкий восточный оттенок.

Но Лера видела даже не это – не эти отчетливые приметы красоты. Она чувствовала, что Тамара думает сейчас о Мите. Лера поняла это потому, что сама думала о нем и сразу угадывала эти мысли в других.

Тамара думала о Мите и о музыке, которая только что отзвучала, но для нее продолжала звучать. Этого невозможно было не заметить.

Лера снова отступила за колонну и осталась стоять там до конца антракта. И к Мите она не пошла: ей вдруг показалось, что она ничего не сможет ему сказать...

Домой они вернулись поздно – после концерта и после банкета, столы для которого мгновенно были накрыты прямо в фойе. У Леры голова кружилась от запаха бесчисленных цветов, от выпитого шампанского и от гула голосов – восхищенных, поздравляющих.

– Устала, – сказал Митя, обняв ее, когда они вошли в квартиру. – Устала, родная, – спасибо тебе...

Лера вглядывалась в его лицо, пытаясь разглядеть в нем то, что пугало ее и тревожило – его вечную отдельность от нее, его загадку. Но сейчас Митино лицо было взволнованным, глаза блестели, и она немного успокоилась – и действительно отдалась своей усталости, которую он почувствовал сразу.

Роза вышла из детской: они с Аленкой уехали раньше, сразу после концерта.

– Леночке так сегодня понравилось! – сказала она Мите. – Она вам что-то сказать хотела, а только уснула сразу. Завтра скажет.

– Ну конечно, – улыбнулся Митя. – Буду ждать с трепетом ее впечатлений. А вам, Роза?

– И мне, – кивнула та. – Я вас тоже поздравляю, Дмитрий Сергеевич.

Митю она всегда называла только на «вы» и вообще относилась к нему с благоговением – особенно после того как к Аленке начала приходиться учительница музыки и Митя сам стал следить за ее занятиями.

Зато с Лерой у Розы неожиданно установились совершенно доверительные отношения – после того вечера, когда они вместе в голос плакали в Митином кабинете...

«Как странно поворачивается судьба! – подумала Лера, провожая ее взглядом. – Ведь я этого представить себе не могла, я же видеть ее не могла – и вдруг... Кому я могу доверять больше, чем ей?»

Она давно уже знала, как неожиданно, необъяснимо могут меняться человеческие отношения, и каждый раз не переставала этому удивляться.

Но этим вечером Лере не хотелось думать ни о чем – или просто сил не было на размышления? Она сбросила туфли на высоких каблучках прямо у порога и прошла в гостиную вслед за Митей и Сергеем Павловичем.

– Спать ляжешь, Лер? – спросил Митя. – Или... посидишь со мной?

Лера всегда удивлялась, с какой ожидающей интонацией он это произносит: «Посиди со мной...»

– Посижу, – кивнула она. – Только не посижу, а полежу, ладно?

Митя сел на диван, а Лера легла рядом, положив голову ему на колени и чувствуя его руку на своей щеке – едва уловимые движения его пальцев, согревающее прикосновение большой ладони.

Ей так хорошо было сейчас – с ним, после их общего вечера, – что она почти без усилий отогнала от себя ощущение недосказанности и страха, которое было таким отчетливым, когда она смотрела на Тамару, стоящую рядом с мраморной беглянкой...

Митя разговаривал с отцом, Лера пыталась вслушаться в их слова, но слышала только голоса. Странное чувство овладело ею: она словно плыла

себе в волнах на раздутых парусах, подгоняемая ветром, и все вокруг воспринималось как тихий плеск воды, неуловимые дуновения... Только отдельные островки фраз всплывали в этом пространстве.

– Если ты и дальше сможешь их уберечь от ремесленничества, – слышала Лера голос Сергея Павловича, – они достигнут очень многого.

– Надеюсь, – отвечал Митя. – Способность к самоотдаче у них колоссальная, а чутье нюансов – ты же слышал.

– Да и у тебя...

Лера прикрыла глаза, снова погружаясь в безбрежную стихию покоя под Митиной рукой.

Когда она еще на мгновение вынырнула на поверхность, они говорили уже о другом – кажется, почти спорили.

– Этого я и хочу, – говорил Митя. – Довести условность до предела – так, как это только в опере возможно. Тогда и будет ясно, что самое главное вообще невыразимо – лежит за пределами выразимого. Ее голос сам об этом скажет.

– Ты думаешь, она сможет дать это понять? – спросил Сергей Павлович; в его голосе послышалось легкое недоверие. – Слишком молодая...

– В этом все дело, – согласился Митя. – Она все может выразить так чудно, это правда. Но многого просто не понимает, не чувствует... И все-таки я попробую, папа! Мне слишком дорог Пушкин и эта музыка, чтобы я мог отказаться.

Лера поняла, что они говорят о «Евгении Онегине» и о Тамаре – хотя ни один из них не назвал ее имени. Что-то вздрогнуло в ней, но покой, в который она была погружена, был так глубок, что нарушить его было невозможно. Ей даже показалось, что она засыпает: какие-то прозрачные картины поплыли перед глазами, их нельзя было ни удержать, ни даже запомнить...

И вдруг сон пропал, и она уже ясно слышала, о чем говорят отец с сыном.

– Нет, теперь уже, наверное, не вернусь, – сказал Сергей Павлович. – Зачем теперь, Митя? Я рад, что ты не один, что дом наш не мертвый... Ты такой камень снял с моей души, если бы ты знал!

– Папа, ты же знаешь, я никогда тебя не обвинял.

Голос у Мити был взволнованный, и Лера понимала почему: потому что отец оставил Елену Васильевну ради другой женщины...

– Знаю. Ты меня понимал всегда, да и Лена понимала... Я сам себя обвинял, этого достаточно. Но ничего не мог с собой поделать. А когда она умерла... Не дай тебе бог узнать, что такое неизбывная вина!..

Они замолчали, и Лера молчала, хотя сон ее уже улетучился вместе с усталостью.

Сергея Павловича Лера провожала одна: у Мити была репетиция, и они с отцом простились в театре.

Насколько легко она чувствовала себя с Митей, настолько скованно – с его отцом. Леру даже немного пугали его плотно сжатые губы, спокойные серые глаза, взгляд капитана, стоящего на мостике корабля.

Она давно уже заметила, что при полном внешнем несхождении Митя похож на отца именно этим ощущением силы, исходящей от них обоих, – и все-таки не могла преодолеть своей робости по отношению к свекру.

И потихоньку вздыхала с облегчением оттого, что он уезжает.

Но проехать всю дорогу до Шереметьева в молчании было невозможно, и, преодолевая робость, Лера спросила:

– Когда опять приедете, Сергей Павлович?

– Не знаю, Лерочка, – ответил он. – Думаю, теперь не скоро. Я рад, что ты с Митей.

Он уже говорил об этом вчера ночью, но сейчас повторил именно для Леры, и она обрадовалась этому.

– Правда? А я думала, что не очень вам нравлюсь! – выпалила она неожиданно для себя.

– Напрасно. – Сергей Павлович улыбнулся, и тут же его сходство с Митей стало заметнее. – Как ты можешь мне не нравиться, когда он тебя любит?

– Знаете, иногда я сама не могу в это поверить... – медленно произнесла Лера. – Мне кажется, что я его совсем не понимаю... Мне так страшно тогда становится, если бы вы знали! Он же такой... Как в нем все умещается – вообразить невозможно!

– Почему же невозможно? – спокойно возразил Гладышев. – Это как раз не может быть иначе. В нем вот именно все должно умещаться.

Робость по отношению к Сергею Павловичу не прошла, но странным образом вместе с этой робостью Лера почувствовала доверие к нему. Пожалуй, он был единственным человеком, который мог ей ответить...

– Этого в двух словах не объяснишь, – продолжал он. – Но я понимаю, о чем ты спрашиваешь. Почему он не сгибается перед жизнью, ведь правда?

– Да, – кивнула Лера. – И как это его на все хватает: на меня, на Аленку, вообще – на такие вещи, которых он, кажется, и замечать-то не должен...

Гладышев улыбнулся.

– Я не могу объяснить, – повторил он. – Но Митя не может быть

другим, иначе оркестр играть не будет. Он должен выйти к музыкантам и так с ними поздороваться – просто поздороваться! – чтобы они не могли не играть... И это должно происходить каждый день. И обмануть, сделать вид, притвориться сильным – невозможно.

Они остановились на светофоре на выезде с Ленинградского шоссе. Лера молчала, положив руки на руль, и Сергей Павлович тоже молчал.

«А я? – хотелось ей спросить. – Ведь я ничего не понимаю в том, что он делает, и чем дольше я с ним живу, тем яснее это становится... Как та девочка Вика с ее бизнесменом Колей! Любовь необъяснима... Но на сколько хватает необъяснимой любви?»

Может быть, Лера была к себе не совсем справедлива: она обладала и чуткостью, и интуицией, достаточными, чтобы Митина жизнь не была для нее тайной за семью печатями. Но музыка... Музыки она не слышала, это Лера знала – только Митю. А Тамара слышала и музыку, и Митю. Лера забыть не могла ее лицо в те минуты, когда она стояла рядом с мраморной беглянкой...

Проводив Сергея Павловича, Лера ехала в Ливнево медленно, даже радуясь дневным пробкам на Волоколамке. Можно было спокойно думать, медленно двигаясь в общем потоке, – но мысли в голову лезли глупые.

Лера вспомнила свой давний разговор с однокурсницей Иришкой Руденко. Встретились они случайно и так обрадовались друг другу, как будто были закадычными подругами, хотя на самом деле просто приятельствовали во время учебы на истфаке.

Узнав, «кем работает» Лерин второй муж, Иришка ахнула:

– Ой, Лер, ну ты даешь! Тебе что, одного ребенка в семье мало, второго себе нашла? Музыкант! Да они же все где-то там витают, земли не видят! Как ты с ним будешь жить?

– Посмотрим, – улыбнулась Лера: что можно было объяснить Иришке, да еще вот так, на полчаса присев в летнем кафе на Сретенке! – Что-то я пока не замечаю, чтобы он земли не видел.

– Ну, не знаю, – недоверчиво произнесла Иришка. – Разве что пока... А о чем он с тобой вообще-то разговаривает? – вдруг спросила она с интересом. – О своих диезах-бемолях? Нет, я понимаю, ты женщина яркая, с тобой и без разговоров есть чем заняться. А все-таки, в промежутках?

Лера так удивилась этому вопросу, что не нашла с ответом. Но Иришка уже болтала дальше:

– Нет, Лерик, я, знаешь, из своих трех браков не только воспаление придатков вынесла, но и разумные убеждения. Наш брат-интеллектуал зарабатывает десять рублей, а возни с ним на сто долларов. За бизнесмена

выходить – тоже себе дороже: он на работе с утра до ночи, а домой придет – и ноги об тебя вытирает из-за стресса. Это мы уже проходили. Замуж надо выходить за автослесаря, вот что я тебе скажу! Конечно, мой Петюня звезд с неба не хватает, зато ценит, что у него жена образованная, интеллигентная, сам тянется. И заработает всегда сколько захочет, и домой придет – голова свободна, силы есть женой полюбоваться. А уж за музыканта какого-нибудь или там художника – нет, ни за какие благополучия! Тем более, они же влюбчивые все, у них что ни месяц, то новый роман, им же это для творческого импульса необходимо, – авторитетно заявила она.

– Ты-то откуда знаешь? – улыбнулась Лера; впрочем, улыбка у нее получилась натянутая.

– Да всяких видели... – неопределенно махнула рукой Иришка. – Да ну, черт с ними со всеми, с мужиками! – тут же воскликнула она. – Есть о чем говорить, Лер, мы же с тобой сто лет не виделись! Ты по-прежнему у Натки шьешь?

Разговор перешел на знакомые и довольно приятные темы, настроение у Леры не испортилось, но легкий осадок остался.

И вот теперь он всплыл в ее душе, и она почувствовала, как захлестывают ее мутные волны.

«Ну нельзя же так! – убеждала себя Лера. – Мало ли что скажет Ирка, да она всегда была недалекая, и разве я когда-нибудь обращала внимание на то, что говорят подружки? Ведь это Митя, при чем же здесь все эти глупости...»

Но успокоиться она так и не смогла, и до Ливнева доехала в состоянии смятения и уже ставшей привычной тревоги.

Глава 2

После открытия сезона жизнь Ливневской Оперы стала еще более напряженной, чем прежде. Все здесь было жестко подчинено той размеренности, о которой говорил как-то Митя.

И все происходило за той чертой, за которую Лере не было доступа... То есть не то чтобы кто-то не пускал ее туда, но она сама терялась в этой музыкальной стихии и понимала, что ей в этом делать нечего.

Впрочем, дел у нее было достаточно и без того, чтобы сидеть в зале и пытаться понять, чего добивается хормейстер или почему Митя вдруг останавливает оркестр прямо среди красивейшей музыкальной фразы.

Одни переговоры о гаражах чего стоили! Лера ходила в «Мосинвестстрой», как на работу, при виде круглого лица гендиректора ей уже хотелось хлопнуть дверью и выскочить из его кабинета. Но надо было договориться – и она договорилась.

И теперь строительство гаражей должно было закончиться к зиме. Гендиректор был уверен, что остался в большом выигрыше, без лишнего скандала получив драгоценную землю, – так же как Лера была уверена в своем выигрыше, потому что такие необходимые гаражи не стоили театру ни копейки.

Только закончилась эпопея с гаражами, как уже оказалось, что театр должен заплатить какую-то немислимую таможенную пошлину за купленные в Европе инструменты для оркестра. Этого Лера уж и вовсе не могла взять в толк: неужели хотя бы от подобных поборов нельзя их избавить?

Но задавать риторические вопросы можно было долго и безответно, а инструменты нужны были немедленно – и вместо «Мосинвестстроя» Лера стала ездить в таможенный комитет, оставив на время все остальные дела.

– Старенькая я становлюсь, Митя, – сказала она как-то вечером.

Митя только что вернулся из театра – приехал гораздо позже Леры, потому что была еще вечерняя репетиция. Он давно уже ездил сам на отремонтированном «Саабе», по-прежнему уверяя, что только за рулем по-настоящему отдыхает.

– Старенькая? – улыбнулся он. – Как же ты это заметила, а, старушка?

– Уставать стала от людей, – объяснила Лера, вытягиваясь на диване. – Целый день мелькают какие-то лица, от которых мне нужно одно: как можно скорее перестать их видеть. На таможне, еще где-нибудь...

– И в театре? – спросил он.

– Нет, – покачала головой Лера. – В театре – совсем по-другому. Но знаешь, Мить, иногда мне кажется, что я как будто в дверь какую-то стучусь – и не могу войти...

Она сказала не слишком понятно, но Митя не переспросил, что она имеет в виду – то ли понял сразу, то ли просто не обратил внимания. Последнее время он казался настолько погруженным в свои дела – словно стенкой был отделен от внешнего мира.

Лера и прежде знала, как он бывает сосредоточен во время работы. Но то, что происходило с ним сейчас, было для нее все-таки внове. Она видела, что Митя не замечает никого и ничего, и ее, Леру, так же мало, как прохожих на улице.

Это чувствовала даже Аленка, к которой он всегда был внимателен, и старалась не приставать к нему, чуть не на цыпочках ходила в те редкие часы, когда он появлялся дома.

Наверное, это было нормально, так оно и должно было быть у Мити, и так оно скорее всего было и раньше. Но раньше они встречались раз в месяц во дворе, выныривая на несколько мгновений каждый из своей жизни, – и мало ли что там происходило с каждым, когда они расставались!

Но теперь... Видеть каждый день Митину отрешенность, погруженность в совершенно неизвестную ей жизнь было для Леры мучением. И сделать ничего было нельзя с тоскливой своей тревогой.

Единственным человеком, с которым она чувствовала себя теперь легко, был Саня Первачев, синеглазый Александр Первый.

Он появился после долгого перерыва, примерно через месяц после открытия сезона – как и в прошлый раз, без звонка и без предупреждения.

– Саня! – воскликнула Лера, увидев его на пороге своего кабинета. – Куда же вы пропали? А я вам, когда мы театр открывали, приглашение на автоответчик наговорила: мобильный выключен был.

– Да я знаю, – сказал он. – Но я тогда все равно в отъезде был, не смог бы прийти. Здравствуйте, Лера!

– Здравствуйте, – запоздало ответила и она. – Я рада вас видеть, Саня!

Лера произнесла эту фразу просто как дежурную – ну, как при знакомстве говорят «очень приятно», даже если приятного мало. Но едва она ее произнесла, как тут же поняла, что действительно рада его появлению. Налет дежурности и случайности незаметно исчез со знакомых слов.

– Правда? – улыбнулся Саня, на мгновение сверкнув чудесной синевой

своих глаз. – А я думал, вы и не заметили, был я или не был.

– Надолго уезжали? – спросила Лера.

– Да нет, мелкие были дела, – покачал он головой, внимательно глядя на нее. – Хотите спросить, какие?

– Нет, – улыбнулась она.

– Ну и хорошо!

Губы его уже сомкнулись с детской серьезностью, но улыбка была теперь скрыта в глазах.

– А я вам подарок привез, – вдруг сказал Саня.

– Мне? – удивилась Лера. – Зачем?

– Да низачем! Разве подарки зачем-то дарят?

Лере стало неловко, и она хотела сразу отказаться от этого неведомого подарка. Глядя на Саню с его Версаче и Картье, нетрудно было вообразить, что он может подарить.

Но он неожиданно добавил:

– Знаете, у меня никогда такого не было, чтобы я в Москву возвращался и думал, что привезти. Ну, матери только, но это же совсем другое.

Лере стало стыдно за себя, и она сказала:

– Спасибо, Саня. Какой же подарок?

Он достал из внутреннего кармана пиджака плоскую коробочку с приколотым к ней шелковым золотым бантом и положил на стол перед Лерой. Открыв коробочку, она обнаружила в ней тяжелый золотой браслет.

– Спасибо большое, – еще раз повторила Лера, рассматривая украшение.

Она не знала, что сказать. Ей не хотелось обидеть Саню, и надо было сделать вид, что подарок понравился.

Браслет был сделан в виде массивной золотой цепи, в которую было вкраплено три крупных изумруда. Лера просто вообразить не могла такой кусок золота у себя на руке.

– Не нравится вам? – спросил Саня.

– Ну что вы! – Лера наконец взглянула на него, уже уверенная в том, что выражение лица у нее такое, как она хочет. – Я таких камней в жизни не видала – чистейшие...

– А это с Урала, – сказал Саня; лицо его тут же осветилось радостью. – Я ведь на Урале был, как раз где эти изумруды добывают, вот и привез сувенир.

– Но только это слишком дорогой подарок, – осторожно заметила Лера. – Извините, Саня, мне не хотелось бы...

– Но почему? – Лицо у него стало обиженное. – Что в этом такого?

Каждый дарит что может, разве нет? Одни – цветочки, другие – камешки. По способностям!

Он снова говорил глупости, и снова – совершенно обезоруживающим тоном.

– А вы думаете, чем тяжелее подарок, тем он дороже? – все-таки не удержалась она от иронии.

Саня замолчал.

– Извините, – произнес он наконец. – Я действительно глупость ляпнул, извините.

– Саня, я не хотела вас обидеть... – начала было Лера.

– Да вы меня не обидели нисколько. Наоборот, мне нравится, когда вы со мной так говорите... Я же чувствую, вам что-то во мне смешным кажется!

– Да нет, – попыталась было возразить Лера. – Вы очень искренний, Саня...

– Так дураков утешают, – тут же сказал он. – Когда о человеке сказать больше нечего, говорят, что он искренний.

Лера все больше убеждалась в его проницательности: притворяться перед ним было бессмысленно. И как только она это поняла, ей стало легко и она перестала бояться его обидеть.

– Так что же вам кажется смешным? – повторил Саня.

– Например, то, как вы одеты! – выпалила Лера.

– То есть? – Его светлая бровь недоуменно приподнялась. – Нормально одет, не хуже других. Это же настоящий Версаче, не с рынка!

– Понятно, что настоящий, – мягко сказала Лера. – И понятно, что денег у вас достаточно. Но вот это и плохо.

– Что денег достаточно?

– Нет, что вы это так старательно демонстрируете. Его же видно за версту, вашего Версаче с его «медузками». Все равно как вы шли бы по улице и кричали: смотрите, какие у меня штаны!

– Я об этом как-то не задумывался, – удивленно протянул он. – Но что же мне носить тогда? Фабрику «Большевичка»? Я же с людьми работаю, которые по одежке встречают.

– Ну, одежды хорошей полно сейчас в Москве, – пожала плечами Лера.

– А что вы мужу покупаете? – вдруг спросил Саня.

– Мужу? – удивилась Лера. – При чем здесь мой муж?

– Ну конечно, – сказал он с неожиданной язвительностью, – мужу вы то не посоветуете, что мне!

– Нет, вы меня не так поняли, – слегка смутилась Лера. – Просто... Что

вас интересует? Концертный фрак у него от Корнелиани...

– Мне концертный фрак не нужен.

– А остальное... Слушайте, Саня, – вдруг рассмеялась Лера, – а ведь я и сама не знаю, что он предпочитает! Он как-то сам всегда... Нет, честное слово, мы с ним в Москве за все время ни разу вместе в магазин не зашли! Только в Цюрихе однажды. Конечно, мелочи какие-то я покупаю, но чтобы особенно этим заниматься... Он сам покупает, в основном за границей; он так привык. Мы же с ним всего два года вместе...

Лера говорила чистую правду. Выбор одежды – это было то, что с самого детства поражало ее в Мите, в чем он был похож на Елену Васильевну с ее утонченным вкусом. Его одежда всегда оставляла ощущение изящества и благородства и была так же незаметна на нем, как платье на Анне Карениной.

– А вы тогда мне помогите выбрать, – вдруг попросил Саня. – Вы меня просто заинтриговали, честное слово! Я вообще-то понял, что вы имеете в виду, но конкретно не соображу... Поедьте вместе, а?

– Но как это? – слегка растерялась Лера. – Вы хотите, чтобы я вас водила по магазинам?

– А что тут такого? Они же, наверно, все в центре, много времени не займет. Я бы вас обратно тут же привез, не волнуйтесь!

И вдруг Лера почувствовала, что ей становится весело. В самом деле, почему бы не проехаться с ним по магазинам? Ей было с ним легко, она видела, что просит он искренне – отчего же ему отказывать?

– Вы прямо сейчас хотите поехать? – спросила она.

– Как скажете! – ответил Саня. – Если вы сейчас не можете, я подожду.

– Можем и сейчас, – сказала Лера, вставая из-за стола. – Вы на машине?

– Ну, не на метро же, – улыбнулся Саня. – Спасибо, Лера...

Лера примерно представляла, что должно входить в хороший мужской гардероб, и думала по дороге, где это лучше всего купить.

– Да, а деньги! – вспомнила она, когда они уже выехали на Ленинградский проспект. – Денег достаточно у вас с собой?

– Да у меня кредитка, – сказал Саня. – Что ж вы думаете, я совсем дикарь?

– Не все, у кого нет кредитки, дикари, – заметила Лера и тут же слегка устыдилась своей назидательности.

Она совсем не собиралась играть при нем роль старшей наставницы, которая везет наивного мальчика в магазин, а потом мудро учит всему доброму. Да и Саня мало подходил на роль наивного мальчика, хотя и

обратился к ней с такой оригинальной просьбой.

И вдруг Лера подумала, что, может быть, ему не так важен выбор одежды, как просто вот эта поездка с нею, стояние в пробках, мимолетный попутный разговор...

Но она не стала развивать для себя эту мысль.

Кончался октябрь, холодный в этом году, деревья вдоль шоссе горели светлым хрупким золотом.

– Я ведь только не знаю, что у вас есть, – сказала Лера. – Как же я буду выбирать?

– А вы покупайте что хотите, – ответил Саня. – Мало ли что у меня есть!

Лера решила заехать в бутик на Тверской-Ямской, в который она случайно забрела совсем недавно. Ей нравился мужской стиль без изысков и выкрутасов – как раз такой, какой и был там представлен.

– А здесь вы не были? – спросила она, когда Саня припарковался у входа. – У вас какая кредитка?

– Нормальная, – ответил он. – Которую везде принимают. А здесь я не был. Я ведь, знаете, вообще не слишком это дело люблю – по магазинам.

– Но зачем же тогда?.. – расстроилась было Лера.

– Ну что вы! Это я один не люблю, а с вами – очень даже...

Когда-то Лере ужасно нравилось ходить по хорошим маленьким магазинам – давно, когда их почти не было в Москве. Она с удовольствием делала это в любой стране Европы, даже не потому что непременно хотела что-нибудь купить – гардероб от Наты Ярусовой у нее и так был отменный, – а просто потому что ей нравилась приветливость продавщиц, блеск зеркал и множество красивых, не повторяющих друг друга вещей.

А потом она привыкла и, забегая изредка в подобные магазинчики, чтобы купить что-нибудь необходимое – сумочку к новому платью или перчатки, – почти не обращала внимания на остальное.

И вдруг, войдя с Саней в бутик на Тверской, Лера почувствовала, что ей нравится это занятие – разглядывать мужские рубашки, размышляя, купить две в мелкую полоску или лучше три, выбирать между спортивной курткой из «зернистого» кашемира и паркой со множеством застёжек и карманов, в которой так приятно бродить осенью по стынущему лесу...

– Вам которая больше нравится? – спросила она наконец, показывая Сане обе куртки.

– Мне? Да любая! Которую вы выберете.

Лера выбрала парку и еще множество красивых вещей, среди которых был прямой двубортный костюм такого элегантного темно-серого цвета,

что она сама порадовалась своему выбору.

– Да, а обувь! – вспомнила она, мельком взглянув на Санины туфли.

– А что обувь? – удивился он. – Тоже плохая?

– Да нет, хорошая, – успокоила Лера. – Только как-то слишком блестит... Такую, конечно, тоже носят, но мне она больше на женщинах нравится.

– Тогда купите другую, – покорно согласился Саня. – А я, знаете, раньше думал, что мне вообще невозможно нормальную обувь подобрать. Нога какая-то нестандартная, междуразмерная – то мало, то велико. А потом оказалось, что это если за двадцать долларов покупать – тогда не подберешь, а если за пятьсот – сидит как влитая...

Видно было, что, обнаружив это впервые, Саня очень гордился своим открытием. Но сейчас он сказал об этом Лере с непонятным оттенком грусти.

– Обувь мы потом купим, – решила она. – Я другой магазин знаю, на Никольской, там выбор лучше.

– А у вас зато туфельки! – восхищенно заметил Саня. – Я таких в жизни не видал!

– А они недавно только появились, – кивнула Лера. – Мне самой нравятся.

Ее осенние туфли действительно производили оригинальнейшее впечатление, особенно в холодную погоду. Они были прозрачно-голубые, на высокой, тоже прозрачной шпильке, и вся ступня была в них видна, как будто Лера стояла босиком. В сочетании с легким синим плащом это смотрелось странно и очаровательно.

Необычная обувь была Лериной слабостью, она охотно пробовала любые новинки. И теперь благодарно взглянула на Саню: приятно все-таки, что он это оценил.

– Что ж, примеряйте, – сказала она, направляясь с выбранными вещами к примерочной.

– Сейчас – все это мерить? – ужаснулся он. – Да вы что, это ж с ума сойдешь! Нет, Лера, я дома лучше померю. Пойдемте, заплачу, и сгрузим это все в машину.

С этого дня Саня стал появляться в театре довольно часто. Лера удивлялась только, что он никогда не звонит заранее. Просто раздается его спокойный стук и широко распахивается дверь – так же широко, как синие его глаза на мальчишеском лице.

Она даже спросила его однажды:

– Саня, а почему ты не позвонишь никогда, что приехать собираешься?

Они давно уже перешли на «ты» – это как-то само собой получилось, без договоренности; да и смешно было бы все время «выкать».

– А зачем? – улыбнулся он. – Разве я тебе мешаю?

– Да нет, – пожала плечами Лера. – Я тебе рада. Но вдруг ты приедешь, а я занята? А все-таки Ливнево – не близкий свет...

– Занята будешь – я уеду, – объяснил он. – Без никаких обид, я же к тебе на работу приезжаю. А насчет близкого света – так я тут живу неподалеку, в Тушино, так что это мне по дороге.

Каждый раз оказывалось, что заехал Саня ненадолго и по какому-нибудь срочному делу – например, для того чтобы спросить у Леры, «можно ли носить» новый галстук.

– Можно, Саня, можно, – смеялась она. – Я тебя, смотрю, совсем запугала!

– Почему – наоборот, – улыбался он в ответ.

Он оказался очень восприимчив, и вскоре его гардероб приобрел гораздо более сдержанный и элегантный вид, чем прежде. Правда, Саню все-таки удручало то, что фирменные нашлепки на «приличных» вещах располагаются в самых незаметных местах.

– Слишком уж просто, – объяснял он.

– Значит – хорошо, – не вдавалась в объяснения Лера.

Если кто-нибудь заходил в кабинет, Лера представляла Александра Ивановича, не объясняя, кто он. Да мало ли кто мог сидеть у директора театра! Тем более что сейчас она как раз занималась реставрацией парка, а это было дело просто неохватное.

Митя тоже зашел как-то, поздоровался и окинул Саню таким незаметно-быстрым взглядом, что Лера улыбнулась про себя и вспомнила нравы их двора, требовавшие с полувзгляда оценивать даже первого встречного.

– Хороший у тебя муж... – произнес Саня, когда Митя вышел.

– Как это ты определил за три минуты? – усмехнулась Лера.

– Жизненный опыт позволяет, – объяснил тот. – Тем более когда сразу видно.

О том, что представляет собою его жизненный опыт, Саня никогда не говорил, а Лера предпочитала не спрашивать. Это словно договоренность безмолвная была между ними: не вдаваться в подробности его занятий.

Однажды, сидя в кресле рядом со стенкой из прозрачных кирпичей, Саня поднял руку, чтобы сделать свет поярче – реостат реагировал на тепло ладони, – и Лера увидела пистолет, висящий в кобуре у него под пиджаком.

Заметив это, Саня слегка смутился, как будто стало явным что-то не

слишком приличное.

– Извини, – сказал он. – Надо было в машине оставить, да я забыл.

Лера не совсем поняла, за что же надо извиняться. Многие ее знакомые носили оружие – правда, чаще газовое. А пистолеты ей почему-то ужасно нравились. Еще мама говорила в детстве, что у нее мальчишеская страсть к оружию, и петарды она вечно делала вместе с одноклассником Гришкой Власюком, и Митя даже называл ее боевой подружкой...

– Ой, а можно я посмотрю? – попросила она. – Это у тебя какой, газовый или настоящий?

– Настоящий. – Саня улыбнулся, заметив ее любопытство, и смущенное выражение исчезло с его лица. – «Вальтер».

Он достал пистолет из кобуры, вынул магазин и, мгновенным движением передернув затвор, достал патрон из ствола.

– Теперь играйся, – разрешил он, протягивая Лере пистолет.

«Вальтер» лежал в руке как влитой, создавая ощущение надежности и силы.

– Я вот никак не могу понять, что же такое притягательное есть в оружии, – задумчиво произнесла Лера. – Ведь такая красота – глаз не отвести! И все-то я знаю и могу себе представить, какой след оставляет эта пулька, а все равно... Можешь ты это объяснить?

– Не знаю я, Лера, – пожал плечами Саня. – Я об этом как-то не думал. Ношу – и все. Красивый, конечно. Но я ведь из него не стрелял даже – ну, только в тире. – Поймав Лерин недоверчивый взгляд, Саня сказал негромко: – Интересно, за кого ж ты меня принимаешь?.. Я что, боевик, «бык» какой-нибудь, по-твоему, или прохожих граблю на улице?

– Ничего я такого не думаю, – смутилась Лера. – Просто ты так умело его передернул...

Но Саня, кажется, был взволнован.

– Зря ты, правда! – повторил он. – Сейчас специфика совсем другая, и каждому свое. То, например, чем я занимаюсь, – это, я считаю, вообще просто жесткий маркетинг, понятно?

– Жесткий маркетинг? – удивилась Лера. – Впервые такое слышу!

– Это тебе просто повезло, что ты с самого начала в «Горизонте» работала.

– Нет, я знаю, конечно... – начала было Лера.

– Да ничего ты, выходит, не знаешь, раз говоришь! – Саня выглядел как никогда взволнованным. – Ты что, никогда на переговорах не видела, кто гарантирует выполнение? С твоей стороны – понятно, Глушенко был, а с противоположной?

– Видела, – согласилась Лера.

– И что, это плохо, по-твоему? – не унимался он. – Лучше, если тебя кинут, а потом ищи-свищи? Если я говорю, что будет выполнено – значит, будет, это все знают. И что с партнера взыщут – тоже знают. Ты считаешь, это не нужно?

– Саня, ну успокойся, – сказала Лера. – Да что я, маленькая? Все я понимаю прекрасно, не в Америке живем.

Прекрасно она понимала, что такое «жесткий маркетинг», разве что название показалось ей необычным. Лера давно уже старалась не задавать себе вопрос: как должно было бы быть? Конечно, лучше было бы пойти в суд, потребовать возмещения ущерба и понадеяться на судебного исполнителя. Но это было так же призрачно, как надеяться на то, что в Москве зимой вырастут бананы. Бананов-то теперь было полно, но не в Москве они росли...

Она посмотрела на Саню, такого рассерженного и расстроенного, и вдруг вспомнила стишок, который слышала однажды по телевизору из уст какого-то юмориста: «Жизнь такова, какова она есть, и более никакова». Саня весь был такой, как есть, и у Леры язык не поворачивался рассуждать о том, каким он должен был бы быть, или тем более осуждать его.

– Ну перестань, пожалуйста, – повторила Лера, положив свою руку на его, нервно сжимающую рукоятку «вальтера». – Я совсем не хотела тебя обидеть. Саня, да я вообще мало с кем так хорошо себя чувствую, как с тобой!

Она сказала это совершенно искренне, и, наверное, искренность почувствовалась в ее голосе. Саня замолчал, точно споткнулся, и посмотрел на Леру так, что ей даже неловко стало. Только рукоятку пистолета он продолжал сжимать по-прежнему, как будто боялся шевельнуть рукою, попавшей под Лерины пальцы.

Глава 3

Лера ничуть не кривила душой, когда говорила, что хорошо себя чувствует с Саней Первачевым.

Особенно потому, что в остальной своей жизни она чувствовала себя совсем не так легко, как это могло показаться со стороны. То, что происходило с Митей, пугало ее и мучило. Она чувствовала страшное напряжение, в котором он находится, и не знала, с чем оно связано и как его разрешить.

Уже были готовы костюмы и декорации, уже был назначен день премьеры «Онегина» – а Митя репетировал так изматывающе-тяжело, как будто только начал работать и как будто не было сделано ничего. А ведь у него были еще концерты не только в Ливнево, но и в консерватории, и Декабрьские вечера в Пушкинском музее, во время которых он то дирижировал, то играл на скрипке. И все это происходило одновременно.

В театре он пропадал теперь просто сутками и, как видела Лера, уставал так, что даже оставил свое любимое занятие – езду за рулем «Сааба»; театральная машина привозила его и отвозила.

Но при этом Митя вел себя так, как будто совсем не устает. Во всяком случае, Лера ни разу не видела, чтобы он попытался отдохнуть, оказавшись дома. Даже наоборот: напряжение не только не отпускало его, но становилось еще сильнее, когда он отрывался от своего оркестра, от солистов и хора и от того неназываемого, огромного, что чувствовалось под сводами ливневского зала.

– Мить, ты... всегда так? – спросила она однажды.

Часы в гостиной недавно пробили час; за окном стояла глубокая тьма позднего ноября. Митя сидел за своим столом и смотрел перед собою такими невидящими глазами, что Лере, вошедшей к нему, стало не по себе.

– Что? – Он тряхнул головой, словно отгоняя навязчивое видение. – Так – это как?

– Митя, я никогда не видела, как ты работаешь... – медленно произнесла Лера. – Да ведь этого выдержать нельзя...

– А! – Лицо его прояснилось, когда он смотрел на Леру, остановившуюся на пороге кабинета. – Что ж поделаешь, по-другому не получается.

– Но раньше ты как-то спокойнее был, – сказала Лера.

– Раньше во многом шло по накатанному, – объяснил он. – А сейчас мне

нужно совершенно себя перевернуть, чтобы достичь той простоты, которая прежде давалась сама собою. Помнишь, я тебе в Венеции говорил как-то, что не хочу ставить оперу – не хочу музыку вводить в рамки другого искусства?

– Помню, – кивнула Лера, хотя совершенно этого не помнила.

Она помнила, как Митя играл для нее на скрипке уличного музыканта на площади Сан-Марко, а потом они до сумерек бродили по Венеции, и глаза его блестели, когда он смотрел на нее.

– А вот теперь – хочу наконец, до боли... Но не получается так, как хочу!

Лера хотела спросить, почему не получается, но почувствовала, что это невозможно объяснить так, чтобы она поняла. Для этого существовал какой-то особый язык, совершенно ей недоступный, или никакого языка не существовало вовсе.

Внешние, всем видимые отношения с Митей у нее были вполне спокойные. Впрочем, это ведь и всегда так было. А изнутри их все равно никто не знал...

Кроме того, у Леры было так много дел, связанных с парком, что просто и времени не оставалось на то, чтобы слишком отдаваться своей тоске.

Теперь, зимой, делать что-то в парке было не время, но зато Лера тщательнейшим образом изучала все, что было связано с парковыми ансамблями. Она отыскала даже гравюру, на которой был изображен ливневский парк – такой, каким он был сто лет назад, – и долго всматривалась в очертания летнего павильона, и ротонды, и аллеи... Ей даже показалось, что она узнала силуэт березы над ручьем.

Но, разглядывая картины и перечитывая специальные книги, Лера чувствовала, что ей чего-то не хватает во всем этом. Однажды она спросила Митю:

– Мить, расскажи мне, что такое Зальцбургский пасхальный фестиваль?

– Ого! – Он взглянул на нее чуть удивленно и, несмотря на усталую поволоку в глазах, почти весело. – Что ж, давай расскажу. А почему ты вдруг заинтересовалась?

– А Гштадский? – не унималась Лера. – Мне кажется, ты мог бы делать что-то подобное – в Ливнево у нас.

– Милая ты моя директорша, да у тебя, я смотрю, на меня большие виды, – улыбнулся Митя. – Вот так себе просто – ты мог бы делать то же, что Караян и Менухин! Прямо не знаю, как и соответствовать.

– А зачем я, по-твоему, с парком этим вожусь? – обиделась Лера. –

Чтобы сосисочный павильон в нем открыть?

Митя почувствовал обиду в ее голосе.

– Ну извини, – сказал он примирительно. – Давай потом об этом поговорим, а? Я что-то сейчас, Лер... Вообще не знаю, для чего все. И мне не до парка...

И Лера тут же замолчала. Что она могла на это сказать?

Ему было не до парка, ему было вообще ни до чего, это Лера видела. И видела, что единственный человек, который притягивает сейчас все Митино внимание, – Тамара Веселовская.

«Ничего в этом нет удивительного, – уговаривала себя Лера. – Вот-вот премьера, у нее главная роль... Конечно, он должен уделять ей внимание».

И вместе с тем она видела, что ни Онегину, ни Ленскому, ни даже, как ей казалось, всему оркестру Митя не уделяет его столько, сколько Тамаре. Это было какое-то особенное внимание, Лера никогда такого не видела и понять не могла, в чем оно заключается. И не могла избавиться от тревоги...

А поняла совсем неожиданно, всего на мгновение – но этого мгновения ей было достаточно.

Лера не знала, когда же ливневский парк бывает самым красивым. У нее сердце замирало от золотого его, осеннего шелеста. И легкую, едва различимую пелену апрельской зелени она любила – когда особняк стоял в конце аллеи, как в зеленом тумане. И темный, отчетливый рисунок мокрых ноябрьских ветвей.

А теперь, в декабре, парк был словно в серебро закован. Казалось, деревья звенели, даже когда не было ветра. Аллеи стали прозрачными, а морозное пространство – пронзительным. Когда Лера смотрела между деревьями, ей казалось, что она видит все вблизи, как в бинокль, независимо от расстояния.

Лера вышла из театра и пошла по узкой, плохо расчищенной боковой дорожке к гаражам. Через час ее должен был принять министр культуры, и она боялась опоздать, и следовало еще хорошенько обдумать по дороге, что именно она будет говорить, поэтому она была совершенно погружена в свои размышления.

Она шла по дорожке, не глядя по сторонам. И вдруг остановилась как вкопанная, как будто что-то произошло – как будто изменилось что-то в застывшем парке.

Лера подняла глаза и увидела двоих, идущих чуть впереди нее по аллее.

Та, параллельная, аллея была расчищена гораздо шире, и Митя с

Тамарой шли рядом – медленно, как в странном сне. Они разговаривали; Лера не слышала, о чем. Но это было и неважно – о чем они разговаривают. Она видела, чувствовала совсем другое – то, от чего дыхание у нее замерло, и сердце замерло.

Они словно прозрачным куполом были отделены от всего мира. Лера видела его так ясно – он сиял и переливался в лучах неяркого зимнего солнца, этот купол, и ни один звук не долетал под него из внешнего мира, ни один звук не мог помешать двоим...

Она остановилась, схватившись рукою за сломанную ветку дерева у дорожки. Митя и Тамара шли все медленнее, потом свернули на боковую аллею и совсем остановились. Теперь они стояли посреди этой узкой аллеи, глядя друг на друга, и молчали. Лера видела, что они молчат и только смотрят неотрывно.

И об этом уже невозможно было ни говорить, ни даже думать. Об этом молчании двоих, которым не нужны слова...

Лере показалось, что они стоят так целую вечность. Она почувствовала, что не в силах больше смотреть на них, и, отпустив наконец спасительную ветку, побежала вперед, забыв обо всем.

Она не знала, что ей делать и как жить дальше.

Ничего не произошло – и все переменялось до неузнаваемости. Лера знала, что никогда этого не забудет – двоих в прозрачном как слеза зимнем парке, и их молчание, и ясно видимый купол над ними...

Этого никому нельзя было объяснить – что же произошло. Но зачем ей было что-то объяснять? Лера понять не могла, как же все могло перемениться так мгновенно, но чувствовала необъяснимую безвозвратность происшедшего.

Внешняя жизнь шла как обычно. Все было готово к предновогодней премьере «Онегина», и генеральная репетиция была назначена, а перед нею – последний прогон, без костюмов и декораций.

Лера сама не знала, зачем пришла на этот прогон. Наверное, просто подчинилась общему настроению, которым был с утра пронизан театр: напряженному ожиданию. Едва ли Митя говорил кому-нибудь, что недоволен тем, что делает. Но и скрыть этого своего ощущения он не мог, и оно чувствовалось в настроении всех – от гардеробщицы до первой скрипки. Всеми владела растерянность – такая странная, необъяснимая накануне премьеры. Лера даже забыла на время о своих печалях, испугавшись этого общего уныния.

Митя никого не приглашал на этот прогон и казался таким мрачным,

что даже Лера спросила неуверенно:

– Я посижу?

– Да, – кивнул Митя. – Если не очень занята.

В общем-то, все выглядело довольно буднично – наверное, из-за отсутствия декораций. Даже рояль остался стоять на сцене, его только отодвинули в сторону, чтобы не мешал исполнителям.

Лера и раньше видела отдельные картины, но весь спектакль смотрела впервые. И, как ни странно, успокаивалась, слушая арию за арией.

Голоса у певцов были удивительные, она никогда не слышала таких! Даже сцена дуэли, которую Лера вообще-то терпеть не могла из-за неестественности оперных слов, – и та захватывала, подчиняла единому настроению: двое стоят на снегу, и смерть неотменима.

Лера вслушивалась в звуки скрипок, в поразительно чистый, летящий Тамарин голос... Ее завораживало это волшебство. И ей было хорошо – так хорошо просто слушать голоса, смотреть сбоку на Митино лицо, отдаваться ясной стихии этих звуков.

Она не замечала, как летят минуты, как сплетаются они в тонкое кружево мелодий, – до сцены последнего объяснения.

Тамара и Витя Логинов, певший Онегина, стояли на авансцене, и голоса их звучали под куполом с такой силой, что у Леры дух захватывало. Ей казалось, они притягивают к себе общее внимание – во всяком случае, сама она смотрела только на них.

И вдруг оркестр затих – оборвались звуки скрипок, виолончелей, зависли в пространстве зала голоса духовых.

Лера вздрогнула от неожиданности и перевела взгляд на Митю. Она поняла, что он остановил оркестр, но не могла понять почему. А взглянув на него, едва удержалась от того, чтобы вскочить и подбежать к нему: такая мука, такое отчаяние читалось у него на лице...

Митя бросил палочку на пульт и в одно мгновение оказался на сцене рядом с Тамарой. В зале стояла тишина, не нарушаемая ничьим дыханием. Взгляды актеров и зрителей были устремлены к нему – в недоумении, в ожидании.

– Холод, Тамара, холод! Ничего я не слышу в твоем голосе, кроме холода и красоты!.. И все напрасно... – произнес Митя, глядя на нее; боль звенела в его голосе. – Кому ты поешь, скажи мне?

– Онегину... – растерянно ответила Тамара.

– Ты понимаешь, что между вами происходит – и что должно происходить?

– Да...

– Ничего ты не понимаешь! Ведь ты его любишь, и тебе не суждено с ним быть никогда, не в твоей власти это изменить! Да ты знаешь ли, какая это боль? Это же – из последних чувств, за ними уже ничего нет, они жизнь от смерти отделяют... А ты мне арию выпеваешь!

Тамара молчала. Митя не отводил от нее глаз.

– Что же мне делать? – тихо произнесла она наконец. – Я не могу по-другому, Дмитрий Сергеевич... Я уйду лучше...

С этими словами она повернулась и медленно пошла за кулисы, едва не ударившись о стоящий на ее пути рояль.

– Подожди!

Голос его прозвучал так, что сердце у Леры упало в пустоту.

Митя догнал Тамару и взял за руку. Лера видела, что он забыл обо всех и обо всем.

– Прости меня, – произнес он. – Я не хотел тебя обидеть. Ты сможешь это почувствовать, я же знаю. Постой, успокойся. Сейчас все пройдет, постой, посмотри на меня...

С этими словами, не сводя с Тамары глаз и продолжая держать за руку, Митя сел за рояль, потом отпустил ее руку и коснулся клавиш.

Тамара стояла в полушаге от него и смотрела как завороженная.

– Послушай, – сказал Митя, и клавиши рояля зазвучали под его пальцами так же молитвенно и тихо, как его слова, обращенные к Тамаре.

Он никогда не пел в театре, и все собравшиеся наверняка слышали это впервые. Но Лера с детства знала, как может звучать Митин голос – знала ту невыразимую силу, которая слышалась в каждом звуке, чувствовалась в движениях его губ. Она в глазах у него стояла сейчас, эта сила, она не могла больше скрываться в их тайных, темных уголках и рвалась наружу, все себе подчиняя и все защищая собою!

Лера не могла понять, что он поет. Да это было и неважно. Это были слова, которых она не знала, – слова такой любви, которая вообще в слова не уместается.

Она видела, как побелели пальцы точеной Тамариной руки, которой та опиралась о рояль.

Слова его летели к ней! Не к ней, Лере, а к этой женщине, застывшей перед ним в молчании:

Все унесла ты с собой —

И солнца свет, и любовь, и покой.

Все, что дышало тобой лишь одной...

Лера не знала, сколько это длилось. Полукругом стояли у самых кулис

актеры, ни один звук не доносился из оркестровой ямы. Тамара по-прежнему молчала, и по-прежнему белела посреди пустой сцены ее застывшая фигура – в полушаге от Мити.

– Ну же, милая, – одними губами произнес он. – Ты слышишь?

Он перестал играть, убрал руки с клавиш. И вдруг Тамарин голос нарушил тишину...

Лера не знала, что это звучит. Человеческий голос не мог звучать так – из последних чувств, по-другому назвать это было невозможно. Но так звучал Тамарин голос, звучали слова последней арии Татьяны: «А счастье было так возможно, так близко...»

Это уже была не чистота, не красота и не легкость – это было то, что невыразимо словами.

Тамара замолчала, словно задохнулась на последней ноте.

– Ты поняла? – спросил Митя, глядя на нее сияющими глазами.

– Вы мертвого заставите понять, Дмитрий Сергеевич...

Тамара произнесла это тихо, почти неслышно, но слова ее долго не затихали под куполом.

Когда Лера выходила из зала, ей казалось, что она никогда больше не заставит себя войти сюда.

Глава 4

Накануне премьеры Лера заехала к Нате Ярусовой за давно заказанным вечерним костюмом.

Ната давно уже перебралась из своей скромной мастерской на Лесной улице в роскошное ателье на Фрунзенской набережной. Но больше ни в чем она не изменилась – осталась такой же маленькой, кругленькой и так же умудрялась выглядеть привлекательной, несмотря на короткие ножки и пухлый подбородок.

Попасть к ней теперь считалось делом престижным, и она придирчиво сортировала клиентов. Но Лера была вне конкурса и вне очереди.

– Ты у меня – как талисман! – Ната прикалывала подол Лериной юбки, ловко доставая изо рта булавки с разноцветными головками. – Нет, правда, Лерка, как ты у меня тогда стала шить – народ так и потянулся, как за флейтистом из Гаммельна!

Вообще-то Лере нравилось болтать с Натой. Та была умна, образованна и обладала отличным чувством юмора. Но сегодня настроение у Леры было такое, что ей хотелось только одного: лечь на кровать, отвернуться лицом к стене и никого не видеть и не слышать.

Если бы накануне открытия театра кто-нибудь сказал ей, что в таком настроении она будет встречать Митину премьеру, – Лера послала бы нахала куда подальше. А сейчас ничего ее не радовало, и ей не хотелось только обидеть Натку своим полным равнодушием к ее работе.

– Ну что, Лер, так оставить или покороче? – спросила Ната, отходя на шаг в сторону и внимательно разглядывая приталенный пиджак и узкую юбку с едва заметным разрезом сзади. – Я специально не подшивала, хотела еще раз на тебе взглянуть. По-моему, можно покороче. Зачем тебе коленки прятать?

Лера взглянула наконец в зеркало: надо же было что-то ответить. Что и говорить, Ната себе не изменила – костюм сидел как влитой и выглядел на Лере эффектно. Особенно, конечно, из-за своего цвета – чисто красного, без примеси других тонов. Цвет этот очень шел к Лериным темно-золотым волосам, подстриженным пышной шапочкой, да и ко всему ее стремительному облику.

Месяц назад, выбирая фасон, Лера сразу остановилась именно на этом, хотя что-то подобное у нее уже было. Но, переглядывая кипу ярусовских эскизов, она заметила вот этот простой пиджак, под который не надевалась

блузка.

Просто вспомнила вдруг, как в альпийском поселке они с Митей, уложив наконец Аленку, собирались в ресторан; это было накануне отъезда. Лера извлекла из чемодана как раз такой костюм, который можно было носить без блузки – только он был золотисто-кремового цвета, – и надела его, пока Митя был в ванной.

Ей не терпелось примерить кольцо, которое Митя подарил ей на память об этой неделе в Швейцарских Альпах. А оно было золотое, тонкого «травяного» плетения и с желтыми топазами – так что, конечно, должно было прекрасно смотреться на открытой шее, над глубоким вырезом пиджака.

– Нравится тебе? – спросила она Митю, появившегося в дверях спальни.

– Несомненно, – подтвердил он. – А что, есть мужчина, которому это может не понравиться? Встретишь – позови меня познакомиться.

– Почему же? – улыбнулась Лера. – Может показаться, что без блузки как-то не завершено.

– Все завершено, – не согласился Митя. – И я даже знаю, что подумает любой мужчина, увидев тебя в этом пиджаке.

– Что? – заинтересовалась Лера. – Так-таки и любой?

– Любой, – подтвердил он. – А подумает он вот что: полжизни я отдам за то, чтобы расстегнуть эти пуговики...

С этими словами Митя прикоснулся к верхней пуговице таким единственным своим движением, нетерпеливым и нежным одновременно, что Лера забыла и о ресторане, и о новом колье, и вообще – обо всем...

– И ты полжизни отдашь, Митенька? – прошептала она, когда он поднял на нее глаза, на мгновение отняв губы от впадинки между ее ключицами.

– А я всю отдам.

Лера вспомнила тот вечер в Альпах, когда выбирала наряд к Митиной премьере. И вот сейчас она смотрела в зеркало, видела себя в безупречно сшитом костюме с золотыми пуговицами – и ей хотелось плакать.

Будь ее воля, Лера вообще не пошла бы в театр в вечер премьеры. Но это, конечно, было совершенно невозможно. Надо было следить за множеством мелочей, которые нельзя было пустить в такой день на самотек, надо было встречать гостей, разговаривать, улыбаться... Надо было выглядеть веселой и уверенной в себе.

Единственное, чего она не могла заставить себя сделать, – зайти к Мите

перед началом, как делала это всегда.

Сидя в директорской ложе, Лера вглядывалась в его лицо, освещенное лампочкой на дирижерском пульте, и пыталась понять: о чем он думает сейчас, что происходит в его душе? И ей казалось, что этого она не поймет больше никогда.

Но все, что звучало в «Онегине», Лера понимала так ясно, как Митя и хотел сказать, когда обещал ей сделать то, что он в Пушкине чувствует. Она слышала Тамарин голос – и понимала, что такое последняя простота чувств, разрушающая стену обыденности.

«Это я – обыденность, – вдруг подумала Лера, когда закончился первый акт и зал взорвался аплодисментами. – Я – обыденность его жизни, и ничем другим я быть для него не могу. А ей дано другое, и вся его душа теперь ей принадлежит...»

Она поняла, что дальше слушать не может. Просто не выдержит последней арии Татьяны, которую уже слышала однажды: всегда будет видеть Митины глаза, устремленные на Тамару...

В антракте, идя по фойе к выходу из театра, Лера столкнулась с Саней. И тут только вспомнила, что давно уже пригласила его на премьеру и он сказал, что обязательно придет.

– Я же вообще-то ни разу оперы не слушал, – объяснил он тогда, глядя на нее слегка смущенно. – Ну, в театре еще был пару раз – в «Ленком», а опера – это уж как-то совсем...

При виде Сани Лера не то чтобы почувствовала себя спокойнее, но – внимание ее переключилось на него, что ли? А впрочем, она не слишком задумывалась об этом сейчас.

В темно-сером двубортном костюме, в галстук с замысловатыми полукругами и треугольниками, Саня смотрелся очень элегантно – это Лера сразу заметила. И улыбнулась про себя: взрослая элегантность в сочетании с его юной внешностью выглядела очень трогательно.

– Ну, как тебе? – спросила она.

– Красиво! – ответил Саня с легким удивлением в голосе. – Поют красиво, и вообще. Я прям даже и не думал... Ну, не буду тебя отвлекать. Потом, когда кончится, подойду попрощаюсь.

– Я ухожу сейчас, Саня, – сказала Лера.

– Как это? – поразился он. – Почему?

– Неважно. Это долго объяснять.

– Ты... одна уходишь? – спросил он, вглядываясь в ее лицо.

– Да, – кивнула она.

– Что ж, пойдём тогда.

– А ты при чем? – удивилась Лера. – Конец еще не скоро.

– Ну и черт с ним.

Лера начала было его отговаривать – и вдруг почувствовала, что не хочет этого делать: ей страшно было остаться в одиночестве. Правда, Саня и не слишком прислушивался к ее уговорам. Он достал из кармана ключи от машины и выжидающе смотрел на Леру.

– Пойдем, – сдалась она. – Спасибо, Саня...

– Куда поедем? – спросил он уже в машине.

– Знаешь – куда хочешь, – ответила Лера, стараясь, чтобы голос у нее не дрожал. – Мне все равно.

Она старалась не думать о том, что будет, когда кончится спектакль: что подумает Митя, увидев, что ее нет. А может быть, вообще не подумает о ней.

Еще она боялась, что Саня сейчас начнет расспрашивать, что случилось, и надо будет что-то выдумывать, потому что объяснить то, что она на самом деле чувствовала, было невозможно. Но он молчал, выруливая вокруг парковой ограды на Волоколамское шоссе.

– Слушай, – вдруг спросил Саня, – раз у вас «Евгений Онегин» идет, то ты, наверно, знаешь... Почему не «на заре», а «о заре»? Ну, в стихотворении этом, про кота ученого. Почему – «о заре прихлынут волны»?

Какого угодно вопроса можно было от него ожидать, только не этого! Лера не выдержала и улыбнулась, несмотря на то что ей было совсем не до смеха.

– Чего ты смеешься? – спросил Саня, бросая на нее быстрый, чуть исподлобья, взгляд. – Опять глупость ляпнул?

– Ну что ты! – Лере стало стыдно за свою невольную улыбку. – Какая же это глупость! Я просто удивилась, что ты это помнишь, – это же в каком классе проходят...

– А я потому и запомнил, из-за этого «о заре». Учительница тогда объяснить не могла, только четверку поставила, что выучил неточно. Да она у нас там вообще мало что знала, она больше математику вела, а литературу так, по совместительству.

– Да ведь и я не знаю, Сань, – сказала Лера. – По-моему, этого никто не знает. Просто – Пушкин так сказал, значит, так оно и есть. Потому что он там был, у моря видел дуб зеленый... Это то, что уже без объяснений, понимаешь?

Саня помолчал, потом кивнул и подмигнул Лере. Глаза его тут же

сверкнули веселой синевой.

– Ну и ладно! Не грусти, сейчас повеселимся. Давай в ночной клуб съездим, на Пушки – помнишь, я тебя приглашал?

Лера не выдержала и рассмеялась.

– Ой, Саня, с тобой не соскучишься! То лукоморье тебе, то клуб на Пушкие...

– А что, не хочешь? – расстроился он. – Сегодня же воскресенье, там интересно. Телевизионщики передачи всякие снимают...

– Да поехали...

К тому времени, когда в кинотеатре на Пушкинской площади открылся ночной клуб, Лера давно забыла думать про дискотеки, поэтому и не была здесь ни разу. Конечно, ее не тянуло в подобные заведения, но не хотелось обидеть Саню. Она была ему благодарна за то, что он не оставил ее в одиночестве.

Возле входа стояла довольно большая пестрая толпа.

– Чего это они? – удивился Саня. – Не пускают, что ли?

– Да бомбу позвонили! – весело объяснил рэйверского вида парень в огромных башмаках. – Собака искать пошла!

Рядом с парнем стояла молоденькая девушка в ярко-желтом «кислотном» платье со вставочками из плексигласа; на плечи ее была наброшена кожаная «косуха». Личико у девочки было такое расстроенное, что Лере чуть самой не стало жаль, что дискотека отменяется.

Оглядевшись, она увидела, какое множество джипов припарковано у входа и сколько одинаковых молодых мужчин – коротко стриженных, с плавно переходящими в плечи головами – столпилось на тротуаре.

– Да-а, – протянула Лера, – если бы и правда бомба взорвалась – кажется, с организованной преступностью в Москве было бы покончено.

Она тут же осеклась, подумав, как отреагирует на это замечание Саня, – но он рассмеялся так весело, что синева сверкнула в его глазах даже в темноте декабрьского вечера.

Вдруг Лера услышала, как за спиной у нее защелкал фотоаппарат, и, обернувшись, увидела высокого парня с фоторепортерской сумкой на боку. Он щелкал своим «Никоном» всех подряд, запечатлел и их с Саней.

Услышав щелканье, Саня тоже резко обернулся.

– Это еще что? – угрожающе спросил он. – Ну-ка, иди-ка сюда!

Он схватил парня за ремень сумки и дернул к себе. Несмотря на невысокий Санин рост, рывок оказался настолько резким, что фотограф едва устоял на ногах.

– Ты чего, парень? – примирительно заметил он, похлопывая Саню по

плечу. – Это, может, еще и не пойдет никуда, просто для истории останется.

– История как-нибудь без меня перебьется. Засвети пленку! – скомандовал Саня.

– С дуба рухнул? – возмутился фотограф. – Да я знаешь кого уже на нее наснимал! Думаешь, ради тебя здесь тусуюсь?

– Твои проблемы. Засвети, сказал! Или подожди. – Саня быстро взглянул на Леру. – Дай-ка сюда твой навороченный.

С этими словами он отнял у парня «Никон» и, нажав на какую-то кнопку, в полминуты перемотал пленку.

– Все, свободен, – сказал он, возвращая фотоаппарат и кладя кассету к себе в карман. – А это – за моральный ущерб. – Он вложил в ладонь растерянного фотографа зеленый «стольник» и извиняющимся тоном объяснил Лере: – Не люблю я сниматься, такое дело. В детстве, что ли, вспышкой напугали? У меня и детских фотографий почти нет, а потом и вовсе. Ну ладно, забыли! Никак ты со мной не отдохнешь по-человечески, – смущенно улыбнулся он. – Куда же нам податься?

– Давай просто так где-нибудь посидим, без дискотеки? – попросила Лера. – Сань, ты извини, но мне так выпить хочется...

– За что же «извини»? – хмыкнул он. – Мне, бывает, тоже хочется – святое дело! Тогда в ленкомовский ресторан пошли, – предложил он. – Это же рядом тут, за углом. Пошли, пошли, пока народ не сориентировался, а то еще не попадем: там зал маленький.

Мимо ресторана, располагавшегося в здании театра «Ленком», Лера проходила сто раз, но бывать в нем ей не приходилось. Она спустилась вслед за Саней по лесенке в подвал, потом прошла через черно-белый мраморный вестибюль в зал, действительно оказавшийся небольшим. Окон в зале не было, и весь он освещался лампочками, горевшими вдоль стен.

Из-за бомбы в соседней дискотеке можно было ожидать, что мест здесь не будет. Но, видно, народ и в самом деле еще не сориентировался или надеялся на скорое разминирование, – и для Леры с Саней быстро нашелся столик.

Все столики в зале стояли на разных уровнях, и это смотрелось необычно. Правда, Лере было не до того, чтобы обращать внимание на всякие милые мелочи. Она снова вспомнила о том, что происходит сейчас в Ливнево, и ей стало так тоскливо, хоть рыдай в голос.

– Что ты выпьешь? – спросил Саня.

– Коньяк.

– А есть что будешь?

– Ничего, – покачала головой Лера. – Не хочу я, Санечка, есть.

– Тогда «Хенесси» по двести для разгону, – сказал Саня милостливой официантке, с улыбкой ожидавшей заказа. – И закуску все-таки какую-нибудь – хоть маслины, что ли. А может, поешь, а? – просительно сказал он. – Смотри, тут блюда всякие интересные.

Взглянув в меню, Лера увидела названия «Гоголь» и «Прозаик», и ей стало смешно, хотя слезы стояли у самого горла.

– Ужасно интересные! – усмехнулась она. – «Гоголь» – это что?

– Вообще-то – котлета по-киевски, – пояснила улыбчивая официантка, зажигая на столе свечку в прозрачном подсвечнике. – Очень вкусная, нежнейшая! Попробуете?

– Нет, спасибо, – покачала головой Лера. – Ограничимся маслинами.

Ей тошно было подумать о еде, но выпить действительно хотелось так, что скулы сводило. Не было больше сил на то, что происходило в душе.

Она выпила коньяк залпом, как вообще-то не пьют коньяк из изящных бокалов-тюльпанчиков. Но сейчас ей было не до изящества и не до того, как она выглядит со стороны. Да Лера и не чувствовала стеснения с Саней, а просто делала то, что ей хотелось делать. Закрыв лицо руками, она ожидала, когда хмель ударит в голову освобождающей волной.

– Легче стало? – спросил Саня, когда она отняла наконец руки от лица.

– Легче... Правда, легче, Сань.

– Закуси все-таки, – предложил он. – Маслину съешь, или, может, «Прозаика» этого тебе заказать?

Они посидели в молчании, потом Лера выпила еще. Саня пил медленно, покручивая бокал с коньяком.

– Извини, – сказала она наконец, – не дала я тебе спектакль досмотреть.

– Насчет этого ты расслабься, – махнул он рукой. – Нашла ценителя! Если б ты не пригласила, мне бы и в голову не пришло...

– Что же ты не спросишь, почему я ушла? – спросила Лера.

– А почему я об этом должен спрашивать? – пожал он плечами. – Захочешь – сама скажешь. Не захочешь – так посидишь, тоже хорошо.

– А я из-за ревности ушла, – вдруг сказала Лера. Она немного не рассчитала своих сил, хмель ударил в голову так сразу и так крепко, что даже губы уже двигались у нее с трудом. – Потому что Митя меня разлюбил.

Саня молчал, по-прежнему покручивая бокал и глядя, как коньяк свивается на дне золотыми спиралями.

– Это неправда, – вдруг сказал он.

Будь это на трезвую голову, Лера расслышала бы, как изменился его

голос, но сейчас в ушах у нее стоял звон.

– Что – неправда? – пробормотала она.

– Этого быть не может, – повторил Саня.

– Но почему?

– Потому что кончается на «у»! – ответил он сердито. – Потому что не родился такой мужик, чтоб тебя разлюбил. И уж точно не он, я же видел...

– Что ты видел? – не удержавшись, всхлипнула Лера. – Никто этого не видит...

– Так уж и никто! Он как только на сцену вышел – так на тебя посмотрел, что... Ладно, замнем для ясности. Плачешь... – тихо сказал Саня. – Лера, не плачь, ну пожалуйста! Ну что мне сделать, чтоб ты успокоилась?

– Ничего, Санечка. – Лера шмыгнула носом и достала из сумочки платок. – Ты уже и так столько сделал сегодня... Вот черт, глаза потекли, наверное.

Неизвестно, «потекли» ли глаза, но перед глазами у Леры все текло, как дождевая вода по стеклу, и голова кружилась быстро и мучительно. Она зачем-то попыталась привстать из-за стола и едва не упала. Саня подхватил ее под локоть.

– Ты совсем белая, – сказал он. – Тебе плохо, Лера, скажи, а?

– Плохо, – подтвердила она. – Так плохо мне, что ни в сказке сказать, ни пером...

Что она говорила еще – этого Лера уже не помнила. Кажется, пила еще коньяк, быстро опрокидывая «тюльпанчик» и не закусывая, потом снова заплакала, только уже в голос, размазывая слезы по лицу.

– Сань, ты иди, иди! – просила она сквозь слезы. – Ну что ты сидишь здесь, смотришь на это? Какое тебе до этого дело!..

Он что-то отвечал, но Лера не слышала. А может, ничего он не отвечал, только продолжал подхватывать ее под локоть, когда она снова и снова поднималась зачем-то из-за стола.

К тому моменту, как они оказались наконец на улице, в голове у Леры стоял уже не просто звон, а дикий гул. Саня почти вынес ее из ресторана.

– Да что же это я наделала? – всхлипывала она. – Всем вечер испортила, и тебе больше всех!

– Ну, мне, положим, не испортила. – Санин голос донесся до нее как сквозь вату. – Посиди-ка тут, на лавочке, я сейчас машину подгоню. Или нет, пойдем со мной до машины. Лерочка, милая, пойдем, а то ты упадешь сейчас с лавочки. Встала? Вот молодец, теперь вперед! Да ты не толкайся,

не отталкивайся – вот самостоятельная какая! Думаешь, не выдержу твоей тяжести?

Дороги до дому Лера совершенно не помнила. Сознание у нее вспыхнуло уже во дворе – оттого, что Саня тихонько встряхивал ее за плечи и спрашивал:

– Какая квартира, а, Лер? Ты в какой квартире живешь?

– Как же ты узнал, куда ехать? – пробормотала она, пытаясь удивиться.

– Да я ж тебя уже подвозил однажды, забыла? Какая квартира, скажи...

– Седьмая. Вон там, третий этаж.

Войдя в подъезд, Лера поняла, что не может сделать больше ни шагу. Ноги у нее подкосились, все тело обмякло, и она села на ступеньки.

– Не можешь идти? – Саня наклонился над нею. – Придется теперь на руки ко мне забираться.

Дальше Лера чувствовала, что плывет вверх, что все качается вокруг, как будто вот-вот провалится куда-то, и только Санины руки держат ее крепко и бережно.

У дверей квартиры он поставил ее на пол, но продолжал поддерживать под локоть, чтобы она не упала.

– Ключи далеко у тебя? – спросил Саня. – Или ладно, я позвоню.

– Не надо... – попыталась возразить Лера: она вдруг представила, как Митя откроет дверь и увидит ее в таком состоянии. – Я поищу ключи...

Но Саня уже позвонил, и дверь открылась мгновенно. Митя стоял на пороге и смотрел на них, не говоря ни слова.

– Ей плохо, – сказал Саня, отпуская Лерин локоть.

Она снова едва не упала, но Митя быстро шагнул навстречу и подхватил ее под мышки.

– Ты ее очень-то не ругай, – сказал Саня. – Это моя была инициатива.

– Очень-то не буду. – Лере показалось сквозь звон в ушах, что она слышит отзвук улыбки в Митином голосе. – Зайдешь?

– Нет. Тебе это ни к чему, да и мне тоже.

Пиджак был залит коньяком. Сидя в спальне на кровати, Лера смотрела, как Митя расстегивает золотые пуговицы, и ей казалось, что пальцы его двигаются медленно, как во сне.

И тут ей действительно стало плохо – просто плохо, как становится плохо спяну: тошнота подступила к горлу, и она зажала рот рукой. Но все тело по-прежнему было ватным, и Лера напрасно пыталась привстать, чтобы добраться до туалета.

Дальше она помнила, что наклонялась над ванной, а Митя поддерживал ей голову, пока ее выворачивало наизнанку. Потом она чувствовала его

руки, мокрые и холодные, у себя на лице, и ей становилось легче.

Стакан, который он поднес к ее губам, пахнул мятой. Лера попыталась оттолкнуть от себя этот резкий запах.

– Пей, пей, радость моя, а то в вытрезвитель сдам, – приговаривал Митя.

Она выпила несколько глотков, закашлялась и все-таки оттолкнула его руку со стаканом.

Наконец подушка прохладно прижалась к ее щеке – как это она опять в спальне оказалась? – и Лера с облегчением погрузилась в эту мягкую прохладу.

– Ми-итя... – прошептала она. – Митенька, прости, что я ушла сегодня...

Он молчал, рука его лежала у нее на лбу, и пальцы вздрагивали.

Глава 5

Головная боль прошла, и даже стыд прошел, а тоска на сердце осталась. Назавтра, когда Лера попыталась как-то объяснить Мите свою вчерашнюю выходку, он пожал плечами:

- Всякое бывает, Лер. Не на что мне обижаться.
- А... как премьера прошла? – робко поинтересовалась она.
- Хорошо. На одном дыхании.

Ей показалось, что она почувствовала это дыхание – его дыхание...

Лера терялась, видя Митино спокойствие.

«Лучше бы бегал по дому и бил посуду», – с тоской подумала она.

Но посуду он не бил, и даже короткий разговор о том, что «всякое бывает», произошел между ними только следующим вечером. А поздним утром, когда Лера проснулась, Митя уже уехал в Ливнево.

Она встала, пошатываясь от слабости, добрела до ванной. Аленка ушла с Розой в английскую студию; Леру окружала полная тишина. Даже уличный шум не был слышен, потому что окна выходили во двор.

«Ничего не поделаешь, – подумала Лера. – Надо жить и с этим...»

Но как она будет теперь жить, как привыкнет к этой неразрешимой ревности – Лера не знала. Да и ревность ли это? Ревность должна была сжигать, испепелять, а в ее душе происходило совсем другое... Она любила Митю по-прежнему, и по-прежнему чувствовала, какое это счастье – его любить, и в этом всеохватном чувстве не мог гореть уничтожающий огонь.

Но и забыть, как он смотрел на Тамару в прозрачном парке, как звучал его голос в тишине зала, – тоже было невозможно.

Саня позвонил через два дня – как всегда, в директорский кабинет.

– Уже на боевом посту? – весело прозвучал его голос в трубке. – Ну, как самочувствие?

– Ой, Саня! – обрадовалась Лера. – Ты прости меня, бога ради, я вела себя как последняя свинья!

– Да брось ты, – усмехнулся он. – Выпили, посидели, все путем. Конечно, в голову ударило, без закуски-то! Ну ничего, если ты как-нибудь еще раз в ресторан со мной пойдешь, угощу я тебя по-человечески, не одним пойлом.

– Хорошее пойло – «Хенесси»! – рассмеялась Лера. – Пойду, конечно, если пригласишь. Слушай, а ты ведь тоже пил, как же ты поехал потом?

– Ну, как... – усмехнулся он. – Нарушил правила, как еще. Да я, считай, и не пил – так, компанию поддерживал. И вообще, я тогда пьянею, когда расслабиться себе позволяю, а не когда градусы принимаю.

– Да, со мной было не расслабиться, – согласилась Лера. – Спасибо тебе.

– На здоровье. Ну, не буду тебя беспокоить. Ты мне позвони когда-нибудь...

– Позвоню, Санечка, – сказала Лера. – Но и ты звони, а то живем ведь на бегу, все времени нет. Мне вот-вот, может быть, в Грецию придется поехать.

– Да и у меня дела. Пока, Лера!

Короткие гудки звучали в трубке, а улыбка не сходила с Лериного лица.

«Правила нарушает, – думала она. – «Крышу» держит над банком, дискотеку дурацкую любит – а все равно...»

Все равно душа ее светлела, когда она вспоминала синие Санины глаза.

О Греции Лера узнала именно в этот день: просматривала утром бумаги и обнаружила факс от Алексиадиса. Послание было полушутливое, с привычным юмором ее старого друга, но из него можно было понять, что обещанные спонсоры «маячат на горизонте Эллады».

– В Греции все есть – так, Валерия? – хохотал в трубку Алексиадис, когда Лера перезвонила ему в Афины. – Ведь такое название у вашего знаменитого фильма?

– Не то чтобы у фильма, но что-то вроде, – не стала вдаваться в подробности Лера. – Алик, может, мне поскорее приехать? Ты себе не представляешь, как для нас это важно!

– Хорошо представляю, – сказал он. – И если ты позволишь мне пока договориться о встрече от твоего имени, я охотно это сделаю. Мой приятель удачно продает сардины, он настоящий сардинный король и совсем не хочет платить так много налогов, это же понятно! – воскликнул Алик. – Короче говоря, своим следующим звонком я уже сообщу тебе результат.

Лера прекрасно знала, что Алексиадис никогда не дает пустых обещаний. Значит, на сардинного приятеля можно было надеяться. Это действительно было важно для нее, потому что денег катастрофически не хватало даже на повседневную театральную жизнь, не говоря уже о каких-то особенных проектах и о предстоящей весной реставрации парка.

Захватив факс из Греции, Лера пошла к Мите.

Он был у себя в кабинете один. Стоял у полукруглого, как фонарь, окна,

смотрел на потемневший, посреди декабря вдруг оттаявший парк.

– Мить... – позвала Лера, и он обернулся так мгновенно, что она не успела понять, что мелькнуло в его глазах, когда он взглянул на нее; через несколько секунд лицо у него стало спокойным. – Я с Алексиадисом только что говорила. Греческий мой давний партнер, помнишь? И знаешь, что он сказал...

Она пересказала Мите свой разговор с Алексиадисом. Он слушал, сидя на краю подоконника и глядя на Леру странным, совершенно ей незнакомым взглядом. Мокрые блестящие ветки деревьев темнели у него за спиной, талый снег лежал на карнизе.

– Ты не рад, Митя? – спросила Лера, помолчав. – Думаешь, это блеф? Но он никогда не обещает зря.

– Не думаю, – ответил он. – Я рад, Лера, спасибо. У меня сейчас на ЕМІ будет запись, я в Лондоне тоже поговорю с одним... Послушай, – вдруг спросил он, не отводя от нее этого странного взгляда, – а тебе еще не надоело?

– Что – надоело? – удивленно переспросила Лера.

– Да это все – театр, парк, спонсоры? Не прошло увлечение?

Лера так растерялась, что не знала, что ответить.

– Нет, – произнесла она наконец, судорожно сглотнув слюну. – Мне – не надоело.

Она не могла понять, что значит этот вопрос, – как не могла понять, какое чувство темнеет в непроницаемой глубине Митиных глаз.

Если бы не театр, парк, спонсоры и прочие неотложные дела, Лера представить себе не могла, как складывалась бы теперь ее жизнь. А так – забот по горло и задумываться особенно некогда.

Единственное, чего она не делала больше никогда, – не заходила в зал, когда репетировали вокалисты. Даже если проходила в это время по коридору, то старалась не вслушиваться в Тамарин голос.

Концерты и спектакли шли теперь постоянно. Митя репетировал «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича, а Лере надо было думать о том, как доставлять зрителей в Ливнево. Парк действительно располагался совсем недалеко от центра, но добираться сюда было удобно на машине, а автобус от метро ходил с такими интервалами, что быстрее было дойти пешком.

Лере казалось, что она привела городским транспортникам все возможные доводы.

– Поймите, ведь у нас не бизнес-клуб! – убеждала она. – Не все наши

зрители могут себе позволить личное авто. И почему надо возводить перед ними лишние препятствия?

Но за показным сочувствием на кивающем лице транспортного начальника читалось такое равнодушие, что Лера поняла: решать эту проблему надо самим, или она решится лет через сто. Значит, нужен автобус, нужен водитель, нужны деньги.

И одновременно нужно было искать нового администратора. С некоторых пор Лера стала замечать, что сама занимается большим количеством дел, чем следовало бы, и сразу вычислила, что администраторша Зиночка работает плохо. Теперь она потихоньку наблюдала, есть ли у Зиночки перспективы, но про себя уже понимала, что надо подыскивать ей замену.

Такие были дела.

Митя улетел в Лондон тридцать первого декабря. Новый год Лера встречала без него, с Аленкой и с Розой.

– Я вам подарки оставил в столе, – сказал он Лере, прощаясь. – Ты только Ленке не показывай раньше времени, положи под елку, хорошо?

– Хорошо, Мить, – кивнула Лера. – Долго ты там пробудешь?

– Неделю, – ответил он. – Без оркестра запись, сольная программа, так что все только от меня зависит.

– По-моему, всегда все только от тебя зависит, – невесело усмехнулась Лера.

– Ты думаешь? Не знаю...

В Шереметьево его отвозила театральная машина. После недавней оттепели все замерзло, и Митя сказал, что Лере незачем ездить по гололеду. Ей нечего было возразить.

Она даже не помнила, когда встречала любимый праздник в таком безнадежном унынии. Конечно, старалась казаться веселой, вместе с Аленкой восхищалась Митиным подарком – большим немецким набором красок, состоявшим, казалось, из тысячи цветов, – но на душе лежал такой камень, который было ни сбросить, ни разбить.

Ей Митя всегда дарил, как он это называл, «что-нибудь металлическое».

– А что я могу тебе подарить, подружка моя единственная? – смеялся он когда-то, если Лера пыталась его убедить, что не стоит тратить столько денег на драгоценности. – Книжки у нас, как у милиционера, уже есть, платья ты сама себе заказываешь... Ну скажи, что? Не хватает у меня на тебя фантазии!

И Лера перестала возражать. Тем более что вкус у него был безупречный, и каждый его подарок вызывал у нее восхищение.

Сразу после боя курантов она надела оставленные для нее в столе часики из белого золота, формой напоминающие ветку яблони с единственным распустившимся цветком, и безучастно следила за стремительным бегом секундной стрелки.

В половине второго Аленка отправилась спать, и Лера с Розой остались вдвоем перед телевизором.

– Сказала бы ты, что случилось-то? – неожиданно спросила Роза.

– С кем? – спросила Лера, стараясь казаться удивленной.

– Да не «с кем», а у вас что случилось? – повторила та.

С тех пор как Роза, можно считать, вошла в Лерину семью, она переменялась даже внешне. Исчезло не только нервное изящество, которое бросилось Лере в глаза при первой встрече, но и то унылое убожество, которое было так заметно, когда Роза впервые переступила этот порог.

Теперь за столом напротив Леры сидела женщина, во внешности которой сразу чувствовалось спокойное довольство жизнью, ничего общего не имеющее с самодовольством. И эта женщина смотрела сейчас на Леру встревоженно и, как той показалось, сердито.

– Ты как будто обижена на меня за что-то... – заметила она, отводя взгляд от Розиных пронизывающих глаз.

– Обижаться-то мне не за что, а радости особой нет – смотреть, как ты жизнь свою ломаешь!

– Я не ломаю, – медленно произнесла Лера. – Она сама ломается. Все рушится, и сделать ничего нельзя... Митя совсем переменялся, ты видишь? Он думает не обо мне...

– Завел кого-нибудь, что ли? – спросила Роза.

– Ну, можно и так сказать, хотя не в этом дело...

– Не в этом! А в чем тогда? Что-то ты мудришь! Если знаешь, что появилась какая-нибудь, куда ж ты смотришь? – возмутилась Роза. – Избаловалась ты, вот что я тебе скажу! Думаешь, на такого мужчину никто глаз не положит?

– Не думаю, – улыбнулась Лера. – Но чем же я могу помешать?

– Как это чем? Скандал устрой, пригрози!

– Ему?

– Зачем ему? Ей! Да я бы глаза выцарапала шалаве, если б узнала такое дело... Эх, Лера, не умеешь ты жить! А ты точно знаешь? – вдруг переспросила она. – Что женщина у него?

– Ой, Роза, ну что ты меня мучаешь? – со слезами в голосе воскликнула Лера. – Ничего не сделаешь, понимаешь? Правда – ничего! Не подходит к нему житейская мудрость. Все у него по-другому!

– Это да... – Розин пыл угас, лицо сделалось грустным. – Я таких, как он, конечно, не видала. Но ведь и ты – не я! Что у тебя, ума на него не хватает?

Лера не знала, что ответить. Дело было не в уме. Она не могла объяснить Розе, чего не хватает в ней для Мити. Она сама не знала, как это назвать.

Так же невозможно было представить, чтобы она стала устраивать скандал Тамаре Веселовской. Это вообще не в Лерином духе было – скандалы, а уж тем более теперь. Из-за чего? Из-за того, что солистка хорошо поет и это нравится дирижеру?

Тем более что Тамара была единственным человеком в театре, с которым Лера двух слов никогда не сказала. Это было особенно заметно, потому что остальные певцы, оркестранты, рабочие сцены и билетеры вереницей шли в ее кабинет.

Действительно, каждому надо было то хлопотать о квартире, то устраивать родственника в приличную больницу, то тещу перевозить из Саратова, то бежать от перевезенной тещи куда глаза глядят... А старенький костюмер Иван Яковлевич, помнивший Шаляпина, – тот и просто приходил, чтобы порассуждать о политике, в которой он был дока.

И Лера любила заниматься этими делами больше, чем любыми другими. Они были живые, эти чужие дела, и ей хотелось, чтобы из них состояла ее жизнь.

Тамара ни разу не обратилась к ней ни с какой житейской просьбой и, уж конечно, не заходила «просто поболтать за жизнь», как это охотно делали другие. Она вообще была неразговорчива, и Лера не знала о ней ничего.

Только мелькала в театральных коридорах стройная фигура, вспоминались прозрачные зеленые глаза восточного разреза да волны темных волос на плечах. Да голос...

Но Лера думала о Тамаре постоянно, ей некуда было деваться от этих мыслей. Поэтому она даже не удивилась, когда вдруг увидела ее спокойное, тонких очертаний, лицо на экране телевизора.

С тех пор как она стала директором Ливневской Оперы, Лера смотрела все передачи про театр. Из них она, кстати, узнала и о Зальцбургском пасхальном фестивале, который проводил дирижер Герберт фон Караян, и еще о множестве вещей, которые не просто были ей интересны, но и могли пригодиться практически.

Первую в новом году театральную передачу Лера тоже смотрела. И,

конечно, не было ничего удивительного в том, что речь в ней шла о лучшей оперной премьере прошлого года – о «Евгении Онегине» в ливневском театре.

Тамара сидела в глубоком студийном кресле так же непринужденно, как, наверное, сидела бы в королевском дворце или на пенке в лесу. На ней было белое платье с тонким кружевом у высокого ворота и черный пиджак, к лацкану которого была приколотая белая роза. Лера всматривалась в экран, пытаясь понять, настоящий цветок или искусственный, да так и не поняла.

Но еще напряженнее всматривалась она в Тамарины глаза, привычно угадывая их едва заметную отрешенность, и вслушивалась в ее ответы элегантному корреспонденту в замшевом пиджаке.

– Тамара, ведь вы, совсем молодая исполнительница, вчерашняя выпускница консерватории, в один день стали, без преувеличения, знаменитостью. Как вы сами восприняли свое новое положение?

– Я его не ощутила, – ответила Тамара. – Во время работы у меня были гораздо более сильные впечатления.

– Вы вообще равнодушны к славе? – заинтересовался телевизионщик.

– Не знаю... Мне действительно некогда об этом думать. Теперь я репетирую в «Леди Макбет Мценского уезда» и готовлю большую концертную программу. А работа с Дмитрием Сергеевичем не оставляет ни времени, ни сил на постороннее.

– Кстати, для всех было неожиданностью, что дирижер такого уровня, как Гладышев, доверил никому не известной певице Татьяну в своей первой московской опере. А уж Катерина Измайлова – при вашей молодости... Как вы себе это объясняете?

Лера забыла обо всем, ожидая ответа.

– Я никак не объясняю себе то, что считает нужным делать Дмитрий Сергеевич. Мне остается только благодарить судьбу за встречу с ним.

По всей видимости, журналист понял, что из Тамары пространных рассуждений не выудишь, и с легким вздохом спросил:

– Не могли бы вы рассказать о себе подробнее? О родителях, о личной жизни...

– Моя мама родилась в Тбилиси, она из очень древнего княжеского рода. Отец – сибиряк. Они познакомились в самолете и полюбили друг друга с первого взгляда. Они врачи, живут в Омске, это прекрасный, очень театральный город. А о личной жизни я ничего не могу сказать. У меня нет никакой отдельной от пения жизни.

«Что он хотел услышать? – подумала Лера с каким-то растерянным уважением к этой поразительной женщине. – С кем она живет, в какой

квартире? А я – что я хотела услышать?..»

Она вдруг поняла, что Тамара действительно сказала все, что могла сказать о себе. Остального было не высказать, и в этом «остальном» все было такой же тайной, как в уголках Митиных глаз, скрытых прямыми ресницами.

Глава 6

Если раньше время летело так стремительно, что Лера не успевала следить за сменой дней и недель, то теперь каждый день был заметен: каждый день увеличивал пропасть между нею и Митей.

Она не могла объяснить, как это происходит, – все текло, как вода между пальцев, – но перемены чувствовались ежедневно. И Лера с ужасом думала о том дне, когда один из них не сможет больше выдерживать эти перемены.

Сама она собирала все силы, чтобы не думать, не замечать, не загадывать... Но что думает об этом Митя – она не знала.

Наверное, этот день отодвигался только потому, что Митя часто уезжал на короткие гастролы – то с сольными концертами, то дирижировать каким-нибудь оркестром; график его поездок был жестко расписан на много месяцев вперед. Но разве могла она когда-нибудь предположить, что возможность счастья будет связана для нее с расставаниями!..

Самым мучительным для Леры было то, что Митя давно уже не говорил ей вечерами: «Посиди со мной», – как это часто бывало прежде. Лера забыть не могла, как вздрагивал его голос, когда он произносил эти слова – то ли просил, то ли спрашивал. Ей всегда казалось, что с таким чувством он прикасается к скрипичным струнам: никогда не зная, что они ответят ему...

Этого больше не было.

Так прошли зима и весь март, и все рушилось в Лериной жизни, как рушился талый снег с обрыва над ручьем в Ливнево.

Даже тому, что в день ее рождения Митя будет на дирижерском конкурсе в Риме, Лера почти обрадовалась. Вдруг показалось, что в этот день все могло бы непоправимо решиться между ними, а ей хотелось отдалить решение...

«Лучше одна побуду, – с облегчением подумала она. – Роза не знает, Аленка маленькая – может, и не вспомнит. А мамы нет...»

Тридцатое марта приходилось на среду, и весь день Лера провела на работе. Туда ей, правда, звонили с поздравлениями не переставая – Зоська, Женя Стрепет, еще множество друзей и знакомых. Но все они знали, что Лера празднует другие даты, а день рождения проводит только с Митей.

Она уже собиралась домой, когда телефон снова зазвонил. Лера подумала было, что никому больше не ответит, но вдруг ей показалось, что

это Митя звонит, и она подняла трубку. У нее так забилося сердце, когда она об этом подумала, что она едва не заплакала, услышав в трубке не его голос.

– Что ж ты в праздник-то на работе до вечера сидишь? – услышала она. – Здравствуй, Лера!

– Здравствуй, Саня, – сказала она, постаравшись подавить печальные нотки в своем голосе. – Какой еще праздник?

– Ну как, а день рожденья? Женщины, конечно, по этому поводу только переживают почему-то, но все ж таки... Я тебя поздравляю! Подарок за мной при встрече.

– А ты откуда узнал? – удивилась Лера.

– А спросил у тебя как-то. Только ты, наверно, не помнишь, – усмехнулся Саня.

– А-а... – Лера смутилась, догадавшись, когда именно сообщила Сане дату своего рождения.

– Где празднуешь? – поинтересовался он.

– Да нигде, – не подумав, ответила она и тут же пожалела: надо было, конечно, выдумать что-нибудь, чтобы не вызывать лишних вопросов.

– Как это? – поразился Саня. – Почему это?

– Ну... так получилось.

Ей ничего не хотелось объяснять, но Саня и не стал спрашивать.

– Слушай, – вдруг сказал он, – так, может, я тебе сегодня подарок бы вручил? Раз такое дело – раз ты ничего приятнее на сегодня не планируешь?

– Да я не знаю, Сань... – пробормотала Лера. – По правде говоря, не то настроение, чтобы праздновать! – выпалила она наконец.

– Да это я слышу... А помнишь, ты мне обещала, что в ресторан со мной сходишь еще как-нибудь?

– Обещала, – согласилась Лера.

– Так ведь слово-то надо держать! А, деловая женщина?

– Надо.

– Ну и держи! – потребовал он. – А то – ты ж знаешь, с кем дело имеешь...

Лера не выдержала и рассмеялась.

– Крутой ты, Саня, рэкетир!

Он тоже рассмеялся в ответ:

– Через полчаса буду. Ты выходи к воротам, как машину увидишь из окна, ладно?

Лера не ожидала, что так обрадуется, увидев его. Саня ждал у машины и быстро пошел ей навстречу, едва она показалась в конце аллеи. Они остановились друг против друга почти у самых ворот.

– Давно тебя не видел, – сказал Саня, глядя на нее радостными глазами. – Так-то закрутишься, не замечаешь, а увидишь – и поймешь...

– Я тоже – давно, – согласилась Лера.

– Ну это, ясное дело, взаимно, – улыбнулся он. – Поедем?

– Поедем, если не передумал, – кивнула она.

– А то бы я передумал! – усмехнулся Саня. – Обижаешь... Ты куда хочешь поехать?

– Ты же пригласил, – пожал плечами Лера, лукаво поглядывая на него. – Похитил, можно сказать, женщину. Куда повезешь?

Высокий джип плавно шел по льдистым весенним ухабам, скорость за сто почти не чувствовалась. Лера смотрела, как убегают назад деревья вдоль Волоколамского шоссе.

– А я знаешь, где был? – спросил Саня. – Ну, почему не звонил так долго?

– Где? – Она вздрогнула, оторвавшись от созерцания убегающих деревьев.

– В Африке!

– Солнышка захотелось? – улыбнулась Лера.

– Да ну, солнышка! Дела были.

– Ох у тебя и деловая география! То Урал, то Африка... До Северного полюса не добрался еще?

– Это в будущем, наверно, – ответил Саня со смешной серьезностью. – Пока что жариться пришлось два месяца, еле выдержал! Я вообще-то жару терпеть не могу.

– А куда мы едем? – поинтересовалась Лера.

– Ты ж сама сказала, чтобы вез куда хочу, – пожал плечами Саня. – Давай в центр не поедем, а? Тут хороший есть один кабак под Новым Иерусалимом. Может, туда?

– Туда так туда, – согласилась она.

Ресторан назывался «Сиреневые дали» и явно был рассчитан на тот контингент, от которого Леру тошнило. Она поняла это уже по тому, как оформлен фасад двухэтажного дома, к которому, свернув с шоссе, они подъехали по узкой, обсаженной кустами дороге: с какими-то псевдокоринфскими колоннами, готическими башенками и пошлыми фонарями у входа.

Машины парковались за рестораном, у глухой высокой стены. Встав на

свободное место рядом с «шестисотым» «Мерседесом», Саня расстегнул куртку, пиджак и снял из-под него кобуру с пистолетом.

– Зачем ты снимаешь? – удивилась Лера.

– Да мне показалось, тебе это неприятно, – пояснил он.

– Вот глупости какие! – возразила было Лера, но Саня уже забросил пистолет в «бардачок». – Как это ты в машине оставляешь такие вещи?

– Думаешь, в моей машине кто-то решится пошуровать? – усмехнулся он. – Надежнее, чем в аптеке, можешь пальто тоже здесь оставить.

Они обогнули здание и подошли к центральному входу с фонарями. У крыльца стоял высокий молодец в длинном кафтане и меховой шапке а-ля Мономах. Мартовским вечером было довольно тепло, и из-под шапки по лбу швейцара катились капли пота.

– Здесь вообще-то не только ресторан, – рассказывал Саня. – Казино есть, сауна – все что хочешь.

– Все, что нужно для счастья, – усмехнулась Лера.

– Может, и не для счастья, а чтоб человеком себя чувствовать – это точно.

Мономах распахнул перед ними дверь, и они оказались в просторном холле, украшенном множеством разноцветных лампочек. Народу было довольно много, посетители курили, сплевывая в блестящие, словно из золота сделанные, плевательницы.

С некоторых пор Лере были совершенно безразличны рестораны, поэтому она не особенно обращала внимание на показную роскошь здешних интерьеров – все это массивное дерево, золото отделки, огромные корзины с искусственными цветами.

Она вдруг вспомнила, как они с Митей ели с жаровни кефаль на Галатском мосту в Стамбуле, – и ей стало так грустно, хоть совсем беги отсюда.

Официант ожидал заказа, и Саня сказал:

– Тут такое блюдо есть – закачаешься! Рябчики в можжевеловом соусе, хочешь? Мне прошлый раз официант рассказывал, что это еще французский король Людовик придумал. Он рябчика на охоте подстрелил, и тут же другой рядом упал – оказывается, первый рябчик была его подруга, вот он тоже и умер. Поэтому рябчиков теперь к столу только парой подают.

– Ох, Саня, – улыбнулась Лера, – после такой истории всякий аппетит пропадет!

– А по-моему, интересно, – погрустнел он.

– Лучше я вот это попробую, – сказала Лера, чтобы сгладить неловкость

от своего замечания. – Ребра ягненка под коньячным соусом, тоже очень экзотично.

– А пить что будешь? Коньяк?

– Ты, видно, теперь думаешь, что я только коньяк пью, и обязательно до положения риз, – улыбнулась Лера. – Я бордо выпью, ладно?

– Ладно, – согласился Саня. – Я тогда тоже бордо.

– А ты пей сколько хочешь, – предложила Лера. – У меня права с собой, я тебя могу домой отвезти.

– Да уж сам доберусь как-нибудь, – усмехнулся он. – И с чего ты взяла, что мне «сколько хочешь» – это чтоб на ногах не держаться? Я, может, сегодня вообще без выпивки обойдусь.

– Почему это? – удивилась Лера. – Ну, как знаешь.

Музыка здесь была попсовая, Лера такую терпеть не могла. Она и вообще никогда не поехала бы в такой ресторан – нуворишеский, в котором хороша была только кухня, – но ей совсем не хотелось, чтобы Саня об этом догадался.

По всему залу был слышен писк мобильных телефонов. «Мухой чтоб летел на таможню!» – доносилось из-за соседнего столика.

Официант разлил вино по бокалам, и Саня сказал:

– Что ж, за тебя! Чтоб была ты счастливая, чтоб никогда ты не грустила...

– Спасибо, Санечка, – улыбнулась Лера, но улыбка у нее получилась невеселая. – А я «аллаверды» за тебя выпью – хороший ты человек!

Она отпила несколько глотков вина, пожевала листик салата. Саня тоже ел не много.

– Что же ты не расспрашиваешь, что я в Африке делал? – спросил он, поставив свой бокал.

– Саня, – укоризненно произнесла Лера, – еще бы я стала выпрашивать о твоих делах!

– Почему – выпрашивать? Мне же хочется хоть что-нибудь интересное тебе рассказать, – возразил он, и в голосе его мелькнули непонятные нотки.

– Ну, расскажи, – кивнула Лера. – С бедуинами ездил на верблюде? Или с девочками красивыми развлекался?

– Да ну их! – махнул рукой Саня. – И девочек ихних, и верблюдов! Одна зараза, потому и дешево.

Лера не выдержала и рассмеялась непосредственности этого заявления. Она вообще любовалась Саней. Лицо у него сильно загорело на африканском солнце, волосы выгорели до цвета речного песка, а синие глаза, устремленные на Леру, сияли на смуглом лице просто как василечки

во ржи. Теперь он выглядел еще моложе, чем прежде, – совсем мальчишкой.

– Так расскажи, – повторила она. – Что же ты там делал?

– А друга навещал. Он уже год там отирается, бедняга. Теперь вот решил, пока суд да дело, пару заводиков открыть у братьев наших меньших. Деньги были нужны и вообще – поддержка, вот и пришлось смотаться. Сам-то он сюда приехать не может...

– Почему? – спросила Лера.

Вообще-то ей было не слишком интересно, почему не может приехать в Россию Санин друг, но она видела, что он хочет рассказать, вот и спросила.

– Долги остались, – усмехнулся Саня. – Он тут пирамиду организовал в свое время.

– Мавроди, что ли? – поинтересовалась Лера.

– Почему обязательно Мавроди? Их же, пирамид этих, в Москве больше было, чем в Египте. Ну, и он руку приложил. Голова у него нормально работает, а тогда и думать особенно было не нужно, знай деньги собирай. Одна была проблема, поскорее на баксы обменять. Мы с ним, помню, приехали в один офис – менять. Там как раз народ толпится в коридоре – ждет, когда самолет из Польши сядет с долларами. Все сидят, между ног чемоданы держат – как все равно стеклотару пришли сдавать, – усмехнулся Саня. – Вдруг у всех разом мобильники зазвонили – сел самолет! Наконец тащат баксы по коридору. Ни тебе охраны, ничего: идут три мужика, у каждого на плече по мешку здоровенному – полосатые такие, как челноки барахло возят, знаешь?

– Знаю, – кивнула Лера, едва сдерживая улыбку. – И что, поменяли?

– Поменяли, конечно, зря, что ли, приходили? Я к тому говорю, что все тогда было просто, только руку протянуть.

– Ну, это смотря для кого, – пожала плечами Лера, вспомнив, как сама она жила в те годы. – И кому же остался должен твой приятель – вкладчикам?

– Еще чего! Вкладчики перетопчутся как-нибудь. Другим людям, покруче... И очень он с ними хочет помириться, вот я и мотаюсь туда-сюда.

– А помирится – вернется?

– Наверяд ли. Им же еще и власти интересуются, а с теми уж я не договарюсь. Я ему так и сказал: сидеть тебе, Витек, в этой Африке, пока обратно в обезьяну не произойдешь!

– Или пока его там не арестуют, – заметила Лера.

– Ну, насчет этого он не беспокоится, – махнул рукой Саня. – Кому его там арестовывать? Местным дела нет, а отсюда людей посылать – ты

прикинь! Один билет туда-сюда – две тысячи баксов, да если слать, то не ниже полковника, а с ним обязательно двух генералов – куда без них! Неделю они там будут пить-гулять в пятизвездочном отеле – с понтом ищут, – это в какую ж копеечку влетит государству! И все равно не найдут: он пока что за пальмой отсидится, потом обратно вылезет. С тем они и вернутся, руками только разведут перед начальством.

– Государственный у тебя ум, Санечка! – рассмеялась Лера.

– А ты думала! – Он улыбнулся в ответ. – Ну что, развеселилась?

– Развеселилась, – кивнула она. – Удивительное дело, Саня: что бы ты ни говорил – мне весело!

– А что я такого говорю? – удивился он. – Обычные дела рассказываю.

– Неужели обычные? Все-таки столько людей обманул твой друг...

– Брось ты – обманул, – поморщился Саня. – Да их грех не обмануть, таких! Это ж лохи, они для того и предназначены, чтобы их кидать, иначе их от халавы никогда не отучишь. Ну вот ты – пойдешь ты, например, на вокзале к каталам каким-нибудь, которые тебе миллион обещают за пять минут?

– Не пойду, – покачала головой Лера. – Но...

– И ни один нормальный человек не пойдет. А кто пойдет – за тех ты и не переживай.

– Да я за них не переживаю, Сань, я за тебя переживаю.

– За меня? – Он посмотрел на нее долгим и внимательным взглядом. – За меня... Что тебе до меня!

Весь его веселый пыл вдруг угас, он быстро выпил вина и, не поднимая на Леру глаз, принялся за принесенные официантом ребра ягненка.

Лера тоже не знала, что сказать. Она чувствовала себя то ли растерянной, то ли расстроенной от этой мгновенно промелькнувшей между ними неловкости. Сразу вспомнилось, с каким настроением она ехала сюда сегодня, с каким настроением вообще жила в последнее время...

Наверное, лицо ее совершенно переменялось, потому что Саня грустно произнес, наконец взглянув на нее:

– Скучно тебе со мной...

– Ну что ты, Санечка, – попыталась возразить Лера. – Как мне может быть с тобой скучно?

– Да очень просто. А как еще? Говорить тебе со мной не о чем. Я за свою жизнь полторы книжки прочитал, ничего интересного тебе рассказать не могу.

– При чем здесь книжки... – медленно произнесла Лера. – Не в этом

дело, Сань. А говоришь ты очень свободно, правда! Я бы и не заметила, читаешь ты или нет...

– Просто я переимчивый, – объяснил он. – Быстро соображаю, а с людьми общаюсь не с самыми глупыми, вот и вся причина. Лера, давай потанцуем, а? – вдруг предложил он. – Или ты не поела еще?

– Поела, – ответила Лера, кладя на стол салфетку. – С удовольствием потанцую с тобой!

«Одно, чем такая музыка хороша, – подумала она, выходя с Саней на танцпол, – что танцевать не мешает: не заслушаешься».

Сначала они танцевали что-то быстрое в общем кругу, а потом ритм сменился и Саня положил руку Лере на талию.

– Как с тобой... – сказал он дрогнувшим голосом. – Как по речке плывешь...

И вдруг она почувствовала, что он хочет обнять ее, прижать к себе. У него руки вздрагивали от силы этого желания, и Лера не понимала только, почему он сдерживает себя.

Но ей так не хотелось, чтобы он не сдержался и обнял ее! Совсем не хотелось промелька неловкости, после которого надо было бы что-то говорить, объяснять...

Идя танцевать, Саня снял пиджак. Ладонью, лежащей у него на плече, Лера чувствовала, как напряглись его мускулы под тонкой рубашкой. Она осторожно провела пальцами по его плечу, словно пытаясь успокоить. Но покоя не было в нем...

– Я не буду, Лер... – вдруг сказал он – так тихо, что она едва расслышала его слова сквозь грохот музыки; Санины глаза синели совсем рядом с ее лицом. – Ты не думай плохого...

Она хотела сказать, что не думает о нем ничего плохого, что о нем вообще невозможно думать плохо, – и не стала ничего говорить.

Они молча дотанцевали и вернулись за столик.

– Я сейчас приду, – сказал Саня. – Подожди минутку, ладно?

Лера кивнула и, ожидая его, закурила, обводя зал равнодушным взглядом. Ничего неожиданного она не обнаружила – впрочем, и не искала. Обычная ресторанный публика эпохи первоначального накопления. Ну, может быть, гораздо более непритязательная, чем в каком-нибудь стильном клубе, который любит посещать бомонд.

– Что, девушка, бросил вас кавалер? – вдруг услышала Лера у себя за спиной и обернулась. – Так чего ж вам танец пропускать – может, продолжим вечер вместе?

Перед нею стоял молодой человек в таком малиновом пиджаке с

блестящими пуговицами, что Лера едва не рассмеялась. Носить подобные вещи было до того неприлично, что это наконец дошло даже до самой незамысловатой братвы.

«Да здесь прямо заповедник! – подумала она. – Ох, Саня!»

– Вы приглашаете меня потанцевать? – усмехаясь сквозь клубы дыма, поинтересовалась она. – А не слишком ли высокого вы о себе мнения?

– Почему я? Босс вас приглашает! – не обращая внимания на ее иронию, ответил неожиданный собеседник.

– А что, он у вас глухонемой? Или параличный? Почему вас посылает?

Теперь она уже просто смеялась, едва ли не вслух. Неизвестно, что ответил бы малиновый товарищ, но в этот момент к столику вернулся Саня. Его светлые вихры чуть потемнели от воды.

– Это твой знакомый? – спросил он, смерив взглядом Лериного собеседника.

– Да нет, спички подошел попросить.

– Что-о? – Саня так взглянул на этого типа, что он мгновенно исчез. – У него что, не все дома? Какие еще спички?

– Да ладно, Сань, черт с ним, – махнула рукой Лера. – Знаешь, я немного устала сегодня. Может быть, мы начнем уже собираться?

– Как скажешь, – согласился он. – Десерт попробуешь? Тут дыня с голубикой, приятно же весной, правда?

– Конечно! – согласилась Лера. – Закажи десерт.

Она боялась, что сейчас Саня снова пригласит ее танцевать, и снова она почувствует, как струной напрягается его тело, и снова ей станет неловко. Но Саня молчал, хотя музыка по-прежнему зазывно гремела.

Глава 7

На улицу они вышли в полной темноте, хотя было еще не поздно, часов восемь. Лера держала в руке бутылку шампанского: решила, что все-таки напомнит Розе и Аленке о дне своего рождения и они отпразднуют втроем.

«Шестисотый» «Мерседес» уже покинул стоянку. Санина машина осталась в ряду одна, остальные были припаркованы напротив.

«Беспечный он все-таки, – подумала Лера. – Так уж уверен, что никто не решится дверцу открыть».

Они уже стояли рядом с машиной, Саня достал из кармана ключи, когда за их спиной вдруг вспыхнул яркий свет. Обернувшись, Лера прикрыла глаза рукой, мгновенно ослепнув от мощных фар, направленных на нее. Все-таки ей удалось разглядеть, что сзади, в нескольких шагах от них, остановилась машина и из нее вышел человек.

В ту же секунду Лера почувствовала, как Саня взял ее под руку и быстро открыл дверцу своего джипа.

– Садись, – сказал он. – Сейчас поедем.

Лера села впереди, и он тут же захлопнул дверцу, а сам обошел машину, чтобы сесть на водительское место. Но дверь с его стороны так и не открылась. Обернувшись, Лера увидела в заднее стекло, что Саня разговаривает с кем-то, стоя в слепящем свете так и не выключенных чужих фар.

Она тут же открыла дверь и, почему-то не выпуская из рук бутылку шампанского, прыгнула на землю с высокой подножки.

– Что-нибудь случилось? – громко спросила она.

– Ничего, уже едем, – ответил Саня.

В его голосе не чувствовалось ни капли беспокойства, но Лера все-таки встревожилась.

«Не хватало мне только попасть на их разборку!» – подумала она.

Но тут же ей стало стыдно, что она так трусливо думает о себе, а не о том, что может случиться с Саней.

– ... девушкой интересуется... – услышала она обрывок фразы, произнесенной Саниным собеседником, и тут же поняла, в чем дело.

Может быть, это был тот тип, который приглашал ее на танец для босса, а может быть, и не он. Лера даже не запомнила его, настолько маловыразительна была его внешность. Разве что малиновый пиджак бросался в глаза, но сейчас он был в светлой куртке, которая отчетливо

выделялась в темноте.

Она шагнула в сторону из светового пятна и подошла к Сане, слыша, как постукивают каблучки о мокрый весенний асфальт; всегда в такие минуты запоминаются мелочи.

– Девушка твоя им понравилась? – насмешливо спросила Лера; полузабытые нотки дворовой, хулиганской непреклонности зазвучали в ее голосе. – Езжайте, ребята, куда ехали, вас никто не задерживает.

– А ну заткнись, ты, блядь! – неожиданно гаркнул Санин собеседник.

Одновременно с хамским возгласом он вырвал бутылку из Лериных рук и замахнулся. И в ту же секунду Саня ударил его в лицо коротким и резким ударом, от которого тот пошатнулся, взмахнул руками и грохнулся на асфальт. Шампанское разбилось с громким, как взрыв, звуком.

– Саня, пойдем, прошу тебя! – воскликнула Лера, хватая его за рукав. – Хватит, пойдем!

– Нет уж... – процедил он. – Теперь не хватит, раз по-человечески не понимают. Теперь им мало не покажется...

Лера сразу узнала этот тон – она сто раз слышала его с самого детства во время всех дворовых драк! – и, несмотря на напряженность ситуации, вдруг весело подумала: «Какой же он еще молоденький!»

Саня пнул ногой в живот пытавшегося подняться человека, и, охнув, он тут же снова осел на асфальт. А сам сделал несколько шагов к машине со включенными фарами и широко распахнул заднюю дверцу. Саня что-то сказал, заглядывая в кабину, – что именно, Лера не расслышала, – и тот, кто сидел на заднем сиденье, стал вылезать из машины.

«Конца этому не будет! – подумала она. – Теперь с этим начнет драться!»

Но Саня не стал дожидаться, пока пассажир выберется на улицу. Едва его нога ступила на асфальт, Саня резко захлопнул массивную дверцу. Раздался дикий крик, переходящий в вой. Не оборачиваясь, Саня вернулся к Лере.

– Все, достаточно, – сказала она, беря его под руку. – Что это за вестерн такой ты передо мной разыгрываешь?

– Да я ж не хотел, Лера! – оправдывающимся тоном ответил он. – Я же им сразу сказал, кто я и что к чему. Но это ж отморозки какие-то, слов человеческих не понимают! Ну, пусть ножки лечат. Что я, спускать им такое должен?

Они пошли к машине вдвоем. Лере не терпелось поскорее покинуть это славное местечко. И вдруг Саня словно споткнулся и едва не упал от резкого толчка сзади. Стремительно обернувшись, Лера увидела, что тот,

первый тип поднялся все-таки на ноги и стоит теперь перед Саней в угрожающей позе, размахивая рукой с зажатой в ней бутылочной «розочкой».

«Розочка» – это было уже серьезнее, ею и убить можно, очень просто! И нечего удивляться, если они еще и при оружии окажутся...

Саня, конечно, тоже это знал. Он оттолкнул Леру к себе за спину и крикнул:

– Лера, садись в машину и не выходи!

Как она могла сесть теперь в машину, когда дело принимало такой оборот! Но и мешать ему, путаясь под ногами, тоже было нельзя – и Лера замерла в мгновенной растерянности.

Саня и отморозок стояли друг против друга; огромные тени замерли на глухой стене.

Все вообще происходило мгновенно. Лера глазом не успела моргнуть – сверкнула «розочка», Саня вскрикнул, как выдохнул, и снова ударил противника. На этот раз тот устоял на ногах, только качнулся назад – и сразу же снова угрожающе пошел на Саню, выставив перед собой острое бутылочное горлышко.

И тут Лера почувствовала, как вся она собирается в пружину. Шутки кончились, и на вестерн все это было больше не похоже. Тем более что машина со включенными фарами вдруг взревела, готовая сорваться с места, и из нее донесся злобный крик:

– Колян, отзынь в сторону, я его, суку, щас по стенке размажу!

Лера в секунду поняла, что сейчас произойдет, и одновременно с этим решила, что надо делать. Даже и не решила – какое уж тут решение! – а просто подбежала к машине, открыла «бардачок» и, мгновенно расстегнув кобуру, достала пистолет.

Мимолетно она почувствовала, как ловко и удобно лежит у нее в ладони рукоятка «вальтера». И, не думая больше ни о чем, бросилась туда, где уже сорвался с места чужой автомобиль, отпрыгнул в сторону Колян, и Саня стоял спиной к стене, почему-то не пытаясь даже увернуться от мчащейся на него машины; правая рука у него висела как неживая.

У Леры в глазах потемнело, когда она увидела все это. Она подняла пистолет двумя руками и, пытаясь прицелиться в окно водителя, нажала на спусковой крючок. Она никогда не стреляла из пистолета и боялась, что промажет даже с двух шагов, а времени выстрелить еще раз уже не будет.

Но выстрел не прозвучал.

Лера не могла понять, почему это произошло, почему пистолет молчит в ее руках, да уже и некогда было разбираться. И сделать ничего было

нельзя: машина неслась на Саню, за спиной у него высилась глухая стена, и уйти ему было некуда.

Лера вскрикнула, но даже зажмуриться не могла от невыносимого чувства собственного бессилия! Машина врезалась в стену...

Лера ожидала, что удар будет глухой, мягкий и страшный. Но раздался, наоборот, жуткий грохот и звон. Мотор заглох, разбитые фары погасли. В тусклом свете стояночных фонарей Лера увидела, как, пружинисто подпрыгнув, Саня упал на капот, потом вскочил и, балансируя как акробат, умудрился еще ударить ногой по лобовому стеклу.

Потом он спрыгнул с капота, в одну секунду оказался рядом с Лерой, схватил ее за руку и потащил к своему джипу.

– Все! – крикнул он на бегу. – Сядь за руль, а?

Она не сразу сообразила, почему он не сядет за руль сам, но думать было некогда. Упав на водительское сиденье, с колотящимся сердцем Лера завела мотор.

– О-ох... – выдохнул Саня, когда, во мгновение ока миновав узкую дорогу, они вылетели на шоссе. – Ну они и уебыши! Ой, извини... – тут же смутился он, и Лера рассмеялась.

Саня тоже рассмеялся в ответ. Не меньше километра они хохотали как ненормальные. Потом Саня взял пистолет с Лериных колен.

– Вот не ожидал! – сказал он, глядя на нее восхищенными глазами. – Что ж ты оружие хватаешь без спросу-то, а?

– Да напугалась я, – в тон ему ответила Лера.

– Когда пугаются – кричат и глаза закрывают, а ты из пушки палишь, – улыбнулся Саня. – Да еще из чужой – мало ли какой! Разве можно из чужого оружия стрелять? Кто его знает, что на нем висит!..

– Да ведь я и не выстрелила, – с легким смущением в голосе ответила Лера. – Я же его с предохранителя не сняла, только сейчас догадалась.

– Ну и слава богу, – заключил Саня. – Но больше ты так не рискуй, ладно? Конечно, гада такого пристрелить – только польза, но ведь тебе потом сколько неприятностей!..

– Что значит «больше»? – поинтересовалась Лера. – Ожидается продолжение?

Они снова рассмеялись, но теперь Лера заметила, что Саня слегка побледнел.

– А с рукой у тебя что? – вспомнила она.

– Да ничего страшного, – нехотя ответил он. – «Розочкой» чуть-чуть задел, я даже не почувствовал почти. Но что-то крови много.

– Да он же мог вену какую-нибудь задеть! – испуганно воскликнула

Лера. – Что же ты молчишь, Саня!

– Да, перебинтовать бы... – согласился он.

Они уже подъехали к церкви на Волоколамском шоссе и встали на повороте у светофора.

– Ты же говорил, что живешь где-то поблизости, – вспомнила Лера. – Тогда, наверное, больницу какую-нибудь знаешь или травмопункт?

– Откуда! – улыбнулся Саня. – Думаешь, я только и делаю, что на улице дерусь? Я уже вышел из этого возраста.

Он произнес это таким взрослым тоном, что Лера едва не рассмеялась.

– Тут детская только поблизости есть, – вспомнил Саня. – Большая такая, туда еще однажды принцесса Диана приезжала.

– Поехали в детскую, – решила Лера. – Показывай только, куда.

Конечно, их вполне могли и отправить из детской больницы, но Лера решила про себя, что не уедет ни за что.

К счастью, народу почти не было в предбаннике приемного отделения, только ожидали кого-то две заплаканные женщины. Лера проскользнула за дверь и тут же увидела молодого коренастого врача в зеленой хирургической рубашке.

– Вы больного не посмотрите? – нерешительно поинтересовалась она.

– Ваш ребенок? – спросил врач. – Что случилось, сколько лет?

– Мой, – кивнула она. – Новорожденный, можно сказать. Руку порезал стеклом.

Она ожидала, что врач разозлится, увидев пациента, но тот только усмехнулся.

– Хороший младенец! Крепенький, – заметил он. – Что ж, пошли, парень. А маменька здесь подождет, – подмигнул он Лере.

Ждать пришлось с полчаса. Потом дверь открылась, и показался Саня в накинутом на плечи пиджаке. Рука его была забинтована и висела на перевязи.

– Вы приглядывали бы за ребеночком, – сказал врач, выходя вслед за Саней в предбанник. – Скажите спасибо, что у нас сегодня ночь спокойная, нашлось время руку ему зашивать. Подрался, что ли?

– Подрался, – подтвердила Лера. – Такой непоседа, сладу с ним нет. Спасибо вам, доктор!

Она хотела предложить врачу деньги и потянулась к своей сумочке, но Саня незаметно придержал ее руку.

– Я заплатил уже, не волнуйся, – сказал он, когда они вышли на улицу. – Хороший мужик. Еще и новокаин вколол, а мог бы ведь и не беспокоиться

– заштопать по живому...

– Ну, куда тебя везти? – спросила Лера, когда они выехали за ворота детской больницы. – Домчу с ветерком!

– Домой забросишь? – смущенно спросил Саня. – Пригласил я тебя, называется, в кабак!

Саня жил в похожем на шоколадку доме-«свечке» совсем рядом с Тушинской детской больницей. Лера с трудом пристроила его джип на единственный свободный пятачок рядом с мусорным контейнером.

– Как ты место во дворе находишь для этого танка? – сказала она, выходя из машины.

– Да все же на таких ездят. Ты, может быть... поднимешься ко мне на полчаса, а, Лер? – спросил Саня, глядя на нее ожидающим, чуть исподлобья, взглядом.

– Нет, Саня, – покачала она головой. – Поздно уже, мне пора.

Лере совершенно не хотелось подниматься к нему, снова пробуждать неловкость. Ей была так приятна легкость, которую она чувствовала с ним!

– Я тебя просто так прошу, – вдруг сказал Саня. – Правда, просто так! Жалко сразу расставаться... Посидим совсем немножко еще, выпьем по рюмке за благополучный исход, и я тебя на такси посажу, а?

Невозможно было отказать, когда он так просил и так смотрел исподлобья синими своими глазами, – и Лера кивнула, соглашаясь.

– Черт, и цепочку еще порвали, – сказал Саня уже в лифте. – Чуть ладанку не потерял.

– Какую ладанку? – заинтересовалась Лера.

– Да вот эту. Мода пошла в прошлом году, почти все носят.

Он снял с оборванной цепочки и показал Лере небольшую золотую коробочку с эмалевой иконой Нечаянная Радости на крышке. Икона была обрамлена бриллиантами.

– И что же все носят в ладанках? – улыбаясь, спросила Лера.

– Ну... Кто что. Кому что дорого!

Лифт остановился на десятом этаже, Саня отпер дверь.

Уже в прихожей Лера поняла, что квартиру он снимает и что живет здесь один: неуютом веяло от этого жилья. Да и мебели почти не было, а та, что была, – была дорогая и новая: огромный кожаный диван и кресло, телевизор «домашний кинотеатр», журнальный столик с наборной мраморной столешницей. На окнах висели голубые жалюзи, но без штор окна казались какими-то беспомощными – как изумленные глаза.

– Просторно как, – сказала Лера, оглядываясь. – Две комнаты здесь?

– Ага, – кивнул Саня. – А я люблю, чтоб просторно. Я в хрущобе вырос, с тех пор тесноту ненавижу. И чтоб потолки высокие.

– Что же тогда в центре не снимаешь?

– Да так... Не хочется особенно светиться, – нехотя объяснил он. – Чем тебя угостить? Может, шампанского выпьем? У меня французское есть.

– Давай шампанского, – согласилась Лера.

Саня принес из кухни стаканы и бутылку шампанского.

– Угостить вообще-то нечем, – оправдывающимся тоном произнес он. – Конфеты вот, «Рафаэлло», да анчоусы, больше ничего.

– Да мы же поужинали, – успокоила его Лера. – Я совсем не голодная.

– Ты в кресло садись, – предложил Саня. – Оно такое удобное, полный кайф! Я в него сажусь, ноги на столик закидываю, видак включаю и сижу, как американец.

Лера рассмеялась и села в кожаное кресло. Для себя Саня притащил какую-то странную штуку, похожую на большой надувной мяч, и уселся на этот непонятный предмет, бросив его рядом со столиком. Предмет тут же принял форму небольшого кресла, «повторив» Санину позу.

– Хорошая штука, – заметил Саня. – Это тоже кресло такое. Я его в «Магазине на диване» по телевизору заказал.

Снова он говорил то, что мог бы говорить любой его ровесник, воспитанный на телерекламе, американских блокбастерах и попсовых дискотеках. И снова, непостижимым образом, налет пошлости напрочь исчезал со всего, что было связано с ним...

Он смотрел на Леру чуть снизу, сидя почти на полу в своем рекламном кресле. Потом отвел глаза и принялся открывать шампанское.

Лера достала из сумочки пачку «Данхилла», щелкнула крышечкой серебряной пепельницы.

– Ух ты! – восхитился Саня. – Какая пепельница интересная! – И, взглянув на Леру, спросил: – Это тебе, наверно, муж подарил?

– Да, – кивнула она. – А как ты догадался?

– Видно...

– Давай теперь за тебя выпьем, – подняла бокал Лера. – За то, что все хорошо кончилось. Я так испугалась, Сань! Думала, он тебя машиной раздавит.

– Да ты что! – успокоил Саня. – Я ж тренированный, так я и дал себя машиной раздавить. Отец всегда говорил, пока жив был: Сашка, у тебя гвоздь в заднице, занимайся спортом, а то в тюрьму сядешь! Ну, я и занимался... Не помогло, правда.

– Когда же ты успел еще и в тюрьме посидеть? – удивилась Лера.

Неожиданно Саня рассмеялся.

– А ты вообще-то хоть чем-нибудь возмущаешься? – спросил он. – Я тебе признаюсь в уголовном прошлом, а ты только и интересуешься, когда это я успел.

– А ты думал, я в обморок упаду, шампанским плесну тебе в лицо? – улыбнулась Лера. – Я, Санечка, приемчивая. Да и не верится, чтобы ты за что-то особенное в тюрьме сидел.

– Это верно, – кивнул Саня. – За драку просто, по двести шестой. И не в тюрьме, а в колонии. Мне же шестнадцать всего было, кто не дрался? Тем более у нас в Медведках – тот еще райончик! Вышли вечером с Витькой – с тем, что в Африке сейчас, – да с Игорем Зелинским – ты его знаешь, банкир теперь, – встретили компанию с чужого двора... Слово за слово – и пошло. А в драке же всякое бывает, правда?

– Правда, – кивнула Лера.

– Но все живы остались, ты не думай, – поспешил добавить Саня. – Хотя, конечно, с травмами разной тяжести. Ну, и киоск еще попортили... Так и сели с Витькой, он еще на год больше получил, чем я. Игорьку-то родители адвоката наняли приличного.

– Обидно было? – спросила Лера.

– За что? – удивился Саня.

– Что Игорек сухим вышел?

– Да ты что! Что мне, легче было бы, если б и его?.. Наоборот, хорошо. Он же какой парень способный, чего бы ему время терять в колонии? Да и постарше он, мог бы больше получить. Зачем? Там у нас знаешь какая школа была? Я в отличниках ходил.

– И долго сидел? – спросила Лера.

– Да нет, через два года вышел. А за эти годы, ты же помнишь, все перевернулось. Выхожу – другая страна, другая Москва. А мне восемнадцать лет. Нам там за работу деньги какие-то начисляли на книжку, сто тридцать девять рублей пятьдесят копеек набежало мне за два года, – усмехнулся Саня. – Выхожу, Игорь встречается. Сели в тачку, поехали. Остановились у обочины, шашлыка поесть. Сто сорок рублей порция – полтинника как раз не хватило, Игорек добавил... Поели, едем дальше. Игорек спрашивает: понял? Я отвечаю: как не понять...

Лера молчала. А что можно было сказать, выслушав эту простую историю?

– Тебе не душно? – спросил Саня. – Что-то жарко мне... Может, на балкон выйдем?

– Это у тебя температура поднялась, Саня! – встревожилась Лера. –

Рука ведь... Антибиотик какой-нибудь есть у тебя? Или хотя бы аспирин?

– Да ерунда, просто жарко, – покачал он головой. – Пойдем на балкон.

Конечно, у него поднялась температура: лицо горело, и глаза блестели лихорадочным блеском, и говорил он быстро, словно боясь не успеть...

Москва сияла огнями, вширь раскинувшись до горизонта. С Саниного балкона была видна и Останкинская башня – как светлая игла, и шпиль университета в лучах прожекторов, и совсем рядом огни Кольцевой.

Привыкнув к любимому своему центру, к уютной и тесной толпе старых домов, Лера, оказывается, впервые смотрела на вечерний город вот так, с высоты тушинской новостройки. И ей понравился этот свободный размах! Даже бестолковые заводские трубы не мешали, даже множество серых строений под самым балконом...

Стоя у балконных перил, она обернулась к Сане. Тот остановился на пороге и смотрел на нее таким взглядом, от которого сердце у Леры дрогнуло.

– Что же ты потом делал, Саня? – спросила она, отводя глаза.

– Потом? – Он тоже вышел на пустой балкон, остановился у перил рядом с Лерой, закурил. – Да что – что видишь... Спасибо Игорьку, он меня придерживал, как мог. Не торопись, говорил, оглядись сначала, а то обратно угодишь. Я его, конечно, слушал, но ты сама подумай: чем бы я, такой как есть, мог в наше время заняться? На завод пойти работать? Наши же все, медведковские, – кто сидит, кто спился. А самые счастливые из армии пришли, женились, детей нарожали и на заводе пашут с утра до вечера или за шмотками челночат. Не могу я так, Лер, скука же это!

– «Шли мы раньше в запорожцы, а теперь – в бандиты...» – медленно произнесла Лера.

– В какие еще «Запорожцы»? – удивился Саня.

– Да ни в какие – это стихи такие, – сказала она.

– Стихи... – Лицо у него стало грустным. – Эх, Лера! Ладно, чего уж... Мне вон мать до сих пор твердит: Сашенька, у тебя золотые руки, выучись на автослесаря, они теперь очень хорошо получают.

– Ты один у нее? – спросила Лера.

– Сестра еще, пятнадцать лет. Ведь не поверишь, так и живут в родной хрущобе! Сколько я ее просил: давай продадим эту конуру, я вам нормальную куплю квартиру. Нет, я здесь привыкла, с соседями дружба у меня! Я, конечно, купил все-таки на всякий случай: Танька вырастет... А мама до сих пор на ГПЗ своем работает, на заводе – можно такое представить?

– Ну почему же нельзя? – Лера попыталась остановить его

беспокойную, торопливую речь. – Может быть, ей нравится?

– Да в том-то и дело же, что нравится! – воскликнул Саня, ничуть не успокоившись. – Вот я чего не пойму: как это может нравиться? Это, говорит, близко к дому, и я привыкла... Я ей: мама, я тебе куплю машину, найму шофера, найди себе работу далеко от дома, только нормальную, он тебя каждый день хоть через весь город будет возить! Даже слушать не хочет. А у самой варикоз от стояния за станком этим бл... дурацким.

– Санечка, у тебя температура совсем высокая, – сказала Лера, прикасаясь ладонью к его лбу. – Пойдем в комнату, ты ляжешь.

Саня послушно пошел за нею, бросив окурок с балкона.

– Куда – лягу, я тебя сейчас провожу, – сказал он уже в комнате. – Или... Оставалась бы, Лер, а?..

Этого сказать было нельзя – что прозвучало в его голосе, когда он сказал: «Оставалась бы...»

Ни сказать было нельзя, ни остаться.

Они вышли из подъезда, встали у обочины. «Жигули» остановились почти сразу. Саня заплатил шоферу, открыл перед Лерой дверцу. Она видела, что он хочет сейчас только одного: поцеловать ее. И не целует... Она тоже хотела поцеловать его, прощаясь, но почувствовала, как печален будет для него ее пустой поцелуй – все равно что покойника в лоб. И тоже не поцеловала.

– Можно, я с тобой проеду? – спросил наконец Саня. – Я потом этой же тачкой вернусь!

– Не надо, – покачала головой Лера. – Ты лучше ложись сразу и постарайся уснуть, а завтра врача вызови, ладно?

– Ладно, – кивнул он. – Лер, а я ведь тебе подарок так и не подарил. У меня его ведь и не было, подарка, когда я тебе позвонил... Я ж не надеялся, что сегодня тебя увижу, а наспех не хотелось покупать. Цветы даже не купил – торопился, а все веники какие-то по дороге попадались, даром что дорогие. Я тебе потом подарю что-нибудь красивое, а? Не такое, как та цепь дурацкая.

– Ну конечно, – улыбнулась Лера. – Не в последний раз видимся. А я тебе позвоню завтра, узнаю, как ты себя чувствуешь. Спасибо тебе, Санечка, вечер был такой хороший!

– Да уж, – хмыкнул он. – Может, тебе «вальтер» подарить, раз понравилось?

Лера засмеялась и села в машину. Саня стоял у обочины, пока «Жигули» не скрылись за поворотом дороги.

Весь этот бурный, невыносимый вечер длился, оказывается, всего до половины двенадцатого. Когда Лера вернулась домой, Роза еще не легла.

– Что ж ты не сказала, что день рождения у тебя? – обиженно спросила она, выходя ей навстречу из детской. – Дмитрий Сергеич звонил, поздравить хотел, а я стою как дура.

– Что он говорил? – спросила Лера, только сейчас вспомнив, что, торопясь к Сане, забыла свой сотовый в кабинете.

– Да ничего мне не сказал. Говорю же, тебя хотел поздравить. Спросил, где ты, а я и того не знаю. Пойдем хоть чаю попьем, я скороспелку-пирог испекла, пока ты бродила невеста где.

Звонил... Он звонил, а ее не было, и она не услышала его голос в этот вечер...

Лере вдруг показалось, что она никогда больше не услышит Митин голос – и, представив это, она заплакала так горько, как будто кончена была ее жизнь.

Глава 8

Но жизнь ее продолжалась, и надо было как-то начинать и как-то заканчивать каждый день.

Теперь Лера постоянно ловила себя на одной мысли: хорошо, если бы дни состояли из одних серединок. И ни утра не было бы в каждом из них, ни вечера.

Это мучительное чувство впервые появилось у нее в тот вечер, когда Митя вернулся с гастролей вскоре после дня ее рождения. Он не предупредил о своем возвращении, и Лера уже собиралась спать, когда услышала, как ключ поворачивается в замке.

Она сразу поняла, что это он – по тому, как быстро забилося сердце.

– Митя! – сказала она, выйдя в прихожую. – Почему же ты не позвонил? Я бы встретила, хотя бы машину прислала...

– Ничего, – сказал он. – Машин полно в Шереметьеве.

Он говорил это, стоя спиной к Лере: как раз вешал плащ в стенной шкаф. Но в его интонациях она сразу уловила что-то новое и пугающее... Он говорил спокойно.

– Как конкурс? – спросила Лера, и это прозвучало совсем уж нелепо: весь театр знал и о конкурсе, и о его Гран-при. – Поздравляю тебя, – добавила она, чтобы сгладить свой глупый вопрос.

– Спасибо.

Лера хотела его поцеловать, но не могла этого сделать. Митя не поцеловал ее, войдя, он до сих пор даже глаз на нее не поднял – и она не могла подойти к нему. Ей вдруг показалось, что он остановит ее каким-нибудь холодным, сдержанным жестом или вообще отвернется.

– Как дела у вас? – спросил Митя, проходя в комнату.

– У нас – это у кого? – спросила Лера, глядя ему в спину.

– У тебя, у Ленки, у Розы, – пожал он плечами. – В Ливнево.

Наконец они остановились лицом друг к другу в гостиной, под эскизом Коровина; отвернуться было уже невозможно. Митя поднял глаза на Леру, и тут же оба замолчали. Они не могли отвести друг от друга глаз и не могли произнести ни слова.

Свет тонул в уголках Митиных глаз, не освещая их темной глубины. Лера не могла понять, о чем он думает.

– Ты... устал? – спросила она, задыхаясь от подступающих слез.

Он молчал, глядя на нее этим непроницаемым и неотвдимым взглядом,

потом кивнул.

– Да. И ты, наверное, тоже. Извини, я не хотел тебя будить.

– Я не спала.

Это Лера снова произнесла уже ему в спину: Митя вышел из комнаты. Вода зашумела в ванной.

Она села на краешек дивана, ожидая, когда прекратится ровный шум воды, когда он снова войдет в комнату и скажет... Еще хоть что-нибудь скажет!

Шум прекратился. Лера услышала, как Митя прошел по коридору в кабинет.

Она не понимала, что с нею происходит. Такое чувство – не боль, но какое-то страшно отчетливое физическое ощущение – было у нее только раз в жизни: когда лет в пять она схватилась двумя руками за провода от чего-то электрического и долго не могла их отпустить, сжатая судорогой тока.

Лера не помнила, сколько просидела на краешке дивана в гостиной. Пока она шла по коридору, ей казалось, что она так и продолжает держаться за оголенные провода.

Она приоткрыла дверь кабинета, не зная, что увидит за дверью. Привычные предметы – стол, пюпитр, книжные полки – вдруг показались ей незнакомыми и пугающими.

Митя расстилал постель на нераздвинутом диване и замер, не оборачиваясь, когда она вошла, хотя дверь открылась бесшумно.

– Ты ложишься? – спросила Лера, остановившись на пороге.

Она уже не думала о том, что этот вопрос звучит еще более глупо, чем вопрос о конкурсе. Невозможно было отпустить провода...

Митя обернулся медленно, словно преодолевал невыносимое сопротивление.

– Лера... – сказал он; она почти не слышала его голоса из-за непроходящей судороги и не могла разобрать интонаций. – Я не жду, чтобы ты решила, и тебя об этом не прошу. Но ты же видишь... Ты делай как знаешь, а я не могу по-другому.

Лера не понимала, о чем он говорит, но знала, что эти слова должны были прозвучать рано или поздно. Еще с того дня знала, когда Митя шел рядом с Тamarой по аллее в серебряном зимнем парке.

Постель белела на нераздвинутом диване, и было что-то мучительное, больничное в ее белизне.

Лера прикрыла за собой дверь и вернулась в спальню.

«Может быть, уйти сейчас? – лихорадочно вертелось в ее голове. –

Зачем ждать до завтра, что теперь может измениться?»

Наверное, она и ушла бы немедленно – перешла бы через двор прямо в махровом халате, в котором вышла из ванной за пять минут до Митиного приезда. Не могла она раздумывать в эти минуты, взвешивать «за» и «против».

Но что-то случилось с нею – сразу же, как только она закрыла дверь кабинета. Словно кто-то отключил невидимый рубильник, и ток наконец иссяк.

В звенящей, пронзительной тишине – в тишине своей оставленности – Лера почувствовала, как судорога сменяется в ней усталостью.

«Вот и все... – подумала она медленно и до странности равнодушно. – Вот и все, иначе и быть не могло».

На следующий день она могла подумать об этом спокойнее. Лера сама удивлялась своему спокойствию – впрочем, не спокойствию даже, а той непонятной усталости, которую впервые почувствовала вчерашним вечером.

Она ехала в Шереметьево по шоссе, знакомому до последнего рекламного плаката, до последнего дерева на обочине, и привычность изъезженной дороги не мешала ей думать в такт мельканию встречных машин.

«Иначе быть не могло, – думала Лера, машинально нажимая то на тормоз, то на газ и переключая передачи. – Я – обыкновенная женщина, самая обыкновенная. Права была Ирка. У меня не получилось, я не смогла... Мне дается только то, что можно объяснить словами. А Митю словами не объяснишь... Была детская дружба, вдруг вспыхнула любовь, и я думала, этого достаточно, чтобы быть с ним. А этого мало – этой иллюзии. Он же сам говорил, что не хочет питать во мне иллюзий...»

Лера ехала встречать греческого сардинного короля – того самого, о котором говорил ей Алексиадис. От этого человека зависела судьба Ливневской Оперы в ближайшем будущем, и Лере надо было полностью сосредоточиться на разговоре с ним, несмотря на то что мысли ее были далеки от предстоящей встречи.

Конечно, она могла приехать с шофером, а не сидеть сама за рулем. Но Лере так не хотелось слушать сейчас веселый Пашин голос, отвечать на его неизбежные вопросы – а отвечать пришлось бы, не обижать же разговорчивого парня, – что она пренебрегла условностями.

И думала сейчас даже не о том, как встретит господина Паратино, как улыбнется ему и что скажет. А только о том, что надо будет представить его

Мите – войти в кабинет со стеклянной стеной-фонарем, встретить его взгляд... Или – не встретить.

– Госпожа Вологодина, – сказал Юра Паратино, едва успев поздороваться, – возможно, вы читали произведения писателя Куприна?

По тому, как заблестели при этом его живые черные глаза, похоже было, что только этот вопрос всю дорогу волновал сардинного короля с уменьшительным русским именем.

– Возможно, – кивнула Лера. – Возможно, я читала у писателя Куприна именно то, что вас интересует, господин Паратино. «Листригоны», не так ли?

Они говорили по-английски, но в интонациях Паратино Лера вдруг почувствовала яркие крымские отзвуки.

– Так! – воскликнул он. – О, Александр говорил мне, что вы сразу догадаетесь! Как вы думаете, госпожа Вологодина, мне удастся попасть в Балаклаву или из-за дурацких военных тайн родина моих предков теперь закрыта для меня навсегда?

Встретиться она прежде с этим потомком балаклавских листригонов, Лера рассмеялась бы от радости. Даже сейчас она улыбнулась, глядя в его любопытные глаза.

«Что ж, это для нас хорошо, – подумала она, идя рядом с Юрой к машине. – Пусть поддерживает культуру на исторической родине. А для меня? Для меня что теперь хорошо?»

Для нее теперь – ничего, это Лера окончательно поняла очень скоро. То есть для нее просто стерлась граница между плохим и хорошим. Все затянула какая-то серая мгла – то ли безразличия, то ли усталости; она не понимала и не стремилась понять.

«Теперь легче будет уйти, – думала Лера, все глубже погружаясь в это спасительное равнодушие. – Просто двор перейти, и все. Так просто...»

Митя собирался закончить репетиции «Леди Макбет» к концу июня, чтобы открыть новый театральный сезон премьерой. Летом чередой шли музыкальные фестивали, на которые должен был ехать то весь театр, то оркестр, то он один – в Петербурге, в Саволине, в Зальцбурге, в Эдинбурге...

«Все лето его не будет, – думала Лера все с тем же вялым безразличием. – И я привыкну, что его больше не будет со мной».

Она сама не понимала, что это с нею. Отчего эта вялость, когда рушится жизнь, когда пропасть разверзается впереди?

Даже на Тамару она теперь смотрела без всякого чувства. Просто

думала: вот, теперь ничто не должно их сдерживать – и все. И кивала Тамаре, встречая ее в театре.

Лере казалось, что ревность должна заканчиваться бешеной, бурной вспышкой – слез, отчаяния, даже злости. А не этой вязкой пустотой, которая ее охватила...

Но сквозь этот серый туман она понимала: безразличие – это единственное, что помогает выдержать происходящее.

Работала она по-прежнему. После переговоров с Паратино дел стало гораздо больше, и этому можно было только радоваться. Очарованный русской музыкой и русским парком, веселый листригон твердо пообещал солидные инвестиции – впрочем, ни на минуту не забывая о том, что финансирование русского музыкального проекта освобождает его от части налогов на родине, и считая каждый доллар, чтобы не наблаготворить лишнего.

А Лере, наоборот, приходилось беспрестанно советоваться с юристами-международниками, со специалистами по западному налогообложению, чтобы выудить у прелестного Юры каждый лишний доллар.

При этом ей казалось, что она работает в безвоздушном пространстве, в котором невозможно дышать. Да и не хочется дышать, и становится легко до звона в голове.

Митя сказал: «Я не требую, чтобы ты решила», – и действительно ничего не требовал от Леры, ни на работе, ни дома.

На работе отвечал на ее вопросы, находил время для всего, о чем она просила, – встречался, ездил, звонил, когда было необходимо его вмешательство. Но сам не спрашивал ни о чем.

А дома они почти не виделись: вечером Митя приезжал поздно, а утром Лера уходила, когда он занимался. И она не видела его, даже голоса его не слышала – только голос скрипки за дверью кабинета.

Она проходила по коридору, открывала входную дверь, зачем-то стояла несколько секунд на пороге. Мелодия звучала ей вслед прощально и неизбежно. Лера только не могла понять, какая просьба, какая мольба ясно слышится в этих звуках...

Иногда она старалась собраться с силами, чтобы уйти, перейти наконец через двор и прекратить эту бессмысленную пародию на совместную жизнь. А иногда думала: не все ли равно? Все ведь и так уже кончено.

Наверное, она все-таки решилась бы уйти, если бы не Аленка.

Лера не помнила своего отца, но совсем не замечала этого ни в детстве, ни когда стала взрослой. Даже когда ушел Костя, она мало думала о том,

что теперь без отца будет расти ее дочь. Сама ведь выросла, и ничего, не чувствует себя обделенной! И Зоська росла без отца, и многие ее подружки.

Да и вообще, это стало теперь так обычно, так нормально... И сколько женщин – особенно таких, как она, материально независимых и самостоятельных женщин – даже рады избавиться от лишней обузы – от мужа, с его претензиями, капризами, проблемами!

Раньше Лере казалось, что и Аленке все равно, есть у нее отец или нет. Ребенок был окружен любовью бабушки и мамы – по-разному проявляющейся, но, как считала тогда Лера, достаточно сильной, чтобы ее хватало девочке сполна. Да и маленькая она, что она может понимать?

И только потом, когда Митя стал ее мужем и особенно когда они стали жить вместе после смерти Надежды Сергеевны, – Лера почувствовала, как с его появлением переменялась не только ее, но и Аленкина жизнь.

Это произошло так незаметно, словно само собою; даже объяснить было невозможно, что же произошло. Митя не делал ничего особенного – почти то же самое делали Лера и Роза. Гулял с девочкой, болтал о какой-то ерунде, играл ей на скрипке «про царя Салтана», брал с собой на репетиции...

Но вскоре Лере стало казаться, что так было всегда, что иначе и быть не может и, главное, что всего этого не могло быть без Мити.

Его присутствие чувствовалось во всем, даже когда его подолгу не было дома. Оно было в его звонках из Лондона или Вены, в его неожиданных приездах – когда радость вспыхивала в доме мгновенно, как пожар, одновременно с поворотом ключа в замке. В песенках, которые он придумывал и тут же пел, когда Аленка болела ангиной...

Даже Лера, с ее немзыкальностью, помнила мелодии этих песенок – «полусмешных, полупечальных, простонародных, идеальных», как, смеясь, называл их Митя.

Она видела, что Аленка уже не представляет себе другой жизни – жизни без Мити. И что было делать теперь? У Леры язык не поворачивался объяснить дочери то, что произошло между ними.

Да она и не смогла бы внятно объяснить ребенку, как же вдруг покатился под гору этот неостановимый снежный ком, начавшийся с маленького комочка ревности.

Тем более теперь невозможно было сделать решительный шаг. Теперь Аленку привязывали к Мите не только детские забавы. Музыка, которая так неожиданно возникла в ее жизни, заполнила собою все, оттеснив кукол, рисование и даже шумные игры, без которых еще недавно Лера представить не могла свою дочку.

Она не переставала удивляться, видя, каким сосредоточенным делается Аленкино прозрачное личико, когда та садится за пианино. Лере казалось даже, что девочка становится похожа на Елену Васильевну!

Этого уж точно быть не могло, и внешнего сходства не было никакого. Но Лера не могла избавиться от впечатления, что у дочки взгляд становится именно таким – полным необычного, какого-то рассеянного внимания, которое она помнила у Елены Васильевны и которое так любила в ее сыне...

И что теперь? Все это оборвать, лишить Аленку всего, что связывало ее с Митей, – его любви, разговоров, музыки? Лере страшно становилось, когда она думала об этом, как будто ей предстояло совершить преступление.

Но думала она об этом постоянно – в своем вечернем одиночестве, или ловя днем сочувственно-осуждающий Розин взгляд, или прислушиваясь утром к Митиным шагам в кабинете...

– Мама! – сказала однажды Аленка, и Лера сразу уловила в ее голосе какую-то незнакомую, совсем не детскую решимость. – Мама, ты хочешь уйти от Мити?

Они сидели вечером у телевизора. Лера ждала, когда Аленка досмотрит «Спокойной ночи, малыши!» и можно будет отправить ее спать; девочка теперь ложилась рано.

Лера вздрогнула, услышав этот вопрос и эти новые интонации в голосе дочки. Так не вязались они с детской передачей, с веселыми голосами Хрюши и Фили на экране! А ей-то казалось, что Аленка увлеченно смотрит мультфильм...

– Почему ты так думаешь? – спросила она вместо ответа.

– Нет, скажи, ты хочешь уйти? – настаивала Аленка.

Лера поняла, что невозможно уклониться от ответа, когда на нее смотрят эти ясные, широко открытые глаза. Она отвела взгляд.

– Я не знаю, Аленочка, – тихо произнесла Лера. – Я сейчас ничего не хочу. Но мне кажется, Митя этого хочет.

– Он не хочет, – покачала головой Аленка.

– Откуда ты знаешь? – Лера подняла глаза, почувствовав, как сквозь вялое безразличие пробивается в ее душе удивление. – Он тебе говорил об этом?

– Не-ет... – протянула Аленка. – Он не говорил... Но я и так вижу: он не хочет, чтобы мы с тобой от него ушли.

– Чтобы ты ушла – конечно, не хочет... – начала было Лера, но тут же спохватилась: что она обсуждает с шестилетним ребенком! – У взрослых

все иногда бывает так сложно, Аленочка...

– А я не хочу! – В голосе Аленки послышались слезы. – Я сама взрослая, но не хочу, чтобы сложно! Я его люблю! А раз ты не знаешь, хочет он или нет, так почему ты его не спросишь?

Лера растерялась. Как было ответить на этот прямой вопрос?

Она и сама не понимала, почему не поговорит с Митей. Но она не могла себе представить этот разговор! Вот она спрашивает: «Митя, ты навсегда разлюбил меня?» А он отвечает... Что он отвечает?.. Что вообще можно на это ответить?

Какая глупость! Лера потрянула головой, представив себе этот бессмысленный, никому не нужный диалог.

– Я не уйду от Мити, – решительно сказала она, глядя прямо в глаза своей дочери. – Тебе плохо будет без него, правда? Я не хочу, чтобы тебе было плохо. И потом, мы ведь вместе работаем, и много людей работает с нами. Нельзя все бросать только потому, что настроение поменялось, ведь так?

– Так, – серьезно кивнула Аленка. – А ты не передумаешь? – тут же осведомилась она.

– Нет, – невесело улыбнулась Лера. – Я – не передумаю... Смотри, песенка кончилась. Пора тебе спать, хоть ты и взрослая. Завтра Анна Андреевна придет в девять, надо выспаться хорошенько, а то играть будешь плохо.

Если бы дело было только в том, чтобы не собрать свои вещи, не перейти через двор!

Дни шли за днями, сплетались в недели и месяцы, и Лера все яснее понимала, что, может быть, только Аленке и достаточно этого существования под общей крышей, этой видимости прежней жизни.

«Но хотя бы ей...» – думала она.

Сама же Лера все глубже погружалась в свою странную, бесцветную и беззвучную усталость, и для нее все яснее становилось, что она никогда не выплывет на поверхность.

Глава 9

Что было бы лучше для Мити, Лера не знала.

После тех непонятных, но безысходных слов, которые она с трудом расслышала сквозь судорожное напряжение того весеннего вечера, когда он вернулся из Рима, – Митя не сказал ничего, что могло бы хоть как-то прояснить их отношения.

Он не только не говорил ничего, но по его лицу, по его взгляду невозможно было понять, что с ним происходит. Лере и прежде казалось иногда, что прозрачный купол отделяет ее от Мити, что его загадка для нее неодолима.

Теперь она чувствовала, что между ними встала стена.

Она смотрела на него – в те редкие минуты, когда он не замечал ее взгляда, – и думала: неужели совсем недавно он дразнил ее, и смеялся над нею – так, что ей самой становилось смешно, и называл подружкой, и просил посидеть с ним вечерами... И, целуя утром, когда Лера только просыпалась, а он уже приходил в спальню из кабинета, – напевал ей на ухо: «И подушка ее горяча...»

Дальше Лера запрещала себе вспоминать, и оцепенение помогало ей приглушить воспоминания. Но вместе с ними приглушалась вся ее жизнь, потому что Митя ведь и был всей ее жизнью.

Вообще-то их было мало – этих минут, когда она смотрела на него, а он не замечал ее взгляда. Прежде Лера часто смотрела так, когда Митя спал. Ее пугало и манило то, что она чувствовала при этом, – то непонятное, огромное, что происходило в его душе и чувствовалось даже в спящем лице...

Но теперь она могла бы так, незаметно, смотреть на него, только когда Митя дирижировал и руки его взлетали вверх – неостановимо, мощно, но каждый раз словно преодолевая смертную тяжесть.

Наверное, оркестр чувствовал, какую мучительную силу вкладывает он в каждый жест. Иначе почему так пронзительно звучали скрипки, и виолончели, и трубы – как будто музыка вот-вот должна была обернуться ясным словом, которое невозможно будет не понять?..

Но Лера давно уже не сидела в зале во время репетиций и не приходила на концерты и спектакли. Она просто не могла себя заставить – пряталась в свое вязкое безразличие, как в кокон.

И все-таки они были, эти редкие минуты, хотя их по пальцам можно

было пересчитать. Они возникали случайно, даже помимо Лериной воли, и каждый раз она чувствовала, как тонкая, тоньше струны, ниточка натягивается в ее душе. Вот-вот лопнет и отпустит на волю что-то неудержимое, может быть, даже страшное – но живое.

Лера каждый раз ждала этого, глядя на Митю, но каждый раз ниточка ослабевала, и ей снова все становилось безразлично.

Обычно она теперь уходила из театра довольно рано – именно потому, что старалась не оставаться на спектакли и концерты, если в ее присутствии не было какой-нибудь хозяйственной необходимости. А у Мити всегда находились дела допоздна. И получалось, что они возвращались домой порознь.

«Так даже лучше, – думала Лера. – По крайней мере, я не знаю, что он делает вечерами. Репетирует с Тамарой или еще что-нибудь... Я не хочу об этом знать!»

И на этот раз, июньским вечером, Лера вышла из особняка и пошла к гаражам по единственной в парке асфальтовой дороге, вспоминая, что ей надо сделать завтра утром. Она старалась вспомнить побольше дел, чтобы утро прошло как-нибудь незаметно. А там уже и день, и все пойдет само собою.

Какая-то машина выехала из гаража ей навстречу. Лера подняла глаза – и вздрогнула, узнав Митин темно-синий «Сааб». Никогда он не уезжал так рано, она совсем не ожидала, что встретит его сейчас.

«Сааб» начал притормаживать в нескольких метрах от нее. Лере показалось, что Митя не знает, остановиться ему или проехать мимо.

Машина остановилась. Открылась дверца, Митя вышел из кабины в двух шагах от Леры.

Он стоял совсем рядом, но лучи закатного солнца били Лере в глаза, и она почти не видела его лица. Только силуэт, неподвижный и трепетный одновременно. Ниточка натянулась, зазвенела у нее внутри!..

Митя молчал и не двигался, глядя на нее.

– Ты рано уезжаешь сегодня, – сказала Лера, чтобы нарушить молчание.

– Я больше не могу, – не сразу ответил он.

– Устал? – спросила она.

Митя не отвечал, и Лера добавила:

– Ты долго сегодня репетировал, я слышала. Что-нибудь не получалось?

Она хотела спросить: «Что-нибудь не получалось у Тамары?» – но не стала спрашивать... Зачем?

– Не устал. Лера, я...

Лера услышала звон натянутой нити, ей даже показалось, что Митя сделал какое-то едва уловимое движение ей навстречу. Она попыталась вслушаться в его голос, даже в эти короткие фразы – но не могла...

И ниточка снова ослабела.

Лера словно со стороны себя видела – пустым, равнодушным взглядом. Впервые в жизни она не знала, что сказать и что сделать.

«Как в летаргическом сне, – проплыло в ее сознании. – Все слышу, все понимаю, а неживая».

Они еще несколько мгновений постояли в молчании. Потом Митя сел за руль; хлопнула дверца; Лера пошла вперед. Ей почти не пришлось заставлять себя не оборачиваться. Она слышала, что машина не трогается с места. Только когда Лера скрылась за дверью гаража, заработал мотор «Сааба». Вскоре звук его затих вдалеке.

Глава 10

Лето и наступило незаметно, и незаметно подошло к июльскому зениту.

Театральный сезон закончился, и Лера сразу же уехала с Аленкой на Майорку. Не то чтобы ее так уж тянуло отдохнуть, теперь ей вообще все равно было, где находиться. Но Лера знала, что Митя тоже уезжает сразу же, как только закончится сезон: у него начиналось европейское концертное турне. И она поехала на Майорку только ради того единственного мгновения, когда он будет уезжать – когда дверь за ним закроется...

Чтобы не было этого мгновения, чтобы без нее!.. Чтобы не прислушиваться к его шагам в кабинете, не зная, простится ли он с нею и каким будет прощание. Чтобы не стоять у окна, глядя, как он не оглядываясь идет через двор. Чтобы не вызывать в онемелой душе всех воспоминаний, которые были связаны с ним.

Поехала она не только с Аленкой, но и с Зоськой.

С тех пор как Лера ушла из «Московского гостя», она мало виделась со своей Жозефиночкой. Та звонила, конечно, – особенно вначале, пока не привыкла к своей новой роли, – но встречались они редко. Лера и сама не понимала почему. Конечно, времени было мало, конечно, работа утомляла обеих. Но ведь в одном дворе жили, в домашних тапочках можно было вечером забежать друг к другу! А вот – не встречались. И самым удивительным было то, что Леру это даже не тяготило.

Наверное, такие отношения могут установиться к тридцати годам только с человеком, с которым ты связан общим детством. Именно такие: когда можешь не видеть его неделями и месяцами, даже не вспоминать о нем, а он все равно будет присутствовать в твоей жизни, незаметно согревая ее изнутри.

Лера чувствовала, что и сама она точно так же присутствует в Зоськиной жизни – без объяснений и обид.

Когда-то – всегда! – точно так же присутствовал в ее жизни Митя. Они могли не видеться полгода, случайно встретиться во дворе, перебросятся парой слов – и жизнь ее освещалась мимолетной встречей с ним, хотя Лера сама этого не замечала.

Но об этом теперь она старалась не думать.

Майорку предложила Зоська. Она зашла к Лере как-то июльским вечером, чтобы передать посылочку от Алексиадиса: кто-то из

«Московского гостя» был у него в Греции и привез.

Лера надорвала пестрый пакетик и достала из него колечко, асимметрично сплетенное из черных кожаных нитей. Посередине плетения помещалась маленькая жемчужина.

– Ой, красиво как! – восхитилась Зоська. – С чего это он, Лер?

– Да просто так, – улыбнулась Лера, проглядывая крошечную, чуть больше колечка, открытку от Алика. – Такой человек: что-нибудь красивое спокойно видеть не может – восхищается.

– Ну-у... – протянула Жозефиночка. – Мало ли кто чем восхищается, разве все дарят?

Алик действительно не переставал восхищаться красивыми вещами и, чувствуя в Лере единомышленницу, часто дарил ей милые безделушки – по поводу и без повода.

– Недорогое, правда, колечко, хоть и хорошенькое, – заметила Зоська. – Но дареному коню... А ты мои новые сережки видела? – поинтересовалась она. – Из махорики? Конечно, это и не жемчуг вообще-то, а так, бижутерия. Но очень даже красиво! И модно в этом сезоне, – авторитетно добавила она.

– С Майорки привезла? – спросила Лера.

– Друзья подарили, – объяснила Зоська. – У меня же там очень хорошие друзья. С Франциской я на феминистском форуме познакомилась, в Мадриде. Ну, и муж ее...

– Замужняя феминистка? – улыбнулась было Лера, но тут же замахала руками: – Молчу, молчу!

– Нецивилизованная ты женщина! – привычно обиделась Зоська. – Дикая, можно сказать. Что же ты думаешь, феминистки по-другому, чем ты, устроены?

– Да ничего я не думаю. – Улыбка погасла на Лерином лице. – Я вообще об этом не думаю, Зось.

– Да, ты какая-то... – протянула Зоська. – Случилось что-нибудь?

– Ничего не случилось. Просто... Надо привыкать к обычной жизни, вот и все.

Лера ожидала, что Зоська начнет расспрашивать, и придется уходить от ответа, потому что объяснить невозможно. Но та неожиданно спросила совсем не о том:

– Слушай, а ты ведь говорила, что в отпуск собираешься. Куда вы едете?

– Кто – мы?

– Ну, вы с Митей, с Аленкой.

– Никуда... – медленно произнесла Лера. – То есть я с Аленкой только собираюсь. У Мити гастрологи.

– Так поехали со мной на Майорку! – обрадовалась Зоська. – Ой, Лер, это ж здорово, раз так! Франциска давно приглашает.

– Да я как-то... – замялась было Лера. – Я, знаешь, Зось, – наконец нашлась она, – так от людей устала, от общения... Не хочется мне в гости.

– Так ведь они уезжают, – объяснила Зоська. – Сами они в Германию уедут, к Францискиной свекрови, а мы можем в их доме пожить. Лер, Лер, ну ты представь! – заныла Жозефиночка: наверное, неожиданная идея захватила ее. – Не в отеле, не в апартаментах, на настоящей вилле! К тому же, имей в виду, они в Кала-Ратъяда живут. Ты же знаешь, наши туда вообще не ездят, немцы только. Какое там общение, слова русского не услышишь, не волнуйся!

«А почему бы и нет? – вдруг подумала Лера. – Что меня удерживает здесь?»

– Я подумаю, – сказала она.

– Да чего там думать! – возмутилась Зоська. – Давно ты в туризме не работаешь, сразу видно, отвыкла ездить! Можно подумать, я тебя на Северный полюс приглашаю на лыжах. Туда все нормальные люди ездят, и ни один еще не жаловался! И кстати, – тут же сообразила она, – там же Барселона – всего ночь одну на теплоходе. А у нас детская программа классная с Барселоной. Можно будет на Майорке пару недель побыть, а потом Аленку в Барселону отправить, в семью. Чем плохо, Лер? – заныла она. – Ребенок по-испански будет шпарить, как по-русски. У Сусанки сын ездил – чистый испанец вернулся!

– Кстати, а французский проект как? – поинтересовалась Лера.

– Да как – нормально, – махнула рукой Зоська. – Пока я в отпуске буду, как раз первые детки приедут. Там все о'кей. Поехали на Майорку, Лер!

– Поехали, – сдалась Лера. – Действительно, все нормальные люди...

Да и где ей было отдыхать, если разобраться? Дачу они с Митей так и не собрались купить. А куда ехать без него, ей было все равно.

Жара в Пальма де Майорка была такая, что Лера едва не задохнулась уже на трапе самолета. Горячий, влажный воздух облепил ее, как облепляет мокрая одежда.

– Да-а, не вовремя мы немножко, – заметила Зоська, спускаясь вслед за Лерой на летное поле. – Через пару недель трамонтана подует, а мы так в самое пекло влипли.

– Да какая разница, – пожала плечами Лера.

– Странная ты стала! – удивилась Зоська. – Что значит «какая разница»? Тебе что, не жарко?

– Жарко, – не стала вдаваться в подробности Лера. – Но ведь на вилле твоей кондиционер есть, наверное?

До Кала-Ратъяда было восемьдесят километров, и они взяли такси. Лера смотрела, как мелькают вдалеке невысокие, похожие на Крымские, горы Трамонтана, и чувствовала, что липкая, влажная жара усиливает то состояние вялого безразличия, в которое погружена ее душа.

Аленка болтала с Зоськой, напевала какую-то прелестную, незнакомую песенку – Лера расслышала: «Лента на тебе небес голубей...» – и, кажется, совсем не страдала от жары.

«Ну и хорошо, – подумала Лера. – И достаточно».

Дом Зоськиной подруги выглядел настоящей виллой, и стоял он у самого моря, окнами на набережную. За ключом Зоська сбегала к соседке, которая знала об их приезде. Они обошли дом и, отперев дверь, оказались во внутреннем дворе.

– Никогда мне этого не понять, – сказала Зоська, оглядывая уютный, весь в цветущих розах, дворик. – Зачем бассейн дома, когда море в двух шагах? И наверняка с морской водой. Ну точно! – воскликнула она, опустив руку в воду небольшого бассейна и лизнув после этого палец.

– А если на море шторм? – рассудительно заметила Аленка. – Или вдруг приплывут акулы?

– Акул здесь не бывает. Да и насчет шторма я что-то сомневаюсь, – хмыкнула Зоська.

Действительно, море выглядело как огромная чаша, наполненная ультрамаринным маслом, – так оно было неподвижно.

– Майоранское море, – заявила Аленка, когда они, оставив чемоданы неразобранными, спустились на пляж. – Смотри, мам, какое голубое! Таких прямо и не бывает.

– Бывает все, – назидательно объяснила Зоська. – Ты просто еще юное существо, мало что видела. Вот в Барселону поедешь, там еще что-нибудь узнаешь. Хотя, конечно, – согласилась она, – Черное море другое какое-то. Цвет позеленее.

«Майоранское» Средиземное море было не только более голубым, но и более соленым. Плавать в нем поэтому было совсем легко: море мягко поддерживало тело, позволяя совершенно расслабиться. Даже Аленка сразу перестала бояться и принялась плескаться в прозрачной воде.

Лера отплыла подальше от людного берега и легла на спину. Почти не покачиваясь на неощутимых волнах, она смотрела в яркое небо, цветом не

отличающееся от моря.

Она не могла сказать, нравится ли ей здесь. Нравится ли жара, слитная голубизна неба и моря... Она столько раз видела все это – море, отели, шезлонги, скутеры, – что почти не замечала сейчас. Окружающая жизнь позволяла себя не замечать, а большего Лера от нее и не ожидала.

В первый вечер они никуда не пошли. Разобрали вещи, обошли довольно большой Францискин дом и уселись в гостиной. Аленка сразу подошла к пианино, стоявшему в дальнем углу просторной комнаты, и, присев на круглый стул, стала наигрывать какие-то тихие мелодии.

Трудно было понять, давно построен этот дом или просто умело стилизован под старину. Мебель в нем была уж точно старинная, подобранная со вкусом и с заметным тщанием. На стенах висели картины в тяжелых золоченых рамах – в основном морские пейзажи.

– Чистый Айвазовский, – кивнула на картины Зоська. – Прямо как из Феодосии их вывезли, ей-богу!

– Смешная ты, – улыбнулась Лера. – Полмира объездила, а с Феодосией сравниваешь.

– Да, наверное, – согласилась Зоська, отхлебнув «Сангрию» из старинного, с золотым ободком, бокала. – Ну, понятно же, мы туда в юности ездили, тогда и сахар слаще был. Конечно, мне здесь очень нравится. Я вообще люблю, когда жизнь хорошо налажена и нервы не приходится трепать по мелочам. А все равно ведь не в этом главное. Где возможностей больше для души, там и лучше, разве нет?

– Наверное. Я не могу сейчас об этом думать, Жозефиночка, – тихо сказала Лера.

– Но все равно лучше, когда не рискуешь в пляжном кафе чем-нибудь отравиться, – подытожила Зоська.

Она помолчала минутку, потом неожиданно спросила:

– У тебя с Митей... что-то не так? Ты не спрашивай, откуда я знаю, – предупредила она Лерин вопрос. – Никто мне ничего не говорил, не думай. Но я и сама сразу почувствовала, потому и предложила тебе поехать. Дело же не в гастролях, я понимаю.

– Не в гастролях. – Лера смотрела, как струйка дыма тает под потолком, и прислушивалась к сменяющим друг друга Аленкиным мелодиям. – Я поняла, что его жизнь для меня закрыта. Может быть, сначала это было для него и неважно. Мне теперь кажется: когда мы только начали вместе жить, он как будто выключен был из своей жизни, что-то у него не ладилось там, вот он и погрузился в меня весь так самозабвенно... А потом все стало, как

и должно было быть, как всегда у него и было. Я непонятно говорю, да? – взглянула она на Зоську.

– Не очень понятно, – пожала плечами та. – Но ведь у каждого своя жизнь. Разве у тебя – нет?

– У каждого своя обыкновенная жизнь. – Лера подчеркнула слово «обыкновенная». – А у него – совсем другая. Я ничего в ней не понимаю и никогда не пойму, хоть наизнанку вывернусь. Я чувствую, что теперь он живет отдельно от меня. Как будто за дальним лесом... И он там не один.

– Не знаю я, Лер, – пожала плечами Зоська. – Как-то это слишком сложно. А по-моему, вы просто не привыкли еще друг к другу, вот и все. Не притерлись! Чему удивляться, вы же не маленькие. В двадцать лет люди сходятся, и то – сплошной компромисс. Хотя знаешь, – глаза ее вдруг весело блеснули, – у меня один кадр был – убиться веником! Я на него прямо любовалась, ей-богу. Мужу под пятьдесят, с четвертой женой разошелся. С каждой не по месяцу прожил – лет по восемь: с восемнадцати жениться повадился. От каждой по мальчишке. И что ты думаешь? Ну никаких у него ни с одной новой женой затруднений не было! Привыкать там, себя ломать... Не понимает даже, что это такое. И ведь, рассказывал, все жены разные были: одна рестораны любила, другую наоборот – из квартиры не выманишь. Кандидатка наук была, парикмахерша... И со всеми прекрасно он себя чувствовал, прямо вдохновенно как-то. Да и мне с ним, надо сказать, неплохо было.

– Вот видишь, – невесело улыбнулась Лера. – А ты говоришь – дело в привычке.

– Да ведь он – подросток, – возразила Зоська. – Вечный подросток, мотылек, ничего своего за душой. Легкий человек, конечно, но ведь и только.

– Ну, если проще надо: Митя любит другую, – резко завершила разговор Лера. – Я не застучала их в постели, не видела, чтобы они целовались, но я точно это знаю. Как у Толстого в «Крейцеровой сонате» – через музыку...

– Ох, Лерка! – покачала головой Зося. – Взрослый ты человек, столько всего пережила, ребенка родила. А о чем до сих пор думаешь – Толстой, музыка... Скажи еще – Пушкин! Твоя-то жизнь здесь при чем?

Лера не стала возражать. Тем более что ведь она и сама старательно уверяла себя: живи обыкновенной жизнью, не стремись к тому, что тебе недоступно...

– Ты права, Жозефиночка, – сказала Лера, захлопывая крышку маленькой серебряной пепельницы. – Будем жить как все нормальные люди. Завтра на пляж пойдем с утра, оздоравливаться.

Глава 11

Как ни старайся не сравнивать с Крымом, но что делать, если Каларатьяда действительно напоминала Ялту? Даже людей на пляже было так же много, а на набережной – так же много ничейных кошек, которых ведь вообще-то днем с огнем не сыщешь в Европе.

В чем Зоська не ошиблась – это в том, что общения здесь не будет никакого. Кроме испанской, везде звучала только немецкая речь. По-немецки были написаны меню всех кафе и ресторанов, по-немецки говорил любой официант, а на редких англичан смотрели как на представителей экзотического государства. О русских вообще речи не было.

Лера с Зоськой и Аленкой завтракали в маленьком кафе на набережной. Потом шли на пляж. Потом возвращались на виллу и перекусывали чем-нибудь из холодильника: во время сиесты поселок вымирал, не работало ни одно кафе, и окна домов были закрыты ставнями, как смеженными ресницами.

Потом Лера читала в спальне на втором этаже и слушала, как внизу Аленка играет на пианино. Она прислушивалась к этим отдаленным, печальным звукам и удивлялась тому, как не по-детски удается Аленке передать неназываемые, простые чувства.

– Мам! – Аленка заглянула в спальню. – Я уже позанималась и пойду гулять. Тебе понравилось, как я сегодня играла?

Девочку не приходилось заставлять заниматься, но каждый раз она докладывала Лере об окончании занятий так, как будто та ее контролировала.

– Очень, – кивнула Лера. – Но по-моему, еще жарко выходить?

В доме из-за кондиционеров стояла приятная прохлада, и Лере вообще не хотелось выходить на улицу. Она почти заставляла себя идти на море, особенно после сиесты.

– Не-а, – покачала головой Аленка. – Уже сиеста кончилась, я в коктейль-бар пойду.

Коктейль-бар был самым вожделенным местом для всей приезжей детворы – да и не только приезжей, и не только детворы. Там подавали несчетное число разноцветных коктейлей с экзотическими фруктами. Все они были налиты в необычно украшенные бокалы – с какими-то зонтиками из фольги, с блестящей мишурой, золотыми птицами. Каждому посетителю дарили сплетенную из фольги длинную цепь, и половина Каларатьяда

ходила с этими блестящими цепями на шее.

– Одна? – удивилась Лера. – Погоди, вечером вместе пойдем.

– Не одна. Я вчера там с мальчиком познакомилась, он меня сегодня пригласил с ним идти.

Аленка была необыкновенно общительна. Лера уже привыкла, что ее дочка знакомится с людьми мгновенно и тут же располагает к себе любого. Да и беспокоиться о том, что с ребенком что-нибудь случится в этом милом поселке, как-то не приходилось. Поэтому она только поинтересовалась:

– Как же вы разговаривали, ты ведь ни испанского, ни немецкого не знаешь. По-английски?

– Не-ет, мы по-русски разговаривали, – ответила Аленка. – Он же русский мальчик, из Петербурга.

– Надо же! Кажется, единственный соотечественник, – удивилась Лера.

– Я потом сама к вам приду на пляж! – прокричала Аленка, выбегая из спальни.

На пляже Аленка появилась ближе к вечеру, когда Лера уже начала тревожиться.

– Не волнуйся, – первой заметила девочку Зоська. – Вон, шествует наша принцесса. И кавалер при ней.

Аленка действительно напоминала маленькую принцессу, только вполне современную – в короткой пестрой юбочке и такой же короткой яркой маечке, с перехваченными широкой голубой лентой светлыми кудрями. Она уже успела загореть и смотрелась очень эффектно на фоне ярко-синей воды.

Мальчик, шедший рядом с нею, сразу понравился Лере: какая-то благородная сдержанность чувствовалась в его походке. Это было тем более заметно, что на вид мальчику было не больше двенадцати. Но, как ни странно, его серьезный вид совершенно не производил комического эффекта. На шее у мальчика, как и у Аленки, конечно, висела длинная цепь из коктейль-бара.

– Это Сева, – представила его Аленка. – Он уже в пятом классе учится, в лингвистической гимназии. Мам, дай ключ, я ему обещала на пианино поиграть. Можно, мы к нам пойдем?

– Можно, конечно, – кивнула Лера, незаметно улыбнувшись тому, что Аленка, как всегда, сначала сообщает, что будет делать, а потом спрашивает разрешения. – Приятно познакомиться.

– Спасибо, – ответил мальчик. – Мне тоже очень приятно. Меня зовут Всеволод.

У Всеволода были светлые волосы и большие, как маслины, черные глаза. Вблизи он был еще более привлекателен, чем издалека, – из-за внимательного взгляда своих выразительных глаз.

– Ну, пошли! – нетерпеливо воскликнула Аленка. – Пошли прямо сейчас!

– Извини, но прямо сейчас я не могу, – сказал Сева. – Я ведь не предупредил папу. Но мы можем сделать просто, – предложил он, заметив разочарованную гримаску на Аленкином лице. – Ты пока побудешь здесь, а я сбегаю в отель и вернусь за тобой. Это совсем близко, я сейчас же приду.

– Ладно, – согласилась Аленка.

– Да-а... – едва сдерживая смех, протянула Зоська. – У девушки есть вкус! Слушай, Елена Дмитриевна, а кто платил в баре?

– Сева, конечно, – удивленно ответила Аленка. – Он же мужчина, кто же должен платить в баре?

Зоська открыла было рот, чтобы прочитать девочке краткую лекцию о равноправии, но Лера успела предупредить ее намерение.

– Совершенно верно, – сказала она, тоже сдерживая улыбку. – Платить должен мужчина. И с тем мужчиной, который предложит тебе в ресторане заплатить пополам, ты можешь расстаться без сожаления.

– Безобразие! – возмутилась Зоська. – Ты что, в допетровской Руси собираешься ее растить? Ребенок не сегодня-завтра в Европу поедет учиться! Что она там будет делать с такими понятиями?

Лера хотела было ответить, но Аленка высказалась быстрее.

– Ну и что же, что в Европу? – заявила она. – Митя все время в Европу ездит, а тоже так говорит.

– Что же он тебе говорит, интересно? – хмыкнула Зоська. – И с чего вдруг вы беседовали на эту тему?

– Мы не на эту беседовали, – пожала плечами Аленка. – Он меня встретил после студии, и мы гуляли и разговаривали, я хотела купить мороженое, а он купил мне сам. Я ему говорю: Митя, думаешь, я маленькая? У меня есть деньги, мне мама дала! А он говорит: ну и хорошо, ты будешь гулять одна или с Розой и купишь что-нибудь сама, а сейчас ведь ты со мной, правда? И вообще, он еще сказал, это все такая ерунда, нам с тобою не стоит об этом думать, просто я куплю тебе мороженое или что-нибудь другое, вот и все. Мужчина вообще платит не задумываясь, он сказал.

– А о чем стоит думать? – спросила Лера. Аленка говорила так похоже, что ей послышался Митин голос. – Не сказал он тебе?

– Я забыла, – призналась Аленка. – Я его тоже сразу спросила, и он так

красиво сказал, но я забыла.

– Лена, я уже вернулся. – За разговором о равноправии они не заметили, как Сева снова подошел к ним. – Мы можем идти, если ты не передумала.

– Фантастика! – шепотом изумилась Зоська, провожая взглядом удаляющихся детей. – Откуда что берется! А главное, куда потом девается?.. Сколько ему лет, не сказала она?

– В пятом классе, – ответила Лера. – Лет десять, значит.

После пляжа Лера и Зоська посидели в баре, выпили «Сангрии» и вернулись домой, когда темнота уже опустилась на приморский поселок и нарядная вечерняя толпа заполнила набережную.

Аленка уже не играла на пианино. Они с Севой сидели в гостиной, у распахнутой на улицу двери, и о чем-то оживленно болтали.

Гостиные во всех виллах, стоящих вдоль моря в Кала-Ратъяда, были необычные: их окна – а точнее, широкие, почти на всю стену, створчатые двери – выходили прямо на людную набережную. Входить в дом надо было сзади, но из-за этих стеклянных дверей получалось, что жизнь обитателей проходит на виду у гуляющей толпы. Лера не раз одергивала себя, чтобы вечерами не поглядывать мимоходом, как люди в ярко освещенных комнатах едят, разговаривают, пьют вино или смотрят телевизор.

Сначала она чувствовала неловкость при мысли о том, что кто-то вот так же может разглядывать ее, но потом привыкла. А Аленка и с самого начала вовсе об этом не думала: играла до позднего вечера на пианино, смотрела мультики, читала и вообще вела себя совершенно непринужденно.

И теперь она так же непринужденно болтала с Севой, сидя у распахнутой стеклянной двери.

Зоська прошла на кухню, достала из холодильника фрукты, колу, бросила лед в высокие стаканы.

– Может, им «Сангрию» пора подавать? – усмехнулась она. – Замечаешь, какие стали детки?

– Какие? – не поняла Лера.

– Да не знаю... Раскованные, что ли. Или взрослые какие-то. Не знаю, как это назвать! Мы, во всяком случае, такими не были.

Лера только плечами пожала. Она не задумывалась, такую ли была сама в Аленкином возрасте. Но этот мальчик Всеволод, с его сдержанным достоинством, конечно, напоминал ей Митю – такого, каким он был сто лет назад и каким оставался всегда...

Она вдруг подумала о маме, и сердце у нее сжалось. Лере казалось, что

она редко вспоминает маму после ее смерти. Конечно, и на кладбище ходила, и делала все что положено в поминальные дни... Но как-то редко вспоминала ее по-настоящему, так, как хотелось – пронзительно и ярко.

И вдруг, глядя на свою дочку, так весело болтающую с мальчиком, глядя на этого мальчика, такого хорошего и воспитанного, Лера вспомнила маму с ее спокойным, всегда немного застенчивым взглядом, ее вечную готовность интересоваться всем, что делает Лерочка, ее хлопотливость и надежность...

И тут же собственное одиночество, в которое Лера была погружена и о котором старалась не думать, предстало перед нею во всем своем грядущем отчаянии.

Лера тряхнула головой, отгоняя от себя эти мысли. Но мамин облик виделся ей все с той же, неожиданно пришедшей ясностью.

– Мы вам не мешаем? – спросила Лера, входя в гостиную с бокалами на подносе.

– Нет, что вы, – покачал головой Сева. – Но вообще-то уже поздно, я скоро пойду.

– Сева знает три языка! – похвасталась Аленка. – Немецкий, английский и латынь.

– Я не сказал, что знаю, – возразил Сева. – Я говорил только, что их учу. И потом, на латыни все-таки теперь не разговаривают.

Лера села в глубине комнаты, взяла книгу – роскошный альбом Веласкеса – и принялась рассматривать вереницу придворных портретов. Она почему-то особенно охотно разглядывала теперь именно Веласкеса, и именно эти портреты. Впрочем, Лера понимала почему: однообразные лица царственных особ позволяли относиться к себе с полным безразличием, и можно было безучастно рассматривать изысканные сплетения кружев на манжетах, вглядываться в тусклый блеск фамильных драгоценностей...

Заодно она поглядывала время от времени на Севу, сидящего вполоборота к ней.

«Красивый какой мальчик, – думала Лера. – В самом деле, у Аленки хороший вкус. И не только красивый, другое что-то... Похож на Митю, мне показалось? Нет, не похож. Только иногда, проблесками какими-то – вот этим достоинством своим, сдержанностью жестов. А больше ничем вообще-то и не похож».

Наверное, странно и смешно было размышлять вот так о ребенке, да еще совсем постороннем.

«Глупости какие! – оборвала Лера свои наблюдения. – Чем ты занята, так и свихнуться недолго!»

– Извините за вторжение, но мне показалось издалека, что мой общительный сын надоедает именно вам, – услышала она мужской голос и подняла глаза от очередного монаршьего портрета.

Мужчина, обратившийся к Зоське, стоял на набережной, напротив открытой двери в их гостиную. Он был довольно высок, худощав, одет в белые шорты и рубашку-поло с расстегнутым воротом.

– А это мой папа, – тут же представил его Сева.

– Игорь Всеволодович, – дополнил представление папа.

– Так заходите тоже, Игорь Всеволодович, – пригласила Зоська. – Что ж стоять под окном без гитары!

– Спасибо, – улыбнулся тот. – Который ваш вход? Сейчас я обойду.

– Да бросьте вы! – махнула рукой Зоська. – Прямо китайские церемонии какие-то! Или мы с вами не соотечественники? Заходите прямо в эту дверь, небось палисадничек не затопчете.

Сделав два шага из уличной темноты, Игорь Всеволодович оказался в гостиной. Здесь, в ярком свете бронзовой люстры, Лера разглядела его получше.

Конечно, Сева был очень похож на отца. Сразу понятно становилось, откуда и жесты эти, и даже взгляд – хотя глаза у Игоря Всеволодовича были не такие выразительные, как у сына: не черные, а светло-голубые. Но отец и сын, несомненно, были похожи тем ощущением ненарочитого спокойствия, которое оба просто излучали.

Лера не кривила душой, когда говорила Зоське, что не хочет общения. Ей действительно не хотелось сейчас разговаривать, немного подстраиваясь под собеседника, что неизбежно при любом новом знакомстве.

Но, похоже, Игорь Всеволодович не был навязчив. Он кивнул Лере и уселся в кресло рядом с пригласившей его Зоськой, которая тут же завела с ним беседу.

– Как же вы, если не секрет, оказались в этом немецком местечке, Игорь Всеволодович? – спросила Зоська, подвигая ему бокал неизменной «Сангрии». – Ведь вы из Петербурга, как наша девочка сообщила?

– Да, – кивнул тот. – Вообще из Петербурга, но в частности – позавчера из Мюнхена. С конференции по стратегическому маркетингу.

– Надо же! – удивилась Зоська. – Выходит, там вас и сманили в Каларатьяда?

– Почти, – улыбнулся Игорь Всеволодович. – Но не слишком долго пришлось сманивать. Мы с Севой здесь уже не первый год отдыхаем, и всегда с удовольствием.

Улыбка у него была располагающая – впрочем, как и все лицо, и голос. Лере стало неловко сидеть за спиной у собеседников, и, отложив Веласкеса, она передвинула свое кресло поближе, безмолвно включаясь в разговор.

Аленке и Севе, похоже, наоборот – надоело чинно сидеть со взрослыми. Переглянувшись, они выпрыгнули в палисадник и, дружно расхохотавшись, скрылись за домом.

– Мам, мы тут недалеко будем! – донесся оттуда Аленкин голос.

– Да-а, – улыбнулась Лера, – все ваше воспитание пойдет насмарку, когда сын пообщается с этой разбойницей!

– Ничего. – Игорь Всеволодович ответил ей той же располагающей улыбкой. – Ему это только на пользу. По-моему, он не по годам бывает серьезен.

– В папу, наверное, – заметила Зоська. – Вы, Игорь Всеволодович, тоже производите впечатление весьма серьезного господина.

– Да? – удивился Игорь Всеволодович. – Значит, гены. А все-таки, несмотря на мою серьезность, вы меня, Зося, называйте по имени. Тем более сочетание с отчеством у меня излишне торжественное.

Оказывается, Зоська уже успела представиться сама и даже представить Леру. Лера не переставала удивляться про себя: несмотря на свою тщательно оберегаемую независимость, Зоська легко знакомилась с мужчинами. Хотя скорее наоборот – благодаря своей независимости.

– И вовсе он не слишком серьезный, ваш Всеволод, – вступила наконец в разговор Лера. – Хотя, конечно, достаточно увидеть вас, чтобы понять, кто его воспитывает.

– Вы ошибаетесь, – спокойно ответил Игорь. – Воспитывает его в основном мама. У меня, к сожалению, вечно времени не хватает. Я ведь три года уже, как разведен, так что на воспитание приходится специально время выкраивать.

По любопытству, мелькнувшему в Зоськиных глазах, Лера поняла, что подружку так и подмывает спросить, почему это развелся такой положительный во всех отношениях мужчина. Но, конечно, Зоська не стала бы задавать подобные вопросы.

– Так что мы с Севой только отпуск проводим вместе, – продолжал Игорь. – Я, правду сказать, хотел в этом году предпринять какое-нибудь более познавательное путешествие. Все-таки Сева уже вырос, ему не слишком интересно в песочке возиться. Да лень одолела.

– Вас – лень одолела? – усмехнулась Зоська. – Вот уж ни за что не поверю!

– Почему же? – Светлая бровь Игоря удивленно изогнулась, но тут же

улыбка мелькнула на его лице. – Хотя, конечно, не столько лень, сколько просто усталость. Работа в этом году была очень напряженная, и в Москве мы открыли представительство. Я ведь в немецкой маркетинговой фирме работаю, – пояснил он. – Возглавляю петербургское отделение.

– Ничего, не переживайте, – успокоила его Зоська. – С познавательной целью в Вальдемоссу можно детей свозить. Там Жорж Санд как-то жила недели две в монастыре. С Мюссе, что ли, не то с Шопеном...

– Да Аленка вашему Севе и не даст скучать, – поддержала Зоську Лера. – Из нее идеи фонтаном бьют – глаз да глаз!

Игорь повернулся к Лере и слушал так внимательно, словно она высказывала невесть какие умные мысли. И смотрел на нее своим прямым, серьезным взглядом. Ей даже неловко стало – как всегда становится неловко неглупому человеку, если ему кажется, что собеседник его переоценивает.

– Что ж, спасибо, если так. А насчет монастыря – это идея. Давайте осуществим эту поездку вместе, – предложил Игорь.

Из дому он вышел уже не через дверь гостиной, а как положено, через прихожую и внутренний дворик.

– Перспективный товарищ, – заключила Зоська, когда Игорь с Севой затерялись в толпе на набережной. – Нет, Лер, честное слово, просто находка! Ты посмотри, – начала она загибать пальцы, – разведен, с хорошей профессией, при деле... И к тому же, учти, не в Москве живет, не будет постоянно над душой стоять. Нет, ей-богу, я бы от такого не отказалась! Правда, он в основном на тебя внимание обратил, – заявила она.

– На меня – внимание? – удивилась Лера. – Вот уж не заметила.

– А ты вообще последнее время мало что замечаешь, – пожалала плечами Зоська. – Не настроена ты на мужиков. От них же флюиды исходят, как будто ты не знаешь! А ты сейчас не улавливаешь... Правда, оно и необязательно, – успокоила Зоська. – На них свет клином не сошелся!

Глава 12

Зоська не ошибалась: Лера действительно не улавливала сейчас не то что флюидов, идущих от мужчин, – о которых, конечно, знала, – но и вообще никаких флюидов. Но она не сожалела и даже не думала об этом. Воздух жизни, которым она дышала, был совершенно неподвижен.

Похоже, Игорь в отличие от Леры был не прочь пообщаться с соотечественницами. На следующий же день он подошел к Зоське и Лере на пляже. Аленка уже давно плавала с Севой вдоль берега.

– Ну как, дамы, привыкли к здешней жаре? – спросил Игорь, раскладывая свой шезлонг рядом с Лериным.

– С трудом, – призналась Зоська. – Влажно очень, прямо дышать тяжело. Конечно, надо было нам попозже приехать, когда ветерок задует. И народу сейчас слишком много.

– Это да, – согласился Игорь. – Народу на пляже – как в Ялте.

Услышав эти слова, Зоська расхохоталась, а Лера улыбнулась.

– Вы не обижайтесь, Игорь, – объяснила она, заметив удивленно-обиженное выражение на его лице. – Мы просто с Зосей уже заметили, что постоянно сравниваем европейские курорты с нашим Крымом. Даже мы, которые уже сколько лет в туристическом бизнесе проработали! Что тогда говорить об остальных...

– Но это же естественно, – пожал плечами Игорь. – По-моему, это легко объяснит любой психолог.

– Наверное, – согласилась Лера. – Только я не стала бы обращаться за таким объяснением к психологу.

– А я привык, – возразил Игорь. – Все-таки мы зря так скептически относимся к возможностям психологов, психоаналитиков. Все на интуицию свою рассчитываем... А я, например, не раз уже сталкивался с ситуациями, когда без психолога не обойтись. Работа такая!

– Только работа? – лукаво усмехнулась Зоська. – А в личной жизни, Игорь? Тоже к психоаналитику ходите?

– А что в этом зазорного? По-моему, лучше вовремя обратиться к специалисту, чем отравлять жизнь себе и окружающим.

– Ну что ты пристала к человеку? – укоризненно произнесла Лера, незаметно толкая Зоську босой ногой. – Обращаетесь – и правильно делаете, Игорь, не слушайте ее!

Самой Лере в голову никогда не приходило обращаться к

психоаналитику «по личному вопросу». Да и в «общественной» жизни она всегда находила наилучший выход сама, полагаясь вот именно на собственные опыт и интуицию гораздо больше, чем на логику посторонних людей.

Но она прекрасно знала: нельзя доказывать человеку, что он неправильно ведет себя в своей привычной, повседневной жизни. И бесполезно это, и просто бестактно. Особенно если человек тебе, в общем-то, безразличен.

Поэтому Лера поспешила перевести разговор на другую тему.

– По-моему, мы здесь просто закисло, – сказала она. – Ходим на пляж, как на работу...

– А что здесь еще делать? – пожала плечами Зоська. – Ну, в монастырь съездим, договорились же. А так – по-моему, мы за тем и приехали, чтобы как на работу ходить на пляж, а не в офис. И вообще, – добавила она, обращаясь к Лере, – тебе что, еще не надоел плановый осмотр достопримечательностей? У меня так уже после первых десяти рекламных поездок просто аллергия на них образовалась!

– Так ведь можно просто сменить обстановку, – предложил Игорь. – Здесь есть пустынные бухточки, очень живописные. Скалы, мелкая галечка на пляже... Мы в прошлом году с Севой плавали. Можно катерок небольшой арендовать на целый день, даже яхту. Как насчет морской прогулки на яхте, а, девочки?

Это он произнес уже в сторону подошедшей Аленки, словно предоставляя решение ей.

– А куда мы поплывем на яхте? – тут же заинтересовалась девочка. – Сева, давай поплаваем на яхте!

– Давай, – кивнул Сева. – Если твоя мама и тетя Зося не против.

Еще раз восхитившись про себя воспитанным мальчиком, Лера сказала:

– Мы не против, правда, тетя Зося? Сегодня же и узнаем, как это сделать.

– Да я уже знаю, – возразил Игорь. – Можете довериться опыту старого морского волка и поручить мне это мероприятие.

Благодаря неожиданному знакомству, оставшиеся до отъезда дни приобретали более определенные очертания. Морская прогулка, поездка в горный монастырь...

Впрочем, Леру это ничуть не радовало. Ее-то как раз и устраивала бесформенность проходящего времени – эти тягучие дни на пляже, глотки «Сангрии», от которых опьянеть невозможно, но в голове постоянно стоит

легкий, полусонный туман... И ей совершенно не хотелось разрушать непроницаемый купол безразличия, которой она возвела над собою.

Поэтому, когда вечером Зоська предложила ей идти с детьми в коктейль-бар, Лера отказалась.

– Ну почему, Лер? – заныла было Зоська. – Ну пошли вместе, чего тебе одной сидеть? Или боишься, что Игорь тоже будет? – вдруг догадалась она.

– Не боюсь, – пожалала плечами Лера. – Но не хочу.

– И зря, – заявила Зоська. – Сама ты виновата, что киснешь сейчас, как выжатый лимон! Разве можно так вариться в чужом соку? Да ты посмотри на себя! Конечно, Митя, я понимаю... Но ты и сама из себя женщина хоть куда! Лер, даже дело не в мужиках, черт бы с ними. Но и вообще... Как будто жизнь кончена! Я еще понимаю, дурочка какая-нибудь сидит и по своему банкиру убивается. У нее и жизни-то своей – к портнихе съездить да к массажистке. Но ты-то что? Что он у тебя – один свет в окошке?..

Лера слышала, как на протяжении этого монолога возмущение сменилось в Зоськином голосе сочувствием. А последнюю фразу она произнесла даже как-то растерянно.

– Пойди с ними одна, Жозефиночка, – улыбнулась Лера. – Я книжку лучше почитаю.

– Можно подумать, ты без этой книжки дня прожить не можешь, – проворчала Зоська уже в дверях. – Добро бы и правда читала, а то ведь картинки рассматриваешь!

Оставшись наконец в одиночестве, Лера отложила книгу. Конечно, Веласкес был ей вполне безразличен.

Она думала о том, что сказала Зоська. Случись этот разговор несколько лет назад, Лера попыталась бы согласиться с подругой детства. Тогда, несколько лет назад, она так мало знала себя, что готова была примерять на себя всякую чужую жизнь.

Да просто ничего она о себе тогда не знала! Сплошное крушение иллюзий: что слабый Костя, что сильный Стас Потемкин. И самая обманчивая иллюзия – жизнь без любви...

Теперь Лере уже не надо было еще раз пройти этой многими исхоженной дорогой, чтобы понять: жизнь начинается для нее с Митинога взгляда... Только с его взгляда начиналось все, что она с удовольствием делала ежедневно – работа, общение, чтение, – и только чувствуя на себе его взгляд, могла она делать все это.

А теперь, когда взгляд его больше не направлен на нее и она чувствует, что это окончательно и бесповоротно, – лучше всего рассматривать альбом

Веласкеса или следить, как ярко-голубое море сливается с горизонтом.

Эти мысли появлялись в Лериной голове и мгновенно, и медленно. Как это могло происходить одновременно, она не понимала. Но сейчас ей не хотелось наблюдать ни за чувствами своими, ни за мыслями.

– Вы дома – в такой вечер? – вывел ее из оцепенения знакомый голос.

Подняв глаза, Лера увидела Игоря, стоящего на набережной в двух шагах от нее.

– Я увидел, что у вас окно светится, и решил подойти, – объяснил он. – Хотя и по-прежнему без гитары!

– При чем здесь гитара? – вздрогнула Лера.

– Да ведь Зося, помните, заметила, что без гитары незачем под окном стоять, – улыбнулся Игорь.

– А-а... – протянула Лера.

Их разговор только начался – да какой там разговор, по две фразы сказали друг другу! – а Лере уже казалось, что они говорят как-то вяло, тягуче. Ей даже неловко стало за эту вялость разговора, хотя, может быть, Игорь и со всеми говорил так – спокойно, неторопливо, вглядываясь в собеседника.

– Почему же вы не пошли со всеми? – спросил он.

– Но вы ведь тоже оторвались от компании, – вместо ответа заметила Лера.

– Почему же оторвался? – спокойно возразил Игорь. – Просто задержался, а сейчас в коктейль-бар как раз и направляюсь. Пойдемте вместе?

Лера собралась было возразить – и тут же поняла, что у нее просто нет сил что-то объяснять. Ведь хоть несколько фраз надо было бы произнести: не пойду, дескать, извините, устала, сгорела на солнце...

И оказывалось, что проще встать, кивнуть и, захватив купленную вчера огромную черно-золотую испанскую шаль, сказать:

– Что ж, Игорь, пойдемте. Погодите, сейчас я дом закрою.

Игорь был одет с тем непринужденным изяществом, с которым одеваются на курорте мужчины, привыкшие следить за собой. Конечно, никаких спортивных штанов с пузырями на коленях, «велосипедок» или мятых шорт, похожих на «семейные» трусы. Он был в светлой рубашке с коротким рукавом и в светлых же брюках из плотного, без пошлых проблесков, шелка.

Мельком взглянув на тончайшие синие полоски на его рубашке, Лера почему-то вспомнила, как ездила однажды по магазинам с Саней

Первачевым. И как всегда, когда она вспоминала Саню – синеглазого, влюбленного, решительного и робкого одновременно, – улыбка мелькнула на ее лице.

– Кажется, ваше настроение улучшилось оттого, что вы вышли на улицу? – заметил Игорь.

– Да, наверное, – согласилась Лера, чтобы не вдаваться в лишние подробности.

– Тогда давайте посидим где-нибудь, – тут же предложил он. – Отличный вечер – впрочем, как и все здешние вечера. И вообще, Лера, с Зосей мы давно уже перешли на «ты»...

– А я кажусь вам слишком мрачной? – Она невольно улыбнулась его вопросительно-нерешительным интонациям.

– Не то чтобы... Да! – вдруг улыбнулся он – так располагающе, что Лера снова улыбнулась ему в ответ. – Не мрачной, но немного неприступной, это правда.

– Куда ты предлагаешь пойти? – не возражая и не соглашаясь, спросила она.

– Если ты не против, в андалузское кафе, – ответил Игорь. – Знаешь, где очаровательная пара всегда так потрясающе танцует испанские танцы? У нас в первый же день всю группу в отеле инструктировали – куда пойти, что попробовать. Но я это кафе еще с прошлых лет знаю. И кухня там замечательная.

– Пойдем, – кивнула Лера.

Игорь взял ее под руку, и они пошли по набережной – туда, где поднималась вверх узкая, извилистая улочка, ведущая к андалузскому кафе.

Пара действительно танцевала потрясающе, Лера просто глаз не могла от нее отвести. Она давно уже перестала интересоваться тем, что входит в обязательную программу всех туров: национальными блюдами, танцами, костюмами и праздниками. Наверное, слишком много перевидала их за несколько лет работы в «Московском госте».

И вдруг – как замороженная следила за стремительными, точеными движениями танцоров, вслушивалась в слова песни, которую пел солист небольшого ансамбля: «О, голубка моя...»

Даже не зная испанского, невозможно было не понять эти нежные, томительные слова: «Палома, палома...»

– Правда, хорошо? – спросил Игорь, заметив Лерино внимание.

– Да, – кивнула она. – Даже удивительно...

– Что же удивительного? – не понял он.

– Да вот это... Обычное курортное кафе, туристический лоск, сентиментальная песенка... И вдруг – сердце задевает.

– Да, никогда не знаешь, где удастся почувствовать плотность жизни, – вдруг сказал Игорь.

Пришел черед Леры взглянуть на него удивленно. Как-то не вязались эти слова со спокойным Игоревым образом. Было в них что-то слишком проникновенное для того, чтобы их мог произнести этот во всех отношениях умеренный и логичный человек.

– Ведь ты понимаешь, о чем я? – продолжал Игорь, поймав Лерин недоуменный взгляд. – Плотность жизни, напряжение жизни – не знаю, как лучше. Во всяком случае, этого не поймешь сразу. Я, например, в Мюнхен раз сто уже ездил, а понял только сейчас. Работал целый день, устал. Севка был у друзей за городом, я должен был вечером за ним заехать. И – время, что ли, не рассчитал? – пару часов оказалось свободных, ни туда, ни сюда. И идти никуда не хотелось... Так и просидел в уличном кафе. Прохожих рассматривал. И вдруг почувствовал! Эту самую плотность жизни – как она течет, замирает, убыстряется.

Конечно, Лера понимала, о чем он говорит. Она вспомнила, как сидела однажды на вокзале в Риме, ожидая поезда, и рассеянно следила, как ссорится молодая парочка за стеклянной стеной кафе. В каждом движении этих ребят, то сердито расходившихся, то снова устремлявшихся друг к другу, кипела жизнь, взрывался темперамент – а она, Лера, чувствовала себя пустой и бесчувственной, и токи жизни проходили мимо нее... А потом она поехала в Венецию, непонятно зачем, без всякой цели, и Митя нашел ее там февральской ночью, когда она стояла у пристани, смотрела в темную воду и не понимала, куда и зачем ей ехать дальше.

Лера вспомнила тот день, проведенный с Митей в Венеции, – день, когда она поняла, что любит его, что вот это и есть любовь, и краски мира вспыхнули в мозаиках Сан-Марко...

Теперь она заставила себя не вспоминать об этом.

Игорь оказался умным и тонким собеседником, это Лера почувствовала сразу. Правда, он больше не говорил ничего столь неожиданного, как эти его слова о плотности жизни, но зато рассказывал о своей работе с юмором и изящной непринужденностью, и при этом было видно, что работу свою он любит и знает. Рассказывал о Питере, без раздражения замечая:

– Город по-прежнему в полуруинах, разве что парки привели немного в порядок. Да на Башне Вячеслава Иванова доску мемориальную повесили – что, конечно, хорошо. Лера, – неожиданно спросил он, – а кто твой муж?

– А вдруг я не замужем? – вопросом на вопрос ответила она.

Два дня назад Леру укусила оса, и, хотя жало сразу удалось достать, рука припухла так, что пришлось снять все кольца, и обручальное тоже. Поэтому ей интересно стало: как Игорь определил, что у нее есть муж?

– То, что ты замужем, не вызывает сомнений, – усмехнулся Игорь. – Зря я, что ли, к психоаналитику хожу? У тебя во взгляде нет этой голодной готовности незамужней женщины... И даже не только поэтому. У тебя хороший муж, это видно.

– По чему видно? – почти заинтересовалась Лера.

– По тому, как ты воспринимаешь внимание, которое тебе оказывают мужчины – я, в данном конкретном случае. Ты не делаешь вид, что тебе оно безразлично – ты его совершенно искренне не замечаешь. Точнее, воспринимаешь как должное. Так ведут себя только те редкие женщины, к которым мужья постоянно бывают внимательны. Естественно внимательны, я понятно выражаюсь? – пояснил он. – То есть не напоминают женам: смотри, я тебе подал пальто, купил бриллиант... Просто они не могут вести себя иначе с любимой женщиной. Но ведь таких мужчин крайне мало, Лерочка, разве не так? И нынешней жизнью они, как правило, очень востребованы, так что их внимательность очень скоро съедается усталостью. А если почему-то оказываются не востребованы и целые дни проводят на диване, она съедается еще скорее... Разве я не прав?

– Прав, – кивнула Лера, с интересом выслушав этот монолог. – Очень точный психологический этюд, Игорь. А ты случайно сам не психоаналитик?

– Нет, – улыбнулся он. – Так, интересуюсь в виде хобби. Вот мне и стало интересно: чем занимается твой муж?

– Он музыкант, – сказала Лера. – Скрипач, дирижер.

– Потрясающе! – восхитился Игорь. – Так я и думал!

– Что – так и думал? – удивленно спросила она. – Что он музыкант?

– Ну, конечно, не так конкретно. Но что человек искусства, притом не мелкий человек – точно.

Лера собралась было спросить, как он об этом догадался, и тут же поняла, что не станет спрашивать. Странная, вязкая душевная апатия, которая немного развеялась было под песню о голубке, снова охватила ее...

Но Игорь объяснил, не дожидаясь вопроса:

– Все дело в масштабе личности, верно? Мелкого человека сразу видно, каких бы социальных высот он ни достиг. И жену мелкого человека – тоже. А также наоборот...

Лере не хотелось говорить об этом, и Игорь тут же это заметил.

– Да что мы все о тебе да о тебе! – махнул он рукой. – Теперь твоя

очередь спросить о моем семейном положении!

– Разве? – улыбнулась Лера. – Но ведь я не интересуюсь психоаналитикой.

– А ты просто так спроси, – предложил Игорь. – Ну, будем считать, что уже спросила. А я тебе ответил: развелся я именно потому, что был очень востребован, а моей жене нужны были не деньги, а вот именно мое внимание и присутствие в ее жизни – чего я ей дать не мог. И, главное, не смогу и впредь, так что надежды восстановить семью или встретить такую женщину, какая мне нужна, – не питаю. Всем достойным женщинам нужно именно это – то, чего я в силу нынешних моих профессиональных условий обеспечить им не в состоянии.

Эти довольно сложные, но совершенно точные фразы Игорь произносил легко, без малейшего затруднения. Видно было, что он привык говорить с людьми, для которых не надо упрощать свою речь. Лера относилась как раз к таким людям, так что воспринимала Игоревы слова без напряжения.

И не понимала только, почему не хочет ни говорить, ни слушать... Она сидела в чудесном кафе с умным и обаятельным мужчиной, она слушала прелестную музыку, а желания ее были мертвы, как будто за окном стоял не яркий южный вечер, а беспросветная зимняя ночь.

– По-моему, я сегодня на солнце слегка перегрелась, – сказала наконец Лера. – Спасибо, Игорь, мы чудесно посидели. Проводишь меня? Сева уже скорее всего у нас.

Ей было неловко за себя, но она ничего не могла поделать с собою.

– Конечно, – кивнул Игорь, вставая и помогая Лере отодвинуть стул. – Кстати, я заказал яхту на послезавтра. Ты не передумала?

Лера покачала головой, не отвечая. В дверях кафе она остановилась и обернулась к танцующей паре. Мужчина держал свою пламенную партнершу в объятиях и смотрел ей в глаза таким взглядом, в котором чувство проступало даже сквозь картинную выразительность.

Они подошли к дому с набережной – к распахнутой стеклянной двери, из-за которой неслись звуки музыки. То, что играла Аленка, называлось «Сонатина», а чья – Лера не помнила. Но, стоя рядом с Игорем, в двух шагах от пианино, незаметно вглядываясь в лицо своей дочери, она не пыталась вспомнить композитора, не пыталась вслушаться в музыку...

Что-то другое происходило в ней, и этому не было названия.

– Сева, – негромко окликнул сына Игорь, когда Аленка закончила играть, – по-моему, пора домой. Не будем злоупотреблять

гостеприимством. Тем более что завтра мы увидимся на пляже, а послезавтра поплывем на яхте в бухту.

– Ой, в бухту! – обрадованно воскликнула Аленка. – Мам, а у Севы есть спиннинг, он мне даст рыбу половить!

Лера зашла в дочкину спальню, когда та дочитывала последние страницы в книжке про Босоножку, которой была увлечена последние две недели. Книжка была из шкафа Елены Васильевны – старая, с чудесными картинками. Аленка считала, что сама похожа на главную героиню – куклу Босоножку.

– Аленочка, – помедлив, сказала Лера, – нам ведь здесь еще почти неделю осталось быть, потом ты в Барселону поедешь...

Аленка посмотрела на маму удивленно: она не понимала, что та хочет сказать.

– Знаешь, – продолжала Лера, – я хочу попросить Зосю, чтобы она тебя отвезла вместо меня. Ты не обидишься?

– Не-ет, – протянула Аленка. – А ты куда поедешь?

– Я хочу завтра улететь в Москву, – сказала Лера.

Она ожидала, что Аленка начнет расспрашивать, отчего она уезжает так внезапно, и даже придумала что-то о звонке из театра и о неожиданных проблемах с отправкой реквизита за границу. Но Аленка сказала совсем не то, чего Лера ожидала:

– Мам, а ведь Митя не в Москве, он в Финляндии. Зачем же ты едешь?

– Я... – растерялась Лера. – Я должна... А откуда ты знаешь, где он? – спросила она, чтобы не отвечать на этот единственно точный вопрос.

– А он мне звонил, – помедлив, сказала Аленка. – Еще в самом начале, когда мы только что сюда приехали. И потом еще раз...

– Откуда же он узнал телефон? – удивилась было Лера. – Ты ему говорила?

– Да нет, я же тоже не знала. – Кажется, Аленка только сейчас об этом подумала. – Правда, откуда? Да он же всегда все узнает, что хочет, мам, ты не знаешь разве?

– Что же он тебе сказал? – тихо спросила Лера.

– Спросил, нравится ли мне здесь. Сказал, что у него подряд идут концерты. Я спросила: Митя, ты устал? А он сказал: я устал, но это хорошо. – Словно заметив единственный вопрос, стоящий в Лериных глазах, Аленка добавила: – Он спросил: как мама? Я сказала, что не знаю... Я же правда не знаю, мам! Я что-то неправильно сказала?

– Нет, милая, все правильно, – покачала головой Лера. – Я и сама не знаю, как я...

– Ну вот, я ему сказала: Мить, приезжай к нам! А он говорит: нет, я поеду сразу в Эдинбург и буду там ждать остальных. И все! Мама, а Эдинбург – это что? – с любопытством спросила Аленка.

– Шотландия. Там Вальтеру Скотту памятник есть. Помнишь, я тебе рассказывала про Айвенго? Это Вальтер Скотт написал. Там будет театральный фестиваль, и наш театр тоже поедет.

– Ой, а меня ты возьмешь? – обрадовалась Аленка. – Или я еще в Барселоне буду?

– Я не поеду в Эдинбург, Аленочка, – сказала Лера. – Я останусь в Москве.

– Почему?

В Аленкином голосе удивление смешалось с сочувствием.

– Потому что у нас теперь очень хороший администратор, и он прекрасно справится без меня. А мне надо быть летом в Москве, чтобы заниматься парком. – Лере казалось, что ее голос звучит спокойно и убедительно. – Поэтому я и хочу уехать отсюда пораньше.

– А-а... – протянула Аленка, но по ее глазам было видно, что Лерины слова вовсе не показались ей убедительными. – Ну ладно, тогда пусть Зоська меня отвезет в Барселону.

– Что еще за «Зоська»? – слегка возмутилась Лера. – Она что, подружка тебе?

– Да какая разница! – махнула рукой Аленка, и Лера едва сдержала улыбку при виде этого жеста. – Мам, а я вспомнила, что мне Митя тогда сказал... Ну, помнишь, когда мороженое мне купил, я тебе рассказывала. Когда я его спросила, а про что же стоит думать.

Лера молчала.

– Он тогда засмеялся и сказал: чем сердце успокоится, вот про что! Это что значит, мама?

Аленка смотрела вопросительно, но Лера не могла ответить: ком стоял у нее в горле.

– А что это за песенку ты пела? – спросила она наконец вместо ответа. – Помнишь, когда мы из аэропорта ехали? Что-то про бубен, про ленту... Это тебя Анна Андреевна научила?

– А! – вспомнила Аленка. – Нет, Митя научил. Это Шостакович написал песенку, она испанская, вот я ее и пела. Мы же в Испанию прилетели!

– Шостакович? – удивилась Лера. – Таковую простую?

И тут же она вспомнила про оперу «Леди Макбет Мценского уезда», про Тамару – и ниточка, натянувшаяся в сердце, ослабела, обвисла...

– Спи, – сказала она, протягивая руку к настольной лампе. – Спи,

солнышко, я тоже лягу.

Глава 13

Лера ехала из Шереметьева домой и думала о том, что завершился круг ее жизни.

Это не были мысли о смерти. Вообще в ее мыслях не было ничего торжественного или величественного. Было только что-то похожее на усталость. Но и не усталость, а просто пустота.

Она вспомнила, как однажды ехала по этой же самой дороге, вернувшись из Берлина – домой, потом в Ливнево... Сейчас ей тоже предстояло заехать домой, а потом скорее всего в Ливнево – узнать, не случилось ли чего в театре в ее и Митино отсутствие. Хотя если бы случилось, она бы и так уже знала. Да и не слишком долго ее не было, неделю всего.

Вот в этом повторении событий как раз и была печальная завершенность. Как будто только оболочка осталась от того, что было прежде событиями, живыми и яркими.

Да и от нее самой осталась только оболочка.

Зоська только пальцем у виска покрутила, узнав о Леринем неожиданном отъезде.

– Нет, что ни говори, – решительно заявила она, – а любовь – это прежде всего божье наказание, а уж потом все остальное! Если еще есть остальное... Ну чего ты мечешься, а? Чего от Игоря шарахаешься? Насилует он тебя, что ли? Приятно время провели и разошлись, что может быть лучше!

– Да при чем здесь Игорь... – сказала Лера. – Зось, да я о нем вообще не думаю. Ты извинись завтра. Ну, скажи, что меня на работу срочно вызвали.

– Я-то найду, что сказать, – махнула рукой Зоська. – И Аленку отвезу, не волнуйся. Заодно кольцо себе куплю в Барселоне, я в прошлый раз одно присмотрела – умопомрачительное. Но ведь мне тебя жалко, ты-то мне не чужая! Мучаешься, тускнеешь, а почему?

– Не знаю, Жозефиночка... Знать, судьба такая! – пропела Лера, но голос у нее был невеселый.

– Поговорила бы ты с Митей, вот и все, – посоветовала Зоська.

– Он, я думаю, сам со мной поговорит, когда приедет, – ответила Лера. – Сколько это может продолжаться? А я не могу. Как будто барьер какой-то. Вроде я не то чтобы гордая чересчур, а вот – не могу... Я, знаешь, даже представить не могу: как это – с ним отношения выяснять?

– Да очень просто, – пожала плечами Зоська. – Ну, что тут советовать, все равно без толку. Ладно, лети, авось все как-нибудь образуется. А Игорька ты, значит, мне оставляешь? – поинтересовалась она, лукаво сверкнув глазами. – Что ж, очень мило с твоей стороны!

– Владей, – улыбнулась Лера. – Дурак он будет, если не упадет в твои объятия.

– Куда он денется? – хмыкнула Зоська. – Чует мое сердце, мы с ним просто идеальная пара. Оба не переборщим...

Лера вышла из такси рядом с аркой и, войдя во двор, остановилась, не зная, куда идти. Мамина квартира была пуста – Роза уехала к матери в деревню – и Мити, как сказала Аленка, тоже не было в Москве.

«Может, лучше сразу – к себе, чтобы уже и отвыкнуть?» – подумала Лера.

И тут же поймала себя на мысли, что «к себе» значит для нее – к Мите, в его дом... Но она как-то спокойно это отметила, без надрыва. И, словно ухватившись за свое спасительное спокойствие, вошла в гладышевский подъезд.

В квартире стояла такая тишина, которая устанавливается не сразу после отъезда хозяев, а, наверное, не раньше, чем через месяц. Лера просто утонула в этой тишине. Прежде ей, может быть, даже страшно стало бы, но теперь она вздохнула едва ли не с облегчением.

Она поставила сумку на пол в прихожей, прошла по комнатам. Книги молчали за стеклами высоких шкафов, музыка таилась под крышкой пианино... Елена Васильевна смотрела с фотографии, висящей на стене в Митином кабинете. Лера отвела глаза от ее ясного взгляда.

Она так давно не заходила сюда, в его кабинет! С тех самых пор, как увидела белую постель на узком диване... Ей даже казалось, что она вообще не сможет сюда зайти – сердце разорвется.

Но сейчас Лера медленно прошла через всю комнату, остановилась у пюпитра, перелистала оставленные на нем ноты. Несколько книг были открыты на Митином столе – «Каменный гость», «Письма к другу» Шостаковича, Лесков...

Лесков, Шостакович – понятно, а почему он «Каменного гостя» читал? Лера заглянула в пушкинский том, словно надеялась там найти ответ.

Дождемся ночи здесь. Ах, наконец
Достигли мы ворот Мадрита! скоро
Я полечу по улицам знакомым,
Усы плащом закрыв, а брови шляпой, —

прочитала она на открытой странице и вздохнула.

«А я тоже через Мадрид летела, – подумала Лера, совсем уж глупо, и неизвестно к чему. – Потому что самолета прямого не было на Москву».

Она так боялась этих первых минут дома! А теперь удивлялась тому, как спокойно ходит по Митиному кабинету, вслед за ним читает книги. Но, наверное, в этом ее бесчувствию тоже была завершенность круга жизни – все завершалось мертвенным покоем.

И кошмары не мучили ее ночью. Она вообще спала без сновидений, погружившись в сон, как в омут.

В Ливнево Лера поехала на следующий день. Даже звонить не стала, предупреждать о своем приезде. Не то чтобы врасплох хотела кого-то застать, а просто – зачем? Все равно ведь она поедет в театр, что еще ей делать?

Оркестр и труппа должны были улететь в Эдинбург завтра, и настроение у всех было чемоданное, слегка приподнятое. Лере даже показалось, что взволнованный гул стоит на лестницах и в коридорах, когда она шла к своему кабинету.

Тамару она в этот день не видела, хотя успела поздороваться со многими. И даже не знала: может, та уже уехала в Эдинбург...

Поездками Лера теперь почти не занималась, все гастрольные дела взял на себя новый администратор Коля Мингалев. С тех пор как он сменил на этом посту бестолковую Зиночку, Лера могла быть уверена: то, за что берется Коля, можно не контролировать. Чувство ответственности, кажется, было главной чертой Колиного характера. Это было тем более удивительно, что ему было всего двадцать пять. Коля принадлежал как раз к тому поколению, наиболее способные представители которого либо сразу пошли в бизнес, либо спились от комплексов и безденежья.

Поэтому Лера не могла нарадоваться на своего администратора и мысленно не уставала благодарить Женьку Стрепета, давшего «наводку». Самим своим существованием Коля напоминал о незыблемости каких-то неназываемых вещей...

– Что случилось, Валерия Викторовна? – удивленно спросил Коля, входя в ее кабинет. – Я прямо глазам не поверил – вы ли по коридору идете? Думал, показалось.

– Ничего не случилось, Николай Егорыч, – улыбаясь, ответила Лера. – Надоело мне отдыхать, вот и приехала. А так – нисколько не сомневаюсь, что у вас к отъезду все в полном порядке.

Это она добавила, чтобы не обидеть Колю. Как будто из-за недоверия

приехала его проверять!

– Да, у нас все на высшем уровне, – кивнул Коля, и в голосе его послышались с трудом сдерживаемые хвастливые нотки, которые, конечно, вполне можно было понять. – Хотя и пришлось попотеть, особенно с отправкой декораций. Таможня у нас – нечто нечеловеческое! То у них наркотики килограммами возят, а то на каждую нитку требуют справку из Минкультуры, не антиквариат ли! Но все уже в порядке, – успокоил он Леру. – Я с Дмитрием Сергеевичем только что разговаривал. Он нас ждет.

Коля сказал «нас», зная, что Лера не едет в Эдинбург. Но ни в голосе его, ни во взгляде не выразилось ничего, кроме спокойной уверенности в том, что все идет прекрасно.

Кажется, в театре вообще никто не заметил того надлома отношений, который произошел у нее с Митей. Во всяком случае, Лере ни разу не приходилось ловить на себе чьи-нибудь невразумительные взгляды, слышать сочувственные или осуждающие интонации.

Это могло показаться невероятным, учитывая неистребимую любовь к сплетням и интригам, присущую любому театру. Но то ли здесь, в Ливневской Опере, установились какие-то особенные отношения, то ли Митя вел себя настолько сдержанно, что никто не ощутил даже тени напряженности.

«А может, просто работать всем приходится много, – подумала Лера. – Некогда сплетничать!»

Она поговорила еще немного с Колей, узнала последние новости и, отпустив администратора, вышла в парк.

Лера всегда удивлялась тому, как рано в Москве чувствуется осень. Август еще только начинался, а в кронах деревьев уже проглядывало золото, и воздух в парке был подернут особенной, не летней какой-то дымкой.

Лера прошла по аллее, спустилась к ручью и села на скамейку в ротонде. На белых колоннах не было теперь и следа похабных надписей и рисунков. Ротонда издалика поражала чистотой очертаний и не разочаровывала вблизи.

Вдруг Лера вспомнила, как познакомилась с Саней – вот здесь, в этой ротонде. Как он смотрел на нее, и глаза его сияли такой синевой, какую ей не приходилось видеть даже в небе.

«Куда это он пропал, интересно? – подумала Лера. – Обиделся на меня, наверное».

После незабываемого празднования своего дня рождения она решила не встречаться больше с Саней, хотя и жаль было расставаться с ним и с тем

ясным чувством, которое он вызывал в ее душе. Но еще больше ей было жаль его самого. Чем она может ответить на ожидание, стоящее в его глазах? Невозможно обманывать такое ожидание, невозможно отводить взгляд, делая вид, будто ничего не понимаешь. Да и долго ли он сможет сдерживать себя, ведь он мальчик совсем, несмотря на свой крутой прищур!

Вспомнив Санину понтовую крутизну, Лера невольно улыбнулась.

Она позвонила ему на завтра после дня рождения, как и обещала. Саня сказал, что чувствует себя нормально и врача вызывать незачем. Потом все-таки пообещал вызвать и замолчал, хотя трубку не положил.

– Болит все-таки рука, Саня? – встревоженно спросила Лера. – Ты почему молчишь?

– Слушаю, – сказал он, помедлив. – Тебя слушаю, Лера...

Она простилась и положила трубку первой, чувствуя, как непонятная печаль тревожит ее сердце.

Лера думала, что Саня будет звонить ей часто, и даже пыталась обдумать, что ему скажет, чтобы не обидеть. Но он не позвонил больше ни разу, и она сама приобиделась слегка, но уже краем сознания, уже погружаясь в тягучую свою апатию. Она еще раз позвонила ему однажды, но телефон не отвечал.

«В Антарктиду уехал, не иначе, – подумала тогда Лера. – С пингвинами наметились дела!»

И вот теперь она сидела в ротонде, смотрела на едва заметную предосеннюю дымку над ручьем, и воспоминание о Сане пришло само собою. Оно оказалось единственным воспоминанием, которое не ранило душу, которое Лера не гнала от себя и которому даже радовалась.

И ушло оно легко, не оставив мучительного следа на сердце.

Лера вышла из ротонды, поднялась по крутому берегу, оглянувшись напоследок на склоненную над водой березу – словно заглянув в ее темный печальный глаз, – и направилась к выходу из парка.

В ее приезде действительно не было необходимости. Поездка в Эдинбург была подготовлена прекрасно, а в остальном – стоял штиль и мертвый сезон. И Лера шла теперь домой. Правда, не зная, зачем.

Хотя нет, дело все-таки было, Коля даже специально напомнил о нем. Состояло дело в том, что следовало подобрать для спонсоров – а предполагалось, что к осени спонсором будет не только листригон Юра Паратино, – материалы о художественном руководителе Ливневской Оперы – о Мите...

– Я тут без вас попытался, Валерия Викторовна, – объяснил Коля. – Но толком-то и не нашел ничего. В Театральной библиотеке мало, и все или старые совсем, когда Дмитрий Сергеич мальчиком еще был, или уже новые, когда в Москву вернулся. А что на Западе про него писали – этого, считай, и нет. Вы посмотрите дома, – попросил он. – Он-то сам собирал, наверное.

– Вот уж не знаю, – покачала головой Лера. – Очень может быть, что и не собирал. Но я посмотрю, Коля, и все, что найду, принесу.

– Поскорее только, – наставительно заметил Коля. – А самое серьезное отберите и факсните мне в Эдинбург, ладно? Все-таки представительнейший фестиваль, мало ли... Надо быть во всеоружии! Лучше бы все-таки вам самой поехать, Валерия Викторовна, – добавил он. – Кто с вами в театральном менеджменте сравнится! Подождал бы парк, ничего бы ему не сделалось.

– Кто его знает, может, в сентябре снег уже выпадет, вот и все парковые работы, – возразила Лера. – Ничего, Николай Егорыч, вы прекрасно справитесь, – ободряюще улыбнулась она. – И Дмитрий Сергеевич вам всегда посоветует. А я ведь совсем недавно театральным менеджментом занимаюсь, – добавила она, улыбнувшись солидному термину. – Так что не жалеете о моем отсутствии.

– Мало ли что недавно! – не согласился Коля. – Вы всегда так быстро реагируете...

И вот теперь ей предстояло найти в Митином кабинете какую-нибудь папку или ящик, где хранились материалы о его концертах, оперных постановках и турне. Если вообще хранилось у него что-нибудь подобное.

Папку Лера нашла на следующий день. Она была старинная, кожаная, с вытисненным вензелем. Лера сразу поняла, что завела эту папку Елена Васильевна, а открыв ее, только утвердилась в своей догадке.

Первых, давних газетных вырезок было множество, и сложены они были аккуратно. Видно было, что Елена Васильевна собирала все, что писали о ее сыне. Лера поразились тому, что не читала ни одной из этих пожелтевших заметок, даже не знала об их существовании. А ведь бывала у Гладышевых так часто и так подолгу разговаривала с Еленой Васильевной!

«Хотя как бы я могла их прочитать? – тут же подумала Лера. – Сама я не спрашивала, просто не думала об этом, а Елена Васильевна не стала бы хвастаться».

Она прочитала эти собранные Митиной мамой заметки от первой до последней строчки, хотя они были написаны наивно и по-советски, с неизбежными цитатами из партийных вождей. «Пятилетний талант... недетская глубина исполнения... старинная скрипка для пятиклассника...»

– читала Лера и улыбалась, сама не замечая своей улыбки.

Как же давно это было, поверить невозможно! Она и Митю-то не знала тогда. Ну, может быть, смотрела из детской коляски, как он идет в музыкальную школу.

Потом пошли другие статьи – и по объему, и по тону другие. По датам, проставленным на полях изящным почерком Елены Васильевны, Лера поняла, что эти статьи были написаны о шестнадцатилетнем Мите, учившемся тогда на втором курсе консерватории.

Много писали о нем как дирижере: о его манере уводить экспрессию жестов глубоко внутрь, общаться с оркестром особым, необычным способом. Почему необычным? – этого Лера не поняла...

Ее детство вставало за этими выцветшими строчками. Ее детство – и Митино присутствие в нем.

Вот – «Скрипичный концерт Моцарта в исполнении Дмитрия Гладышева... неуловимая виртуозность... «Мне грустно и легко, печаль моя светла», – эти пушкинские строки... в девятнадцать лет...»

А ей тогда было тринадцать лет, она случайно увидела десятиклассника Сашку из их школы с какой-то женщиной на чердаке и прибежала к Мите, совершенно потрясенная, чтобы спросить: как это может быть? Разве это любовь, когда на грязном чердачном полу, и воняет кошками?.. И он сначала рассердился – зачем она лазает где не надо? – а потом сказал то, чего она совершенно не ожидала: «А вообще-то это все равно – где. И что там валяется на полу – консервные банки или цветы». И про любовь, которая освящает все...

Аккуратные вырезки длились еще несколько лет – до года смерти Елены Васильевны – а потом обрывались. Дальше в папку были вложены уже не вырезки, а газетные листы или даже целые газеты. Видно было, что Митя оставлял их от случая к случаю и не утруждал себя тем, чтобы вырезать статьи.

Лера собиралась прочитать все – и поняла, что не может этого делать. Это чувство было странным, необъяснимым. Почему вдруг? Но она словно барьер почувствовала в себе – тот самый, что не позволял ей объясниться с Митей, стоял на пути чувств, не давая им вырваться из вязкого болота апатии...

Душа ее должна была дышать и жить, без этого Лера не могла читать о нем, – а душа ее словно поволокой была подернута. Взгляд скользил по строчкам, смысл их оставался темен, и Лера даже отчаяния не могла в себе разбудить и думала: так теперь будет всегда.

Она машинально взяла последнюю в толстой стопке газету. Эту она уже

видела и раньше: в ней появилась лучшая статья о премьерe «Онегина» в Ливневской Опере. Лера пробежала глазами знакомые незамысловатые фразы – неизбежную дань массовому тиражу: «Триумфальная премьерa... сенсация сезона...»

Только Тамарина фамилия остановила ее взгляд, хотя и о Тамаре она, конечно, читала, когда статья только вышла, – о плотности, тембровой красоте и полетности ее сопрано...

Ей хотелось читать о Мите, но она не могла этого делать.

Лера почувствовала, что сон клонит ее голову к столу, и даже обрадовалась тому, что не может сопротивляться сну. Оставив кожаную папку открытой на столе, она погасила свет в Митином кабинете.

Глава 14

«Может быть, это даже хорошо, – подумала Лера на следующий день. – Хорошо – эта заторможенность чувств. Как бы я иначе работала?»

Коля позвонил ей чуть свет из аэропорта – сообщил, что «уже грузимся в самолет». Лера улыбнулась его трогательной солидности и пожелала счастливого пути.

– А я по телевизору буду следить, – сказала она на прощанье. – На первом канале целую передачу обещали по Эдинбургу. Ни пуха, Николай Егорыч!

Ливнево встретило ее такой печальной тишиной, что сердце у Леры защемило, как будто должно было произойти что-то недоброе. Хотя это ведь была обычная летняя тишина, ничего особенного. Лера вспомнила, как Митя рассказывал ей о такой, редко наступающей в театре тишине, которую он очень любил, когда работал в Венской опере.

Но, несмотря на тишину, день обещал быть напряженным. Конечно, в сентябре снег, может быть, и не выпадет, это Лера преувеличила, но с реставрационными работами в парке следовало торопиться. «Зеленый театр» надо было полностью восстановить до открытия сезона.

«Зеленый театр» был опоясан открытой галереей, и Лера надеялась, что в ней можно будет давать концерты уже в сентябре.

Она вспомнила камерный концерт, на котором была три года назад в старинном замке под Бонном. Он проходил как раз на такой открытой галерее и даже на Леру, тогда и вовсе в концертах не искушенную, произвел сильное впечатление. Музыка звучала под ажурными сводами, зрители слушали ее вперемежку с шелестом осенних листьев, ноги старушек были укутаны теплыми клетчатыми пледами...

Но Лера уже давно знала: для того чтобы какое угодно событие происходило непринужденно и естественно, требуется долгое и скучное усилие. Непринужденность – очень дорогое и трудное дело, когда речь идет о массовых действиях.

И она открыла свой ежедневник и придвинула поближе телефон.

Как Лера и предполагала, тишина и покой наступили не для нее. Она-то как раз работала целый день и ругалась по телефону с чиновником из управления культуры совсем не тихо. А потом еще съездила в реставрационные мастерские, чтобы посмотреть образцы чугунного литья

для лестницы «Зеленого театра», и они ей не понравились, но зато она подумала о настоящем каслинском литье – значит, поездка была не бесполезной.

В общем, это был обычный ее день, и Лера даже не устала к вечеру. Необычной была только тишина в пустынном особняке и в ее душе.

Она уже собиралась уходить, когда зазвонил внутренний телефон и охранник Сережа сообщил с вахты:

– Валерия Викторовна, к вам женщина какая-то пришла. Пропустить?

– Конечно, – сказала Лера, слегка удивившись про себя: у нее ни с кем не была назначена встреча. – А что говорит, по какому делу?

– Да ничего не говорит. С вами, говорит, хочет поговорить.

– Хорошо, я жду, – решила Лера. – Объясни, Сережа, куда идти.

Женщина, вошедшая через пять минут в ее кабинет, была Лере незнакома.

«Да точно я ее не знаю, – подумала Лера, как только та осторожно приоткрыла дверь. – Но что же тогда?..»

Было в облике этой пожилой женщины в черном шерстяном платье что-то такое знакомое, чего не узнать было невозможно. И Лера даже вздрогнула, пытаясь узнать, и непонятное предчувствие сжало ей сердце.

– Вы извините, что я вас побеспокоила, – сказала женщина сбивчиво и смущенно, – но мне Игорь сказал, Зелинский Игорь Андреевич, что вы его знаете и что я могу сказать, что от него...

– Вы проходите, пожалуйста, садитесь, – сказала Лера, вставая из-за стола. – За что же извиняться! Конечно, знаю Игоря Андреевича. Что-нибудь случилось?

– Да... Нет... С Игорем ничего не случилось... – тихо произнесла женщина.

И тут Лера поняла, кто это! В одно мгновение поняла, как только женщина подняла на нее глаза и удивительная, невыцветшая синева блеснула в них сквозь слезы.

Лера ахнула и руку прижала к губам.

– Вы... Санина мама? – спросила она, остановившись посреди кабинета. – Боже мой, что же с ним случилось?!

– А Сашенька умер, – сказала женщина с такой простотой и отчаянием, что у Леры занялось дыхание. – Его убили.

Они стояли посредине комнаты в мучительном, звенящем молчании. Невозможно было говорить, они обе не могли говорить.

Наконец Санина мама первой нарушила эту невыносимую тишину.

– Вы понимаете, – сказала она, – я давно о вас думала, но только не

знала, кто вы. Я только фотографию вашу видела, но не у кого было спросить – Сашеньки уже не было, когда я фотографию вашу увидела... А я думала, что должна вам сообщить, раз он вашу фотографию так при себе носил...

Какую фотографию, она не давала ему никакой фотографии... Господи, да что же это, как же это?!

Лера по-прежнему молчала, но, наверное, смятение в ее глазах было красноречивее слов и расспросов.

– Он в ладанке носил, – сказала Санина мама, словно отвечая на безмолвный Лерин вопрос. – А ладанку мне потом передали, я и увидела. Я тогда друзей его стала спрашивать, не знает ли кто, и Игорь говорит: я знаю. Сашенька с Игорем очень дружил, с самого детства, он тогда в нашем доме жил, это потом уж они кооператив построили. А когда Саша в колонию попал... Он ведь в колонии был, вы не знаете?

– Знаю, – с трудом проговорила Лера. – Я знаю, он мне рассказывал.

– Ну вот, Игорек к нему и туда ездил, и потом, как Сашенька вернулся, очень ему помогал, – продолжала она, по-прежнему стоя посреди комнаты и не замечая этого; правда, и Лера не замечала ничего, кроме глаз этой женщины. – Я думаю, может быть, Игорь даже вину за собой чувствовал – что Саша попал в колонию, а он нет. Хотя ведь все по суду решилось, а не то чтобы там как-нибудь... Но он мне и сейчас говорил, на поминках: если бы не Саня, жизнь моя по-другому бы повернулась. Я думаю, Саша очень вас любил, – вдруг, без паузы и перемены интонации, сказала она.

Сердце у Леры по-прежнему билось стремительно, словно выскочить хотело из груди, но она смогла наконец взять себя в руки.

– Присядьте, пожалуйста, – попросила она. – Как вас зовут?

– Зоя Петровна, – ответила Санина мама. – Первачева Зоя Петровна.

– Как же это?.. – спросила Лера. – Как же это... могло случиться?

Санина мама снова подняла на нее глаза, и сердце у Леры снова сжалось.

– Мне так тяжело, если бы вы знали... – почти прошептала Зоя Петровна. – Я понимаю, таких нету, кому бы такое легко было. Но мне ведь все кажется: я его мало просила, чтоб он по-человечески жил бы, это я сама виновата... Он такой способный был, если б вы знали! Прямо ко всему способности, даже удивительно – в кого, мы-то с отцом покойным совсем простые люди. Мне учителя, помню, в школе все время говорили: Саша у вас очень способный, хоть к химии, хоть к литературе, но все нахватом, все с ходу, а терпения совсем нет! Надо у него воспитывать терпение, а то ему трудно придется в жизни. А я вот не смогла... – Она замолчала, глядя перед

собою остановившимся взглядом. – Может, я сама виновата, – произнесла она наконец. – А может, что богом дано, того уж не переделаешь. Он всегда такой был, еще с роддома. Грудь не сразу смог взять, и так сердился, так плакал! Другие детки потихоньку-полегоньку – и научатся, как взять, а он – прямо заходится. А уж когда с колонии вернулся – конечно, мне его не удержать было... Я и Игоря просила: поговори ты с ним, он тебя уважает, что ж он не работает нигде? Может, связался с плохой компанией, это ведь до добра не доведет! А тот: Саня что задумал, тетя Зоя, то и сделает, разве вы не знаете? Знаю, конечно... Но вы не думайте, – она отрицательно покачала головой, – это не то чтобы ему деньги голову вскружили! Хотя он, конечно, молоденький еще был да пофорсить любил... Но он очень щедрый был, а для нас с Танечкой – это дочка моя – совсем ничего не жалел. Мне, знаете, прямо страшно становилось. – Зоя Петровна посмотрела на Леру с таким наивным удивлением, что та едва не улыбнулась, хотя ей было совсем не до улыбок. – Как можно жить с такими большими деньгами? Уж откуда они – про это вообще думать не хочется... Но куда их тратить? Добро бы взрослый человек, серьезный, как Игорь, а то ведь мальчик неразумный... У Тани в школе вечер был, так он ей купил платье за три тысячи долларов! Я чуть языка не лишилась, как она мне сказала, что, мол, видела по телевизору, Саше рассказала, и он купил в каком-то доме моделей, в иностранном. Я уж ее ругала, ругала... И ничего особенного в этом платье, соседка наша не хуже могла бы сшить.

Лера вслушивалась в ее голос, в эти удивленные и наивные интонации, и вспоминала, как Саня рассказывал ей о матери, стоя на балконе над сияющим ночным городом. О ее нежелании переехать в хорошую квартиру, уйти с завода и как же можно так жить, в таком убожестве... И что такая жизнь – не по нему.

Лере хотелось спросить, как он погиб, но она не могла решиться задать такой вопрос матери. Да и знает ли она?

Но, опять словно догадавшись, Зоя Петровна ответила сама:

– Меня ведь к нему даже не сразу пустили, хотя он уже мертвый был. И ничего не говорили – как, почему... Там милиция разбиралась, и ко мне следователь приходил, но что я ему могла сказать? Сашенька ведь уже давно с нами не жил, он отдельную квартиру снимал. Приходил только да звонил часто. Как раз за день до всего этого был, но только на минутку забежал, книжку взял у Тани. Так что я и не знаю ничего – только то, что Игорь сказал. Игорю вроде назначили встречу, люди незнакомые, и он Сашу попросил о них узнать. А тот не стал ничего узнавать, а сам на встречу эту поехал. Разве так можно? – спросила она так печально и

доверчиво, словно Лера могла ей ответить. – Игорь прямо плакал: кто ж его просил, как же так неосторожно! И все, и они его застрелили прямо там, это в Лосинке где-то... – Голос ее застыл. – Я так и не знаю за что, даже Игорь не знает. Говорит, это просто беспредельщики, отмороженные какие-то, говорит. Да Сашенька, может, и сам не знал...

Лере показалось, что она не выдержит этого больше – взгляда этой женщины, которая не знает, за что, по какому праву перемололи ее сына эти страшные жернова, и никто никогда не сможет ей объяснить.

– Я все время об этом думаю, – едва слышно произнесла Зоя Петровна. – Все время думаю: неужели он сам убивал, а потом его убили? Не могу я в это поверить, не могу...

Эти слова вывели Леру из оцепенения.

– Нет! – сказала она со всей решительностью, на которую была способна. – Никого он не убивал, это я точно знаю! Поверьте мне, Зоя Петровна, я ведь давно в бизнесе работаю, я все это знаю! – Она говорила так уверенно, словно ее работа действительно предполагала знание этих немыслимых законов. – Сейчас все по-другому, у него другая была работа... Можете даже Зелинского спросить, он вам то же самое скажет! Это какая-то страшная случайность, с ним не должно было этого произойти!..

Санина мать посмотрела на Леру с благодарностью.

– Вы правда знаете? – спросила она. – Спасибо вам... И в самом деле, Игорь то же говорит...

Зоя Петровна открыла небольшую сумочку, лежащую у нее на коленях, и достала оттуда что-то, завернутое в чистый носовой платок.

– Вот, я вам ладанку его принесла, – сказала она, разворачивая платок. – Но только вы знаете... Вы извините, я вам ее только покажу, ладно? А оставить я не могу. Вы не думайте, не потому, что она дорогая, что бриллианты...

Она произнесла это таким извиняющимся голосом, который слышать было невозможно.

– Ну что вы, Зоя Петровна, – сглотнув ком в горле, сказала Лера. – Разве я могу так думать?

Она взяла из рук Саниной мамы золотую коробочку – ту самую, с эмалевой иконой Нечаянная Радости – нажала на выступ сбоку...

Сама она смотрела на себя с маленькой цветной фотографии, неизвестно откуда у Сани взявшейся. И вдруг Лера вспомнила! Ну конечно, это тем вечером было, когда их сфотографировал стильный фотограф, у которого Саня отнял пленку! А потом она так безобразно напилась, и Саня

на руках отнес ее домой...

Она тогда сказала что-то смешное, стоя возле заминированной дискотеки, и они оба рассмеялись. И вот она смеется под иконой Нечаянная Радости. И значит, где-то есть Санина фотография, на которой он тоже смеется, сияя синими глазами... Только фотография и осталась.

Наверное, Лера всматривалась в Санину ладанку так долго, что Зоя Петровна спросила:

– Вы на меня обиделись?

– За что? – вздрогнув, подняла глаза Лера.

– Да вот за это – что ладаночку вам не отдаю... – И тут же добавила, словно оправдываясь: – Но я вам письмо его принесла, письмо отдам, он же вам его написал.

– Письмо? – удивленно переспросила Лера. – Он мне письмо написал?

– Ну конечно! А я не сказала разве? Забыла, значит. – Снова щелкнув замком сумочки, Зоя Петровна достала оттуда незаклеенный конверт. – Вот оно, письмо. Вы уж извините только: я прочитала... Но я же не знала, что оно вам! А оно в книжке лежало, которую Сашенька у Тани брал, как раз за день до того... Он, наверно, его не дописал, даже без конверта было, это я вложила потом.

Медленно, как во сне или в немыслимом кино, Лера взяла из ее рук конверт. Она хотела прочитать письмо сейчас, но не могла этого сделать при матери. И, словно почувствовав это, Зоя Петровна встала.

– Я пойду, – сказала она полувопросительно. – Я так рада, что вас нашла. Я думаю, Саша очень вас любил, – повторила она.

– Подождите, Зоя Петровна! – воскликнула Лера, и та остановилась у двери. – Как же так... Может, я... Помочь вам как-то?.. Пожалуйста, разрешите мне это сделать! У вас ведь дочь...

– Ну что вы. – Зоя Петровна ответила с такой безнадежной, ни на какие уговоры не рассчитанной тоской, что Лера не решилась настаивать. – Разве нам много надо? И нам ведь Игорь помогает, даже слушать ничего не хочет. Я, говорит, деньгами того все равно не отдам, что Сане должен... До свиданья, береги вас бог.

Зоя Петровна вышла, а Лера так и осталась стоять посреди комнаты с письмом в руке и застывшим лицом.

Глава 15

Лера не помнила, как доехала домой.

Весь вечер она просидела за столом, почему-то в Аленкиной комнате, и Санино письмо лежало перед нею. Она не знала, в который раз перечитывает его. Или просто повторяет шепотом, не обращая внимания на немислимые Санины знаки препинания и слыша вместо них его голос...

«Здравствуй, Лера! – было написано посередине строки, как будто из пионерского лагеря. – Я так хотел с тобой поговорить, потому что письма писать не умею, даже матери два или три только написал. Но я не могу с тобой поговорить, даже не знаю почему. Поэтому придется написать. И я решил писать, как будто говорю, на ошибки не обращать внимания, а то и написать не смогу тебе. А ты, если хочешь, сама запятые расставь как надо.

Я тебе хотел сказать, что я тебя люблю. Но не мог сказать. Я же понимаю, тебе после этого со мной будет нехорошо, неловко, а я не хочу так.

Перечитал, что написал, и все тоже нехорошо получается, совсем не так, как хотелось. Так скованно, как будто не своим голосом. Я тебе много хотел сказать, но если так говорить, как я пишу, то ты мне просто не поверишь. Но ты мне все-таки поверь. Все это правда, я просто высказать не умею.

Я тебя сразу полюбил, как только увидел. Когда мы в парк вышли и ты сидела в этой беседке. Я на тебя тогда смотрел и думал: что ж мне так хорошо-то, наверно, я ее люблю? Вот не поверишь – так. Я и сам тогда себе не поверил.

Мне с женщинами почти всегда было скучно, и если я ухаживал, то всегда знал, что это просто потому, что надо же поухаживать, не скотина же я, чтобы сразу в постель. А так – я всегда сразу знал, что они мне скажут, как глазками будут стрелять, что попросят и вообще. И я не особенно об этом думал.

А в тебя влюбился просто как мальчик. Хотя я ведь и правда не такой молодой, каким кажусь, и не только внешне, а в душе особенно».

Тут Лера улыбнулась: представила, как Саня старается выглядеть постарше, как щурится, чтобы не заметна была детская синева его глаз...

И в то же мгновение подумала с леденеющим сердцем: да ведь его нет, нет его, и не щурится, и глаз синих нет!

«Я сначала думал, что ты меня тоже, может быть, полюбишь. Но почти

сразу понял, что этого не будет: когда увидел, как ты на него смотришь и как он на тебя. И уже не ждал. Но я же тебя все равно любил и хотел хотя бы просто тоже на тебя смотреть. Поэтому старался не замечать, что тебе со мной, скорее всего, скучно.

Я сначала думал, меня к тебе потому так тянет, что ты умная, красивая. Но потом понял, что это не так. Я и умных видел, и красивых, и они мне были совершенно безразличны. Я думал: почему же так с тобой? И понял, что люблю тебя, нет других объяснений. Но это все совсем не так было, как получается, когда напишешь. Когда напишешь, так просто не получается, как оно на самом деле есть. Выходит, будто я раздумывал, взвешивал. А на самом деле все было в один миг».

Почерк у Сани был разборчивый и не очень крупный; только теперь Лера дочитала до конца листа и перевернула его обратной стороной. Там Саня писал другой ручкой – уже не чернильной, дорогой, как в начале, а обыкновенной, шариковой.

«Я вот написал, что когда пишешь, так просто не получается, как чувствуешь. И вдруг вспомнил, как ты мне сказала, что у Пушкина все просто, все уже без объяснений. Что так и есть, как он сказал. Помнишь – про дуб у лукоморья? И я поехал специально, взял у Таньки книгу. Просто стыдно кому сказать, ей-богу! Стал читать – думал, найду что-нибудь про себя. Конечно, нашел. Я ведь тебя тоже не ревную к твоему мужу за то, что ты его любишь, а совсем по-другому.

Но я тебе хотел еще сказать. Я ведь раньше думал, когда из колонии вышел: все в моих руках. Если чего очень захочешь – то и сможешь. Мне казалось: вот теперь и настала настоящая справедливость, а раньше только болтали про нее. И раз так – значит, всего можно добиться.

А тебя я узнал и понял, что все это ерунда. Нет никакой справедливости и быть не может. Мама правильно говорила: бог леса не ровнял. Ты меня не любишь и не полюбишь, хоть я горы сверну и лбом об стенку расшибусь. Потому что ты любишь другого. И какая тут справедливость? Ничего не поделаешь.

Мне этого не понять. Но я тебя люблю все равно, только, наверно, так и не решусь об этом сказать. Я тебе лучше выпишу стихи. Думаю, ты не будешь над этим смеяться, ты же к стихам по-серьезному относишься. Тем более, я тебе скорее всего это письмо и не отправлю.

Я эти стихи сразу увидел, как только книжку открыл. Точно как в тебя влюбился – с первого взгляда».

И все. Это были последние слова, написанные Саней. Дальше его почерком были написаны уже пушкинские слова:

Я вас люблю, – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь...

А закончить письмо он не успел – ни своими, ни пушкинскими словами.

Лера смотрела на оставшуюся пустой страницу и чувствовала, что пустота в ее душе, наоборот, заполняется, наполняется невыносимой мукой. Даже не мукой, не тоской... Лера не умела назвать то, что поднималось в ее душе, заполняло вязкую пустоту, которая совсем недавно казалась ей вечной!

Что разбудил в ее душе мальчик, который любил ее и которого она не могла полюбить?

Ночь давно уже сгустилась за окном, пошел дождь, застучали по карнизу частые капли, а Лера все сидела за столом, не чувствуя усталости, бессонно глядя перед собою.

И вдруг она подумала, услышав стук дождевых капель по карнизу: вот Саня лежит сейчас один, в крошечной тьме, и так же стучат над ним эти капли, а он не слышит...

Эта мысль была такой ясной и жуткой, что Лера вздрогнула и встала, схватившись руками за край стола. Она не могла оставаться наедине с этой мыслью, она должна была что-то сделать! Как будто можно было сделать что-то, чтобы прекратить эту страшную двойную несправедливость – несправедливость любви и несправедливость смерти.

«Я даже не спросила, где его похоронили! – подумала Лера со стыдом и отчаянием. – Одно, что я могла для него сделать, – прийти к нему на могилу, и даже об этом я не подумала!..»

Она впервые взглянула на часы. Была половина четвертого, скоро утро. Впервые за эту жуткую ночь Лера могла сделать что-то, приложить к чему-то простое усилие – и ей стало немного легче, когда она это поняла.

Она набрала «09», потом номер платной справочной, но везде монотонно чеканил автоответчик, и, значит, надо было ждать до утра.

И вдруг она вспомнила о случайно завалявшемся дома диске с телефонами Москвы. Это Зоська ей принесла, когда Лера еще работала в «Московском госте» и ей часто требовались домашние телефоны самых неожиданных людей. Этот диск с краденной в МВД программой сначала продавался чуть не у каждой станции метро. Потом граждане стали возмущаться такой наглой гласностью и диск даже начали изымать, но

безуспешно.

Нужный телефон почти сразу высветился на экране ноутбука. Да и странно было бы, если бы он не нашелся: Зоя Петровна Первачева жила в своей квартире с незапамятных времен...

О том, что на дворе ночь, Лера вспомнила, только когда в трубке зазвучали длинные гудки. Ей стало стыдно за свою нетерпеливую бесцеремонность, и она хотела нажать на рычаг, но трубку уже подняли.

Голос Зои Петровны звучал так, словно она и не засыпала.

– Зоя Петровна, извините меня... – сказала Лера. – Я забыла, что ночь... Это Лера, Лера Вологодина, вы ко мне приходили сегодня... вчера...

– Ничего, я все равно не сплю, – ответила Санина мама.

– Я хотела только спросить: где его похоронили?

– У нас тут, в Медведково. – Лере показалось, что та ждала ее звонка и этого вопроса. – У нас тут церковь есть, очень хорошая, Покрова Богородицы, а при ней кладбище маленькое. Там, конечно, не хоронят уже, но Игорь за место заплатил, чтобы мне близко было. Вы хотите к нему сходить?

– Да... – едва слышно произнесла Лера.

– Вы сходите. – В голосе Саниной мамы прозвучали просительные нотки. – Он рад будет, Сашенька, если вы придете... Там только памятник плохой, – добавила она. – Это какие-то его знакомые ставили, я их даже не знаю. Я говорила: зачем же сразу памятник, год ведь должен пройти, чтобы земля осела! А они: ничего, пускай сейчас – неизвестно еще, что с нами через год будет...

Зоя Петровна объяснила, как доехать до кладбища. Лера простилась с нею и снова села за стол над Саниным письмом.

Она приехала к церкви Покрова Богородицы, как только серый рассвет пробился сквозь пелену дождя.

Церковь была большая, старинная, то ли хорошо сохранившаяся, то ли давно отреставрированная – так, что налет новизны сошел со стен и купола поблескивали неярким, живым блеском.

В церкви служили заутреню, высокие печальные голоса певчих слышались из-за двери. Лера хотела войти, но почему-то не вошла, а сразу, обойдя церковь, пошла к небольшому кладбищу.

Она издалека увидела Санину могилу – узнала ее по памятнику – и, подойдя ближе, поняла, что узнала правильно.

Это действительно был ужасный памятник – огромный, массивный крест из черного мрамора, украшенный замысловатой резьбой. Резьба была

покрыта ярким, толстым слоем сусального золота, и такими же дорогими буквами было написано на кресте Санино имя.

Но стоя в ограде перед памятником, Лера уже не видела ни креста этого, ни золотых букв. Она смотрела на Санину фотографию – большую, цветную, в круглом медальоне.

Это была та самая фотография, о которой Лера подумала, когда увидела свою в Саниной ладанке.

На фотографии Саня смеялся. Лера никогда не видела, чтобы человек смеялся на кладбищенской фотографии. Но он же не любил фотографироваться, сам ей говорил – наверное, просто не нашли другой.

То есть он уже почти и не смеялся, когда обернулся к незваному фотографу, но смех еще стоял в его широко распахнутых глазах, и Лере показалось, будто неостановимая синева разрывает плотную пелену дождя.

Она не могла понять, что с нею происходит. Страшный звон стоял в голове, вертелись какие-то слова, складывались в строчки: на талом снеге... как будто спящий на ночлеге... недвижим юноша лежит... – хотя не было никакого снега, и юноши уже не было, только дождь, серый рассвет, тишина, нарушаемая далекими, едва слышными голосами певчих.

Но то, чем начала наполняться ее душа, когда Лера читала Санино письмо, – это поднялось теперь к самому горлу, смешиваясь с ясно звучащими строчками, разрывая ее изнутри.

Вдруг Лера подумала: «Господи, ведь если бы я лежала сейчас здесь, под этим ужасным крестом, а Саня пришел ко мне – разве он думал бы хоть о чем-нибудь, слышал бы какие-то строки, слышал бы голос: что ж? убит... Разве могло это быть с ним?! Да он бы просто забыл обо всем, кроме того, что меня нет, больше нет и никогда не будет, и заплакал обо мне, ни о чем не думая и ничего не слыша...»

И как только она подумала об этом, как только это промелькнуло в ней – словно невидимая преграда обрушилась в ее груди.

Ничего она больше не помнила, обо всем забыла – и слезы полились таким же неостановимым потоком, каким лилась из Саниных глаз синева!

Никогда в жизни Лера не плакала так. Прежде она всегда плакала о себе: о том, что поссорилась с дворовой подружкой, что приходится торговать заколками на рынке, что бросил Костя, что жизнь трудна и безжалостна – о себе.

А сейчас у нее не осталось ни одной мысли о себе, у нее вообще не осталось мыслей, и себя она забыла совершенно. Она плакала только о нем, о мальчишке синеглазом, о его так бессмысленно оборвавшейся любви и жизни, об умолкнувшем его голосе и навсегда закрывшихся глазах.

Она плакала из последних чувств, за которыми уже ничего нет, которые отделяют жизнь от смерти.

Лера не знала, сколько времени простояла, прижавшись лбом к медальону на черном кресте и задыхаясь от слез.

Когда она подняла глаза, ей показалось, что мир переменялся до неузнаваемости.

Она не сразу поняла, что же произошло. Ведь ничего на самом деле не изменилось: так же моросил дождь, так же блестел мокрый мрамор, и кусты у ограды кладбища так же шелестели желтеющими листьями.

Но она смотрела на все другими глазами. Но в ее душе все переменялось за эти минуты.

Того, во что она была погружена уже так давно – вязкой пустоты и безразличия, благодаря которым она только и могла в последнее время выдерживать жизнь, – этого больше не существовало!

Все это словно вымылось из ее души мощным потоком слез – и душа стала такая как есть: переполненная болью одиночества, ревнивой печалью, бессмысленностью жизни без Мити.

Лера не думала об этом так ясно и отчетливо. Она вообще ни о чем не думала, обводя взглядом ряды могил в старых оградах, – просто чувствовала, что сердце у нее вот-вот разорвется от ничем больше не сдерживаемой боли.

Она долго еще стояла, неотрывно глядя в Санины смеющиеся глаза. Только в эти мгновения утихала боль, а в остальные, бесконечной чередой маячившие впереди, – ей предстояло жить со своей болью, не надеясь больше ни на чью поддержку.

Лера вышла из могильной ограды, отошла на несколько шагов и оглянулась снова. Саня провожал ее взглядом, и взгляд был все такой же – веселый и влюбленный.

«Он теперь всегда так будет на меня отсюда смотреть, – вдруг подумала Лера. – Это же он на меня тогда и смотрел, когда его сфотографировали...»

Ей стало немного легче от этой мысли.

В церкви Лера поставила свечку у иконы, перекрестилась и, заглянув в печальные глаза Богородицы, попросила для Сани царства небесного и вечного покоя – вместо счастья, о котором ей так хотелось просить для него, живого...

Она долго еще смотрела в зеркальце заднего вида на купола церкви и ограду кладбища – и, ей казалось, на фотографию на черном кресте.

Глава 16

Лера даже не удивилась, что подумала о Мите сразу же, как только сошел с ее души вязкий налет безразличия. Это и не могло быть иначе.

Какой-нибудь день назад ей казалось, что пустота будет в ее душе всегда, что она сможет забыть Митю – надо только побыть без него, дожждаться спокойствия. Да она уже и была почти спокойна, и даже размышляла, что станет делать дальше: как еще до его возвращения перейдет в мамину квартиру, как постепенно введет Колю Мингалева в директорские права, как все-таки объяснит Аленке, что для нее ничего не должно измениться...

Тщета этих мыслей стала для нее пронзительно ясна перед лицом любви и смерти, под Саниным взглядом. Да она и не думала сейчас, не размышляла о своих будущих действиях. Так, промелькнуло что-то по краю сознания и тут же исчезло без следа.

Но как же ей теперь жить, когда омытая душа стала как рана, – вот что было невыносимо.

Что жить она не может – это Лера почувствовала сразу, как только вошла в квартиру.

То, что разрывало ей душу, не могло существовать в тишине и одиночестве. Больше невозможно было делать перед самой собою вид, что жизнь идет и идет себе потихоньку. Невозможно было делать вид, что вот сейчас возьмешь книжку, будешь разглядывать кружева на старинных картинах, или поедешь отдыхать на голубое море, или станешь беседовать о чем-нибудь неважном и приятном с умным и обаятельным мужчиной...

Есть жизнь, и есть смерть, и надо жить или умирать – никакого промежуточного существования, без боли и без любви, нет и быть не может.

Сначала Лере показалось, что, может быть, просто стены давят, что надо выйти на улицу – и станет легче.

Она послушно вышла во двор, потом на бульвар посередине Неглинной. Остановилась напротив ресторана «Узбекистан», посмотрела, как привычно выходят из иномарок мужчины в широких дорогих штанах и блестящих куртках.

Потом отвернулась и пошла дальше по бульвару. Вспомнила: «Мы гуляли по Неглинной, заходили на бульвар, нам купили синий-синий презеленый красный шар...»

Вспомнила, как праздновали здесь ее свадьбу с Костей, и Митя сидел на спинке лавочки, играл на гитаре, то и дело прихлебывая портвейн из стоящей на асфальте бутылки.

...Как он спросил меня – здесь, на этой лавочке, когда кончился весь этот ужас с Аленкиным похищением и все кончилось, что едва не стало в моей жизни непоправимым: «Что тебе надо, чтобы быть счастливой?»

Лера зажмурилась и, едва не вскрикнув от почти физически ощутимой боли, остановилась посреди бульвара. Постояла немного, потом перебежала дорогу и вернулась во двор.

...Как он входил во двор через арку, руки засунув в карманы плаща и голову слегка наклонив, думал о чем-то, мне неведомом, слышал какие-то звуки, которых мне не услышать никогда. А я смотрела на него из окна и думала: вот только это и есть, и ничего другого не надо...

Лера вошла в подъезд, поднялась по лестнице.

...Как мы с ним поднимались по лестнице в первый наш вечер и целовались на каждой ступеньке, едва смогли открыть дверь и целовались в прихожей, не включая света – потому что не могли оторваться друг от друга...

Она сняла пальто, прошла на кухню, села у стола.

...Как я готовила утром завтрак, а он играл на скрипке в кабинете. Какая-то мелодия повторялась и повторялась, и я пыталась вспомнить: что это он играет, такое знакомое? – и не могла вспомнить. А он вышел потом и засмеялся: «Подружка моя, да это же Моцарт, ты слышала сто раз, ну ничего, неважно!» А что Моцарта – я и сейчас не вспомню...

Ушла из кухни, зашла в Аленкину комнату.

...Как он сказал: «Она ведь теперь и моя дочка, правда?»

Захлопнула дверь детской, почти вбежала в спальню, остановилась, прижавшись к стене.

...Как он вдруг включил свет в темноте и сказал: «Посмотрю на тебя, любимая, еще посмотрю...»

Лера сжала голову ладонями, как будто хотела избавиться от этих мыслей, от этих неутрачиваемых слов.

Но она вовсе не хотела от них избавиться! Наоборот, она хотела слышать их снова и снова, она жить без них не могла, без него не могла жить! Не могла жить с этой вечной мыслью, что он навсегда разлюбил ее, что он любит теперь женщину, голос которой даже ее, Леру, заставляет забыть обо всем...

Да она и не смогла бы отвлечься от этих мыслей, даже если бы хотела. Что она могла сделать, чтобы отвлечься, – готовить, стирать? Зачем?

Вдруг Лера вспомнила, что на столе в кабинете осталась папка с газетами и журналами, которые она не успела дочитать. Там все было о Мите, и она почти побежала в кабинет, почти обрадовалась, что нашла наконец то единственное, чем могла сейчас заниматься.

Теперь Лера читала статьи, написанные уже после смерти Елены Васильевны и поэтому сложенные в беспорядке. Даже даты нельзя было определить, если они не были обозначены на газетных листах или если из журнала было вырвано лишь несколько страниц.

Но ей это даже больше нравилось. Лера просматривала статьи и, пропуская музыкальные термины, пыталась догадаться: когда это было с ним? Что он делал тогда, о чем думал, как шла его жизнь? И что происходило в это время с нею?

Газеты были в основном иностранные, и Лера даже англо-русский словарь взяла, чтобы не упустить ничего, хотя вообще-то понимала без словаря. По-немецки она, правда, не читала, поэтому с сожалением откладывала множество статей, написанных во время Митиной жизни в Вене.

Но и по-английски, и по-французски было написано достаточно.

«После триумфа в Лионе, Лондоне, Париже – покорится ли Вена?»

«Гладышев обладает, помимо дирижерского, уникальным талантом оперного режиссера. Он не стремится «оживить» оперное действие за счет внешних эффектов; кажется, что он всего лишь подчиняет сценический рисунок дирижерскому интонированию – но это дает неожиданный, мощный резонанс».

...Перед тем как ехать в «триумфальный» свой Лион, он заехал в Стамбул, где она бегала по лавочкам в поисках дешевых трусов и лифчиков, и нашел ее там, прямо в гостиничном вестибюле. А она даже не поняла, в чем дело: он сказал, что изучает здесь турецкую музыку, и ей в голову не пришло усомниться...

«Холодноватые сердца лондонцев растопил Дон-Жуан! Гладышев добился успеха, «отойдя в тень» и выстроив спектакль в расчете на индивидуальность исполнителя...»

«В «Пиковой даме» Гладышеву удалось уйти от опасного мелодраматизма, так соблазнительно-близко лежащего к выразительности Чайковского. Под сводами «Гранд-Опера» он ушел в другие пределы – трагедии, рока, судьбы – и в них сумел остаться собой, сохранить присущий ему утонченный артистизм. Это поразило взыскательного парижского зрителя, заставив...»

«В его постановке «Аида» наполнила бы не только зал Венской Оперы, но и огромное пространство под открытым небом...»

«Русский дирижер открывает венцам Моцарта».

...Из Вены он прилетел в Москву в тот день, когда ему показалось, что в ее голосе по телефону слышится отчаяние. А это не отчаяние было, а полная безнадежность: она поняла, что Аленку ей не отдадут и что придется ехать к Стасу, другого выхода нет. Митя сидел в машине, руки положив на руль и не трогаясь с места, и нельзя было передать, что звучало в его голосе, когда он спросил: «Почему ты мне хотя бы не сказала, что тебе деньги нужны? Хоть от этого я мог бы тебя избавить...»

В другой статье было написано, что Гладышев шокировал мировую музыкальную общественность, отказавшись занять место главного дирижера Венской Оперы. «При всей беспрецедентности этого предложения, сделанного столь молодому дирижеру...»

Этого Лера вообще не знала, Митя ни разу даже не упомянул об этом! Она взглянула на дату публикации. Как раз накануне его возвращения в Москву, которого он так хотел, о котором говорил ей в Венеции...

«Еще бы ему Ливнево мэр не отдал! – подумала Лера. – А он еще меня дразнил: «Наука убеждать, Цицерон, Демосфен!»»

«Его неожиданное и решительное возвращение в Москву тем более печально для нас, что Гладышев-скрипач и Гладышев-дирижер успел приучить венскую публику к замиранию сердца от своего неповторимого *sostenuto*, и теперь...»

Это она, кажется, перевела не очень удачно. Как это можно приучить к замиранию сердца? По-русски надо сказать как-то по-другому... Привязать сердце? Тоже не то. Заворожить сердце? Держать сердце в руках? И что такое *sostenuto*? Какой-то музыкальный термин, которого она не знала...

Это было итальянское слово, но Лера не могла вспомнить его значение. Все-таки забылся язык с тех пор, как она бросила аспирантуру и своего Тинторетто. Но оно засело в мозгу, не давало покоя.

Ей показалось, оно значит что-то важное, что ей необходимо понять...

Лера встала, подошла к полке, где стояли словари. Она сразу заметила итальянский словарь музыкальных терминов, но он стоял высоко, и ей пришлось взобраться на стул, чтобы достать.

Телефон зазвонил, когда она стояла на стуле, открыв словарь на букве S. Она чуть не упала, едва успела ухватиться за книжную полку: ей показалось, что это Митя звонит...

Лера даже не сразу поняла, чей голос звучит в трубке так сбивчиво и взволнованно.

– Лер, ну ты что? – услышала она наконец. – Это же я, Сусанна!

– Ох, Суса, извини... – сказала Лера упавшим голосом. – Я просто... Я что-то...

Едва она оторвалась от всех этих статей, от этих слов о Мите, сердце у нее снова забилося в муке, словно кто-то сжал его раскаленной рукой. Ей было совсем не до того, что говорила Сусанна Азарян...

Но Лера все-таки постаралась сосредоточиться.

– И все на меня! – восклицала Сусанна. – Просто ужас, Лер, ну почему именно я должна за всех? Я же говорила Зоське: какой тебе отпуск летом, ты что, в школе работаешь? У нас же разгар сезона! Но она уперлась, просто на нее не похоже: поеду с Лерой на Майорку, и все!

Только сейчас, услышав это, Лера удивленно подумала: действительно, как это Зоська уехала в августе отдыхать? Ни один сотрудник турфирмы не мог себе этого позволить, и уж никак не директор! Но то, что она услышала дальше, заставило ее забыть об этом.

– Да ты телевизор включи! – захлебывалась Сусанна. – Я же тебе с улицы звоню, прямо с Васильевского, а тут уже телевизионщиков кругом – как грязи!

– Прошу тебя, скажи внятно! – взмолилась Лера. – Что случилось, Суса, почему с Васильевского, с чего вообще – Васильевского?

– Да со спуска же Васильевского, который возле Красной площади! Говорю же тебе: дети сидят в автобусе с террористом! Французские дети, которые по проекту нашему приехали!

– Все, Сусанна, погоди, – сказала Лера, ища глазами ключи от машины, которые, кажется, положила на стол в кабинете. – У тебя телефон в руках? Через пять минут перезвони мне на сотовый. Пока я буду ехать, объяснишь подробнее.

Второпях она надела туфли на высокой шпильке и забыла плащ, но обнаружила это, только выбежав во двор. Возвращаться, чтобы переменить туфли и надеть плащ, было некогда.

«Хорошо еще, зонтик в машине», – подумала Лера и тут же об этом забыла.

Как будто это вообще могло быть хорошо или плохо! Как будто хорошо или плохо – это есть у тебя зонтик под дождем или нет...

По тому, как мало было машин на вечно забитом Бульварном кольце, Лера догадалась, что сегодня, значит, воскресенье. Так что доехала она до Кремля за считанные минуты. Сусанна еле успела объяснить по телефону, что же все-таки случилось. Еще по дороге досказывала, идя рядом с Лерой к милицейскому оцеплению.

Французские дети приехали впервые – по тому самому проекту, который Лера начинала, когда работала в «Московском госте», и за которым некоторое время еще продолжала наблюдать. Сначала все как-то не ладилось: не могли согласовать то образовательные программы, то возраст детей, то сроки приезда, то место жительства, то еще что-нибудь.

Зоська вообще советовала Лере бросить это хлопотное дело.

– Сдалось оно тебе! – восклицала Зоська. – Детский туризм – это же вообще морока, даже если туда отправлять. Мало я намучилась с Испанией! А уж здесь принимать... Мало ли что у нас может случиться? Может, вообще границы все закроют!

– Закроют границы – отдохнем, – посмеивалась Лера и тут же становилась серьезной. – Пойми, Жозефиночка, времена изменились, фирм туристических – вагон и маленькая тележка. Мы должны делать то, чего никто не делает!

– Так уж и никто, – скептически морщилась Зоська.

– Ну, почти никто. Вернье мне сам говорил: он уже с кем только не переговаривался, а дальше разговоров дело не шло.

– У них потому что требования завышенные! – возмущалась Зоська. – Как будто они сплошь наследных принцев собираются сюда присылать!

Но, несмотря на все сложности, проект наконец был согласован, и первая группа приехала месяц назад. И вот теперь эти дети сидели в автобусе на Васильевском спуске, и террорист грозил взрывом.

Подъезд к Васильевскому был оцеплен милицией.

Лера оставила машину на платной парковке на Тверской и, раскрыв зонтик, пробралась к цепи милиционеров. Она едва пробилась через толпу, но, конечно, пускать ее за оцепление никто не собирался.

– Поймите, я руководитель этой турфирмы! – доказывала она, держа перед усатым милицейским капитаном открытое удостоверение. – Ну, свяжитесь с кем-нибудь, позовите кого-нибудь!

– Никого не пропускаем, – твердил капитан, краем глаза поглядывая, однако, в Лерино удостоверение.

– Как же никого! – возмущалась она. – Вон, журналистов сколько! И дамочка какая-то приехала в лимузине.

– Это Мисс Звезда России, – уважительным тоном объяснил капитан. – Она приехала предложить себя вместо детей.

Несмотря на серьезность ситуации и на собственное невеселое настроение, Лера улыбнулась.

– Не волнуйтесь, – сказала она, – всем, кому надо, она себя уже

предложила. Террорист, пожалуй, откажется.

На эти слова усатый капитан расхохотался.

– И верно! – сказал он. – Я специально присмотрелся – страшненькая такая, кто ее только звездой выбрал! Ладно, гражданочка, подождите, сейчас с начальством переговорю.

Отойдя на два шага, он повернулся к Лере спиной и стал говорить что-то в милицейскую рацию. Потом повернулся снова, махнул рукой.

– Проходите, девушка, – разрешил он. – Во-он туда, где группа людей стоит рядом с машинами. Видите, вас уже человек идет встречать.

«Не совсем страшная, но челюсть-то какая тяжелая, – подумала Лера, проходя мимо Мисс Звезды, которая в длинной шубе из чернобурки и сверкающей короне стояла в окружении секьюрити и телекамер. – Как их, в самом деле, выбирают?»

Было еще не поздно, но из-за беспросветного мелкого дождя казалось, что стоят сумерки.

– Не повезло вам, – сказал Лере высокий мужчина средних лет и среднезапоминающейся внешности – с военной выправкой, но одетый в элегантный серый плащ. – Репутация фирмы пострадает.

Он взглянул на Лерино удостоверение, потом передал его другому мужчине, тоже в штатском, и тот скрылся в машине.

– Хорошо, если только репутация фирмы, – заметила Лера.

– Это верно, – согласился мужчина. – А вы зачем, собственно, пришли, Валерия Викторовна? Вы ведь владелица только, практически уже не работаете?

«Надо же, и это успели узнать!» – поразились про себя Лера.

Вслух она сказала:

– Директор в отпуске. И к тому же именно я начинала этот проект, так что я в курсе дела. А вы бы не пришли на моем месте?

– Пришел бы, – снова согласился собеседник и посмотрел на нее внимательнее. – Что ж, будем вместе стоять, толку-то от нас все равно нет. Меня зовут Валерий Андреевич, так что мы с вами тезки.

Судя по сосредоточенному лицу и коротким командам, которые тезка отдавал подходящим к нему людям в форме и не в форме, – от него-то едва ли не было толку. Но Лера действительно стояла рядом с ним без дела. Просто вглядывалась сквозь изморось в одиноко замерший посередине Васильевского спуска автобус «Мерседес».

– Никого не подпускает, – негромко сказал Валерий Андреевич. – И отпустить никого не хочет, шофера только вытолкнул сразу, тот его даже не разглядел. А денег между тем требует.

– Как же он требует, если никого не подпускает? – удивилась Лера.

– У него сотовый, у руководительницы группы отобрал.

– Так отдайте ему деньги, – сказала Лера. – Что ж теперь экономить.

– Разумно, – усмехнулся тезка. – Вот только он нас не предупредил заблаговременно о своем намерении. А в банках сегодня выходной. А то давно бы уже принесли. Тем более он утверждает, что чеку выдернул. Так что ему теперь вредно волноваться, как бы гранату ненароком не упустил.

В голосе Валерия Андреевича мелькнула такая холодная, хорошо сдерживаемая ненависть, что Лера поежилась.

Она чувствовала, что тезка почему-то расположен к ней так же доверительно, как и она к нему. Во всяком случае, он не предложил ей отойти хотя бы к стоящей поодаль группе журналистов, которые теперь не сводили телекамер и с нее.

Лера заметила несколько машин с дипломатическими номерами, в том числе и с французским флажком – машину посла.

Из-за журналистов, Мисс Звезды с компанией, дипломатов, множества людей в форме и в штатском – между двумя милицейскими цепями стоял встревоженный и напряженный гул.

– Много просит? – спросила Лера.

– Три миллиона.

– Долларов? – зачем-то поинтересовалась она.

– Да, не рублей, – усмехнулся тезка. – Сейчас привезут.

– Может, он наркоман? – предположила Лера.

– Да нет вроде. Говорит, попал в безвыходное положение. Проблемы у него, вот он их и решает. Требуется деньги, самолет и сопровождение до аэропорта.

– Повезете?

Тезка взглянул на нее холодными, как лезвия, глазами и спокойно сказал:

– Как получится.

В это время зазвенел его сотовый телефон. Валерий Андреевич слушал нахмурившись, но не произносил ни слова. По его лицу нельзя было понять, хорошие или плохие новости он выслушивает.

– Торопит, сволочь! – сказал он через несколько минут.

– Это вы с ним разговаривали? – поразила Лера.

– Нет, с ним специалисты разговаривают. Я только подключаюсь время от времени.

– Поторопитесь, Валерий Андреевич, – негромко произнес незаметно подошедший человек в короткой куртке. – Психолог говорит, он на грани

срыва.

Лера не понимала толком, как организована та работа, которой она стала свидетельницей. Да, наверное, ей и не позволили бы здесь находиться, если бы оттуда, где она теперь стояла, можно было это понять.

Она чувствовала только тревогу, которой с каждой минутой наливался влажный, теплый воздух.

Но ей самой становилось здесь спокойнее. Лере стыдно было за это, но она ничего не могла с собою поделать. Ей спокойнее было стоять здесь, рядом со своим тезкой, кожей чувствовать тревожный воздух неизвестности, – чем сидеть в одиночестве и не знать, что делать со своей душой.

Вслед за человеком в короткой куртке к Валерию Андреевичу подошел, чуть запыхавшись, другой – в длинном нубуковом плаще.

– Привезли! – сказал он, и в голосе его мелькнули горделивые нотки. – Правильно, что к нам сразу обратились, Валерий Андреевич.

Оглянувшись на телекамеры, человек в нубуковом плаще жестом фокусника пришлепнул броскую наклейку к большому кейсу, который держал в руках его широкоплечий спутник. Лера узнала логотип крупного банка. Человек помедлил, ожидая реакции Валерия Андреевича на свой жест. Но тот никак на наклейку не отреагировал.

Вдруг Лере показалось, что все вокруг как-то зашевелились, даже ходить стали быстрее. Оглянувшись, она увидела, что и Валерий Андреевич словно сквозь землю мгновенно провалился.

Дождевые струйки стекали с Лериного зонтика, ноги промокли в открытых туфлях. Незаметно наступил вечер. Зажглась подсветка на зданиях, и башни Кремля, Василий Блаженный, колокольня Ивана Великого стояли под дождем в серебристом сиянии.

Валерия Андреевича она заметила минут через пять. Он торопливо шел к белому длинному милицейскому «Форду». Но, встретив Лерин вопросительный взгляд, вдруг остановился как вкопанный, потом медленно, словно размышляя о чем-то, подошел к ней.

– Валерия Викторовна... – произнес он. – Извините, что к вам обращаюсь...

Услышав эти слова, Лера рассмеялась.

– Вы, видно, давно в метро не ездили, Валерий Андреевич! – заметила она. – Начинаете прямо как цыганка-попрошайка.

– А вы часто в метро ездите? – улыбнулся он в ответ.

– Редко, – призналась Лера. – В чем дело, Валерий Андреевич?

– Да в чем... Он требует, чтобы деньги принесла женщина! Нормальная,

говорит, женщина, не ментовская, не самбистка-каратистка...

– Это я! – тут же ответила Лера, чувствуя, что сердце у нее забилось быстрее. – Я – нормальная женщина, разве нет?

– Более чем, – кивнул Валерий Андреевич.

– Так в чем же дело? – поторопила его Лера.

– Дело в том, что это запрещено, – ответил он. – Всеми мыслимыми и немислимыми инструкциями запрещено, понимаете? Вы посторонняя женщина...

– Но вы же ко мне все-таки обратились? – настаивала Лера.

– Да потому что промедление смерти подобно! А женщины нашей нет! Нина наша ногу сломала вчера, понимаете? Просто как назло... Именно та сотрудница, которая специально для этого подготовлена! У нее и внешность подходящая, хоть и обманчивая – изящная такая женщина...

– Я тоже изящная, – усмехнулась Лера. – Валерий Андреевич, на что мы тратим время? Вы же сами сказали...

– Подумайте, Валерия Викторовна, – попросил он. – Я не имел права вам это предлагать...

– Но и не могли не предложить, – закончила Лера. – Правильно сделали. Давайте ваш чемодан.

– Погодите, тетка, – ишь, быстрая вы какая! Все-таки я должен посоветоваться. И одеты вы так...

– Как? – удивилась Лера, взглянув на свой длинный, кофейного цвета пиджак. – Нормально одета.

– Да где ж нормально? Юбка узкая, туфли как на бал! И как это вы ходите на таких каблуках?

– А-а! – Лера взглянула на свои туфли. – Ну, это ерунда. Подержите зонтик!

Схватившись за рукав тетки, Лера мгновенно сняла туфлю и, поставив босую ногу на мокрый асфальт, одним движением отломала каблук. Не успел Валерий Андреевич произнести ни слова, как она проделала то же самое со вторым каблуком.

И удивилась только, что каблук отломался так легко.

– Вот и все, – сказала Лера.

– Лихо. – Тетка покачал головой, глядя на нее, и в его непроницаемых глазах промелькнуло восхищение. – Подождите ровно три минуты.

«Вот, Санечка, – неслышно произнесла Лера. – Свежее решение...»

Валерий Андреевич действительно вернулся ровно через три минуты.

– Пойдемте, тетка, – сказал он. – Раз уж взялись за гуж... За кейс то есть.

Когда они дошли до внутреннего, последнего оцепления, неожиданно вспыхнули прожекторы, осветив пустынный Васильевский спуск. Лера даже прищурилась, привыкая к яркому свету.

– Валерия Викторовна, – сказал ее спутник, и Лере показалось, что голос у него слегка дрогнул, – я уполномочен передать, что мы вам чрезвычайно благодарны...

– Спасибо, – улыбнулась Лера.

– Так вот, – голос Валерия Андреевича выправился, стал по-прежнему невозмутимым, – имейте в виду, что мы ни в коем случае не станем проводить никаких оперативных мероприятий, пока вы будете находиться рядом с автобусом. Подчеркиваю: ни-ка-ких! – Он смотрел на Леру прямым, неотрывным взглядом. – Только обеспечивать вашу безопасность. Поэтому – спокойно, без спешки. Ваша задача – подойти к автобусу, передать ему деньги и вернуться. Больше ничего! В автобус не входить, в разговоры с ним не вступать. Если что – скажете, что ваше дело маленькое: вы случайная прохожая, получилась спешка, вас попросили, вы согласились... Тем более что это недалеко от истины. Учтите, он провинциал – похоже, с Украины или с юга России. Не производит впечатления социально опасного человека, но особенно с ним расслабляться тоже не следует. Если он что-то станет вам говорить – никаких возражений. Кивайте, соглашайтесь со всем. Повторяю, ваша задача – передать деньги и не входить в автобус.

– Может, лучше мне все-таки войти? – спросила Лера. – Ведь там дети... Им, наверное, страшно одним!

– С ними руководительница группы, – отрезал Валерий Андреевич.

– Да ведь она француженка! – Лера постаралась, чтобы ее голос звучал как можно более убедительно. – Она же боится не меньше их! А я и по-французски свободно...

– А вы разве не боитесь? – вдруг спросил Валерий Андреевич, внимательно вглядываясь в Лерино лицо.

– Нет, – ответила она. – Честное слово – нет. Валерий Андреевич, вы думаете, это то, чего стоит бояться?..

Это она сказала совершенно искренне, и горькие нотки невольно проскользнули в ее голосе.

– Ну, не будем это обсуждать, – не допускающим возражений тоном сказал Валерий Андреевич. – В автобус не входить, и все на том. А вот присмотреться к нему, насколько это возможно, – это бы неплохо. Вы, по всему видно, женщина с интуицией...

– Спасибо за комплимент, – снова улыбнулась Лера.

– Постарайтесь понять все, что возможно: возраст его, социальное положение, психическое состояние. И прошу вас, имейте в виду... – Валерий Андреевич на секунду замолчал. – Хотя мы и сомневаемся, но все-таки может быть, что он действительно выдернул чеку... Вы понимаете?

– Да, – кивнула Лера. – А вы понимаете, Валерий Андреевич?.. Понимаете – как это можно? Что в голове у этого человека? И не в голове...

– Что в голове – приблизительно понимаю, – спокойно ответил он. – А не в голове... Я не писатель, Валерия Викторовна, мне перевоплощаться незачем. Что бы он ни объяснял – человек понимать его не должен. Такое мое убеждение. Если вдруг что – падайте на землю.

Они помолчали, глядя друг другу в глаза.

– Как его зовут? – спросила Лера. – На всякий случай...

– Не представился, – усмехнулся Валерий Андреевич. – Невежливый. Что ж, Валерия Викторовна... Нет у нас больше времени. Мы сообщаем ему, что вы идете.

Лера взяла большой кейс с нашлепкой-логотипом – и чуть не упала от неожиданной тяжести.

– Ого! – сказала она. – Вот это вес! Прямо сумка челночная.

– А вы как думали? – усмехнулся Валерий Андреевич. – Три миллиона – это вам не бумажник. Ну ничего, тут совсем близко. С богом, Валерия Викторовна!

Кейс был просто до невозможности тяжел – Лере показалось, что рука у нее вот-вот оторвется. Она уже прошла метров пятьдесят по пустынной, освещенной прожекторами улице, когда сообразила, что до сих пор держит над собой зонтик и поэтому несет кейс в одной руке. К тому же и идти было не совсем удобно: все-таки колодки ее туфель были рассчитаны на высокий каблук, и теперь Лере казалось, что пятки вдавливаются в мостовую.

Выпустить из рук кейс Лера не решилась – и просто положила открытый зонтик на землю. Он тихо покатился по лужам, подгоняемый едва ощутимым ветром, выписывая замысловатые спирали, кружась на месте, а Лера пошла дальше.

И вдруг она остановилась, словно накрытая какой-то невидимой волной! Это было так отчетливо, так сильно...

Лера стремительно обернулась, пытаясь разглядеть лица оставшихся у нее за спиной людей. Она так ясно почувствовала Митин взгляд, почти голос его услышала – и не могла поверить, что это ей просто показалось.

Но его не было среди них, да если бы и был – возвращаться было поздно.

«И затмил-мил-мил все пути...» – мелькнули в голове слова Митиной давней песенки.

Лера перехватила кейс двумя руками и пошла вперед, к автобусу.

Глава 17

Она не представляла, как будет выглядеть этот террорист. По правде говоря, она совсем о нем не думала. Наверное, прав был тезка: человек понимать его не должен.

Дверь автобуса была закрыта, и Лера остановилась в нерешительности. Что делать – стучаться, что ли? Кто-кто в теремочке живет?

Но стучаться не пришлось. Дверь плавно отошла в сторону, и Лера услышала приглушенный голос:

– Открой замок, положи чемодан на ступеньку. Отойди на шаг и стой, не уходи.

Конечно, сразу чувствовался в его голосе мягкий южный акцент. Не кавказский, а именно южный – украинский, ростовский, ставропольский...

Лера щелкнула замком, положила кейс на нижнюю ступеньку и отошла на шаг от автобуса.

Из-за двери показалась широкая рука с короткими пальцами. Рука быстро открыла кейс и принялась торопливо сгребать на автобусную ступеньку верхний слой зеленых долларовых пачек. Скорее всего, террорист хотел убедиться в том, что ему не подсунили «куклу», набитую газетами. Потом рука начала перебрасывать вынутые пачки внутрь автобуса.

Лера ждала, ежась под дождем.

– Подойди сюда! – вдруг услышала она. – Помогай втащить.

– С какой это радости? – невольно сорвалось у нее с языка.

Но тут же Лера вспомнила, что не следует возражать этому человеку. И про выдернутую чеку вспомнила... Вполне возможно, что одна рука у него занята гранатой, вот он и не может справиться сам.

Лера подошла к двери и подхватила открытый кейс за крышку. Широкая рука держала его с другой стороны. Лера приподняла кейс и легонько подтолкнула вперед, к своему незримому партнеру.

– Эй, эй! – воскликнул тот. – Не пихай чемодан, гроши рассыпешь!

– Целы будут твои гроши, – сердито сказала Лера.

– Не выступай! – отрезал голос. – Влезь на ступеньку и подавай осторожненько!

Лера послушно поднялась на нижнюю ступеньку, приподняла кейс повыше – и он словно уплыл из ее рук внутрь автобуса.

И тут же Лера увидела человека, которому поневоле помогала.

Первое, что она разглядела, была печать испуга, отчетливо заметная на его лице. Глаза у него были круглые, как пуговицы, и от этого усиливалось ощущение, что весь он пронизан страхом, как током.

Те несколько секунд, которые они смотрели друг другу в глаза, показались Лере нескончаемыми.

– Убедился? – спросила она наконец, стараясь говорить как можно более равнодушно. – Все тебе принесла?

И вдруг вместо ответа он схватил ее за руку, сжал так сильно, что Лера даже вскрикнула слегка, – и, рванув к себе, втащил в автобус. Дверь за нею тут же плавно закрылась.

Лера так больно ударилась коленом о верхнюю ступеньку, что слезы брызнули у нее из глаз. Поэтому она не сразу сообразила, что же произошло.

– Придурок! – зло вскрикнула она и стукнула кулаком по руке, продолжающей сжимать ее запястье. – Ты что, совсем свихнулся?!

– Заткнись! – услышала она; рука, однако, разжалась. – Не стеклянная, не разобьешься!

В автобусе было душно из-за закрытых окон и стоял полумрак, потому что занавески тоже были задернуты. После яркого света прожекторов на Васильевском спуске глаза не сразу привыкали к полутьме.

Мужчина стоял напротив Леры, загораживая ей проход в салон. Раскрытый кейс с деньгами лежал рядом с ним, пачки долларов были рассыпаны и по полу.

Первое ощущение – что от него исходит страх, – пожалуй, не обмануло Леру. Мужчина был небольшого роста, плотно сбитый, лысоватый и весь какой-то потный – может быть, из-за духоты, но Лере показалось: от того же страха, что круглил его и без того круглые глаза.

Но главным было то, что она наконец увидела обе его руки. В одной он держал пистолет, направленный на Леру, а другая была свободна – никакой гранаты с выдернутой чекой. Лера вздохнула с облегчением.

– Не мог сказать? – спросила она. – Я бы сама поднялась.

Одет он был в короткую кожаную куртку. Куртка расстегнулась на небольшом брюшке, и на рубашке были заметны жирные пятна – какие всегда бывают на рубашках мужчин с брюшком, если они едят неаккуратно.

Вдруг Лера почувствовала, что сейчас расхохочется. Как если бы она ожидала встретить Змея Горыныча, а вместо него перед нею появилась бы ящерица. Хотя она вообще-то ничего не ожидала от этого человека...

– Ну, дай уж пройти, раз пригласил, – усмехнулась она. – Дай с детьми поговорить.

– Они по-русски плохо, – ответил он, отступая на полшага в сторону и не отводя от Леры ни глаз, ни пистолета.

– Я зато по-французски хорошо.

– Учти, у меня граната за пазухой, – предупредил он. – К ней взрывчатка привязана. Если что – успею рвануть, костей не соберут.

Лера пожала плечами и прошла в салон. От испуга дети сидели так тихо и неподвижно, что она только теперь их разглядела.

Это были обыкновенные европейские дети – Лера сразу же отличила бы их в любой московской толпе, хотя в Москве дети давно уже одевались вполне по-европейски. Но в этих было что-то особенное, поколениями воспитанное. Утонченность, что ли? Нет, не так. Вели-то они себя – не сейчас, конечно, а в нормальной обстановке – куда более раскованно и разболтанно, чем русские, даже самые «новые».

Просто жили они по-другому – спокойнее, стабильнее, логичнее, – и это необъяснимым образом отражалось на их лицах, сказывалось даже в манере одеваться.

Но Лера едва не ахнула, увидев, какие они маленькие! Ей почему-то казалось, что это будут ребята лет шестнадцати, а этим было по двенадцать, не больше... К тому же в автобусе сидели в основном девочки и смотрели на Леру испуганными, ничего не понимающими глазами.

«Ну сволочь! – подумала Лера с такой ненавистью, которой не могла в себе предположить. – Хорошо же ты решаешь свои проблемы...»

– Я должна извиниться перед вами, – сказала она, звонким голосом нарушив затхлую тишину автобуса. – Я прошу нас извинить за все это. Но вам не надо бояться, – добавила она. – Скоро все это кончится, переговоры уже подходят к концу.

Все-таки французский, который она учила много лет назад в спецшколе на Сретенке, остался самым лучшим ее иностранным языком. Едва произнесла первые две фразы, Лера почувствовала, что говорит свободно, не подбирая слов, и даже может управлять нюансами своей речи.

Услышав родную речь, дети оживились.

– Мадам, значит, нас скоро освободят? – спросила маленькая беленькая девочка в узких брючках и ярко-голубой майке.

Светлые волосы девочки были собраны в хвостик и перевязаны голубой лентой. Лера вдруг так ясно представила на месте этой девочки Аленку, что ей впервые стало страшно.

– Да, – твердо ответила она. – Вас бы уже давно освободили, но

стараятся это сделать так, чтобы для вас не было никакой опасности.

– Мадам, вас специально послали к нам? – услышала Лера. – Вы секьюрити?

Взглянув туда, откуда послышался этот вопрос, Лера увидела, что его задала миловидная девушка лет двадцати – наверное, та самая руководительница группы.

– Мадам, прошу вас, постарайтесь употреблять французские слова, – не меняя тона, заметила Лера. – Наш... сосед не владеет французским, а вот английское слово, которое вы произнесли, очень распространено теперь в России. Он может неправильно нас понять... Нет, я не сотрудник службы безопасности. Я руководитель фирмы, которая вас пригласила, меня зовут Валерия Вологодина.

Кажется, Лера не ошиблась: реакция на слово «секьюрити» последовала незамедлительно.

– Ты чего там им сказала? – воскликнул террорист. – А ну, переведи по-русски!

– Какая тебе разница, о чем я говорю с детьми? – обернувшись к нему, ответила она. – Говорю, чтобы не волновались, что ты не сделаешь им ничего плохого.

– А секьюрити кто? – недоверчиво поинтересовался он.

– «Секьюрити» значит «безопасность», – спокойно соврала Лера. – Учительница спросила, угрожает ли что-нибудь их безопасности.

– А! – успокоился тот. – Так это не от меня зависит – насчет ихней безопасности. Мне терять теперь нечего... А ты с ними по-русски говори.

– Сам же говорил, что они плохо понимают! – возмутилась Лера.

– Вот и нехай потренируются, – усмехнулся мужчина. – Время есть.

– И много времени? – не преминула спросить она.

– Как карта ляжет. Деньги дали, теперь пускай на самолет везут. Ты со мной поедешь, – добавил он, хотя Лера не спрашивала его об этом. – Мне теперь нельзя тебя выпускать. Фоторобот там, еще что... Расскажешь, в общем, что тут и как.

– Дурак ты, – сказала Лера. – Дали же тебе деньги, отпустил бы детей.

– Дети со мной полетят, – с какой-то обреченной готовностью заявил он, и Лера почувствовала холодок в груди. – Я их там, на месте отпущу.

Он сделал неопределенный жест рукой.

– На каком же месте? – стараясь казаться спокойной, поинтересовалась Лера.

– А тебе зачем?

– Интересно же, на кого ты рассчитываешь. По-моему, уже и стран-то

нет, чтобы таких, как ты, принимали.

– Ничего, поищем, – усмехнулся террорист. – Ладно, садись покамест. Смотри только... Хотя ты на ментовскую и правда не похожа, но если что...

– Ладно, ладно, не переживай, – махнула рукой Лера. – Умом ты, конечно, не вышел, но прикинь все-таки: какое «если что»? Хотели бы – уж давно бы...

– Это верно, – согласился мужчина, не обидевшись на замечание о его уме. – Сиди, в общем, жди, как все.

Лера не рассчитывала специально, как надо говорить с этим человеком. Валерий Андреевич, пожалуй, за голову бы схватился, услышав, что она обозвала дураком террориста с гранатой за пазухой. Но Лера почему-то догадывалась, что заискивание его не успокоит. Да она бы и не смогла, наверное, перед ним заискивать.

Она говорила с ним без лишних церемоний, и как раз это почему-то его успокаивало. Во всяком случае, то ощущение страха, которое так бросилось ей в глаза вначале, как будто стало не таким заметным.

Лера вспомнила, как психолог сказал, что этот человек находится на грани срыва. Может быть, сразу так оно и было, но сейчас она этого, к счастью, не замечала.

Автобус не был заполнен даже наполовину, но все дети сидели впереди. Наверное, террорист не разрешил им забраться в конец салона. И все-таки несколько рядов кресел перед ним были свободны, и Лера села в одно из кресел между ним и детьми. В следующем ряду, но через проход, расположились руководительница группы и беленькая девочка с голубой лентой.

Усевшись вполоборота, Лера спросила руководительницу:

– Как вас зовут?

– Натали, – ответила та. – Натали Елагина.

– Так вы русская? – удивилась Лера.

– Да, – кивнула девушка и добавила извиняющимся тоном: – Но я слишком плохо говорю по-русски... Моя мама родилась во Франции, а моя русская бабушка умерла, когда мне было три месяца. Я надеялась практиковаться в Москве...

– Что ж, давайте практиковаться, – улыбнулась Лера. – К сожалению, у нас есть время. Вы можете говорить мне «ты». Знаете, что «вы» по-русски звучит более церемонно, чем по-французски?

– О, конечно! – воскликнула Натали, и улыбка осветила ее лицо, теперь показавшееся Лере еще более юным. – Вы тоже – мне «ты»!

– Сколько с тобой детей, Натали? – спросила Лера.

– Всего десять человек – ты видишь, автобус почти пустой. Это только часть группы, и, конечно, главный руководитель не я. Мы вышли из Кремля, погуляли по Красной площади, сфотографировались. Но все время шел дождь, и мы гуляли недолго. Потом сели в автобус и стали ждать, когда остальные придут из Оружейной палаты. И вдруг вошел этот человек... А это Отиль. – Натали кивнула на беленькую девочку, внимательно слушающую их разговор. – Она очень способная девушка, очень! Она стала так хорошо говорить, после того как жила в московской семье...

Сидя вполоборота и болтая с Натали, Лера краем глаза приглядывалась к террористу. Конечно, она ничего не понимала в террористах, но и не требовалось большого опыта, чтобы понять: он – полный дилетант, и вся эта страшная авантюра удалась ему только чудом. Он не слишком внимательно наблюдал за салоном, в руке держал не гранату, а пистолет, который профессионал легко выбил бы у него одним ударом или выстрелом.

«Его счастье, что он не показывается и что занавески задернуты, – подумала Лера. – А так бы уже давно... Его счастье... А наше-то?.. И сколько нам вот так сидеть, и что будет потом? Неужели повезут его в аэропорт? Так ведь, глядишь, и правда с ним лететь придется... А если не повезут – что тогда?»

– Моя бабушка была из очень хорошей семьи, – рассказывала Натали. – Мне показали наш московский особняк на улице... – Натали замялась, вспоминая. – Переулок... Апельсиновый?

– Апельсиновый? – удивилась Лера. – Где это такой?

– Может быть, не совсем так... Померанец?

– А! – догадалась Лера. – Померанцев переулок! Это на Пречистенке. Лопуховский, Померанцев, Мансуровский...

Как струны звенели любимые названья.

– Да! – обрадовалась Натали. – Там теперь банк. Это грандиозный дом! Я думаю, когда-нибудь банк выплатит мне компенсацию, – лукаво улыбнулась она. – Ведь я имею право по закону как наследница, не так ли?

– Несомненно, – улыбнулась в ответ Лера. – Наши банки – образец законопослушания.

– А мне так понравилось в Москве! – печально сказала Отиль. – Так жаль...

– Ничего. – Лера ободряюще взглянула в расстроенное девочкино личико. – Ты приедешь еще раз! И в следующий раз все будет прекрасно.

– Мои родители больше не отпустят, – вздохнула Отиль.

– А я их сама попрошу, – заверила Лера. – Я сама к ним приеду со своей

дочерью, и мы вместе их уговорим! Где они живут, в Париже?

– В Тулузе. Вы правда приедете к нам, мадам? – обрадовалась Отиль. – У нас очень красиво!

– Я знаю, – кивнула Лера. – Я была в Тулузе.

«Как на Аленку похожа! – подумала Лера. – Подружились бы... Что она там, интересно, делает? С Севой, наверное, рыбу ловит на спиннинг...»

Лера постаралась не думать об этом.

Вдруг Отиль побледнела и закашлялась. Тут только Лера уловила запах папиросного дыма.

– Он курит что-то невыносимое, – прошептала по-французски Натали. – Это невозможно выдержать!

– Почему же вы ему не сказали? – возмутилась Лера.

– Я думала, может быть, лучше не раздражать его... – растерянно произнесла Натали.

Лера обернулась к террористу.

– С ума ты сошел! – сердито сказала она. – Полный автобус детей, окна закрыты! Что это за дрянь ты куришь?

– Дрянь! – обиделся тот. – Оно ясно ж, «Беломор» не «Мальборо», ну так что? Уже наших папирос покурить нельзя простому человеку?

Лера усмехнулась.

– Три миллиона тебе принесли! Ты не мог на пять баксов попросить нормальных сигарет? Ох и бережливый ты, задушит тебя жаба! Как тебя зовут, кстати? – спросила она.

– Петр... – Кажется, он слегка растерялся от ее слов. – Правда, не сообразил насчет сигарет... А у тебя нет случайно? – просительно поинтересовался он.

– Нет, – отрезала Лера. – Бросай, Петя, курить, береги здоровье.

Сигареты остались в забытом дома плаще, а Митина пепельница лежала в кармане пиджака. Лера прикоснулась к ней пальцами.

– Вы совсем его не боитесь? – снова по-французски, удивленно и восхищенно, прошептала Натали.

– Его нельзя бояться, – мягко объяснила Лера. – Я боюсь за вас, это так. Но его... Он ничтожный человек, неужели вы не видите?

– Но он может нас убить, несмотря на свое ничтожество!

– Не может, – сказала Лера решительно. – Ничтожный человек не может нас убить, мы ему не позволим.

Конечно, она говорила полную глупость и прекрасно это понимала. Саню убили ничтожные люди, самых хороших людей убивали ничтожные люди, и все убийцы ничтожны... Но ей надо было что-то говорить, надо

было как-то успокаивать Натали, которая с трудом скрывала свой испуг.

В чем Лера ее не обманывала – это в том, что сама она действительно не испытывала ничего похожего на страх перед этим ничтожеством. Ей было не до него.

Сначала, когда она отломала каблуки, взяла в руки неподъемный кейс, когда террорист втащил ее в автобус, – Лера еще была отвлечена всем этим от того, что происходило с нею на самом деле, что было для нее единственно важным.

Но теперь, в душной полутьме автобуса, все словно вернулось на круги своя. И Лере не хотелось ни болтать с Натали, ни разговаривать с доморощенным террористом Петей.

Все снова стало неважным и ненужным по сравнению с тем, что происходило в ее душе. Она даже удивилась этому, но как-то мимолетно. А потом перестала удивляться тому, как соединяется в ней напряженная готовность ко всему – и погруженность в себя, в свои невеселые мысли.

Лера думала обо всем, что казалось ей невозвратным.

Они так мало ездили куда-нибудь с Митей вдвоем! Да можно считать, никуда и не ездили – только та неделя в альпийском поселке... У Мити был расписан каждый день, и Лера только удивлялась: как это он, с его любовью к неожиданным поступкам, с его легким, стремительным вниманием и способностью погружаться в то, чего никто не слышит и не видит, – как он выдерживает жесткую сетку, которая словно накинута на его жизнь?

Приимчивость к самым невероятным проявлениям жизни действительно была едва ли не самой главной ее чертой, Лера правду сказала однажды Сане. И все, что чувствовал Митя, сразу ложилось ей на душу, становилось ее чувством, как будто уловленное особой антенной. Но его жизнь оставалась так же непонятна ей, как скрытые уголки его глаз...

Она почувствовала его сильное, неостановимое влечение к Тамаре – но объяснить его так и не смогла. И вот теперь, сидя в автобусе с детьми и террористом, Лера думала о том, что же повлекло Митю к этой женщине, оторвало от нее, Леры, сделало непроницаемыми его глаза.

И музыка ответом звучала в ее ушах – как всегда, неведомая ей, неузнаваемая, – и слышался Тамарин голос – чудесная, летящая кантилена...

Но и к тому, что говорил и делал «сосед», она прислушивалась и присматривалась постоянно. Говорил он, впрочем, только по телефону – с теми людьми, которых Лера видела вдалеке, время от времени незаметно

отодвигая край занавески.

Похоже, он согласовывал маршрут. Лера слышала, как он переспрашивает названия улиц, сверяя их с планом города, и догадывалась, что поедут скорее всего в Домодедово.

«Куда же он все-таки лететь собирается? – думала она. – В Иран, в Ирак? Или в Чечню?»

Мысль об охваченной войной Чечне была особенно неприятна. К тому же и время словно растянулось, замедлилось. Если бы не часы у нее на руке, Лера не могла бы определить, как долго она находится здесь, в этом безнадежно замкнутом пространстве. Часы показывали два часа ночи. Прожекторы по-прежнему заливали ослепительным светом пустынную улицу.

– Слушай, тебе не надоело еще? – не выдержав, спросила она у Пети. – Который час уже торгуешься! Ты же даже улиц не знаешь, ехал бы куда везут.

– Счас! – хмыкнул он. – Они меня, может, прямо в Бутырку повезут, а я ехай?

– Дети устали, – сказала Лера, но он пропустил ее слова мимо ушей.

Конечно, они устали – как им было не устать? Лера удивлялась, что сама не чувствует усталости, хотя шла уже третья ее бессонная ночь. А детские лица прозрачными казались от усталости, особенно у побледневшей Отиль, на которую Лера смотрела чаще, чем на других, и со все возрастающей тревогой.

Юная Натали сидела в центре салона, в окружении детей, и ее личико было печально.

– Натали, – негромко сказала Лера по-французски, подсаживаясь к ней поближе, – их надо уговорить поспать. Невозможно, чтобы дети так долго находились в таком напряжении.

– Вы чего шепчетесь? – крикнул Петя.

– Подойди послушай, – огрызнулась Лера. – Спать их хочу уложить.

Если бы не дети, она бы, наверное, еще менее была с ним осторожна – такая ненависть поднималась в ней при виде его круглых глаз, потных залысин и даже пятен на рубашке.

– Я пыталась, – ответила Натали. – Но они не хотят уснуть, они слишком возбуждены.

– А вы расскажите нам сказку, мадам! – вдруг попросила Отиль. – В семье, где я жила, была бабушка, и она всегда рассказывала вечером русские сказки, специально для меня. Мне так нравилось!

– Какую же сказку? – улыбнулась Лера.

И тут же поняла, что совсем не знает сказок. То есть она помнила, конечно, те, что читала и рассказывала ей в детстве мама – тем более что их слушала потом и Аленка. Но это были совсем детские сказки – про Петушка Золотого Гребешка, про Теремок и Курочку Рябу. Едва ли они могли быть интересны, например, двоим мальчишкам лет четырнадцати, Эжену и Клоду, которые, стараясь выглядеть как можно более невозмутимыми, по очереди играли в «гейм-бой».

Лера задумалась.

– Хорошо! – вдруг сказала она. – Я расскажу, но вы слушайте все, и Эжен с Клодом тоже. Вам ведь надо изучать русский язык, правда? Ну вот, его надо изучать по этой сказке, а не по тому, как разговаривает господин террорист.

– Мы слушаем, мадам, – вежливо сказал Клод, и, глядя в его улыбающееся лицо, Лера подумала, что мальчик действительно держится мужественно.

– Царь с царицею простился, в путь-дорогу снаряжился, – начала Лера и тут же почувствовала, как замерло, а потом стремительно забилося, занялось ее сердце. – И царица у окна села ждать его одна...

Дети слушали внимательно, их глаза поблескивали в темноте. Лере вдруг показалось: эти французские мальчики и девочки, жизнь которых зависела от ничтожнейшего человека, именно сейчас почувствовали то неназываемое, что было скрыто в этих простых словах. То, что чувствовал Митя, что было внятно ей самой, что почувствовал Саня...

– Не видать милого друга! Только видит: вьется вьюга, снег валится на поля, вся белешенька земля...

Лера замолкла, произнеся эти слова. Дождь кончился, капли уже не стучали по крыше автобуса, а блестящими дорожками стекали по стеклам.

– Не трогай занавеску! – прикрикнул Петя.

Лера досказала «Сказку о мертвой царевне». Она с пяти лет помнила ее наизусть.

– А теперь – спать! – объявила она. – Мы все очень устали, правда?

Конечно, это было им трудно – переходить от бодрствования ко сну в темноте и духоте. Казалось, уже потеряно даже ощущение верха и низа, а не только дня и ночи.

Лера ощущала абсурдность, едва ли не глупость ситуации. Бестолковый террорист, несопоставимо с его бестолковостью большая сумма, которую он потребовал, план Москвы, по которому он водит коротким пальцем...

И в то же время Лера чувствовала его растущее напряжение. Наверное,

он снова начал приходить в то состояние, которое могло привести к срыву.

«Чего они ждут? – почти с раздражением думала она о людях, среди которых недавно находилась. – Его же голыми руками можно брать, неужели до сих пор не догадались? Ведь уже сколько часов с ним беседуют... Да и есть ли у него вообще граната?»

Чем ближе становилось время отъезда в аэропорт, о котором Петя наконец договорился, тем нервнее он делался, тем капризнее.

Лера слышала, что требования, которые он уже почти выкрикивал в трубку, становятся все противоречивее. То спрашивал, хорошо ли освещены улицы, по которым его повезут. То требовал, чтобы впереди ехали не милицейские машины, а почему-то мотоциклы, в которых, дескать, никого не спрячешь. То грозил, что его люди в аэропорту ждут сигнала, и если сигнал не поступит от него через полчаса, то в одном из аэропортов прогремит взрыв...

«Бред какой-то! – с тоской думала Лера. – Вот, называется, довелось увидеть террориста – и такой кусок дерьма. Дура! – тут же одергивала она себя. – Лучше было бы, попадись профессионал?»

– Скоро поедем? – спросила она.

– На рейс торопишься? – криво усмехнулся Петя. – Не бойся, трап не уберут.

О чем с ним было говорить... Лера прислонилась лбом к закрытому занавеской стеклу. Все время, проведенное в автобусе, она находилась в этом странном, одновременном состоянии: наблюдала за Петей и была погружена в собственные мысли.

Вернее, это были даже не мысли – хороводы воспоминаний, печальных и счастливых слов, любимых лиц, томительных звуков. Санин влюбленный и веселый взгляд с овального медальона на черном кресте... Темный глаз на березе, склоненной над ручьем у ротонды... Тишина ливневского зала – когда звуки таят в стенах, в самом воздухе...

И Митино лицо, освещенное лампочкой дирижерского пульта, руки, взлетающие в полумрак и кажущиеся там огромными. И его мгновенное, как вздох, объятие, и прикосновение его пальцев к ее лицу – прежде чем губы прикоснутся неостановимым поцелуем...

Теперь, в воспоминаниях, весь он был с нею. Совсем иначе, чем в те невыносимые дни, когда он был рядом – но так далеко... И Лера впитывала в себя каждую минуту воспоминаний, дышала каждой минутой.

...Она вернулась домой поздно. У «Горизонта» были какие-то переговоры, потом пришлось сидеть на банкете в «Савое», украдкой поглядывая на часы и думая, когда же удастся незаметно исчезнуть из-за

стола.

Когда Лера наконец вошла в квартиру, Митя уже вернулся из консерватории и был дома не один. Она услышала негромкий незнакомый голос в гостиной и даже удивилась: он не предупредил, что кого-то ждет.

– Лера... – сказал Митя, когда она заглянула в комнату.

Он произнес ее имя так же, как всегда произносил его при встрече – наедине ли, при людях ли – с только им двоим понятным чувством.

Гость поднялся вместе с ним, когда она вошла. Его лицо показалось Лере знакомым. Но когда Митя представил ей этого невысокого, подвижного человека с доброжелательным взглядом из-под очков, – она просто остолбенела. Еще бы не показалось знакомым его лицо! Она столько раз видела этого музыканта по телевизору, когда он дирижировал или играл на виолончели! Но впервые – наяву, вблизи, в комнате...

Лера посмотрела на него так растерянно, что, наверное, выглядела полной идиоткой. Но, вместо того чтобы вежливо не заметить ее растерянности, тот засмеялся и сказал:

– Что же вы, Лерочка, меня испугались? Мужа ведь вы не боитесь, а мы с ним коллеги, и я не страшнее, чем он!

И Лера невольно улыбнулась в ответ на эти слова и на ободряющий взгляд из-под очков.

Бутылка кристалловской «Столичной» уже была почти пуста, а вторая ждала своей очереди почему-то у ножки стола.

– Извините, мы уничтожили ваши запасы, – сказал музыкант. – Но очень уж хорошая водка оказалась, не удержались!

Оба они были веселы, и пьяноватые глаза у них с Митей смеялись так похоже, что Лере тут же стало весело.

– Ну, если и мне нальете, – сказала она, садясь в придвинутое Митей кресло, – то я не в обиде.

Виолончелист рассказывал, как лет двадцать назад, во время гастролей по Волге, ловил рыбу на дефицитную колбасу – а она, паразитка, ни за что не хотела клевать.

Лера слушала, смеялась и вглядывалась в его лицо. Она совсем недавно вот так же вглядывалась в его лицо – только на телевизионном экране.

Митя смотрел какой-то концерт. Лера вошла в комнату и присела рядом с ним на диванный подлокотник. Она не знала, что играет виолончелист на экране, но лицо музыканта потрясло ее больше, чем музыка! Страдание было на нем, такое страдание, которое невозможно имитировать, которое вызывается страшным потрясением и всегда связано с чем-то неизбывным...

Он играл с оркестром, и в те моменты, когда в его партии была пауза, было видно, что эта невыносимая мука не уходит, не дает ему передышки. Лера никогда не видела, чтобы музыка так властно держала человека в руках.

Она испуганно посмотрела на Митю, словно ожидая объяснения. Но он вглядывался в экран так, что она не решилась даже спросить, что же это играет виолончелист.

Потом Митя сказал ей, что это была музыка Шостаковича.

И вот теперь Лера снова вглядывалась в лицо музыканта, словно ища на нем следы той неподдельной муки. И, вглядываясь, понимала: то страдание и это веселье – одно, их не разделить в этом необыкновенном человеке. И в Мите – не разделить.

Пока она думала об этом, разговор о рыбалке закончился.

– Помните, Дмитрий Сергеич, – та самая пауза, когда кончился дождь и Рахманинов вышел пройтись? – спросил виолончелист. – Мне жаль, что он ее не обозначил. Впрочем, она все равно слышна.

Митя кивнул.

– Слышно, когда он вернулся, – ответил он.

Лере стало даже страшновато, хотя они говорили так спокойно, как будто речь шла о недавних делах общего знакомого, которого оба они хорошо знали.

Лица их были освещены золотистым светом лампы, стоящей на низком круглом столе, и было что-то волшебное даже в этом неярком свете.

Словно почувствовав Лерино волнение, Митя прикоснулся к ее руке мимолетным, легким движением, да так и оставил ее руку в своей. И Лера тут же успокоилась под его огромной и чуткой ладонью.

– Валери, Валери! – услышала она. – Ей плохо, ты видишь?

Лера мгновенно очнулась от воспоминаний, даже не успев о них пожалеть. Натали смотрела на нее испуганными глазами, едва не плача.

Личико Отиль, и без того бледное, стало белее мела – это было видно даже в темноте автобуса. Наклонившись к девочке, Лера заметила, что губы ее синеют. И тут она испугалась – так испугалась, что даже руки у нее задрожали!

Что, если она умирает? И никого, кто мог бы помочь... Если бы знать хотя бы, что с ней! Сердце, обморок от духоты?..

– Открой дверь! – закричала она так, что даже Натали отшатнулась, хотя Лерины слова обращены были не к ней. – Дверь открой, тебе говорят! И посмотри аптечку, должна быть у водителя где-нибудь!

– Какую тебе дверь! – ответил Петя с неожиданной злобой. – Чтоб меня через нее пристрелили?

Лера сама готова была его пристрелить. Аптечку он, правда, нашел, и даже сам принес Лере. И остался стоять рядом, глядя на белое лицо ребенка.

Лера лихорадочно порылась в дерматиновом ящичке. Можно ли давать ребенку нитроглицерин? Об этом она понятия не имела... Но размышлять было некогда.

Она выковырнула из упаковки красный мягкий шарик и, приоткрыв рот неподвижно лежащей девочки, выдавила нитроглицерин ей на язык.

Лера и Натали не отрываясь смотрели на Отиль; террорист дышал у них за спинами.

Через несколько минут лицо у девочки порозовело, она открыла глаза и обвела всех мутным взглядом. Лера вздохнула было с облегчением, но тут же поняла, что радоваться нечему: значит, сердце...

– Вот что, – сказала она, поворачиваясь к ненавистному Пете, – больше ее здесь держать нельзя. И везти никуда нельзя в таком состоянии. У нее сердечный приступ, не видишь, что ли?

– Что ж мне, «Скорую» вызывать? – сказал он зло, но не слишком уверенно. – Ничего не поделаешь...

Лера сжала кулаки, чтобы его не ударить. Хотя, может быть, следовало это сделать.

– Ты, скотина, – медленно произнесла она, – если сам не понимаешь, что делать, то хотя бы меня послушай. Надо ее выпустить отсюда немедленно. – И, чтобы ему было понятнее, добавила: – Так-то тебя, может, кто-нибудь и примет с твоими баксами. Но если ты детский труп привезешь, едва ли кто посмеет, понял?

– Чего ты, чего на меня шипишь? – сказал он. – Думаешь, ты такая добренькая, а остальные звери? У меня, может, у самого такая... Как я ее отпущу? Она ж и идти не может. Сам, что ли, понесу?

– Она понесет. – Лера кивнула на Натали, которая поддерживала голову Отиль. – Какая тебе разница, сколько человек с собой тащить?

Петя явно нервничал. Вроде бы Лера говорила убедительно. Но, наверное, он нюхом чуял: до сих пор все шло гладко только потому, что никто не знал, что происходит в закрытом автобусе. И он боялся выпускать отсюда свидетелей.

– Ну давай так, – предложила Лера, заметив, что он начал колебаться. – Ведь уже все равно вот-вот собирались отъезжать. Скажи по телефону: на две минуты открываю дверь, выпускаю двоих, и тут же трогаемся. Да ты

даже к двери можешь не подходить!

Она видела, что он колеблется все больше.

– Не забудь, что я сказала: привезешь труп – совсем другое к тебе будет отношение! – подлила она масла в огонь.

Наверное, он все-таки собирался лететь не в Чечню, иначе его не испугала бы Лерина угроза.

– Ладно, хер с вами! – наконец решился он. – Но смотри: если слово пикнешь, к двери подойдешь...

– Что я, дура? – успокаивающим тоном сказала Лера. – Звони давай!

Петя переговаривался по телефону, а Натали укутывала в свой плащ немного порозовевшую девочку.

– Как же ты останешься... – Слезы стояли в глазах у милой дворяночки. – Я боюсь за тебя, Валери, хотя ты так бесстрашна...

Но Лера думала не об этом.

– Наташа... – медленно сказала она. – Тебя ведь музыке учили, наверное?

– Да...

Натали посмотрела на нее испуганно. Скорее всего она решила, что Лера тронулась умом от волнения.

– Что такое *sostenuto*? – спросила Лера. – Ну вспомни, пожалуйста! Неужели не знаешь? Это по-итальянски, музыкальный термин...

– О боже! – произнесла Натали. – Это так важно тебе... сейчас?

– Да! – воскликнула Лера. – Да, важно, сейчас, именно сейчас! Что это значит?

– Это... ничего особенного! Просто значит – «сдержанно, выдерживать звук». Валери, давай лучше ты ее понесешь? – самоотверженно предложила она. – Ведь я имею за них ответственность...

– Об этом речи нет, – махнула рукой Лера. – За нее ты тоже несешь ответственность, так что совестью не угрызайся.

Натали уже стояла близ дверей, держа Отиль на руках. Лера ждала, когда откроется дверь, и ей казалось, он звучит в тишине – этот пугающий звук жизни, сдерживаемый силой Митиной души.

– С богом! – сказала она, когда дверь наконец медленно отошла в сторону и прохладный утренний воздух хлынул с улицы.

Глава 18

– Говорят, движение перекрывают, – сказал Петя, отнимая от уха телефон. – Трошки, говорят, еще надо подождать. А иди проверь...

Натали с девочкой на руках вышла пятнадцать минут назад.

В Петинем голосе звучал тоскливый страх.

– Чего ты волком смотришь? – заметил он Лерин взгляд. – Хорошо тебе, повезло москвичкой родиться. Свою копейку тут всегда можно заработать. А нам что делать? Вы нас бросили, простому человеку – хоть сдохни.

– Простота хуже воровства, – ответила Лера. – Слышал народную мудрость? Про тебя.

– А чем детей кормить? – не унимался Петя. – Про детей же ж своих думал! Взял кредит, вертелся... Не повезло! Что было делать?

На мгновение Лере стало его жаль: очень уж искренне он это произнес. Но что-то мешало ей поверить – как будто эти искренние слова он говорил не о себе.

Наверное, ею владело то, о чем сказал ее тезка: человек этого понимать не должен.

– Три миллиона – кредит? Да кто бы дал столько такому, как ты! Врешь ты, понял? – сказала она с твердой злостью. – Даже сейчас врешь, хоть и разжалобить меня хочешь. Про детей своих он думал... Хрена ты про них думал, когда деньги брал на авось! Про себя ты думал, жадность твоя тебя душила. Ты и сейчас с запасом попросил: чтоб и долг отдать, и на хорошую жизнь припасти. «Свою копейку»... Вон, баксы небось не забыл собрать, тряпочкой прикрыл! – Лера кивнула на аккуратно укрытый промасленной ветошью кейс. – Хорошо жить надеешься – после всего этого?

Голос у нее срывался на крик.

«Жалко тебе его стало! – думала она со злобой на себя. – Бедняжка, деток своих любит! Вот они, детки, всю ночь здесь сидят, чего еще дождутся? А он деньги сунет в семейные трусы и заживет себе – порадуетя, что живым вышел!»

Но раздумывать об этом было глупо. Все равно что объяснять террористу Пете, что такое тяжесть жизни и как ее выдерживает человек.

Кажется, Лера вообще напрасно говорила с ним об этом. Он и без ее слов был взведен многочасовым ожиданием, а теперь просто затрясся.

– Ах ты, сучка! – хрипло пробормотал он. – Крутая сильно, да? Счас рвану к ебням вместе с выблядками или пристрелю, чтоб не гавкала тут!

Он сунул руку за пазуху, и внутри у Леры похолодело.

«Что же я наделала? – промелькнуло в голове. – Какая же я дура, как можно было его доводить!»

Окажись у Пети в руках пистолет, он наверняка выполнил бы свою угрозу. Но пистолет он убрал еще раньше, а «рвануть» едва ли входило в его планы. Это Лера все-таки прочитала на его, в шаге от нее трясущемся лице и уже вздохнула с облегчением...

И вдруг лицо его переменялось! Петя смотрел куда-то Лере за спину, и животный, ничем больше не контролируемый ужас наползал на его потное лицо.

Лера даже не поняла, оборачивалась ли она, чтобы тоже увидеть тень, стремительно мелькнувшую снаружи, у самого окна. Но закричала она пронзительно, одновременно со взмахом Петиной руки.

И выстрел прозвучал одновременно с ее криком. Лера даже не поняла, что это выстрел – только почувствовала обжигающий промельк у самой щеки, услышала обвальный треск стекла и увидела на лбу Пети что-то, показавшееся ей круглой черно-красной дыркой.

Лере всегда казались нарочитыми замедленные киношные движения: вот он падает, держа в руке гранату с выдернутой чекой, вот его рука вырывается вверх... Но сейчас она именно так все и видела.

Все казалось ей медленным, как во сне, – и казалось вдобавок, что сама она тоже двигается невыносимо медленно: падает одновременно с Петей, хватая его за вскинутую руку... Дети кричат...

– Все, все, пусти, я же держу! – услышала Лера и открыла глаза.

Она лежала на чем-то мягком, вцепившись обеими руками в мужской кулак, стискивая его короткие мертвые пальцы. В кулаке была ребристая граната, и ее-то как раз и держала другая мужская рука – живая, не мертвая.

– Не взорвется уже, отпусти, – повторил мужчина.

Лера подняла глаза. Молодое лицо под какой-то необычной каской, губы совсем детские – какой красивый...

– Не могу, – сказала она. – Правда, не могу, не шевелятся.

Парень легонько сжал свободной рукой одновременно оба ее запястья – и, вскрикнув от боли, Лера разжала пальцы.

– Ну вот, извини, – сказал он. – Лещ, подыми девушку!

Кто-то подхватил Леру сзади под мышки и поставил на ноги, придерживая за плечи, чтобы она не упала. Взглянув себе под ноги, она поняла: то мягкое, на чем она лежала, был труп Пети.

Лера почувствовала, как тошнота подкатывает к горлу. Дырка чернела

посередине Петиного лба, голова плавала в луже крови.

«А я думала, это просто так говорят – «плавает в луже крови», – медленно подумала она.

Тот, первый, красивый парень осторожно делал что-то с гранатой в мертвой руке.

– Пошли, пошли. – Леша тихонько качнул ее за плечи. – Нечего тебе на это смотреть.

– Не взорвалось? – спросила Лера, не отводя глаз от черной дырки и от гранаты.

– Все в порядке, пошли, – повторил Леша. – Ты молодец, кончилось все.

Он снова подхватил Леру под мышки, легко поднял на полметра вверх и, перенеся через труп, передал другому парню – в такой же необычной каске, стоящему на улице у открытой двери автобуса.

С сухим потрескиванием осыпались разбитые стекла. Воздух после дождя был свеж и прохладен, голова у Леры кружилась, она не могла понять: в ушах у нее шумит или действительно шум стоит вокруг?

Пошатываясь, она пошла вперед, с трудом переставляя затекшие ноги.

Ей не верилось, что все кончилось, и она боялась оглянуться – как будто могла увидеть у себя за спиной черную яму вместо автобуса с разбитыми стеклами.

Все вокруг – мужчины в необычных касках, плачущие дети, «мигалки» на «Скорых», купола Василия Блаженного и Иван Великий в тусклом утреннем свете – казалось ей нереальным. Или себя она чувствовала отдельной от реальности?

Лера не знала, куда идет и куда идти. И просто шла по все еще пустой улице туда, откуда – сто лет назад – пришла к одинокому автобусу.

«Вот и все, – стучало у нее в ушах в такт шагам. – И что теперь?»

Она подняла глаза и увидела Митю. Он стоял в двух шагах и смотрел на нее. Лера почувствовала, что не может больше идти, – и остановилась.

– Митя... – сказала она. – Митя, ты навсегда меня разлюбил?

– Ну и женщина, ну и тетка! – ахнул рядом знакомый голос. – Откуда вышла – и про что спрашивает?!

Но Лера не слышала этих слов.

– Я тебя люблю больше жизни, – сказал Митя, не отводя от нее глаз.

– Все, Дмитрий Сергеич! – весело произнес тот же голос. – Больше я тебя связать ведь не грожусь, что же ты?

«А я – что же?» – подумала Лера, и тут же в глазах у нее потемнело.

Когда Лера снова открыла глаза, Митино лицо было совсем рядом.

Голова ее лежала у него на согнутой руке, и она чувствовала его пальцы на своем виске. Пальцы чуть вздрагивали, а Митины глаза смотрели на нее неотрывно.

Лера хотела что-то сказать, но не могла произнести ни слова: губы не шевелились.

– Надо ее в «Скорую» перенести! – услышала Лера. – Пустите, Дмитрий Сергеевич.

– Нет! – Ей показалось, что она громко крикнула, но на самом деле вышло очень тихо. – Митя, не пускай... Я хочу с тобой...

– Со мной, – услышала она. – Только со мной, подружка моя любимая, куда я без тебя?

Приподнявшись, Лера увидела, что лежит на брезентовых носилках, а Митя стоит на коленях у изголовья.

– Я не поеду... – сказала она. – Я лучше встану...

Она испугалась, представив над собою низкий потолок «Скорой» – опять какую-то замкнутую духоту, опять полумрак. Она даже в комнату не смогла бы сейчас войти: мысль о потолках была невыносима, и надо было как-то объяснить им это, но у нее не было сил объяснять.

– В машину – не надо, – сказал Митя. – Мы пойдем пешком, по улице пойдем, да?

– Да, – кивнула Лера, обрадовавшись, что он понял. – По улице... – И, словно боясь, что столпившиеся вокруг люди не отпустят их идти пешком, она добавила: – Я там оставила машину... На стоянке, она там... Мы потом поедем...

– Не сможет она пешком. – Взглянув на произнесшего эти слова, Лера наконец узнала тезку, Валерия Андреевича. – У нее же шок.

«Шок? – про себя удивилась Лера. – Разве я ранена, отчего же шок?»

Она села на носилках, потом схватилась за Митино плечо, и они вместе поднялись с земли. Даже ноги у нее почти не дрожали.

– У тебя на коленях брюки мокрые, – сказала Лера. – Как же ты пойдешь, Митя?

– Дворами, – ответил он. – Мы с тобой дворами пойдём, моя родная. Только ты пиджак сними. А мой надень. То есть не мой – мне Валера дал вместо фрака. Смотри, отличный пиджак, тебе пойдет.

Говоря все это, Митя осторожно снял с Леры длинный, кофейного цвета пиджак и провел руками по ее плечам, по груди. Она не поняла, зачем он это делает, и только когда он бросил ее пиджак на асфальт, заметила, что весь он испещрен бурыми пятнами крови.

– Это не моя... – сказала Лера, вздрагивая. – Это его...

Митя обнимал ее за плечи. Они шли медленно, и идти ей было легко. Только никак не проходило мучительное чувство: что она словно вынута из реальности, словно видит все вверх ногами.

– Скажите, у вас есть ощущение, которое принято называть стокгольмским синдромом? – вдруг услышала Лера громкий голос.

Журналист в голубой джинсовке вынырнул откуда-то сбоку, словно из-под земли, протягивая прямо к Лериному лицу микрофон. Парень наверняка старался для западного радио – это чувствовалось по особенному, принятому на солидных западных радиостанциях тембру его голоса.

– Убью... – произнес Митя так, что Лера испуганно схватила его за руку.

Схватила она, конечно, слишком слабо, и неизвестно, что произошло бы дальше, если бы тут же не возник рядом тезка Валерий Андреевич.

– Бляха-муха, откуда ж ты взялся на нашу голову? – Он положил руку на плечо репортера, и тот слегка изогнулся. – Вы идите, идите, – обратился он к Лере и Мите. – Я ему сам объясню про синдром, даже показать могу, – не обещающим ничего хорошего тоном добавил он.

Жизнь уже вовсю кипела на Васильевском спуске, мгновенно наполнив движением недавнюю напряженную пустоту.

Но они шли, словно окруженные незримым кольцом, и тишина охватывала их посреди общего шума.

Глава 19

Было часов шесть, не больше, и утро казалось сумрачным сквозь пелену вчерашнего дождя. Они вышли на пустынную Тверскую.

– Во-он там я машину оставила, – зачем-то сказала Лера.

Она совсем не думала о машине, ей вообще казалось, что это в какой-то другой жизни она оставила ее на платной парковке у тротуара. Но все происходило с нею словно во сне, каждое ее действие и слово было бессмысленным.

– Митя, я сама не понимаю, что говорю, – сказала Лера. – Зачем мне машина, что мне делать? Что же это со мной?

– Пойдем, подружка, посмотрим на машину, – сказал Митя. – Видишь, все хорошо: вот дома стоят, вот мы с тобой идем, вот твоя машина. Квитанцию прилепили.

Серебристая «Ауди» действительно стояла на прежнем месте, и к ее ветровому стеклу была прижата белая бумажка. В этом не было ничего удивительного: ведь время оплаченной стоянки давно прошло.

Лера смотрела на белую квитанцию, как на послание с того света.

Ей казалось, мир перевернулся за последние сутки. А здесь, в двух шагах от Васильевского, на самом деле все было по-прежнему. Люди подъезжали и уезжали, заходили в магазины, назначали встречи и опаздывали. Квитанцию вот выписали, надо было платить вовремя...

И, глядя на эту немислимо белую, немислимо реальную бумажку на стекле, Лера во весь голос расхохоталась! Смех душил ее, она словно выкашливала из себя что-то и не могла остановиться. И не понимала только: почему Митя прижимает ее голову к своему плечу и гладит – ведь она смеется, а не плачет?

Но ей было так хорошо оттого, что голова ее прижималась к его плечу, – она бы всю жизнь так стояла...

– Ми... Митенька... – всхлипывала Лера. – Неужели это кончилось, неужели – все?!

– Все, моя единственная, все, – приговаривал он, прижимая ее к себе все крепче. – А сейчас совсем кончится, ты сама почувствуешь.

Она действительно почувствовала – ведь всегда было так, как он говорил!

Лера подняла наконец глаза и, утирая слезы, огляделась.

Они стояли напротив Центрального телеграфа – и Лера наконец

узнавала то, что видела вокруг: Тверскую улицу, сталинские дома, пестрых ковбоев на щитах «Мальборо» и разноцветную, по-утреннему усталую пляску рекламных лампочек.

Обыкновенная, сама по себе идущая жизнь принимала ее в себя, наполняла собою, и Лере вдруг показалось, что она переворачивается с головы на ноги. Она даже чуть за юбку не схватилась, настолько отчетливым было это ощущение.

Прохожих на улице почти не было в такую рань, но Лера и не заметила бы их, даже если бы они и были. Она смотрела снизу вверх в Митины глаза.

– Митя, Митя, если бы ты знал... – сказала она наконец. – Как же это было тяжело, если бы ты знал...

Он молчал, по-прежнему обнимая ее за плечи. По тому, как вздрагивают его руки, Лера поняла, что он думает об автобусе, о террористе.

– Нет, не там было тяжело! – горячо произнесла она. – Мне вообще без тебя было тяжело, ты понимаешь? Я все время об этом там думала – что я теперь вообще без тебя...

Она заглядывала Мите в лицо, и поэтому сразу увидела, как мгновенно оно стало белым.

– Если ты меня не простишь... – выговорил он так глухо, что она не узнала его голос. – Лера, жить я не могу... Прости меня! – Дыхание у него перехватило.

Она не хотела сейчас думать о том, за что он просил у нее прощенья – о Тамаре, обо всем, что измучило ее ревностью... Митя был с нею, он сказал, что не разлюбил ее, и этого ей было достаточно. Но он вдруг произнес, задыхаясь:

– Страшная эта гордыня, нет страшнее греха... Пока ты там была, только и думал: какая ревность, господи, да пусть только выйдет оттуда, только пусть выйдет живая – сам к нему отвезу!

Лера не понимала, о чем он говорит. Ревность, к нему... К кому?

И вдруг она поняла! Слово вспышка осветила ее сознание – осветила бесконечные дни позади, о которых ей страшно было вспоминать.

– Митенька... – прошептала Лера. – Так ты все это время... Боже мой, почему же ты мне не говорил?!

Она почувствовала, что ноги у нее подкашиваются. Но, наверное, и с Митей происходило то же самое. Они одновременно присели на корточки у какой-то стены. Митя держал Леру за руку, словно боялся, что она сейчас встанет и уйдет.

– Как я мог тебе сказать? – Он говорил так горячо, так сбивчиво. – Что

же я мог тебе сказать? Расспрашивать, ждать признания? Я дышать и то не мог, не то что спрашивать. Ведь меня всю жизнь это мучило, Лера! Сколько тебя любил, столько и мучило... Что ты со мной – поверить не мог. Жизнь в тебе кипит, все вокруг тебя оживает, все загорается от тебя. И что тебе до музыки, до всего этого?.. – Он судорожно потер рукой шею – там, где было пятно от скрипки. – Я все время думал: ведь это не для тебя – размеренная моя жизнь, ведь это скучно тебе! Помнишь, спросила: ты идеальный? Мне же страшно тогда стало: показалось, ты от скуки спросила. А что я мог тебе дать – такого, чтобы тебя увлекло? Парк, возню с театральным особняком, хождение по чиновникам? Да к чему тебе все это!

Лера попыталась что-то сказать, положила руку Мите на плечо, но остановить его было невозможно, боль выплескивалась из него неудержимо.

– И тут он появляется – юный, глаза синие... Смотрит на тебя так, что у женщины сердце должно останавливаться. Я когда первый раз это увидел, мне жизнь стала не в радость! Подумал: ведь дороже этого и быть не может. Вот он смотрит, а у него в глазах одно стоит: ничего у меня нет, кроме любви к тебе, и ничего мне не надо. И между чувством и поступком – ни полшага. Ни звука, ни мелодии...

Митя обхватил голову руками и замолчал. Лера тоже молчала, потрясенная тем, что услышала.

Никогда такого не было с нею! Она хватала воздух ртом, не зная, что сказать сначала, что потом. Как сказать ему все сразу, без «сначала» и «потом», чтобы он сразу почувствовал все, что она хочет ему сказать!

– Митя, – сказала она, забыв обо всем, что хотела сказать секунду назад. – Посмотри ты на меня... Я же тебя люблю, я же не живу без тебя, разве ты не видишь?

Он медленно поднял голову, посмотрел на Леру тем долгим, бесконечным взглядом, которым наглядеться невозможно, сколько ни смотри.

Наконец губы его дрогнули, дрогнули прямые ресницы – и Митя прижался лбом к ее плечу.

Так они сидели и сидели рядом на корточках. Лера не видела Митино лица, ее пальцы гладили то затылок его, то висок.

– Вам что, места другого нет? – вдруг услышала Лера и, вздрогнув от неожиданности, подняла глаза: перед нею стояла дворничиха в синем сатиновом халате и вязаной шапке. – Взрослые люди – уселись у помойки, как шпана какая, обманутся еще! Постыдились бы!

Оказывается, то, к чему они прислонились, сидя на корточках, было

мусорным контейнером. И дворничиха теперь дергала его, осуждающе глядя на бесстыжую парочку.

Митя тоже взглянул на сердитую дворничиху, и Лера увидела, что жуткая белизна сходит с его лица и в глазах вспыхивают живые искорки.

– Виноваты! – воскликнул он со всей мыслимой серьезностью в голосе. – Виноваты, гражданочка, бес попутал!

– Бес... – проворчала дворничиха. – Никакого стыда не стало у людей, скоро посереде улицы разденутся да лягут голые!

Остановились они только в конце Камергерского, почти на углу Большой Дмитровки. Здесь, к счастью, было безлюдно.

– Смотри, совсем никого, – сказал Митя. – Пошли во двор во-он в тот, а?

Он показал на арку старого двора за МХАТом.

– Может, на чердак поднимемся? – улыбнулась Лера.

Она улыбалась, а в глубине души еще жил этот страх – оказаться под нависающим потолком... Наверное, и Митя чувствовал его в ней. До их дома было минут десять ходу, но ведь он не сказал: «Пойдем домой», – хотя Лера заметила, что губы у него дрогнули.

– А что, сто лет я не лазил с девушкой по чердакам, – улыбнулся он.

– Митька! – притворно возмутилась Лера. – Что-то я не помню, чтобы ты лазил со мной по чердакам! Ты что, хочешь сказать, что делал это с какой-то другой девушкой?

Конечно, это была шутка, и никогда Лера не думала о женщинах, которые были у Мити до нее. Разве что о Зинке Юрченко с Цветного бульвара, да и то только потому, что очень уж она была рыжая и красивая.

Митя улыбнулся ее возмущенному тону – и тут же заметил, что у Леры лицо переменялось. Мысль о Тамаре пришла к ней невольно, но избавиться от нее было уже невозможно.

– Что с тобой? – тихо спросил Митя, заглядывая ей в глаза. – Ну-ка, пойдем правда во двор.

Лера послушно вошла вместе с ним в приземистую арку. В дальнем углу двора росли густые кусты, а за кустами стояли две скамейки, повернутые друг к другу так, чтобы можно было сидеть большой компанией. Под скамейками валялись пустые бутылки и остатки нехитрой закуски.

Они сели друг напротив друга.

– Ну, что с тобой, скажи мне! О чем ты подумала? – повторил Митя.

– А ты не догадываешься?

Лера не могла поднять на него глаза: ей не хотелось, чтобы Митя видел слезы.

– Догадываюсь, – ответил он, помолчав. – Я давно догадывался и хотел тебе объяснить. Но потом появился этот мальчик, и гордыня меня одолела, и я не мог. А должен был объяснить. Это так просто было – объяснить... Я ведь, пока смотрел на этот автобус, все время только и думал: теперь ничего не объясню уже, даже этого не сделал... Ты понимаешь?

– Да, – кивнула Лера. – Митя, я ведь тоже не объяснила. Сане не объяснила, а должна была – мальчику синеглазому... Он сам понял, почему я его полюбить не могу. Но он погиб, Митя, и на всю жизнь теперь на сердце камень.

Митя вздрогнул при этих словах.

– Я не знал, – произнес он, и в его голосе Лере послышалось отчаяние.

– Но ты же правда не знал, Митенька, зачем же ты мучаешь себя? – сказала она, прикасаясь к его руке.

– Зачем! – проговорил он с горечью. – Затем, что причины всегда найдутся. Не знал, ревновал, не мог... Все это гроша ломаного не стоит по сравнению...

По сравнению с жизнью и смертью. Митя не произнес этих слов, он просто не мог их произнести, как невозможно многие слова произносить всуе, – но Лера услышала их и так.

– Как же мы запутали себя, – тихо сказала она. – Как страшно мы сами запутали свою жизнь – зачем, Боже мой? Я смотрела на вас с Тamarой и думала: что же так тянет тебя к ней? Ведь я с ума сходила от этих мыслей, Митя, а спросить тебя, просто спросить тебя – не могла! Ведь они всю жизнь мою заполнили, я за ними света белого не видела! Митенька, ты ведь такой... Ты знаешь? Не могла я тебя спросить, как всякая жена бы спросила: что у тебя с этой женщиной? Язык не поворачивался.

Митя вдруг улыбнулся, и Лера посмотрела на него удивленно.

– Да-а... – сказал он. – До меня только теперь доходит... Да ты что, подружка? Думаешь, я из чего-то другого сделан? Да я же обыкновенный, все мужики ревнуют одинаково! Ты уходишь с моей премьеры с мужчиной, который с тебя глаз не сводит, возвращаешься домой ночью, вдребезину пьяная – он тебя, считай, на руках приносит, – ни слова мне не объясняешь, он к тебе приезжает чуть не каждый день прямо в театр... У ног твоих сидит в беседке. Что мне было думать? Но я-то хорош, идиот несчастный! – Он стукнул себя кулаком по колену. – Зло взяло, подумал: ну и я ничего объяснять ей не стану!

Леру так ошеломили Митины слова, что она едва перевела дыхание.

Что угодно могла она предполагать в нем – но такую простую, такую обыкновенную ревность!..

– Митька, – сказала она, – я себя еще считала примитивным существом! А я-то ведь даже не думала про вас с ней ничего такого. Мне и музыки хватало – того, что с вами вдвоем происходит, когда вы репетируете. А ты, выходит, думал, что я просто переспала спьяну с мужиком, и ревновал, как сапожник?

– Да, – грустно сказал он. – Даже хуже, чем сапожник – все-таки ведь я не мог избить тебя колодкой.

– Уж лучше бы избил, – пробормотала Лера. – Все лучше, чем так... Не поверишь, ведь я в этот автобус шла и думала: если бы знать, что дети живы останутся, так лучше бы оттуда и не выйти.

Она тут же поняла, что сказала об этом напрасно, – по тому поняла, как застыло его лицо.

– Митя, Митя! – воскликнула она. – Я глупость сказала, забудь, Митенька, прошу тебя! Ничего я вообще не думала, только что чемодан тяжелый. Но знаешь, – вдруг вспомнила она, – мне ведь показалось, что ты на меня смотришь! Я даже оглянулась...

– Знаю, – улыбнулся Митя. – Когда ты зонтик положила и дальше пошла?

Лера посмотрела на него с испугом.

– Как – знаешь?.. Откуда?.. – пробормотала она.

– Да ведь тебя Си-эн-эн показывала в прямом эфире. – Митя засмеялся над ее растерянностью. – С таким комментарием, что французский президент лично должен бы из Парижа вылететь, не то что я из Эдинбурга.

– Ой! – воскликнула она. – Ты же в Эдинбурге был! Митя, я совсем ошалела, все из головы вылетело!

– С чего бы, в самом деле? – улыбнулся он.

– А я иду – и ты стоишь... И я, знаешь, совсем не удивилась! А что ты подумал, когда меня по телевизору увидел? – спросила Лера с любопытством. – Что ты тогда делал, когда увидел?

Митя улыбнулся, но улыбка получилась невеселая.

– «Онегина» дирижировал, – сказал он. – Был антракт после первого акта. Входит Коля Мингалев – само по себе странно, во время спектакля ко мне не надо входить, ты же знаешь, и он тоже. Но он входит и говорит: «Дмитрий Сергеич, извините, но это, может быть, срочно. Там по телевизору...» Молодец – другой бы поосторожничал с начальством. – Митя достал сигареты из кармана брюк, закурил. – Иван Яковлевич же всегда новости смотрит, он и позвал всех. Я не понял сначала, потом

смотрю: ты идешь...

Лера видела, что ему и сейчас невыносимо об этом вспоминать. Но ей так хотелось слушать о том, что он делал, когда увидел ее... Ей все хотелось знать о том времени, когда он был без нее!

– Что же ты делал, Митя? – тихо спросила она.

– Смотрел. – Он замолчал, глядя, как синие клубы дыма цепляются за мокрые кусты у скамейки. – Смотрел на тебя – как ты шла. Как в море лодочка... Потом зонтик положила. Пока Коля за плечо не потряс: третий звонок.

Ничего он больше не сказал, но Лера вдруг так ясно представила, что с ним происходило в те минуты, – и горло у нее перехватило.

– Это... *sostenuto*, Митя?

Этот вопрос вырвался у нее невольно и, кажется, удивил его.

– *Sostenuto*? – переспросил он. – Почему?

– Просто... Мне иногда кажется: ты руки поднимаешь над пультом – и все ими держишь, понимаешь? Не только звук. Но я не могу этого объяснить. Я немзыкальная!

– Не кокетничай, подружка, – улыбнулся он, и Лере показалось, что ему и правда стало смешно, когда она напомнила о своей немзыкальности. – Да и какая разница, что со мной было?

– И что же потом? – спросила она.

– Потом – дирижировал. Потом опять антракт – смотрел. Антракт, конечно... тяжелее. Я не могу сказать, как это было, Лера! – сказал он дрогнувшим голосом. – Нельзя об этом сказать, и не надо говорить. Да меня там и не было – так, наверное. Допел Витя Логинов про жалкий жребий – я понял, что кончилось. Пошел за кулисы, оттуда на служебный вход, Коля уже там стоит. Я на него смотрю и не понимаю, что он говорит – вижу, как губы шевелятся. Потом только расслышал, что машина ждет. Иван Яковлевич тоже выбежал – восемьдесят лет, а весь как струна, в восемнадцать так не выглядят, когда волнуются. – Митя перевел дыхание и прикурил новую сигарету от прежней, докуренной до фильтра. – Он мне говорит, Иван Яковлевич: «Вы не волнуйтесь, Дмитрий Сергеевич, я все время следил, и никто пока из автобуса не выходил, все по-прежнему – значит, все хорошо, вот плащ, наденьте...»

Лера почувствовала, что он не может рассказывать дальше.

– Хорошо прошел спектакль, Митя? – спросила она.

– Наверное, – ответил он. – Кажется, я на улице слышал – аплодировали. И Иван Яковлевич сказал, что ушам своим не верил.

Вдруг Лера ахнула и побледнела, глядя, как Митя гасит окурок о спинку

скамейки.

– Митя!.. – воскликнула она, чуть не плача. – Пепельница же... В кармане же... Пиджак же ты выбросил!

– Какая пепельница? – испугался он.

– Да твоя же, которую ты подарил, помнишь? Я ее все время с собой носила, и там – тоже... Она в кармане пиджака осталась!

Губы у Леры задрожали, глаза налились слезами. Конечно, это было глупо – после всего, что с нею произошло, плакать из-за такой ерунды. Но это не было для нее ерундой, хотя она не смогла бы никому объяснить... Все нелепости, вся невозвратность, опутавшая последнее время ее жизнь, воплотились в этой пропаже!

Митя молчал, и Лера не могла понять, о чем он думает, неотрывно глядя на нее.

– Что же делать, Митя? – всхлипнула она.

– Она найдется, вот увидишь, – ответил он. – Иди ко мне...

Они сидели на сдвинутых лавочках, коленями касаясь друг друга, и Лера сразу почувствовала, какой ток пробежал по их сдвинутым коленям. И тут же она забыла обо всем: что они сидят в чужом дворе, что подходит время выгула собак и сбора бутылок, что люди вот-вот начнут выходить из подъездов... Даже о том, что пепельница пропала!

Она чувствовала только удивительную, всевластную силу его любви, его желания.

– Ох, Митя... – с трудом проговорила Лера. – Ведь не дойдем до дому...

– Ты любимая моя, иди ко мне... – повторил он.

Митя наклонился к ней, обнимая, и Лера пересела к нему на колени. Мокрые ветки кустов касались ее лица, капли вчерашнего дождя падали на волосы. Она не спрашивала, как же это можно – здесь, и не думала, не увидит ли кто.

Лера почувствовала, как страсть загорелась в нем, во всем его теле, слышала, как стремительно забилось сердце и ходуном ходит грудь под рубашкой. Она отстегнула черную «бабочку», которую он так и не снял вчера в Эдинбурге – забыл... Пальцы ее дрожали, едва не обрывая мелкие пуговицы, и поцелуи торопились вслед за пальцами, губам хотелось поцеловать все его тело сразу.

– Не бойся, милая, никто не увидит, – прошептал Митя, хотя она и не боялась. – Посиди так...

Лера целовала его плечи, грудь, вздрагивающую ямку между ключиц – чувствуя, как он помогает ей приподняться, как незаметно и послушно исчезают под его руками все неважные преграды – брюк, пуговиц, юбки...

– Ми-итя... – простонала она, прижимаясь к нему все крепче, задыхаясь от этого счастья – от полного, без преград, слияния, от его тела в своем теле. – Побудь так еще, побудь еще!..

Они так истосковались друг без друга, что все это ненасытное, показавшееся им бесконечным томление длилось всего несколько мгновений. Лера почувствовала, как весь он напрягся, как изогнулось под нею его тело – и дрожь волнами прошла по нему, вливаясь в нее, всю ее наполняя, переполняя!..

– Все, милая, не могу больше, не могу... – стоном звучал Митин голос.

И она отвечала ему, задыхаясь, захлебываясь его и своей одновременной страстью:

– Я тоже – все, Митенька... Мне так хорошо!

– А вот здешняя дворничиха погонит нас уже метлой, – сказала Лера, прижимаясь щекой к Митиной щеке. – Или даже лопатой.

Он улыбнулся: она щекой почувствовала.

– Наверняка. Но ты все равно посиди у меня на коленях – мне нравится.

– А я и не слезу. Мне тоже.

Теперь Лера просто сидела у Мити на коленях, они оба дышали устало, прислушиваясь к тому, как совпадает биенье их сердец.

– Слышишь, Мить? – спросила Лера. – Сначала ты дышишь, потом я. Как будто нам на двоих одного дыхания хватает!

– Конечно. Мне так уж точно хватает – твое слышать. Хочешь, совсем дышать перестану?

И он затаил дыхание.

– Прекрати, Митька! – рассмеялась Лера. – Задохнешься – как я без тебя буду жить?

– Не задохнусь. Я-то без тебя не могу, куда же я денусь?

– А я ведь думала: можешь... – сказала Лера слегка смущенно. – Я правда так думала, Митенька! Думала: что тебе со мной? Музыка не слышу, что в тебе происходит – не понимаю... Зачем я тебе?

– Ох, подружка! – Митя приложил палец к ее виску. – Думал я, ты умная, а ты глупенькая у меня, оказывается. Тебе что, в оркестре у меня играть или в опере петь? Разве дело в твоём слухе... Я понимаю, о чем ты думаешь, – добавил он, поймав ее взгляд. – Но ведь то совсем другое.

– А какое – другое? – с тоской произнесла Лера. – Я ведь как раз и не знаю! Как вспомню: когда она не могла арию спеть и ты на рояле ей играл...

– Я знаю, что перед тобой в этом виноват, – произнес Митя, помолчав. –

Но поверь, я правда объяснил бы тебе, если бы... Если бы не эта ревность моя, от которой я чуть не сдох, как последняя скотина. Тамаре столько дано, сколько мало кому богом дается. Голос ее... Я такого не слышал голоса, а ведь я много их слышал, и какие!

– Это даже я слышу, какой у нее голос, – кивнула Лера.

– Нет, ты все-таки по-другому слышишь, милая, уж не обижайся, – улыбнулся он. – Я ведь слышу, чего ей не хватает, понимаешь? Без чего в песок уйдет весь ее дар чудесный. Холод этот слышу! И понимаю, что он слишком глубоко в ней сидит, поэтому слишком опасен. Она удивительно самоотверженный человек, обо всем может забыть, сутки напролет может работать – кажется, что все может сделать!

– Все может выразить так чудно? – спросила Лера.

– Да! Но есть какая-то преграда, которая для нее непреодолима. Ты понимаешь?

– Наверное, – кивнула Лера. – Чувства, которых в ней нет?

– Вот видишь, а говоришь: слух у тебя отсутствует. – Митя легонько щелкнул Леру по носу. – Именно – чувства, которые ей совершенно незнакомы. А мне надо было, чтобы они в ней появились! Без этого не было бы оперы, не было бы Татьяны. Ведь это невыносимое ощущение, Лера! – Он снова прикурил сигарету. – Когда то, что в тебе есть, ты должен выражать не сам, а через другого человека. А он не может, не понимает... От этого с ума можно сойти! И я... Я весь настроился только на нее, обо всем забыл. Мне хотелось себя в нее перелить, понимаешь? И я знал, что тебе это должно быть тяжело. Но что же делать, родная моя? Ведь невозможно иначе, и всегда так будет.

Митя смотрел на нее умоляюще – взглядом своим, всем собою просил ее понять.

Лера отвела взгляд.

– Я, наверное, привыкну, Митя, – сказала она наконец. – Что же делать, я понимаю...

«Вряд ли привыкну, – подумала она. – Так и буду мучиться ревнивой этой печалью и знать, что иначе невозможно».

Митя всмотрелся в ее лицо и вдруг рассмеялся.

– Декабристочка ты моя! Может, лучше пойдем по этапу, а?

– Ладно, ладно! – Она тоже невольно улыбнулась, хотя улыбка и получилась слегка вымученная. – Творческая, блин, личность, издеваешься над простым человеком! Расскажи лучше, что ты делал в Эдинбурге?

– Да что делал... Я же Ленке рассказывал по телефону. Приехал один, по городу бродил. Он ведь очень необычный, ты знаешь? Обрывистый,

внезапный. Улицы вниз, дома вверх – весь как в воздухе парит. Да еще этот его девиз, который на воротах замка написан: «Так идут к звездам». Вот я ходил по звездам и думал о тебе.

– Так уж и думал? – недоверчиво спросила Лера.

– Думал, думал, подружка. – Митя погладил ее по руке. – Стал бы я тебя обманывать! Ты там все время возникала... Один раз вообще испугался, – сказал он. – Пошел в библиотеку – вспомнил, что у Честертона есть об Эдинбурге, захотелось почитать. Ну, и читаю... Ты послушай, я наизусть запомнил! – Он отбросил недокуренную сигарету и произнес, глядя Лере прямо в глаза: – «И памятник, и гора темны и резко очерчены; но я знаю, в чем их различие, чем вообще отличается природа от дел человека... Все наше дело в этом мире – мешать расползанию, ставить границы, очерчивать неназванные действия, проводить ту линию, которой нет в природе и которой обводят на рисунке человеческое лицо».

– Митя, – удивленно спросила Лера, – да при чем же здесь я?

– А не скажу! – Он чмокнул ее в щеку и приподнялся со скамейки. – Надоели мне философские беседы с женой у помойки, хочу я с ней пойти домой и позавтракать как человек. Смотри, собаку вывели, сейчас облает.

– Мить, подожди! – воскликнула Лера. – А что ты Алёнке сказал, когда, помнишь, она мороженое сама хотела купить, а ты не разрешил?

– Мороженое? – удивился он. – Не помню. Ну, купил мороженое, наверно.

– Да нет... Ты что-то такое важное ей сказал! Чем сердце успокоится...

Митя улыбнулся.

– Да как я могу все это помнить, подружка? Что я, речь готовил? Что было в голове, то и сказал. Пойдем, пойдем – вон, бежит уже.

Сопровождаемые громким собачьим лаем, они вышли из чужого двора. Черная «Волга» стояла у тротуара, высокий мужчина курил у машины.

– Смотри, знакомые все лица, – сказал Митя. – Что же вы, Валерий Андреевич, так и сопровождали нас все время?

Тут и Лера заметила своего невозмутимого тезку. И покраснела – подумала, что он, может быть, и во двор заглядывал...

– Не по пятам, – усмехнулся тот. – Но в общем – курировал. Мало ли, Лера-то все-таки перенервничала, да и ты... Ну и супруг у вас, тезка! – обратился он к Лере. – Хотя вы друг друга стоите.

– Скажите, – спросила Лера, – а пиджак мой – тот, в пятнах... Вы не знаете случайно, можно его еще найти?

– Да чего его искать? – пожал плечами Валерий Андреевич. – Я его в машину бросил, не пропадать же добро. Так и думал, что вы про него

обязательно вспомните, хоть и героическая вы женщина.

Лера рассмеялась, глядя в его невозмутимое лицо, и Митя засмеялся вместе с нею.

FB2 document info

Document ID: bd736e3c-9eac-4877-8d58-a8f5e5306bae

Document version: 2.01

Document creation date: 10 January 2008

Created using: FB Writer v2.2 software

OCR Source: Текст предоставлен издательством «ЭКСМО»

Document authors :

- MСat78 (MСat78)

Source URLs :

- <http://www.litres.ru>

Document history:

v 2.0 – создание fb2-документа из издательского текста – (MСat78)

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon